

Камский Торговый Путь

Белавин А.М.

*Моему отцу, Михаилу Васильевичу,
так ждавшему эту книгу.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Средневековая история Восточной Европы и Западной Азии немыслима без народов Предуралья, активно участвовавших в торговле, политике, других областях жизни Евразии. В это время у населения Предуралья складываются основы экономики феодального типа, имеют место процессы формирования предгосударственных отношений, формируется в целом этнический облик территории. В этот период интенсивно развиваются скотоводство и пашенное земледелие, своих высот достигает целый ряд ремесел. Всем этим процессам безусловно способствовали и широкие этнические, культурные и экономические контакты народов Предуралья со своим ближним и дальним окружением.

Археология Предуралья в конце XX столетия имеет широкие источники, постоянно вводит в научный оборот все новые и новые данные и переходит к широким обобщениям накопленного за предыдущие 100-150 лет своего развития материала. Данная работа является своеобразным подведением итогов изучения проблемы места и роли средневекового населения Предуралья в структуре связей народов Евразии. Конечно, нельзя рассматривать эту книгу как окончательное обобщение, но, до известной степени, это итог исследования данной темы в археологии региона II тысячелетия н.э.

Автор, являющийся одним из руководителей и участников раскопок крупных памятников Предуралья эпохи средневековья: Рождественское, Городищенское, Купросское, Кыласово, Лаврятское городища; Володин Камень, Чашкинское II, Телячий Брод - селища; Рождественский, Огурдинский, Редикарский, Пылаевский и другие могильники, испытывает чувство признательности студентам, учащимся, преподавателям школ и вузов, работникам музеев г.Перми, Березники, Соликамск и другим участникам и сотрудникам археологических экспедиций. Во многом благодаря их нелегкому труду были получены материалы для этой работы. Чувство признательности испытывает автор к В.А. Оборину и к А.Х. Халикову, считая их своими учителями.

Автор выражает благодарность коллегам Е.П. Казакову, В.А. Иванову, Н.В. Федоровой, А.Ф. Мельничуку, Н.Б. Крыласовой, А.Г. Иванову, Е.А. Рябинину, так или иначе обсуждавшим с автором затронутую в книге проблематику, за их ценные замечания и пожелания. Глубоко признателен автор лауреату Государственной премии СССР М.В. Белавину за активную помощь в освоении компьютерной техники и Н.Б. Крыласовой, проиллюстрировавшей эту книгу. Без их помощи было бы сложнее подготовить работу к изданию.

ВВЕДЕНИЕ

"Ой ты, Кама, Камушка, ты родная наша матушка, до чего же ты - богатая река!" - так поется в старинной народной песне. В этих словах проявляется любовь и уважение к великой реке Предуралья - кормилице и поилнице многих поколений русских, татар, башкир, коми-пермяков, удмуртов и иных "двунадесят" народов, населяющих ее берега в наше время или живших здесь в глубокой древности.

У реки богатая история. Кама около миллиона лет, она и по сию пору считается одной из самых мощных рек Восточной Европы. По справедливому замечанию гидрогеолога Г.Ф. Мирчинка, "Исторически, в геологическом смысле этого слова, правильнее было бы считать Волгу притоком Камы". Еще около тысячи лет назад именно так и считали арабские географы. Действительно, сотни тысяч лет назад именно Кама была основной рекой Северо-Восточной Европы, текущей самостоятельно в Каспий. Современная Волга ниже камского устья является геологическим продолжением Камы. И лишь народная традиция не позволяет именовать эту реку так, как это было бы справедливо.

Современное русло Камы сформировалось в период оледенения и постледниковья - около 50-20 тыс. лет назад, тогда же произошло формирование Волжской речной системы, основной составляющей которой стали две реки - Волга и Кама.

Кама издавна привлекала к себе внимание человека. О ней сложено множество легенд и преданий, звали ее "соперницей Волги", "ласковой кормилицей" и "грозной стражницей". В путеводителях XIX в. Каму именуют "рекой былых легенд".

Уже с каменного века Камская система, в которую помимо Камы входят более 1,5 тысяч ее притоков и различные по своим размерам и происхождению озера, притягивала к себе людей.

Если анализировать карту размещения поселений того времени, то можно заметить,

что стоянки располагаются на обоих берегах Камы и на многих ее притоках и озерах. Древнейшим поселением людей не только в Камском бассейне, но и вообще на Урале является стоянка в гроте Большой Глухой, расположенном в 18 км от г. Чусового Пермской области на правом берегу р. Чусовой (Памятники истории и культуры..., № 1348). VI слой этого поселения Б.И. Гуслицером и П.Ю. Павловым датируются эпохой среднего плейстоцена, Лихвинским межледниковьем, т.е. около 250-300 тыс. лет (Гуслицер, Павлов, 1987). Здесь помимо осколков кварцита, отщепов, чопперов найдено много костей северного оленя, тигрольва, пещерного медведя. Особый интерес представляет находка берцовой кости неандертальца - древнейшие человеческие останки с территории Камского бассейна. К периоду среднего плейстоцена относятся ряд местонахождений костей ископаемых животных со следами огня и орудий труда архаичного облика на Верхней Каме, Сылве и Чусовой: Ельники, Сосновское, Слудка, Борисово, Ганичата (Павлов, Денисов, Мельничук, 1995); а также местонахождения на Нижней Каме на территории Башкортостана: Старотукмаклинское и Мысовое (Археологические памятники..., с.9). Широкую известность имеет стоянка позднемустерского времени Пещерный Лог на р. Чусовой, изученная О.Н. Бадером.

К более позднему периоду палеолита в Камском бассейне относятся уже более 100 стоянок и местонахождений по берегам Камы, Чусовой, Сылвы, Белой и на различных озерах бассейна на территории Татарстана, Башкортостана, Удмуртии, Пермской области. К числу наиболее известных следует отнести стоянку им. М.В. Талицкого на Чусовой в Пермской области и Каповую пещеру (Шульган-Таш) на р. Белой в Бурзянском районе Башкортостана. Последняя до недавнего времени считалась единственным памятником с пещерной живописью позднеледникового времени на Востоке Европы (Палеолит СССР, 1984, с. 186). Верхний палеолит стал периодом повторного заселения Прикамья, после оледенения. Именно тогда на берегах Камы появился человек современного физического вида.

В период среднего каменного века население Камского бассейна значительно увеличивается. В этот период завершается формирование современных ландшафтов и климатических зон Прикамья. Мамонов фауна периода позднего палеолита уступила место лосям, косякам, кабанам, зайцам, увеличились популяции утиных и тетеревиных. На берегах реки и ее притоков расселяются

племени охотников, на смену коллективной загонной охоте на крупного зверя приходит индивидуальная охота на более мелких животных. Впервые жители Прикамья стали ценить друг в друге индивидуальные качества личности, а не навыки групповых действий. К населению, осевшему на Каме еще в период палеолита, в мезолите приходят переселенцы из Поволжья, Сибири, Прикаспия.

На Верхней Каме формируется система племенных охотничьих территорий, у здешнего населения вырабатываются своеобразные охотничьи приемы (например охота по особой тропе - "путыку"), которые и сейчас еще используются промысловиками коми (Страницы истории..., с.24). На Нижней Каме к концу мезолита наметился переход к озерному рыболовству, положившему начало оседлости (Археологические памятники..., с. 11).

В период неолита, завершившего собой каменный век, Прикамье становится одним из густонаселенных мест Восточной Европы. Здесь складывается волго-камская археологическая неолитическая культура, имеющая несколько территориальных подразделений. Одним из наиболее северных памятников неолита в Прикамье является жертвенное место - Писанный Камень в среднем течении р. Вишера в Пермской области. Его скалы покрыты рисунками, нанесенными рукой первобытного человека с помощью охры. Они изображают фигуры животных и человека, сцены охоты и охотничьей магии, рыбной ловли с помощью ловушек-заколов и даже карту территории племени, обитавшего в этом районе. Раскопки у подножья скалы и обследование самих скальных стен, проведенные А.Ф. Мельничуком, дали находки обломков глиняной посуды, кремневых орудий, костяных наконечников стрел разных эпох - от неолита и, возможно, мезолита до периода позднего средневековья и нового времени.

Население Предуралья этого времени ведет охотничье-рыболовное хозяйство. Впервые осваиваются не только средние, но и малые притоки рек, боровые озера. Заселяется территории по всему течению Камы. Жители Предуралья осваивают новую технику обработки камня - пиление, полирование, сверление. Широко распространяется глиняная посуда в виде крупных сосудов полусферической формы. Сосуды украшались оттисками гребенчатого штампа, отступающей лопаточки. Керамика и нить, из которой плелись сети, стали первыми искусственными материалами, освоенными

человеком.

Неолитические племена Прикамья составили основу для возникновения финно-угорской (уральской) языковой общности (Лыткин, 1953, с.50-57). Отсюда камские протофинно-угры осваивают бассейн Верхней Волги, которая, по меткому выражению П.Н. Третьякова, превратилась в "водную дорожку для камских племен, по которой они двигались на северо-запад, основывая вдоль этого пути свои поселения" (Третьяков, 1966, с.53).

В период ранних металлов Предуралье становится районом, через который на запад прошли волны переселенцев, часть которых исследователи связывают с древними ариями. Особую роль в истории Предуралья в целом сыграло появление на Каме во II тыс. до н.э. так называемых турбинско-сейминских племен. Именно они стали первыми металлургами и коневодами Верхнего Прикамья. Широко известны такие могильники, оставленные турбинскими племенами, как Турбинский, Гайвинский, Заосиновский, расположенные в окрестностях современного города Пермь и на его территории. Территория, маркируемая находками вещей турбинского типа, турбинскими погребениями и поселениями, очень широка - от поселения Самусь IV на р. Томь в Сибири до Сейминского могильника на Оке. По меньшей мере это свидетельствует о существовании обмена металлом на значительном пространстве Восточной Европы и Северной Азии, одним из стержней которого была Кама.

На Средней и Нижней Каме в эпоху ранних металлов развиваются абашевская археологическая культура. По мнению ряда исследователей, культуры эпохи ранней бронзы Волго-Камья составили волосовско-гаринскую общность носителей древнего финно-пермского языка. В период поздней бронзы на Нижней Каме функционирует луговская культура, на Средней Каме - курмантау и ерзовская культуры, в Верхнем Прикамье складывается гаринская и ерзовская культуры. В конце II тыс. до н.э. на берега Верхней Камы и ее притоков проникают племена протоугорской лебязской археологической культуры, чьи основные памятники находятся на территории Северного Предуралья (республика Коми). Этническая принадлежность большинства указанных культур поздней бронзы определяется обычно как финно-угорская (уральская) или даже как прапермская. Однако можно считать, что роль протоугорских племен (таких как лебязцы) значительно пре-

уменьшена исследователями и Верхнее Прикамье, возможно, являлось центром формирования угорской части уральских племен.

В I тыс. до н.э. Предуралье становилось основным районом размещения племен, составивших ананьинскую культурную общность. Её северная граница доходит до территории республики Коми. Многие специалисты признают ананьинскую общность союзом неразделенных еще по языку и материальной культуре древних пермян. Однако некоторые исследователи высказывают сомнение в этническом и хозяйственном единстве ананьинской общности (Марков, 1994). Возможно, что ананьинская общность была основана не на этническом и языковом единстве, а на экономической базе. Международная торговля со странами Востока и скифским миром составила тот "цемент", который склеил разные по языку и хозяйственно-культурному типу этносы в единую территориально-экономическую общность. Именно тогда - в начале эпохи железа - Предуралье превратилось во всемирно известного поставщика "мягкого золота" - бесценной уральской пушнины. Использование пушнины в жарком климате стран Востока было оправдано чисто гигиеническими соображениями. Арабы раннего средневековья поясняли тягу правителей южных стран к ношению мехов тем, что в шерсти северных зверей не заводятся вши и иные паразиты, поэтому, если ворот одежды отделан пушниной, то паразиты не проникают в прическу и не доставляют неприятностей владельцу этой одежды.

Территория Предуралья в период раннего железа естественным образом разделилась на несколько хозяйственно-культурных зон. Нижняя Кама с ее степными и лесостепными ландшафтами составляла огромное естественное пастбище для больших табунов лошадей. На Средней Каме (Удмуртское Предуралье) в южно-таежной зоне процветала охота, добыча и обработка меди и железа. Наличие здесь широких пойм с обильным травостоем вплоть до XX столетия обусловило развитие скотоводства. Верхнее Прикамье (Пермское Предуралье) было главным поставщиком пушнины в этом экономическом союзе. Свидетельствами дальних торговых связей населения Верхнего Прикамья эпохи раннего железа являются находки стеклянных бус египетского и вавилонского производства, фигурки жуков-скарабеев, бога Аммона. Посредниками в этой торговле были скифы и сарматы. Предметы скифо-сарматского типа также широко

встречены на различных памятниках железного века на берегах Верхней Камы, именно их наличие на огромной территории привело в свое время исследователей к мысли о единстве племен ананьинской общности. Распад ананьинской общности к IV в. до н.э. вызвал крушение отлаженного механизма торговых связей, и возникшие на базе разрушенного экономического единства локальные археологические культуры почти не сохранили торговые связи ананьинцев.

Начало эпохи средневековья в Предуралье совпало с крупными подвижками этносов, появлением здесь новых групп населения, пришедших сюда из-за Урала и Поднепровья. На основе этих групп сформировалась так называемая именковская археологическая культура, этнос которой разные исследователи определяют либо как протобалтский, либо как праславянский. В Среднее Предуралье приходят угорские группы из-за Урала, на основе которых, вероятно, формируются древнемадьярские племена Magna Hungary, караякуповская и кушнаренковская археологические культуры. На территории Пермского Предуралья в IV в. появились племена, оставившие после себя курганные могильники так называемого харинского типа, имеющие в своей материальной культуре и погребальной обрядности черты, характерные для угров Зауралья и Среднего Урала. Этническая принадлежность сформировавшихся на базе харинских племен и гляденовского (постананьинского) населения ломоватовской и неволдинской культур так и остается не определенной, однако большинство исследователей признают, в той или иной степени, наличие в их населении угорских племен.

Становление раннесредневековых обществ Прикамья шло на фоне сложного историко-культурного процесса, получившего в литературе условное название Великое переселение народов (ВПН). В период ВПН стали восстанавливаться торговые связи жителей Прикамья, разрушенные при распаде ананьинской общности. Появившиеся в результате ВПН новые этнокультурные элементы населения принесли с собой свои представления о хозяйстве, моде, свои идеологические представления и свои традиционные экономические связи. Можно сказать, что с VII в. н.э. Предуралье вновь вернуло себе статус международного поставщика мехов. В Предуралье мощным потоком хлынуло среднеазиатское и иранское серебро, арабские и византийские монеты, дорогие восточные (в том числе китайские) ткани. Огромное значение для развития экономи-

ческих и этнокультурных связей Предуралья имело появление на Нижней Каме болгар и возникновение здесь к X столетию одного из наиболее экономически развитых государств раннесредневековой Европы - Волжской Болгарии.

Волжская Болгария, по меткому выражению академика В.Л. Янина, превратилась в восточные торговые ворота Европы. Именно через неё в Европу поступала основная часть товаров Востока. Имея устойчивые культурные и политические связи с Арабским халифатом, Болгария была своеобразным центром арабской торговли в Восточной Европе. Многочисленные колонии арабских купцов на Волге были источниками географической, экономической и культурной информации о странах Севера, 7-го климата по арабской географической средневековой классификации.

Причины активных торговых связей Болгарии и Предуралья требуют специального пояснения. Однако даже при поверхностном знакомстве с археологическими и фольклорными источниками Предуралья становится ясным, что к Предуралью болгар влек не только экономический, но и военно-политический интерес. Вероятно, к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки, где уже в XI-XII вв. возникает русская Вятская земля) становится частью территории Волжской Болгарии, ее своеобразной финно-угорской периферией. Здесь возникают болгарские торговые фактории, подобные той, что, видимо, была на Городищенском городище на р. Усолка, а также возникают и функционируют вплоть до XIV в. болгарские городки Афкуль, Ыбыр и Чулыман. Расширяется и список продуктов обмена, из Прикамья в Болгарию и далее на Восток и Запад шли не только меха, но и слитки меди и бронзы, отборное зерно и продукт огромной ценности для раннего средневековья - соль. Кама служила основной транспортной артерией для связи центральных районов Болгарии с ее северными областями. Уже к концу XII столетия Камский торговый путь становится камнем преткновения в отношениях между Северо-Восточной Русью и Волжской Болгарией. Русь все ближе подступала к истокам Камы. В 1212 г. была построена русская крепость в устье р. Юг. Дважды, в 1218 и 1219 г. болгарские войска ходили на нее походами, вызвав в 1220 г. ответный поход владими́ро-суздальских дружин. При этом один из полков вышел из "Юстьюга на верх Камы" и спустился до болгарского города

Джукетау (Жукотина). Это был единственный за многие годы документально зафиксированный выход русских на территорию Верхнего и Среднего Прикамья.

Такая ситуация сохранялась и после монгольского нашествия. Возможно, что монголы, многократно воевавшие с болгарами, заделали своими походами и территорию Предуралья. Наиболее вероятным временем для появления монгольских отрядов в Прикамье были 1237-1239 г., когда татаро-монголы подавляли восстание князей Жукотинских. Основные центры Жукотинского княжества находились, как известно, на Каме. Вполне логично, что монголы, пройдя "огнем и мечом" по Нижней Каме, "утрудили себя" и походами вверх по ее течению, как об этом сообщает М.Поло. Доказательством этому служат многочисленные находки монгольских наконечников стрел в валах и на площадках сгоревших чепецких и родановских городищ, а также фольклор, рассказывающий о приходе снизу по Каме черноволосых смуглолицых воинов, разорявших камские "городки".

Однако вскоре после "монгольского разорения" Пермское Предуралье, где в XII-XIII вв. стали преобладать финно-язычные предки современных коми-пермяков, восстанавливает свое положение на рынке международной торговли мехами. Так "купцы чужьманские", т.е. камские, в XII-XIV вв. ведут активную торговлю не только с Поволжьем, но и со "Странами Севера", Зауральем, Русью.

Предуралье оказывается в торгово-политической орбите Золотой Орды, а позже и Казанского ханства. Интересно, что, по наблюдениям И.Ю. Пастушенко, в XIV в. на территории Среднего Прикамья в бассейне левого притока Камы - р. Сылва формируется малочисленная группа русского населения - вероятно, беглецы из Орды. Какой-либо значительной роли в освоении Присы́лвенского края эта группа населения не сыграла, и судьба его мало исследована. Лишь с конца XIV в., после ослабления из-за внутренних разладов влияния Орды, стало возможным относительно безопасное проникновение в Верхнее Прикамье русско-го населения со стороны уже освоенного ими бассейна Вычегды - "Старой Перми". Первоначально русские поселения в Верхнем Прикамье носили земледельческий характер. Однако уже к середине XV столетия на Верхней Каме, в бассейне ее северного левобережного притока Вишеры, возникает достаточно-крупный городской центр Чердынь, носивший второе имя "Пермь Вели-

кая". Первые русские поселения имели смешанный, в этническом отношении, состав населения. В них вместе жили предки коми-пермяков и коми-зырян, русские, татары. К XV столетию Русь стала основным торговым партнером Предуралья. Причем влияние русской культурной традиции становится столь сильным, что уже в XIV в. значительно сокращается местное традиционное бронзолитейное дело и черная металлургия, традиционные прикамские украшения, носившие, скорее, угорский, нежели финский, характер, заменяются предметами новгородского и, позже, московского производства, а железные орудия труда стали изготавливаться по русским образцам.

Вместе с русскими пришло и новое название Верхнего Прикамья - Пермь, Перма, Пермь. Это название было воспринято и коренными жителями, ставшими именовать самих себя "пермяками, пермяками". Русское население дифференцировало себя от коренного населения, именуясь "русаками". Лишь в конце XVIII столетия, после губернской реформы Екатерины Великой, все население Верхнего Прикамья стало именовать себя пермяками.

Название "Пермь" заменило собой известные местные этнонимы, воспринимавшиеся с подачи болгар и арабских географов и как название территории - "Вису, Ису, Чулман, Гамаль". Пермская земля уже со второй половины XV столетия стала играть все возрастающую роль в поставках внутри России и за ее пределами такого ценнейшего продукта, как соль.

Свою роль Камский торговый путь сыграл и в присоединении, и освоении огромных пространств Сибири. Именно с Камы и Чусовой начал свой поход в Сибирь отряд Ермака. А Чердын и Соликамские многие десятилетия были главными городами европейской части России в осуществлении экономических связей с ее азиатской частью. Сначала в Чердыни, а позже в Соликамске и Кунгуре начиналась официальная "государева" дорога в Сибирь. Чердынские и соликамские плотники принимали активное участие в строительстве Тобольска, Тюмени, Верхотурья и Лозьвы - первых русских городов в Сибири. Со второй половины XVI в. Камский торговый путь стал использоваться как основная дорога, по которой происходило переселение на Урал русских крестьян из центральных областей России. Вместе с русскими на Урал, в Верхнее и Среднее Прикамье шли марийцы, чуваш, татары и другие народы Поволжья. Тогда, во второй половине XVI - XVII вв., сформиро-

валась современная карта расселения финно-угорского и тюркского населения Прикамья.

Соль в XVI-XVII вв. стала основным пермским товаром, потеснив даже меха, качество которых из-за массовой добычи зверя стало ухудшаться. Мануфактурное солеварение в XVII в. и сменившая его в XVIII в. цветная металлургия стали основой для экономического подъема Пермских земель, составили основу их благосостояния. С XVII столетия экономическое значение Камского торгового пути резко возрастает. По Каме пошли караваны с продукцией мануфактур Пермского края.

Крупнейшая крестьянская война в истории России - война под руководством Емельяна Пугачева - ярким пламенем разгорелась на берегах Камы.

В XVIII в. родилась идея - соединить верховья Камы с бассейном Северной Двины через систему каналов, однако эта идея так и осталась не реализованной, был вырыт лишь один канал, получивший имя Екатерины. Ведомые лишь туристам-водникам остатки Екатерининского канала сегодня медленно зарастают северной уральской тайгой, но тогда, в XVIII и XIX в., каналом активно пользовались чердынские купцы, возившие в Петербург свежую вишерскую рыбу - тайменя и хариуса. В 1780-1781 г. на левом берегу Камы, ниже устья р. Егошихи, строится город Пермь - центр первой уральской губернии, постепенно превратившийся в крупный экономический и культурный центр Западного Урала. Через шестьдесят лет здесь на берегах Камы, в окрестностях Перми, английский геолог Мурчисон открыл и впервые описал Пермскую геологическую систему.

В середине XIX в. (1846 г.) задымили на Каме первые пароходы. Камский торговый путь стал приобретать современные черты. И по сию пору Камы и ее крупнейшие притоки: Вишеря, Чусовая, Вятка, Бelaya - остаются важными судоходными артериями России. Не утратил своего значения этот великий водный путь, самый восточный в Европейской России, и в наши дни. А железные дороги, пересекающие Каму и ее притоки, дополнили и развили инфраструктуру Камского пути.

По-прежнему великая река Кама дает работу многим тысячам людей, занятых в обслуживании судового хода. Идут по Каме караваны с калийной солью, лесом, бумагой. Своей водой поит эта река крупные промышленные города. Велико терпение природы: Кама, испорченная водохранили-

щами и перегороженная плотинами ГЭС, отравленная промышленными стоками, тем не менее богата рыбой, продолжает быть регулятором климата Предуралья, вдохновляет поэтов, художников и влюбленных на всем протяжении своего почти двухтысячекилометрового пути.

* * *

Культурно-историческое контактирование (взаимодействие) относится к историческим явлениям универсального характера, пронизывающим в той или иной степени все сферы жизнедеятельности общества на разных хронологических этапах. Межэтнические, культурные и экономические взаимоотношения как объективные факторы исторического процесса существенно влияют на пространственное распространение культурных и технических достижений, на ускорение социально-экономического развития общества, в определенной степени являясь катализатором этнических и социально-экономических процессов. Проблемы этнокультурного и экономического взаимодействия неизбежно затрагиваются при решении вопросов этногенеза, культурогенеза, экономической и социально-политической истории. В то же время этнокультурные и экономические связи (контакты, взаимодействие и т.п.) могут являться предметом специального изучения с соответствующей процедурой и методами исследования.

В литературе, посвященной таким проблемам, рассматриваемые связи чаще всего определяются через понятия "экономические", "торговые", "этнические", "этнокультурные", "культурно-исторические" и т.п. В то же время за пределами экономических контактов остаются различные формы межэтнического и культурного контактирования, например, на уровне физического смешения этносов, идеологического и религиозного воздействия и т.п. С другой стороны, термин "этнокультурный контакт" связан в первую очередь с процессами этногенеза и культурогенеза и не распространяется на многие явления экономической сферы. Учитывая сказанное, объединение понятий "этнокультурный" и "экономический" в отношении механизма взаимодействия как предмета настоящего исследования, по нашему мнению, наиболее полно отражает весь комплекс внешних связей конкретного регионального социокультурного организма. Через изучение этнокультурных и экономических контактов

конкретного древнего сообщества полнее является его собственная история в контексте включения данного этнотерриториального организма во всемирно-исторический процесс.

Очевидно, что изучать подобные явления в полной мере возможно лишь на широком фоне, что позволяет установить общие тенденции и одновременно вычленить локальные особенности экономического и этнокультурного развития.

Период второй половины I - первой половины II тыс.н.э. является ключевым в плане сложения современных финно-угорских и тюркских народов Предуралья. Следствие малочисленности письменных источников работа, посвященная проблеме этнокультурных и экономических связей средневекового населения Предуралья, как особого этнокультурного региона, основывается главным образом на археологических материалах. Поэтому поставленные задачи решались в рамках тех возможностей, которые представляет данная категория исторических источников. По мере необходимости привлекались сведения письменных, чаще всего восточных, источников, данные фольклора и этнографии, в той или иной степени дополняющие археологические источники и позволяющие расширить сформировавшиеся представления о ряде явлений. Таким образом осуществлялся комплексный подход к решению проблемы и создавалась относительно непротиворечивая модель исторического процесса.

В качестве археологических источников привлекались в первую очередь данные раскопок (опубликованные и не опубликованные) средневековых археологических памятников региона, в том числе (и в первую очередь) результаты раскопок памятников Пермского Предуралья, предпринимаемых в 1980-90-х г. автором работы и другими сотрудниками Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета (Г.Т. Ленц, Н.Б. Крыласова, А.В. Голдобин, А.А. Терехин, И.В. Бочаров, Е.О. Бочарова, А.В. Данич), специализирующейся в основном на раскопках разрушающихся средневековых памятников Пермской области.

Основная задача работы - раскрытие содержания конкретных направлений этнокультурных и экономических внешних контактов населения средневекового Предуралья. Данная задача имеет множество проблем. Многие из них - предмет более узкого специального исследования. Данная

монография может рассматриваться как основа для дальнейших разработок конкретных и зачастую очень важных и объемных исследовательских тем. Достаточно указать, например, такую тему, как изучение культурно-экономического и этнического взаимодействия древних народов Предуралья между собой в эпоху средневековья.

Хронологические рамки работы - VI-VII - XIV-XV вв. Нижняя граница определена временем сложения в Предуралье этнокультурных образований (поломско-чепецкой, ломоватово-родановской, ванвиздинской и вымской археологических культур), ставших впоследствии в определенной степени основой для ряда современных финно-угорских народов региона. Верхняя граница определена временем начала активного проникновения в Предуралье русского населения и хозяйственно-экономического освоения русскими данной территории. В XV столетии большая часть региона была интегрирована в состав формирующегося русского централизованного государства, став его неотъемлемой частью. Именно будучи в составе России завершили свой этногенез коренные неславянские народы края. Общая характеристика указанных археологических культур представлена в многочисленных работах А.П. Смирнова, М.В. Талицкого, В.А. Оборина, Р.Д. Голдиной, Э.А. Савельевой, Е.П. Казакова, М.Г. Ивановой, А.М. Белавина и других авторов (см. список литературы), поэтому останавливаться на их характеристике в данном исследовании нет смысла. Однако следует пояснить, что многие вопросы средневековой истории Предуралья до сих пор не имеют четкого и однозначного решения. Не бесспорны вопросы хронологии, этнической принадлежности, хозяйственного развития ряда археологических культур. Так, неясен вопрос об этнической принадлежности ванвиздинской, ломоватовской и поломской культур, неоднозначно решается разными исследователями вопрос о преемственности ванвиздинской и вымской культур, не до конца ясна периодизация ломоватовской и родановской культур и т.д. В задачу данной работы не входит выяснение большей части этих проблем. Автор, связанный в своих выводах с выбором определенных позиций, лишь может пояснить, что он придерживается точки зрения на хронологию, периодизацию и этническую историю археологических культур Предуралья, во многом совпадающей с точкой зрения Е.П. Казакова, И.В. Бочарова, Н.Б. Крыласовой и ряда других исследователей, трактующих

ряд раннесредневековых культур Предуралья как угорские, или преимущественно угорские. Впрочем, позиции автора ясны из последующего текста работы и ряда его предыдущих исследований.

* * *

Природно-географические условия являются важным фактором развития экономических отношений. На характер и интенсивность внешних контактов социума и на степень его интегрированности в окружающую общественную систему существенно влияет наличие естественно-природных ресурсов и удобных условий для подобного контактирования (развитость речной системы, возможности более или менее свободного сообщения, отсутствие природных преград и т.д.). Основные природно-географические характеристики района в рассматриваемый период были, по-видимому, в целом близки сегодняшним.

Предуралье - обширный район, являющийся восточной окраиной Европы, преддверием Азии, западной окраиной Уральского географического региона. В целом территория Предуралья может быть разделена на Северное, Среднее (Удмуртское и Пермское) и Южное Предуралье. Территория Предуралья, с геологической точки зрения, сложена преимущественно осадочными породами, магматические породы развиты только на крайнем востоке этой территории, непосредственно примыкающей к Уральским горам. По условиям залегания докайнозойских пород Предуралье подразделяется с запада на восток на платформенную часть, Предуральский краевой прогиб и, частично, складчатый Урал. В составе Кунгурского яруса Предуральского краевого прогиба имеются мощные залежи каменной соли и соленосных глин. Краевой прогиб характеризуется рядом впадин, наиболее мощной из которых является Уфимо-Соликамская, начинающаяся на юге, у хребта Кара-Тау и достигающая 50-100 км в ширину; на севере крупной впадиной является Печорская. Обе эти впадины почти смыкаются в районе современных Красновшерка и Соликамска. С Печорской впадиной и северным окончанием Уфимо-Соликамской впадины связаны выходы мощных соляных источников. Со складчатым Уралом связаны несколько кряжей и плато, выходящих на Предуральскую равнину.

Рельеф Предуралья весьма разнообразен. Часть Предуралья занята восточной

окраиной Русской равнины, в пределах региона разделяющейся на несколько геоморфологических районов. Северные части региона заняты Северными Увалами, заходящими сюда своими восточными частями; они располагаются в основном на территории современной республики Коми и в северной части Коми-Пермяцкого округа. Средние высоты этой территории составляют 220-250 м. Эти увалы - важная географическая граница, по ним проходит водораздел между бассейнами Северного Ледовитого океана и Каспийского моря. Во многих местах увалы разбояются широкими понижениями, образующими естественные пути для перемещения между Северным и Пермским Предуральем, а также являющимися руслом для широких речных долин. Часть увалов, несмотря на общий возвышенный характер, довольно сильно заболочена, что служит определенным препятствием для широкого хозяйственного освоения их людьми.

Южнее увалов находится Верхне-Камская возвышенность, расположенная в Удмуртии, Кировской и Пермской областях. Рельеф возвышенности характеризуется слабой всхолмленностью водоразделов и довольно значительной изрезанностью участков, прилегающих к долинам многих рек бассейнов Верхней и Средней Камы и Вятки. Ряд водоразделов имеет вытянутую форму и именуется грядами, или увалами. Так, в северной части района располагаются Пермско-Вятские увалы. На возвышенности сохранились следы максимального четвертичного оледенения.

От Обвы до Чепцы вдоль правого берега Камы протянулась Оханская возвышенность, многие участки которой отличаются развитой речной и овражистой сетью, что придает возвышенности сильно пересеченный вид. В междуречье Камы, Сылвы и Ирены раскинулась Тулвинская возвышенность, в центральной части имеющая вершины до 450-452 м. Эта возвышенность почти не имеет болот, а её западный край полого спускается к левому берегу Камы. Еще южнее располагается Буйская волнистая равнина с хорошо разработанными речными равнинами. Особый геоморфологический район представляет собой долина реки Камы от устья Чусовой до устья Белой. Ширина её достигает 20-25 км. В ней прекрасно представлены поймы и серия аллювиальных террас, в древности служивших участками для активной хозяйственной деятельности человека (в наше время они подтоплены Воткинским и

Нижнекамским водохранилищами).

В восточной части Предуралья у подножья уступа увалистой полосы западного склона Уральских гор расположена Предуральская возвышенная всхолмленная равнина с плавными контурами рельефа и развитыми карстовыми образованиями. Крупной геоморфологической частью Предуралья является Уфимское плато, представляющее собой наиболее приподнятую часть Южного и Среднего Предуралья, затрагивающее республику Башкирию, части Пермской и Свердловской областей. Северная часть плато, ориентированная вдоль долины Сылвы, именуется Сылвенским кряжем.

По климатическому районированию Б.П. Алисова, Предуралье относится в основном, к зоне умеренных широт, входя в состав Атлантической континентальной области, где атлантический воздух превращается в континентальный (Алисов, 1936). Для этого региона типичны умеренное, относительно не продолжительное лето и холодная зима, длящаяся около 5-6 месяцев. С агроклиматической точки зрения весь регион относится к холодно-умеренному подполюсу, характеризующемуся ранними и среднеранними культурами.

Реки Северного Предуралья принадлежат бассейнам Северной Двины и Печоры. Основной рекой здесь является Вычегда. Пермское, Удмуртское и Южное Предуралье имеют разветвленную гидросеть Камского бассейна. Расположение гидрографической сети определяется рельефом местности, в частности, наличием Уральских гор на востоке, Верхнекамской возвышенности на западе, Северных Увалов на севере и северо-западе, Уфимского плато на юго-востоке региона. Ряд рек имеют бурное течение и по своему характеру могут быть отнесены к горным, однако большая часть рек региона, особенно реки Камского правобережья, имеют спокойный равнинный характер, с развитыми поймами, изобилующими озерами, заболоченными участками, использующимися как сенокосные и выпасные угодья. С конца октября-начала ноября и до конца апреля большая часть малых и средних рек Предуралья покрыта льдом. Озера замерзают раньше, а вскрываются позднее. Средняя толщина льда на реках составляет 70 см, что удовлетворяет транспортным (по льду) потребностям даже для современной техники. Почвы региона представлены в основном подзолисто-таежными и дерново-подзолистыми почвами смешанных

лесов, в Кунгурской лесостепи имеются участки оподзоленных черноземов, богатых гумусом, с высоким естественным плодородием. Долины Камы, Белой и Вятки имеют пойменные почвы. В целом регион относится к южной подзоне тайги, зоне смешанных лесов и частично зоне лесостепей. Фауна смешанная: лоси, на севере региона в ягельниках - северные олени, на востоке - сибирская косуля; хищники представлены бурым медведем, волком, лисицей, различными куницами (лесная куница, крупный уральский соболь, горностай и пр.), по берегам рек - ценный пушной зверь выдра; в лесных массивах - рысь и росомаха, белка, бурундук, заяц. Особенно много в древности было речного бобра - ряд рек Предуралья даже именуются "бобровыми" (например в Пермской области несколько рек с названием Кондос - от "кондыз" - бобр по татаро-башкирски). Множество птиц, в том числе перелетных. Реки в прошлом имели крупные промысловые запасы рыбы, в т.ч. в реках печорского бассейна - семга, а в реках камского бассейна - камский лосось и проходной каспийский осетр.

Данные природные условия послужили основой для возникновения комплексного хозяйства (преимущественно основанного на пашенном земледелии) у большинства средневековых этнических образований региона.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРЕДУРАЛЬЯ

1. Изучение проблем взаимодействия народов Предуралья с соседями в XVIII-первой четверти XXв.

Начало изучению проблемы связей народов Предуралья со своими соседями, в частности с Волжской Болгарией, было положено арабскими учеными - современниками болгаро-арабской торговли, которую они изучали не только по рассказам очевидцев, но и непосредственно находясь в Болгарии, а возможно, что некоторые из них побывали и в пределах Предуралья.

Вопросам развития связей и торговли в период средневековья уделялось и уделяется немало внимания со стороны археологов и историков. Не случайно, что тема взаимных связей Предуралья и соседних территорий не была обойдена археологами, историками и краеведами XIX-XXвв.

Первые известия о камских и чепецких городищах, находящихся рядом с населенными пунктами, содержатся уже в достаточно ранних, дошедших до нас, документах: Переписных книгах XVI и XVII в., Дозорных книгах XVII в. Начало изучению археологических средневековых памятников бассейна р.Камы было положено трудами капитана П.Н. Рычкова, описавшего некоторые археологические памятники Прикамья (Рычков, с.7 и далее), В.Н. Берха (Берх В.Н., 1821, с.94 и далее), а также другими путешественниками, побывавшими в Пермском крае. Глубокий интерес к изучению памятников эпохи средневековья в России во второй половине XIX в. (А.С. Уваров, И.Е. Забелин, В.И. Сизов, Д.Я. Самоквасов и другие) не мог не найти отражения в исследовании средневековых древностей Пре-

дуралья. Немаловажную роль при этом сыграла организация в 1859 г. Императорской Археологической Комиссии, которая не только координировала направления археологических изысканий в России и вела учет кладов и находок древних предметов, но и непосредственно помогала организации археологических работ на местах. Практически не проходило года, чтобы в Отчетах ИАК не сообщалось об очередных находках в Предуралье и бассейне р. Кама. Однако систематическое изучение средневековых древностей Предуралья началось только после возникновения Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878г.) и создания в Перми Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) в 1890г. под председательством известного краеведа, археолога и собирателя Н.Н. Новокрещенных. В Предуралье и в бассейне р. Кама развернулись работы по изучению и выявлению археологических памятников под руководством С.М. Шпилевского, А.Ф. Лихачева, Н.Ф. Высоцкого.

Когда было накоплено достаточно много средневековых прикамских материалов, то предметы, указывающие на возможность связей населения Предуралья с Болгарией и Русью, стали достаточно полно характеризовать эти взаимоотношения. Пожалуй, первым, кто обратил внимание на подобные находки, был С.В. Ешевский. В своей статье в первом выпуске Пермского сборника он пишет: "Многие вещи, находимые в Казанской губернии, особенно на Каме и ее притоках (разумеются вещи до русской эпохи), совершенно сходны с находками в Пермской губернии" (Ешевский С.В., 1859, с.135). Далее он отмечает, что в Прикамье найдено много вещей азиатского и восточного происхождения, имеющих аналогии в материалах Биляра. Этим Ешевский С.В. как бы подчеркивал участие племен Пермского Предуралья в восточной торговле, в том числе в торговле с Волжской Болгарией. В одной из других своих работ Ешевский, описывая большое число "серебряных и золотых ювелирных поделок", найденных на территории Пермской губернии (в том числе и предметы с наиболее крупных средневековых пермских городищ, например, клад с Рождественского городища на р. Обве), приводит рисунки этих предметов и делает вывод об их происхождении с территории Волжской Болгарии (Ешевский С.В., 1860, с.35-42).

Известный казанский археолог А.Ф. Лихачев также обратил внимание на рас-

пространение болгарских изделий на территории Предуралья. Так, характеризую торговлю и ремесла Болгарии, он писал, что с Урала в мастерские Волжской Болгарии поступало золото, горный хрусталь, лазурит, необходимые ремесленникам, а в свою очередь болгарские изделия из бронзы и драгоценных металлов встречаются в вятских

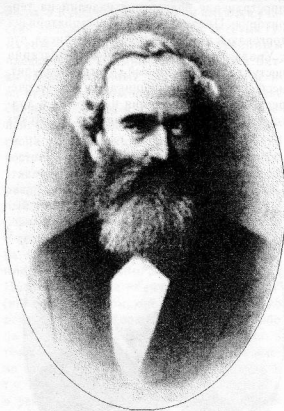
Ешевский Степан Васильевич

и пермских землях, где "их относят обычно к X-XI вв." (Лихачев А.Ф., 1876, с.5, 9-10, 36).

Утверждения, о том, что отдельные местности Пермского и Вятского края входили в состав Волжской Болгарии, содержатся также в выступлении С.М. Шпилевского на IV археологическом съезде (Шпилевский С.М., 1884, с.36).

Подлинное начало изучения памятников эпохи средневековья в Пермском Предуралье надо связывать с именами А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, которые в своих работах обобщили имеющиеся на тот период данные о памятниках средневековья Прикамья, наметили решение целого ряда вопросов, связанных с изучением Пермского средневековья: о земледелии, верованиях и древней идеологии, об этнической принадлежности, о торговле, культурных связях. Ими была составлена первая типология и периодизация камских древностей.

Особая работа Ф.А.Теплоухова посвящена выяснению торговых связей жителей

Теплоухов Александр Ефимович

средневекового Предуралья "Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути". В этой статье Теплоухов, описывая многочисленные ювелирные изделия X-XIV вв., указывает на возможное наличие устойчивой торговли с Востоком через болгарские города на протяжении многих веков (Теплоухов Ф.А., 1895, с.248-249). Описывая ювелирные изделия со вставками из стекла, камней, украшенные зернью, сканью, он отмечает, что ряд "ювелирных поделок, в особенности серебряные", с территории Прикамья, даже и Северного, можно отнести к болгарскому производству и датировать их "временем процветания на Волге арабско-болгарской торговли" (Теплоухов Ф.А., 1897, с.11). По мысли Теплоухова, земельные орудия пермяков X-XIV вв. и целый ряд других изделий были заимствованы жителями Предуралья у болгар (Теплоухов Ф.А., 1892).

Наследие Теплоуховых, отца и сына, велико. Ими была собрана большая коллекция древностей, ставшая на долгие годы основным археологическим собранием Предуралья. К ее материалам неоднократно обращались такие русские и российские археологи как, А.А. Спицын, А.В. Шмидт, А.П. Смирнов, В.А. Оборин, А.Х. Халиков и

другие. В рукописном архиве ИИМК РАН (далее РА ИИМК) хранится археологический дневник Теплоуховых, где помимо описания коллекции имеется ряд немаловажных полевых наблюдений, описаны различные археологические памятники, дана их оценка. Многие положения, высказанные в работах Ф.А. Теплоухова, в этом дневнике имеют более развернутые формулировки, нежели в его упомянутых публикациях, что делает дневник немаловажным источником. На страницах дневника описаны различные клады серебряных украшений восточного и болгарского производства, например, клад с Кырдымского городища (РуА ИИМК, ф.48, оп.1, д.1, с.209-210), находки болгарских замков, украшений, керамики, весов и т.д. Многие из описанных предметов к нашему времени не сохранились и не были опубликованы. Интересно сообщение Теплоухова, со слов И.Я.Кривошекова, о кирпичном укреплении (замке?) чудской эпохи на одном из притоков р.Лолог (Верхокамье), с сожалением, указанный памятник так никем и не обследовался (РуА ИИМК, ф.48, оп.1, д.2, с.528).

Не менее значим исследовательский вклад известного казанского коллекционера В.И. Заусайлова. Его коллекция, насчитывающая более 11 тысяч предметов, собранных с территории Южного Предуралья и Нижнего Прикамья, на многие годы стала основным собранием, характеризующим археологию указанных территорий. В 1909г. коллекция Заусайлова была куплена финским ученым А.М. Тальгреном и вывезена в Национальный музей Финляндии.

Интересующая нас проблематика нашла известное отражение и в работах таких крупных археологов, как Я.Р. Аспелин и А.А. Спицын. Аспелиным среди прочих материалов опубликовано несколько десятков болгарских изделий (ральники, подвески, сердоликовые бусы, серебряные бляшки), найденных в различных местностях Пермской губернии. Их наличие на территории Предуралья Аспелин связывает с развитием болгарской торговли.

Выдающаяся роль в изучении памятников Предуралья принадлежит А.А. Спицыну. Еще будучи студентом Петербургского университета, А.А. Спицын подготовил "Каталог древностей Вятского края", где собрал все имеющиеся в литературе сведения об археологических памятниках (Спицын, 1881). Работая позднее преподавателем в Вятской женской гимназии, он продолжает сбор сведений и материалов по археологии Вятского края, а также предпринял

непосредственные раскопки ряда памятников, в том числе и на Чепце. Итогом этих работ стало монографическое исследование по археологии Приуральского края (Спицын, 1893), где он попытался обрисовать Древнейшую историю народов Прикамья.

А.А. Спицын не раз предпринимал археологические экскурсии и поездки в Предуралье, в том числе осматривал и систематизировал коллекцию Теплоуховых и различные другие частные коллекции пермских, казанских и приуральских древностей в Перми, Казани, Вятке, Петербурге. Итогом этих поездок и осмотров коллекций стала публикация работы, посвященной периодизации древностей "Камской чуди", разработанной на основе собранной на Верхней Каме коллекции Теплоуховых (Спицын, 1902).

Обрабатывая материалы коллекции Теплоуховых, Спицын делает весьма ценное для последующих исследователей замечание: "...лучшими пособиями для определения состава древностей XIII-XIV вв. служит техника поделок и аналогии с вещами этого времени в Поволжье, особенно в Болгарах и Билярске" (Спицын А.А., 1902, с.42). По оценке Спицына, болгарской культуре принадлежит целый ряд находок из коллекции Теплоуховых: различные ювелирные поделки, земледельческие орудия (Спицын А.А., 1902, с.48), предметы вооружения, фрагменты гончарной посуды и другие изделия. Кроме того, Спицын отмечает, что в ювелирной технике прикамских украшений, особенно в позднее время (с XII в.), чувствуется большое влияние болгарского ювелирного дела, высказывал мысль, что верхнекамские и чепецкие "чудские" поселения VII-X вв. находились в сфере воздействия булгарской культуры, а "заселение верховьев Камы и Чепцы было делом болгарских торговцев" (Спицын, 1889, с. 18, 1893, с.65-66). В работе "Приуральский край" А.А.Спицын уделял некоторое внимание организации торгово-обменных отношений. Он считает, что восточные купцы - "персияне и арабы", а позднее болгары для закупки мехов и сбыта своих товаров основывали на Каме и Чепце свои торгово-меховые центры и фактории (Спицын, 1893, с.65-66). Характеризуя в целом чудские племена как "полужемледельческий, полузвероловческий народ, не сплоченный стройным политическим устройством, интересами торговли и промышленности", он отмечает, что пушнина была основным продуктом их товарообмена с южными племенами и странами.

В рукописи "Торговые и промышлен-

Спицын Александр Андреевич

ные центры Восточной Европы" Спицын пишет, что "болгары расплачивались за меха не только монетой, но, особенно в безмонетный период, товарами и изделиями мастеров: тканями, хлебом, предметами роскоши, м.б. и напитками..." (РуА ИИМК РАН, ф.5, д.71, л.2). В "Сводке сведений о древностях Пермской губернии", подготовленной к изданию около 1901г., А.А. Спицын отмечает, что к XII в. "становится заметнее примесь "татарских" вещей, особенно лунниц, серег, перстней, браслетов и бляшек от поясного набора из белой бронзы" (РуА ИИМК РАН, ф.5, д.175, л.27). Здесь же Спицын А.А. отмечает, что огромное количество привозных вещей попадает прежде всего на р. Иньву, большая их часть находится на городищах, которым он придает значение торговых пунктов. Следует заметить, что Спицын подчеркивал крайне малое количество древнерусских вещей в Приуралье (РуА ИИМК РАН, ф.5, д.175, л.77).

Кроме того, Спицын предполагает, что движение пермской чуди на север в период средневековья, вызывалось давлением со стороны болгар и нашествием последних на Прикамье, предлагал делить вещи, находимые на чудских городищах Предуралья на

художественные (болгарские) и более грубые местные подражания, выделял вещи свидетельствующие о связях населения Пермского края с соседними финно-угорскими областями (РуА ИИМК РАН, ф.5, д.362, л.35, 175). К болгаро-восточным изделиям им отнесены монеты, блюда, серебряные перстни со вставками, серги, бусы, "большие серебряные украшения в виде жгута, глиняные тонкой работы сосуды", а к собственно чудским вещам он относил местные подражания привозным художественным изделиям.

Позднее, при разработке периодизации прикамских древностей, А.А. Спицын учитывал влияние привозных вещей на сложение специфических стилей и типов в тот или иной период (Спицын, 1902).

Высказывания Спицына были поддержаны Теплоуховыми и инспектором народных училищ Глазовского уезда, краеведом, археологом и собирателем Н.Г. Первухиным. По мнению Н.Г.Первухина, ранние памятники на Чепце вообще принадлежали Камской Болгарии, а в верховьях Камы - чуди, позднее сменившиеся пермским народом (Первухин, 1896).

Таким образом, еще в конце XIX - начале XX вв. были намечены основные направления разработки проблемы взаимодействия Волжской Болгарии, Древней Руси и Пермского Предуралья. Однако исследователи лишь констатируют факты нахождения в Приуралье предметов импортного происхождения, отмечают возможность торговых сношений и влияний отдельных болгарских и древнерусских ремесел на ремесла населения Предуралья. О каком-либо хозяйственно-экономическом воздействии болгарского и древнерусского государств на население Предуралья вопрос не поднимается. Да и вообще, весь характер связей IX-XIII вв. в лучшем случае сводился к торговле (обмену). Безусловно, что подобный узкий подход к настоящей проблеме был обусловлен как слабостью методологической базы, так и недостаточной изученностью средневековых памятников Предуралья.

2. Изучение взаимодействия племен Предуралья с соседями во второй трети-середине XX в..

Уже 1920-1930-е г. начался новый этап систематического изучения археологических памятников Предуралья. Во главе этого дела стояла Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). В Предуралье регулярно работали ее сотрудники Н.А. Прокошев, В.А. Шмидт (Шмидт В.А., 1935), несколько позже М.В. Талицкий (Талицкий М.В., 1941). Описания памятников эпохи средневековья были также опубликованы П. Богословским (Богословский П.С., 1924) в выпуске "Пермского краеведческого сборника". Регулярные работы в бассейне р.Чепца проводились по поручению Научного общества по изучению Вотского края "Боляк" с 1926 г. под руководством А.П. Смирнова, в будущем известный советский болгаровед, и С.Г. Матвеева (Смирнов А.П., 1929). В Нижнем Прикамье и Южном Предуралье с конца 1920-х г. начинается деятельность одного из ведущих археологов и историков Татарии Н.Ф. Калинина, а также этнографа и археолога Н.И. Воробьева, археолога А.Башкирова. На территории Башкирии открываются работы Уфимского и Стерлитамакского музеев под руководством М.И. Касьянова, М.С. Смирнова и П.Х. Михайлова.

А.П. Смирнов и С.Г. Матвеев вновь отметили факт существования торговых связей с отдаленными областями и, главным образом, с восточными и булгарскими купцами. В X-XIII в. предметами вывоза, по их мнению, являлись пушнина, возможно, кожа, хлеб, ставится вопрос о "промышленном значении охоты": ввозились преимущественно украшения и предметы роскоши: бусы, монеты, ювелирные украшения из серебра, блюда, ткани и т.д. (Смирнов, 1928а; 1938; Матвеев, 1928б, с.25). Среди торговых партнеров Предуралья, по мнению Матвеева и Смирнова, преобладали восточные и булгарские купцы, менее была развита торговля со славянами и волго-окскими финнами. Торговля при этом "велась исключительно меновая", а ввозимые монеты "употреблялись исключительно как привески" (Смирнов, 1928б, с.80-81). По привозным вещам местные мастера часто изготавливали более грубые подражания, заимствуя также сюжеты и технологические приемы. А.П. Смирнов отмечает тесные свя-

на прикамского населения с Волжской Булгарией и важнейшее значение Булгарского государства для феодализации края (Смирнов, 1937г, с.184-186)

Наиболее активно средневековые памятники Предуралья в 30-е годы изучались М.В. Талицким, которого особо интересовали памятники X-XIV вв. Им была подготовлена кандидатская диссертация, опубликованная в виде крупной монографической статьи только в 1951г. после смерти автора.

В этой работе М.В. Талицкий рассматривает хозяйство, ремесла, социальный строй, религиозные представления, расселение средневековых племен Верхнего Прикамья на основе привлечения коллекционного материала, а также используя результаты своих раскопок Роданова городища, являвшихся продолжением работ Н.А. Прокошева. Талицкий считает, что возможно выделение памятников X-XIV вв. в особую археологическую культуру и предлагает назвать ее родановской.

Рассматривая материальную культуру родановцев, Талицкий не мог обойти вопрос о связях племен этой культуры со своими соседями. По мнению Талицкого по материалам родановских городищ можно проследить связи Прикамья с Зауральем (Югрой), Древней Русью, Волжской Булгарией, Выгодским бассейном. При этом основной упор делался на связи Прикамья с Булгарией, как с наиболее близким феодальным государством, оказавшим большое экономическое и культурное воздействие на родановские племена. М.В. Талицкий подчеркивает, что "... влияние болгар и связи с ними отмечаются не только Пермском Приуралье, но и в Удмуртском Прикамье, в бассейне р. Чепцы и на севере (М.В. Талицкий, 1951, с. 80).

Подробно Талицкий обрисовывает воздействие болгар на гончарное дело родановцев. По его мнению, под влиянием болгар у родановцев в XII в. возникает новый тип посуды: сосуды с сильно расширенной донной частью, с округлым уплощенным дном, прямой шейкой, отогнутым наружу венчиком - появление этого типа посуды Талицкий связывает с копированием родановцами одной из типичных форм болгарской металлической посуды - котелков. Прямым заимствованием также является изготовление жировых светильников, точно копирующих болгарские светильники. По мнению Талицкого, наиболее характерной особенностью керамического комплекса родановской культуры с XI в. становится присутствие на

всех (или почти на всех) памятниках болгарской гончарной керамики (Талицкий М.В., 1951, с.80), что указывает на дату установления прочных связей племен Пермского Предуралья с Булгарией. В качестве заимствованных форм керамических изделий Талицкий рассматривает тигли цилиндрической формы (Талицкий М.В., 1951, с.81).

Говоря о других привозных вещах, Талицкий отмечает наличие на памятниках Верхнего Прикамья железных и бронзовых замков и ключей болгарского производства, боевых граненых наконечников стрел болгарского типа, "более несомненным болгарским экспертом являются серебряные ювелирные филигранно-зерновые поделки, известные по несколькимкладам из Прикамья" (Талицкий М.В., 1951, с.81-82). Из Булгарии, в частности из Биляра, привезены были, по его мнению, пирамидальные хрустальные и сердоликовые многогранные бусы. Вообще, по мысли Талицкого, ювелирное дело племен Прикамья в XI-XIV вв. испытывало весьма заметное влияние болгарского ювелирного ремесла. Под воздействием болгар у родановцев возникает и развивается в это время своеобразная филигранная техника, типы многих украшений (например, привески и бляхи с шатонами) напрямую копируются в бронзе местными мастерами. К тому же сами болгары начинают производить в своих городах некоторые типы местных, камских, украшений, в чем "видно стремление приноровиться к местным вкусам" (Талицкий М.В., 1951, с.82).

"Особенно существенным моментом влияния болгарской культуры было продвижение на север плужного земледелия в формах, выработавшихся в южных, в частности в хазарских степях" (Талицкий М.В., 1951, с.82), о чем, по мнению Талицкого, свидетельствуют находки лемехов - ральников X-XIII вв., близких по форме ральникам, найденным в Булгарии.

Что касается связей Прикамья с Древней Русью, то Талицкий считал эти связи в X-XIII вв. выраженными крайне слабо: "... среди громадного количества разнообразных находок вещи славянского происхождения встречаются редко ... все это только единичные находки вещей, вероятнее всего попавших на Верхнюю Каму через тех же болгар" (Талицкий М.В., 1951, с. 71-72).

В своей работе Талицкий также делает попытку связать население Прикамья X-XIV вв. с каким-либо летописным или

известным по другим письменным источникам народом восточной окраины Европы. В качестве такого народа, по мысли Талицкого, выступает народ "Вису (Ису)", известный по многочисленным арабским или "болгаро-арабским" источникам. Талицкий анализирует сведения различных авторов: Ибн Фадлана, Ауфи, Андалуси, ал-Кинди, Якута, Истахри, Ибн Хаукаля. Он считал, что все сведения о народах Севера, в том числе и о народах Прикамья, арабы получали от болгарских торговцев и ученых, что также свидетельствует об активных связях болгар с Прикамьем. "Экспансия в северо-западном направлении (Русь - А.Б.) для болгар была почти невозможна... Поэтому естественно, что восток и северо-восток были областями их коренных интересов" (Талицкий М.В., 1951, с.76).

Помимо арабских источников к доказательству возможной локализации "страны и народа Вису" в Верхнем Прикамье Талицкий привлекал коми-пермяцкий фольклор, труды специалистов по финно-угорским языкам. На основе широкого спектра доказательств он делает вывод о том, что "учитывая указания арабских географов о том, что Вису находились примерно вдвое ближе к болгарам, чем Югра, и на расстоянии двадцатидневного пути от болгар, следует связать это название с предками коми-пермяков, живших на городищах Верхней Камы" (Талицкий М.В., 1951, с.79).

Все вышеизложенное дало возможность Талицкому назвать период X-XIV вв. болгарским периодом истории Верхнего Прикамья. Он писал: "...все материалы раскопок мест поселений, точно так же, как и старые находки, позволяют с определенной уверенностью утверждать, что весь период от X-XIV вв. в Верхнем Прикамье проходит под знаком завязывания интенсивных связей с Болгарским государством. Эти связи дают возможность точной датировки комплексов, так как они в сильной степени определяли весь облик культуры населения Прикамья". (Талицкий М.В., 1951, с.79-80). Связи эти выражаются как в привозе вещей болгарского производства, так и в некоторых культурных заимствованиях - в первую очередь плужного земледелия.

Однако М.В. Талицкий сознавал ограниченные возможности исследования на данном этапе вопроса о болгаро-прикамских связях из-за малого числа накопленного материала. Он отмечал еще слабую изученность могильников и поселений (Талицкий М.В., 1951, с.42), что безусловно сказывалось на недостаточности аргументации в

вопросах болгаро-пермских взаимоотношений, особенно в сфере быта и хозяйства древнего населения Пермского Предуралья.

Кроме того, М.В. Талицкий иногда противоречил себе в выводах. Так, на основании анализа самого массового болгарского материала, находимого в Верхнем Прикамье - гончарной керамики - он приходит к выводу об установлении связей Прикамья с Болгарией не ранее XI в. В заключении же он подчеркивает, что связи установились еще в X в., никак не аргументируя раннюю дату начала связей. Не выяснен М.В. Талицким и сам характер связей: непосредственные визиты болгарских торговцев в Прикамье или поездки родановцев на Нижнюю Каму стали причиной массовых находок болгарских изделий в Верхнем Прикамье. Вопрос о возможном наличии в Прикамье болгарских торговых факторий оставлен Талицким без ответа. Остался открытым вопрос о возможной военно-политической экспансии болгар на Верхнюю Каму.

Несколько ранее монографии М.В. Талицкого в Ленинградском отделении АН СССР вышел однотомник "Коми-Пермяцкий национальный округ" - коллективная монография, посвященная характеристике природных условий, народонаселения, экономики и истории Коми-Пермяцкого округа. Для нас интерес представляет второй раздел этой коллективной монографии - "Исторические пути", написанный ленинградскими специалистами В.Р. Свирской и Н.Н. Шишкиным (Коми-пермяцкий национальный округ, 1948, с.107-124). Редактирование этого раздела осуществлялось академиком И.И. Мещаниновым, академиком С.В. Бахрушиным и старшим научным сотрудником института этнографии АН СССР Н.Н. Чебоксаровым. При написании раздела авторы использовали работы А.В. Шмидта, А.А. Спичина, М.В. Талицкого.

Сразу же отметим, что многие положения исторического очерка не верны и в настоящее время решительно устарели, что связано с очень узким кругом источников, используемых авторами, кроме того, сами авторы раздела не являются специалистами-археологами: так, В.Р. Свирская - специалист по советской истории, Н.Н. Шишкин - географ.

При анализе культурных связей и торговли пермяков в период средневековья авторы не могли пройти мимо свидетельств о связях с государством волжских болгар. Они считают, что "К IX-XIII вв. возникают оживленные торговые связи Верхнего Прикамья с Камской Болгарией, обоснованнейшей в

устье Камы, а через нее - с арабами. Болгары привозят сюда металлические вещи, керамику, ювелирные изделия, оружие, подменяя в обмен соболями, бобровые и беличьи меха" (Коми-Пермяцкий национальный ... 1948, с.118). Далее авторы раздела пишут, что под влиянием активных связей с болгарами меняется характер охоты, в связи с тем, что все большее значение приобретает торговля мехами, охота стала промысловой и рассчитана на добычу пушнины на вывоз. "Единицей обмена внутри служила пушнина, вероятнее всего белка" (Коми-Пермяцкий национальный ..., 1948, с.118).

Приводят авторы и этимологию болгаро-арабского термина "Ису", которым, по их мнению, обозначалась часть древних коми-пермяков. В качестве основы для образования этого термина авторы называют слово "йос" \ "йозу" которое еще изредка употребляется коми-пермяками в значении "народ, люди". С точки зрения современных данных использование термина "йоз" в качестве самоназвания или племенного имени древними пермяками вполне вероятно, история знает многие народы, которые называют себя "люди" или "настоящие люди". По мнению Ю.В. Бромлея, в глубокой древности при формировании этнического самосознания взаимная идентификация соплеменников осуществлялась в форме антитезы "мы"- "они" (Бромлей Ю.В., 1982, с.5). В силу этого возникали самоназвания типа "люди", которые, по мысли ряда исследователей могут быть отнесены к наиболее раннему слою этнонимов (Крюков М.В., 1984, с.12; Никонов В.А., 1970, с.15). К сожалению, мысль авторов очерка о родстве арабского "ису" и пермяцкого "йосу" осталась почти без внимания со стороны последующих исследователей, хотя она вносила новый момент в вопрос локализации "страны Вису" арабских географов.

Под воздействием болгар, по мнению авторов, в экономику Предуралья начинают все больше проникать такие прогрессивные виды деятельности, как пашенное земледелие и скотоводство, происходит углубление социальной дифференциации. Кроме того, авторы отмечают, что возможно предположение не только о торговом обмене, но и военном проникновении болгар в Прикамье: "Можно предполагать, что этот торговый обмен часто сопровождался военными набегами болгар на поселения жителей Верхнего Прикамья" (Коми-Пермяцкий национальный ... 1948, с.118). Однако мотивы такого предположения авторами никак

не аргументированы. Авторы также указывают на возможное проникновение в Приуралье викингов (связи последних с Биармией) и на возможно более глубокие контакты древних пермяков с древнерусской народностью, чем с болгарами.

В силу малого объема монографии и слабого знакомства авторов с археологическими источниками Предуралья многие положения раздела малодоказательны, однако основной вывод авторов о возникновении контактов пермяков с болгарами в ранний (IX-X вв.) период в целом отвечает имеющимся на тот период данным.

3. Изучение проблемы связей населения Предуралья во второй половине XXв.

Новый этап археологических исследований и публикаций их результатов начался в конце 1940-х - начале 1950-х г. В это время оформляются основные центры археологической науки на Урале и в Предуралье, развернувшие широкие полевые археологические исследования. Этому процессу весьма способствовал тот патристический и экономический подъем, который испытала страна после победы в Великой Отечественной войне. В Предуралье началось широкомасштабное хозяйственное строительство, были возобновлены работы по подготовке и сооружению водохранилищ, прокладывались новые магистральные пути, возводились крупные промышленные объекты. Археологические исследования с этого времени, как правило, приурочиваются к решению задач выявления и спасения разрушающихся памятников. В Перми с 1946 г. стала действовать Камская археологическая экспедиция Пермского университета, созданная и много лет возглавляемая О.Н. Бадером, высланным на Урал в период Отечественной войны. Эта экспедиция стала "кузницей" научных археологических кадров Предуралья. Её участники, студенты Пермского университета, возглавили в последующем многие археологические экспедиции и учреждения Предуралья и иных территорий (В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, В.П. Денисов, Г.И. Матвеева, Н.А. Мажитов, Р.Д. Голдина, В.А. Могильников и другие). Развернулись работы отделов археологии академических институтов в Башкирии и Татарии. Уже тогда стали появляться пер-

Сальников Константин Владимирович

вые крупные обобщающие работы, основанные не только на накопленных за предшествующее время материалах, но и на результатах новейших археологических исследований. В большинстве из них в той или иной степени затрагивалась проблема взаимодействия средневекового населения Предуралья с соседними государствами и народами.

В вышедшей в 1952 г. монографии "Древнейшие памятники истории Урала" археолога К.В. Сальникова также уделяется внимание, хотя весьма кратко и схематично, вопросам связей населения Урала и Предуралья между собой и с феодальными государственными образованиями, в том числе и с Волжской Болгарией и Древней Русью. Автор считает, что Урал и его жители испытали большое влияние Болгарии, особенно в золотоордынское время, хотя в работе и отсутствует аргументация подобных высказываний.

В качестве главной торговой артерии, которая связывала Урал и Приуралье с Болгарией, Сальников выделяет реку Каму: "К племенам Урала болгарские купцы проникали водою по Каме... по археологическим данным хорошо прослеживается путь болгарской торговли в Прикамье, где вещи болгарского ремесла X-XIII вв. встречаются много выше г. Молотова (Пермь)" (Сальников К.В., 1952, с.146). Цель торговли болгар с населением региона, по мнению

Сальникова, в обеспечение болгарского ремесла исходным сырьем, а также поставки особо ценных продуктов питания (мед): "...с Урала вывозили сырье, главным образом меха, шерсть, кожу и мед в обмен на изделия ремесленников болгарских городов и предметы, поступавшие на рынки Булгарии из далеких стран" (Сальников К.В., 1952, с.146). Автор таким образом подчеркивает трансболгарский характер торговых операций купцов Волжской Болгарии и монополичный характер торговли болгар с жителями Урала.

Пишет автор и о политических взаимоотношениях населения Урала с Болгарией. Так, утверждая, что следы раннего (X-XII вв.) контакта с Болгарией (торговля) на Урале прослеживаются крайне слабо, Сальников пишет, что "усиливаются они в золотоордынский период, когда Болгария и Уральские племена оказались в границах государства Золотой Орды". Какие конкретно уральские племена имел в виду К.В. Сальников, остается не ясным. По мнению автора, также из Болгарии на восток (то есть на Урал) проникают проповедники исламизма. Сальников считает, что болгары проводили на Урале идейно-политическую и торговую экспансию. Приуралье выполняло функцию района, через который идет основной поток болгарской торговли, и служило местом торгов булгарских купцов и жителей Урала.

Несколько иная точка зрения на вопросы взаимоотношений населения Болгарии, Руси и Предуралья наметилась в начале 1950-х годов у А.П. Смирнова и была развита в последствии его учеником В.А. Обориным. В своей обобщающей работе "Волжские Булгары" Смирнов писал, что, возможно, в составе населения Волжской Болгарии имелись включения финно-угорского населения, в том числе и верхнекамского: "Наконец, на территории Булгарского царства находят большое количество украшений, свойственных племенам Верхнего и Среднего Прикамья. В качестве примера можно привести коньковую подвеску из Болгара и более позднюю из Биляра. Все эти материалы могут свидетельствовать о наличии финно-язычных племен на территории Булгарии" (Смирнов А.П., 1951, с.25).

Далее А.П. Смирнов указывает, что всю торговлю с Севером Болгария держит в своих руках, не допускает к ней восточных купцов, этим он объясняет всеческие небылицы, встречающиеся в рассказах о народах Севера (Предуралья) у арабских средневековых авторов. Период XII в., по мнению

А.П. Смирнова, принес расширение границ Волжской Болгарии прежде всего к северу: "...в состав царства постепенно вошло Прикамье" (Смирнов А.П., 1951, с.46).

Смирнов отмечает, что захват отдельных земель в Пермском Приуралье болгарами нашел отражение не только в археологическом материале, но и в фольклоре местных народов. В качестве примера он приводит фольклор удмуртов, в котором есть упоминание о феодальных повинностях, которые удмуртские крестьяне несли в древности перед болгарскими феодалами-захватчиками. Далее Смирнов отмечает, что после разгрома Болгарии татаро-монголами часть болгар совершает переселение как на запад (Русь), так и на север (Прикамье), об этом переселении свидетельствует приводимый им материал из раскопок и сборов как на Чепце, так и на Каме (Кудымкар, Рождественское городище, Искарское городище, Рождественский могильник и так далее) и "...вся совокупность материала показывает, что болгаро-татары проникали в эти области" (Смирнов А.П., 1951, с.55).

В своей последующей работе "Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья" А.П.Смирнов замечает, что культура населения Предуралья в X-XIV вв. складывается под непосредственным влиянием Волжской Болгарии и Руси (Смирнов А.П., 1952, с.216). Болгарское воздействие он видит в складывании под влиянием болгарского ремесла совершенно особого стиля Прикамского ювелирного искусства, а в эпоху Золотой Орды это влияние связано с непосредственным переселением части болгарского населения в Приуралье и подчинением им в отдельных районах местных племен (Смирнов А.П., 1952, с.215). Однако никакого воздействия на хозяйство и социальный строй населения Предуралья в период X-XIII вв., по мысли Смирнова, болгары не оказывали. Так: "Нет никаких оснований думать, что земледельческие орудия были заимствованы у волжских болгар" (Смирнов А.П., 1952, с.190). По мнению А.П. Смирнова, большее воздействие на ход исторического развития населения Предуралья оказала Русь, в особенности северные славяне, следы переселения которых в Приуралье он находит для XII в. на р.Чепца, Вычегда, Кама, считая при этом, что и те болгары, которые переселились в Приуралье, были сильно славянизированы уже к моменту своего переселения, то есть были по сути славянами (Смирнов А.П., 1952, с.208, 215, 216). При этом возникает некоторая путаница, так как

для более позднего времени (XIII-XIV вв.) золотоордынского периода А.П. Смирнов признает большее влияние ("огромное влияние") Волжской Болгарии, хотя материалы этого времени из Предуралья почти не описываются.

А.П. Смирнов, не отрицая наличия каких-либо связей Болгарии и Пермского Предуралья, относит их, однако, к более позднему периоду (XIII в) и связывает установление этих контактов не с потребностью в рынках сырья и сбыта ремесленных товаров, не с торговлей, а с процессами военных захватов новых территорий для феодальной эксплуатации и процессом вынужденного переселения в труднодоступные лесные районы после разгрома Болга-

Смирнов Алексей Петрович

рии татаро-монгольскими войсками. Стоит также отметить серию небольших статей А.П.Смирнова, написанных позднее и посвященных культурным связям населения Прикамья с различными областями Восточной Европы (Смирнов, 1966; 1970; 1973).

Точка зрения Смирнова А.П. на связи Предуралья с соседними государствами была поддержана и развита В.А.Обориним, в многочисленных работах которого, посвященных родановской культуре IX-XV вв., отмечаются факты связей болгар с родановскими племенами Верхнего Прикамья и Чусовского поречья, а также с племенами сычевской культуры.

Оборин Владимир Антонович

Оборин В.А. писал, что болгары оказали заметное влияние на все племена Предуралья. Влияние болгар на удмуртов проявляется даже в их языке, где имеется много заимствований из волго-тюркского болгарского языка, в том числе и такие слова, как "плуг", "деньги". Заметное влияние болгары оказали и на башкир, часть предков которых входила в состав Болгарского царства (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.174). "Булгарское царство оказало влияние и на народы Верхнего Прикамья. В домонгольское время это влияние распространялось путем торговых связей болгар с северными племенами, о которых много пишут арабские и среднеазиатские авторы" (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.175). Начало этих связей Оборин относит еще к домонгольскому периоду (XII в.) (Оборин В.А., 1956). "Однако большая часть предметов болгарского происхождения встречается на поселениях и в могильниках родановской культуры, относящихся уже к XIII-XV вв." (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.175). В этот период, по мнению Оборина, болгарское влияние чувствуется в развитии ремесел у населения Верхнего Прикамья, в частности на гончарстве, металлургии, металлообработке. "Появляются кузнечные и плавильные горны, очень похожие на болгарские. Тигли, ранее имевшие конусовидную форму, приобретают

форму цилиндра. Развивается филигранно-зерневая техника изготовления украшений, копирующая прямо или в видоизменении болгарские изделия.... Встречены единичные находки проса, которого раньше не было в Верхнем Прикамье - и оно несомненно появилось с булгарами" (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.175).

Усиление болгарского влияния на племена Предуралья В.А. Оборин связывает, вслед за А.П. Смирновым, с притоком болгарского населения в XIII-XIV вв., бежавшего из разоренных монголами земель.

Однако, по мнению В.А. Оборина, болгары не оказали существенного влияния на социальные процессы родановцев, хотя и входили в состав сельских общин, способствуя ослаблению родовых связей у местного населения (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.177).

Под влиянием болгар, частично меняется ориентировка в могильниках (на западную), что, по мнению В.А. Оборина, также связано с вхождением пришлого болгарского населения в состав местной общины.

Более заметное влияние, однако, на население Предуралья оказала Русь. По Оборину установление контактов с ней возникает с IX-X вв. (Оборин В.А., 1956) или в XI-XII вв. (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.199), к XIII-XIV вв. он относит появление славянских поселений в родановской среде. Именно с проникновением славян (новгородцев) в родановские земли Оборин связывает возникновение пашенного земледелия у населения Прикамья в XII-XIII вв.

Таким образом, не отрицая тесных контактов Волжской Болгарии с Пермским Приуральем, В.А. Оборин считает, что культура Древней Руси, в особенности Новгородской земли, оказала более заметное влияние на развитие родановских племен, как в области хозяйства (сельское хозяйство), так и в области социального развития. При этом В.А. Оборин подчеркивает ошибочность мнения М.В. Талицкого о так называемом "болгарском периоде" в истории Прикамья.

Как мы видим, даже в первых обобщающих работах по проблемам средневековой археологии Урала и Предуралья при общей, относительно мало изученной базе источников весьма наглядно были показаны широкие многообразные связи местных, приуральских, племен со своими ближними и дальними соседями. Отметим, что приведенные точки зрения различных авторов в принципе не расходятся с оценкой качества этих связей (торговля), высказанной в свое время А.А. Спициным, Ф.А. Теплоуховым и

другими первыми исследователями-археологами Предуралья.

В последующее время исследования связей Предуралья содержатся в работах ряда археологов, прежде всего казанских. Так, в кандидатской диссертации Р.Г. Фахрутдинова и вышедшей позднее его работе на основании анализа памятников собственно Волжской Болгарии делаются выводы о распространении болгарских изделий и болгарского влияния на народы Предуралья (Фахрутдинов Р.Г., 1975). Опираясь на сведения М.В. Талицкого, В.А. Оборина и других исследователей, Р.Г. Фахрутдинов писал: "Кама вплоть до ее верхнего течения подвергалась болгарскому влиянию еще до XIII в." (Фахрутдинов Р.Г., 1968, с.87). Проанализировав расположение болгарских памятников в Нижнем Прикамье (позднее княжество Жукотинское, по А.П. Смирнову), Фахрутдинов приходит к выводу, что с этой самой северной территории Болгарии идут далекие экономические связи с племенами Предуралья и что: "... если на первых порах распространение болгарских элементов в культуре пермских племен главную роль сыграли торговые интересы, то позднее обугларивание их, например, чуди усиливается все заметнее, в чем большую роль сыграло, конечно, этническое проникновение". В целом же, по мнению Р.Г. Фахрутдинова, население Предуралья было тесно связано с Болгарией торговлей уже в домонгольский период, поставляя меха, мед и другие товары (Фахрутдинов Р.Г., 1984). Однако в своих работах Фахрутдинов конкретных сведений о распространении болгарских изделий в Приуралье не приводит.

Тема связей Предуралья и Болгарии звучит и в работах сотрудницы Государственного Эрмитажа Е.И. Оятевой. Так, характеризуя государственный строй Болгарии, она пишет: "Болгары обладали хорошей военной организацией, позволяющей им подчинить своему влиянию местное население. В состав Волжской Болгарии вошли земли, населенные предками чувашей, удмуртов, мари, мордвы. Период X-XIV вв. - болгарская эпоха в истории Прикамья" (Оятева Е.И., 1978, с.100 и далее). Территории собственно родановцев, по мнению Оятевой, не вошли в состав Болгарии, хотя их торговые связи распространяются в этот период далеко на юг, и основная торговля ведется с болгарами: "... в обмен на меха, шкуры, воск, мед, рыбу, скот в Прикамье поступали ремесленные изделия. Типичными предметами болгарского импорта были красноглиняная посуда, сделанная

на гончарном круге, светильники, украшения - серебряные шейные гривны, браслеты, нагрудные бляхи со вставками, каменные бусы цилиндрической формы, всевозможные шумящие подвески филигранной работы, изготовленные по прикамским образцам" (Оятева Е.И., 1978, с.102). Оятева отмечает определенное воздействие болгарского ювелирного ремесла на подделки местных приуральских мастеров, воздействие болгар на социальные отношения у племен Предуралья, где в это время происходит процесс выделения знати, сосредоточившей в своих руках торговлю с болгарами и обогащавшейся в результате этой торговли. По ее мнению, торговый обмен Предуралья с

Халиков Альфред Хасанович

Древней Русью в то время еще не налажен. Пик же болгаро-пермской торговли она относит к XI-XIV вв.

Точки зрения М.В. Талицкого на широкое распространение в материальной культуре населения Пермского Предуралья болгарских элементов придерживался также А.Х. Халиков. Наиболее показательной в этом плане является его статья "Культура народов Среднего Поволжья в X-XIII вв." В ней, характеризуя уровень развития болгарской торговли, автор указывает, что один из главных потоков товаров шел из болгарских городов на север и северо-восток, то

есть к народам Предуралья и Прикамья. При этом А.Х. Халиков делает вывод, что не только финно-угорское население Прикамья поддерживает активные связи с Болгарией, но практически все финноязычное население Предуралья и Поволжья также втянуто в эти связи в домонгольский еще период. А.Х. Халиков подчеркивает спекулятивный характер торговли болгар с населением Предуралья, которое поставляет в Болгарию один из самых важных для нее товаров - меха. В других своих работах Халиков А.Х. указывал "на непосредственное вхождение народов Предуралья в состав населения собственно Болгарского государства, а также на активное участие болгар в социально-этнических процессах у народов Прикамья, особенно в поздний (золотоордынский) период, когда часть болгар переселяется на окрестные к Болгарии земли - р.Чишма, р.Белая, р.Ик, р.Свияга и в Прикамье" (Халиков А.Х., 1978, с.89-99).

В работах Е.П. Казакова и Т.А. Хлебниковой подчеркивается другая сторона связей Болгарии и Предуралья - непосредственное проникновение представителей приуральских племен на территорию Болгарии и участие их в процессе формирования болгарской народности в IX-XIII вв. Приуральские народы, таким образом, оказали определенное воздействие на этнический процесс в Волжской Болгарии, а также, видимо, и на развитие отдельных элементов ее культуры (Е.П. Казаков, 1978; Хлебникова Т.А., 1984; Казаков Е.П., 1985).

За период 1960-1980-х г. в разных научных центрах России и региона опубликовано значительное число научных трудов, в той или иной мере касающихся археологических памятников Предуралья и посвященных различным проблемам. Учитывая, что выбранная тема фактически связана со всеми проблемами, нет смысла анализировать все эти работы. При необходимости они будут привлекаться в тексте при разработке конкретных вопросов. Здесь же можно только отметить, что проблемы культурно-исторических и экономических связей Предуральского населения в эпоху средневековья предшествующими исследователями рассматривались, как правило, попутно, в контексте общей характеристики материала.

Следует отметить, что в 1990-х г. наступил, вероятно, качественно новый этап не только в исследовании интересующей нас проблематики, но и в археологии Предуралья вообще. Археологи региона все решительней переходят к обобщениям, подводят

итоги многолетними исследованиями отдельных памятников и археологических культур. Начало этого этапа обозначено появлением ряда публикаций, напрямую затрагивающих вопросы связей и взаимодействия населения тех или иных частей Предуралья с ближним и дальним окружением. Это работы М.Г. Ивановой, Э.А. Савельевой, М.В. Кленова, Н.В. Федоровой, Е.П. Казакова, В.А. Могильникова, Л.Д. Макарова, А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и других авторов (Белавин А.М., 1990; Иванова М.Г., 1994; Казаков Е.П., 1991; Кленов М.В., 1995; Макаров Л.Д., 1997; Могильников В.А., 1991; Савельева Э.А., 1991; Федорова Н.В., 1990; Страницы истории Земли Пермской, 1996 и другие). Отрадным моментом стало появление диссертационных работ напрямую затрагивающих интересующую нас проблематику - работы А.М. Белавина (1992г.) и А.Г. Иванова (1998г.). Последняя из них была опубликована в виде монографии (Иванов А.Г., 1998). В этих работах, на основе изучения новых и обобщения старых материалов, выделен круг привозных изделий, определены основные направления культурных и торговых связей населения Предуралья в эпоху средневековья, поставлен вопрос о характере этих контактов.

Настоящая работа является своеобразным подведением итогов изучения данной темы по источникам, накопленным практически за весь период истории археологических исследований в Предуралье, накануне начала нового тысячелетия.

ГЛАВА 2. ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И ПРЕДУРАЛЬЕ

1. Роль и значение Волжской Болгарии в средневековой истории Волго-Камья

Почти все источники рисуют нам Волжскую Болгарию в период ее формирования как многоплеменное, но тюрко-язычное в своей основе государство, окруженное тюрко-язычными, угро-язычными и финно-язычными племенами, а с запада все приближающимися землями древнерусских княжеств.

Во времена Ибн Фадлана и Ибн Русе, т. е. в первой четверти X века, область формирующейся Болгарии, к тому же находившейся в вассальной зависимости от Хазарского каганата, занимала относительно небольшую территорию. На юге она доходила до р. Большой Черемшан, на левом берегу верховий которого Ибн Фадлан зафиксировал кочевья тюрков-башкир (Коналевский 1956, с. 130). На западе естественной границей служила р. Свияга, на севере - р. Кама, на востоке - р. Зай или Шешма. На этой территории и фиксируются раннеболгарские археологические памятники IX—X вв. Основное население Болгарии в начале X в. состояло из четырех племенных групп, подчиненных общему царю Алмушу. В числе этих племен источники называют собственно болгар, сувар (саван), эсегель (аскль) и берсула (Заходер, 1967, с. 28-29). Кроме этого, было известно имя мусульман - баранджар, числом в 5000 (500) семей

(душ), которые уже при Ибн Фадлане жили оседлой жизнью и имели поселения с мечетью. На основе одного из таких поселков началось в 922 г. строительство столицы страны - Великого города у реки Малый Черемшан.

Если в IX - нач. X вв. территория, занимаемая Волжской Болгарией, была еще относительно невелика, то уже во второй половине X-XI вв. она достаточно быстро расширяется. При этом значительно возрастает количество населения во внутренних районах Болгарии. По наблюдениям казанских археологов, на территории Болгарии учтено более 1500 городов и сел X-XIII вв. (Фахрутдинов, 1975). Большая часть этих памятников располагалась на относительно небольшой территории Закамья-Заволжья, где находился экономический, политический и культурный центр страны. Освоение Прикамья активно шло в XI-XII вв. А.П. Смирнов считал, что эти районы стали заселяться болгарами уже в X-XI вв. (Смирнов, 1951). Постепенно болгарские поселения стали подниматься все выше по Каме. Своеобразный военный и торговый пост болгар возник на территории современной Елабуги на так называемом Чертовом городище, поселения болгар прослежены и в окрестностях современного Сарапула. На всей этой территории изучены крупные и более мелкие города, феодальные замки, села болгар. Из городов наибольший интерес исследователей вызывают - Биляр и Бряхимов (Булгар).

Биляр был крупнейшим городом страны, её столицей (по одной из версий) и чаще именовался Великим городом булгар. Дискуссия по поводу столицы Волжской Болгарии, развернувшаяся в свое время на страницах журнала "Советская археология", получила свое достойное завершение в целой серии работ казанских археологов, посвященных изучению этого города. Важнейшие итоги этой работы подведены в монографии Ф.Ш. Хузина (Хузин, 1995). Археологические остатки этого города, заложенного в 922 г. и погибшего в результате монгольского нашествия в 1236 г., располагаются на левом берегу р. М. Черемшан (приток р. Б. Черемшан, левое притока р. Волги) на окраине с. Билярска Алексеевского района Татарстана (рис.1). Город занимал относительно плоское плато, понижающееся к реке, за которой возвышается живописная гора, где располагалась одна из булгарских святынь, место жертвоприношения - Джавышер, размещенное у мощного истока родниковой воды. Город

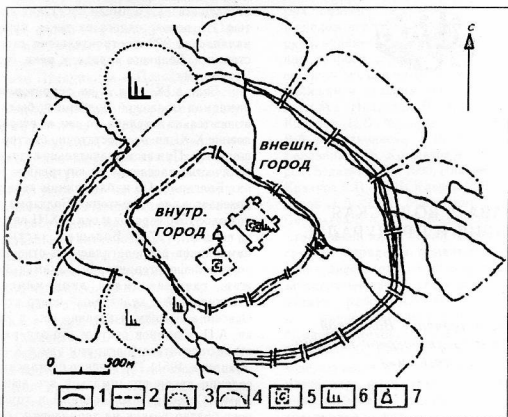

Рис. 1. План Великого города (по А.Х. Халикову и Ф.Ш. Хузину): 1-абрис сохранившихся валов, 2- контуры несохранившихся валов, 3- кладбища, 4- посады, 5- места мечетей, 6- места металлургических слобод, 7- места гончарных слобод

имел четко выраженную подпрямоугольную форму, ориентированную углами по странам света, и не менее четкое членение на цитадель, внутренний город, внешний город и посад. В этом отношении он близок к планировке первых стольных городов Дунайской Болгарии — Плиска и Преслава. Цитадель, расположенная в центре города, занимала площадь около 500 тысяч кв. м. Город имел почти квадратную форму, углами ориентированную по странам света. Он был защищен мощной деревянной стеной до 10 м шириной, по углам которой располагались огромные (30х30 м) башни, выступавшие за пределы стены.

Любопытно, что при сооружении южного угла цитадели под него была погребена собака (остатки ее обнаружены в 1978 г.) — такая же домостроительная жертва, как и на неволинских и ломоватовских памятниках. В середине каждой стены находились проездные башни. Между ними и угловыми башнями были сооружены выступавшие пристенные башни подквадратной формы (15х15 м). В цитадели, являвшейся политическим и религиозным центром не только города, но и всей страны, располагались об-

ширный дворцовый комплекс, царское кладбище, комплекс главной мечети, а также хранилища — амбары, житницы и т.п. С 1971 г. ведутся археологические исследования района цитадели. Здесь изучены остатки большого комплекса мечети, построенного в начале заложения города и состоявшего из первоначального деревянного храма, пристроенного к нему около середины X в. белокаменного храма, потолок которого поддерживался 24 колоннами, и кирпичного двухэтажного дома священнослужителя. Оба зала мечети, охватывающие площадь более 2500 кв.м, были по мусульманским канонам ориентированы на юго-юг-запад, в сторону Мекки. К северу от белокаменной части мечети находилось основание большого минарета — обязательного атрибута мусульманских храмов, откуда верующие созывались на молитву. Севернее и южнее мечети находились общественные колодцы, а восточнее — небольшое кладбище, где в семейных усыпальницах хоронились болгарские цари и их семьи. За минаретом располагался район житниц — хранилищ зерна и припасов, состоявший в основном из наземных амбаров,

в сохранившихся остатках которых обнаружены семена более чем 20 культурных растений. В цитадели, возможно, жили и некоторые ремесленники, очевидно, обслуживавшие царский двор. Среди них были не только кузнецы, но и пришедшие мастера. Любопытно в этом отношении остатки мастерской ювелира, работающего с янтарем. Очевидно, это был русский мастер, так как в его мастерской вместе с огромным количеством отходов янтаря обнаружены кости свиньи (уникальный случай для мусульманского города) и свинцовый оттиск печати новгородского князя Всеволода 1222—1224 г.

Внутренний город, занимавший вместе с цитаделью площадь более 2 млн. кв. м (это больше площади всех остальных известных болгарских городов), был окружен земляным валом (с начала XIII в. - двойным), по которому шла дубовая стена. В этой части города жили в основном богатые феодалы, купцы и привилегированные ремесленники, кузнецы, медники, ювелиры, стеклоткуны, кожевники и пр. На распаханной поверхности внутреннего города при помощи аэрофотосъемки зафиксированы пятна более чем 30 кирпичных домов, намечены улицы, кварталы, площади, водоемы. Застроенный большими кирпичными, белокаменными и деревянными зданиями город, особенно внутренний, выглядел весьма внушительно. Джевалики, называющий себя очевидцем, сообщает по этому поводу: "В постройках их есть связь с постройками Рума. Они великий народ. Их город называется Булгар. Этот город Великий" (Греков, Калинин, 1948 с.153).

Внешний город (площадь около 5 млн. кв. м) имел двойную систему укреплений, причем протяженность наружного вала была не менее 10 км. Земляные валы, перед монгольским нашествием их было три, неоднократно подсыпались, стоявшие на них дубовые стены ремонтировались, а иногда и полностью заменялись. Первоначальные стены были в виде частокола, а стены XII—XIII вв. имели вид широких городец. Во внешнем городе жил в основном городской люд среднего достатка: купцы, воины, ремесленники (гончары, косторезы, плотники и т. п.). Здесь же располагались и посиды иноземцев, а также караван-сарай для приезжих купцов.

За пределами укреплений внешнего города располагались посиды, защищенные простым тыном (он упоминается во время осады города, произведенного в 1183 г. Всеволодом), а также обширные городские кладбища. Общая заселенная площадь го-

рода доходила до 8 млн. кв. м. Даже по самым скромным подсчетам, в период расцвета численность населения города превышала 100 000 человек.

Из города вели дороги (они также заметны на аэрофотоснимках) на север (к местным финским народам), запад (на Русь), восток (на Урал и в Сибирь) и юг (в страны Кавказа и Востока).

Важное значение, особенно в экономической жизни страны, имел город, расположенный в районе слияния Камы с Волгой и называвшийся в X в. Внешним Булгаром, позднее городом царя Ибрагима (Брихимов, или Брягов русских летописей). Ал-Балхи писал о нем: "Внешний Булгар есть город маленький, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главный торговый пункт этого государства" (Греков, Калинин, 1928, с. 151). Действительно, этот город с расположенным недалеко от него на берегу Волги главной болгарской ярмаркой — Ага Базаром — имел огромное значение во внешней и внутренней торговле страны. Сюда приходили корабли, груженные товаром, из Руси, с Каспия, из северной страны Вису, с Урала и т. п. Сам город, расположенный на северо-восточной окраине более позднего города золотоордынской поры Великого Булгара, занимал мыс между берегом Волги и так называемым Иерусалимским оврагом, площадью не более 90000 кв. м. В 1164 г., этот город был взят и разрушен войсками Андрея Боголюбского. Остатки этого города хорошо изучены археологическими раскопками, которые ведутся здесь уже более 100 лет. В 1980-1990-х г. результаты этих исследований были обобщены в трехтомной коллективной монографии под общей редакцией Г.А. Федорова-Давыдова (Город Болгар 1987, 1988, 1996).

Княжескими центрами были города Сувар, Ошель, Буртас. Археологические остатки города Сувара — соперника Биляра в X в. — располагаются на левом берегу реки Утка (левый приток р. Волги) у с. Кузнечиха, в 90 км (2 дня пути, как писал Марвази) к западу—юго-западу от домонгольского Булгара (Билярское городище). Обилие городов в стране, по мнению лингвиста И.Д. Шишманова, дает возможность считать что страна городов "Gardarika" скандинавских источников тождественна "Bolagarlend" и означала не Русь, а Волжскую Болгарию. К этому мнению присоединился известный специалист по истории и археологии Болгарии А.Х. Халиков (Халиков, 1989, с. 90).

Основная масса населения страны

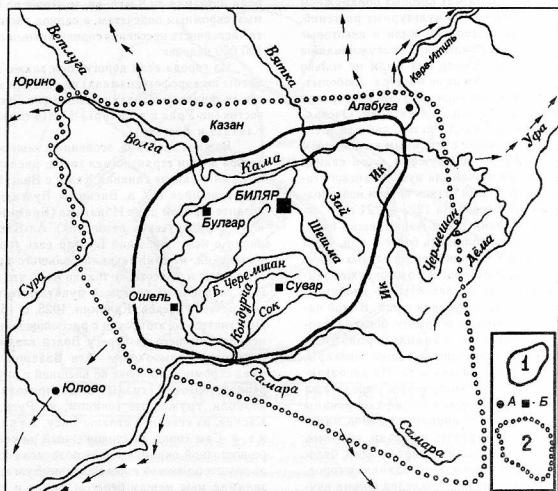

Рис.2. Территория Волжской Болгарии (по Р.Г. Кузееву) и основные торговые пути болгар (по А.Х.Халикову и А.П. Моця): 1- IX-X вв., 2- в XII в., А- опорные пункты внешней торговли, Б- основные города.

жила в неукрепленных деревнях и селах, обычно расположенных рядом с водой, но обязательно вблизи плодородных черноземов. Особенно много сел находилось в центральной части страны, а также вокруг крупных городов. Многие из сельских населенных пунктов играли заметную роль в торговле и ремесле Болгарии. К числу таких ремесленно-торговых сел Е.П. Казаков относит населенные пункты в устье рек Ахтай и Бездна, прежде всего 1-е Семеновское и Измерское и ряд других селищ (Казаков, 1991).

Высокого уровня развития у болгар достигают разные виды ремесел. Широкую известность имели болгарские ювелиры. Зона сбыта их продукции вышла далеко за пределы страны, и серебряные, золотые и бронзовые болгарские украшения известны по находкам в Сибири, Казахстане, Скандинавии, на Урале вплоть до Полярного круга.

Классическим типом болгарской ювелирной продукции и её ярчайшим образцом

были трехбусинные височные кольца с уточкой и тремя желудевидными привесками, украшенными зернью и сканью, иллюстрирующие известный миф о происхождении мира. Как наиболее парадные, эти изделия изготавливались из золота. В Болгарии эти предметы находят вкладах, наиболее известен Спасский клад.

Широко расходились серебряные и бронзовые подвески-лунницы, бывшие, видимо, популярными из-за схожести с известной мусульманской эмблемой и одновременно являвшимися символом женской плодovitости. Эти скано-зерновые изделия с тончайшим орнаментом и переливчатой, из-за обилия зерни, поверхностью со вставками или их имитацией известны далеко за пределами Болгарии. Так, яркие образцы этих изделий найдены в Гнездово, имеются они и среди древностей викингов в Швеции.

Болгарские ювелиры умело и смело использовали сложную и виртуозную технику

скажи и зерни, вставки в скано-зерновых шатонах, чернь, позолоту, чеканку разных типов. Использование такого спектра технических приемов выдает в болгарских ювелирах мастеров высокого класса. Большая часть украшений, выходивших из рук болгарских ювелиров, имела арабские прототипы. В странах востока эти украшения изготавливались в основном из золота, болгарские ювелиры используют и другие металлы. Волжская Болгария выступала в роли посредника в передаче восточных украшений и ремесленных традиций на Русь и в страны Европы (Szafranski, 1963, s. 369-380).

Высокого уровня достигли в Болгарии кузнечное и оружейное дело. Значительное разнообразие оружия, орудий труда, предметов, связанных со снаряжением всадника и верхового коня, не уступающие по своему качеству аналогичным предметам средневековой Европы, наглядно демонстрирует успехи в развитии железообрабатывающих ремесел (Культура Биляра, 1985). Широко известны в средневековом мире были болгарские медники, кожевники, косторезы и стеклоделы. Большая часть ремесленников сосредотачивалась в городах, но, как уже отмечено выше, существовали и ремесленные сельские населенные пункты. Сельские кузнецы, гончары, медники и другие ремесленники работали с применением тех же приемов, что и городские ремесленники, изготавливали однотипный набор изделий.

Особо следует сказать о той роли, которую Болгария играла в системе торговли Востока с Европой. Смело можно утверждать, что торговля была важнейшим государственным делом Волжской Болгарии. Еще Ибн Фадлан в своем описании Болгарии отмечал: "У них много купцов". По меткому выражению академика В.Л. Янина, Болгария стала своеобразными восточными торговыми воротами для Европы (Янин, 1956, с. 105-106). Развитие торговли потребовало возникновения опорных пунктов. Кроме крупных городов (Биляр, Сувар, Булгар, Джукетау и другие) опорными пунктами стали крепости Алабуга (Чертово городище, Юловское городище, Казан и целый ряд других укрепленных и открытых болгарских поселений (Моця А.П., Халиков А.Х., 1997) (рис.2). Многие из них контролировали важнейшие торговые пути. Так, Казан контролировала пути к древним марийцам и финнам Верхней Волги, Алабуга (рис.3) стояла на Камском пути в Вису, Иура и "Страну Мрака", Юлово было важ-

Рис. 3. Остатки болгарской крепости на Чертовом городище в Елабуге.

нейшим пунктом на Булгар-Киевском торговом пути.

Успехи болгар в развитии торговли настолько потрясли воображение их основных восточных партнеров - арабов, что те постоянно отслеживали её уровень. Наиболее подробный и обширный список болгарских товаров составил в X в. ал-Мукаддаси: "... меха: собольи, беличи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые; зайцы, козы шкуры; воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи, барсы, мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, скот. Все это товары из Болгарии" (Хвольсон, 1869, с. 181). Исследователи обычно делят болгарские товары на две или три (Хвольсон Д.А.) категории - товары транзитные, товары собственного производства, из числа которых иногда выделяют сырье и готовые изделия (Фахрутдинов, 1975, с.37). Безусловно, что меха можно было относить как к транзитным, так и к собственно болгарским товарам. Основную часть мехов, составлявших важную часть болгарских товаров, купцы получали при торговле со странами Севера. Ибн Фадлан писал, что болгарские купцы отправляются "в страну, называемую Вису, и привозят собелей и черных лисиц", а Марвази сообщал, что "прекрасные меха" привозят болгары из страны Иура. Меховая торговля была од-

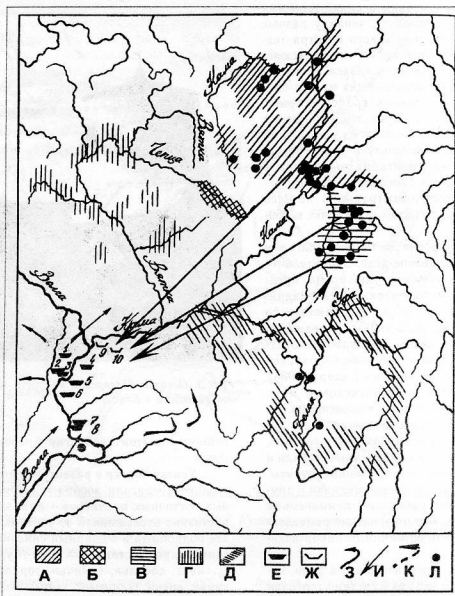

РИС. 4. Этнокультурная ситуация в Среднем и Южном Предуралье во второй половине VIII- начале IX вв. (По А.Г. Иванову с дополнениями). Условные обозначения: А- ломоватовско-родановская АК, Б- поломно-чепецкая АК, В- неволинская АК, Г- еманевская АК (по Н.А. Лещинской), Д- кушкареновско-караякуповская АК, Е- раннеболгарские могильники, Ж- мадьярские могильники, З- расселение ранних болгар, И- переселение предуральских племен (эсегелы) в формирующуюся Болгарию, К- гипотетические набеги болгар, Л- клады «восточного» серебра VII-IX вв. Цифрами обозначены могильники: 1- Тетюшский, 2- Большеатарханский, 3- Большеатарханский, 4- Танкеевский, 5- Уреньский, 6- Кайбельский, 7- Хряшевский, 8- «Золотая Нива», 9- Измерский, 10- Большеитганский.

ним из самых выгодных занятий болгар. Разница в ценах покупки мехов на Севере и продажи их в странах Востока была огромной. Если на Севере шкурку соболя можно было приобрести за 1 дирхем или обменять её на одну стеклянную зеленую бусину, то на рынке в Калькутте, по сообщению Ибн Баттуты, соболю стоил 400 динаров (Тизенгаузен 1884, с.297), еще дороже можно было продать горностая - за 1000

динаров. Разница в ценах покупки и продажи мехов составляла более тысячи процентов.

Не случайно все авторы-современники уделяли вопросам меховой торговли болгар особое внимание. Можно даже считать, что болгары были своеобразными монополистами-меховщиками для стран Востока. Высокая роль Болгарии в меховой торговле Востока прослеживается

известны до XIV столетия. Так, среди подарков золотоордынского хана Токтая правительству государства хулагуидов названы и сабли болгарские (Тизенгаузен, 1947, с. 83).

Списки товаров, ввозимых болгарскими в страны Севера - Ару, Вису, Йура, Страна Мрака, приводят ал-Марвази (XI в.), ал-Гарнати (XII в.), Мабарак-шах-Марваруди (XIII в.) и другие средневековые авторы. Эти списки включали одежду, ткани, предметы роскоши, в том числе золотые и серебряные украшения, драгоценную и бронзовую посуду, замки, различные изделия из железа, в том числе и оружие, например сабли, "одни клинки, в том виде, в котором они выходят из рук кузнецов" (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.33). Безусловно, что список товаров, ввозимых на Север, следует дополнить деликатесными продуктами питания, сладостями, вином, зерном, маслом. Ввоз этих товаров не мог осуществляться без керамической тары, хотя эта категория ремесленных изделий не учитывалась средневековыми авторами, но она подразумевалась. Кроме того, керамика могла ввозиться и как самостоятельный вид товара, в первую очередь это касается парадной столовой посуды, поливной и не поливной, которая выгодно отличается нарядным внешним видом и другими потребительскими качествами от традиционной лепной приуральской посуды и в силу этого может быть отнесена к престижным предметам импорта.

Система торговли болгар со странами и народами Севера составляла основу не только болгарской, но и всей восточной торговли. Многие современники описывали организационные принципы этой торговли. При этом встречаются указания как на меновую и "немую", так и на денежную торговлю. Торговые отношения с Севером были устойчивы и в одних и тех же формах действовали с X по XIV в.

Важнейшей особенностью северной торговли болгар была ее полная монополизация и контроль со стороны государства. Так, Ибн Фадлан в X в. приводит сведения о некоем индийском купце ("синдийце"), прибывшем в Болгарию с целью принять участие в меховой торговле со странами Севера. Его долго отговаривали, пугая дикими нравами северных жителей и трудностями пути, но когда он все же добился от царя (!) болгар разрешение ехать на Север, то по дороге был убит своими попутчиками - болгарскими купцами. Пытался пробраться к народам Севера и магрибинский путешественник XIV в. Ибн Баттута, но его все

же отговорили в Булгаре, при этом ссылались на трудности пути и невыгодность такой поездки. Таким образом, монополию северной торговли болгары охраняли очень ревностно, дело дошло даже до того, что северным жителям было запрещено являться в Болгарию, хотя этот запрет постоянно нарушался. Первые контакты между Болгарией и Предуральем были установлены еще в процессе формирования государства Волжская Болгария и болгарской народности.

2. "Страны и народы" Предуралья и Зауралья в арабской географии Волжской Болгарии

Без особого преувеличения можно сказать, что содержащиеся в мусульманской географической литературе IX-XIV вв. познания о народах и землях Севера, Урала и Западной Сибири в значительной мере являются информацией болгарских ученых, торговцев и чиновников (Давлетшин, 1981, с. 99). Тесные экономические, политические и культурные связи Болгарии с арабским миром, принятие и быстрое распространение ислама и арабской графики образовывали своего рода "культурный мост" между Востоком и Болгарией. Немало болгарских просвещенных людей получили свои знания в Багдаде, Бухаре, Самарканде, имевших богатые библиотеки и научные средневековые академии. Безусловно, что тесное взаимодействие болгар с людьми из ближних и дальних стран, связанное с их повседневными практическими (в том числе торговыми) делами, обогащало их географические знания и представления.

Наиболее знакомой болгарам была зона так называемого 7-го климата (аклим) по арабской классификации. В эту зону входило все, что было расположено к северу, востоку и западу от Волжской Болгарии. По представлению болгар, на севере находилось три области: область и народ Вису (Ису), за ней страна и народ Юра (Йура), а еще севернее - Страна Мрака, которую окружают море и непроходимые северные горы.

Первые сведения об этих северных соседях Болгарии есть у Ибн Фадлана, лично побывавшего в Болгарии в X в. Им названа, в том числе, страна Вису, которая размещается в 20 днях сухопутного пути или в 3 месяцах пути по Каме (Итилю), которую многие арабские средневековые географы

считали истинным продолжением Волги. Сведения о Вису приводились Фадланом со слов предводителя болгар, что указывает на происхождение большей части информации о севере. Вису знает и Бируни (XI в.), известный арабский ученый-энциклопедист, который отмечает также народ йура, расположенный за Вису. В XII в. сведения о Вису и её северных соседях приводит ал-Марвази: "На расстоянии пути в двадцать дней от них (болгар-А.Б.) по направлению к полюсу страна, называемая Вису, а за ней люди, зовут их Йура".

Весьма подробно описывает народ Вису и его соседей известный путешественник из арабской Андалузии Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в Болгарии в середине XII в. и, по мнению исследователей, бывший не только в Булгаре, но, возможно, и в северных землях. Он писал: "...и выше этой страны обитают люди, которым нет числа, они платят джизью царю болгар. А у него (Булгара) есть область, (жители которой) платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок... А за Вису, на море Мраков, есть область, известная под названием Йура" (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102-103). Все сообщения Гарнати достаточно достоверны, он писал, как правило, лишь о том, что видел лично, или только со слов проверенных, заслуживающих доверие, людей. Он, в частности, оставил этнографическое описание народа Вису: "Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белые, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров вывернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобров, и беличе мясо, и мед". Последнее упоминание страны Вису имеется в компилятивном труде арабского космографа Закария Казвини в середине XIII в.

В арабских источниках XIV в. география Севера приводится уже с большими подробностями. Так, арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (1331г.) упоминается касаб - маленький городок Акикул (Авакол, Афкула) в 20 днях пути от Булгара на север, то есть в пределах страны Чулман (Джулыман), земля и город Чулман, расположенный севернее Акикула, города

Сибир, Ибыр (Тизенгаузен, 1884, с.237-238). Ал-Омари сообщает: "Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера" (Тизенгаузен, 1884, с.240). При этом Чулыман размещается примерно там же, где ранее находилась Вису. "Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то приезжает к городу Каракоруму... когда путешественник, - писал ал-Омари, - едет на Запад, то приезжает в землю русских...". Страна Чулыманская, по данным ал-Омари, примыкает одной стороной - к землям башкир, другой стороной к странам сибирским. Касаба Афкула - столица этой страны. На мой взгляд, топоним Афкула можно понимать из тюркских (в персидском переводе) Афу, Ашу - "поворот" и Кула, Кала - "башня крепость" как "Поворотная крепость". Такое название соответствует характеру торговли болгар, которые ездили с товарами до этого места, а дальше торговали местные купцы. Сведения ал-Омари имеют высокую степень достоверности, об этом свидетельствует его оригинальный тройной метод проверки данных устных рассказов, а также его работа с материалами архивов, что ему позволяла должность государственного секретаря при египетском султани.

Название Чулыман, заменившее название Вису, знакомо и магрибинскому путешественнику Ибн Баттуте (вторая половина XIV в.). Баттута, как в свое время Гарнати, сам бывал в Булгаре с тем, чтобы увидеть краткость ночи в этих широтах, что казалось ему невероятным. Он свидетельствует, что на Чулыман ездят болгары, а далее товары возят уже сами чулымские купцы, они торгуют с Йурой. Таким образом "купцы чулымские" из торговых партнеров болгар превращаются в их посредников при взаимодействии последних с народами Севера (Страной Мрака, Йурой), куда теперь с болгарскими товарами ездят "купцы чулымские".

Вопрос об исторической и географической локализации Вису и других северных стран и народов давно привлекал внимание историков и географов. От правильного ответа на него зависит применение широкого круга ценных письменных источников по периоду X-XIV вв., весьма слабо освещенному в истории народов Севера. Этот вопрос к нашим дням в основном решен. Так, народ Йура арабских источников связывают с народом Югра русских летописей, помещая его в Северном Предуралье и

Завражье, и видят в нем предков хантов и манси (вогулов и остяков). Племя Ару, известное по работе Гарнати, исследователь творчества А.Л. Монгайт связывает с предками удмуртов - арами. С южными удмуртами народ Ару связывает и М.В. Гришкина (Гришкина, 1994, с. 11-17). Однако по поводу локализации народа и страны Вису до сих пор в литературе нет единого мнения. Одним из первых локализаций Вису заинтересовался Татищев В.Н., который размещал её на Белоозере в районе обитания белоозерской Веси русских летописей. Вслед за ним Х.М. Френ высказал мысль, что Вису тождественна белоозерской Веси, а с Прикамьем того же времени надо связывать Биармию. Эта точка зрения долго была единственной, однако существенные возражения ей высказали Ф. Всетберг, а в 1942г. И. Маркварт, который на основе анализа рукописи Ауфи заключил, что Вису, по Ауфи, не соответствует понятию Веси по ее географическому положению. Первый, кто разместил Вису в Предуралье, был немецкий географ Р.Хенниг (1935г.) (Хенниг, 1961, с. 259-266). Позднее этот вопрос рассматривался и в советской географической и исторической литературе. Так, А.П. Смирнов, Д.А. Голубева, И.В. Дубов относили Вису к белоозерской Веси, хотя А.П. Смирнов ставил знак равенства между ними с определенными колебаниями. М.В. Талицкий решительно соотнес Вису с населением Прикамья X-XII вв. (Талицкий, 1951), к его мнению, в какой-то мере, присоединился В.П. Даркевич (Даркевич, 1976, с. 153). А.Л. Монгайт, помещая Ару в Среднем Прикамье, Вису относил на территорию Белоозера, хотя последовательность в описании этих народов у Гарнати заставляет сомневаться в этом.

В настоящее время вопрос о локализации Вису по-прежнему открыт, хотя ряд современных археологов и историков, в том числе и автор настоящей работы, высказывали мысль о локализации ее в Верхнем Прикамье X-XIV вв. (Белавин, Оборин, 1986, с.64; Белавин, 1997). С подобным утверждением согласны и географы. Так, в 1970г. географ Е.В. Ястребов в своей статье достаточно достоверно восстановил карту 7-го климата по источникам X-XIII вв., поместив при этом Вису в Прикамье (Ястребов, 1970). Основным центром Вису он считал древнюю Чердынь, явно идя вслед за Хеннигом. А.Е.Леонтьев вполне определенно высказал свое отношение к проблеме локализации Вису в Прикамье: "На наш взгляд, прав М.В. Талицкий, связавший термин

"Вису" с народами Прикамья. Видимо, это - собирательное название, относящееся к обширной территории верховьев Камы и Северной Двины" (Леонтьев, 1986, с. 4-5). И хотя подобное расширительное толкование размещения "страны Вису" требует совершенно особых доказательств показательно то, что все больше современных исследователей склоняются к мысли о размещении Вису в Предуралье. Примкнули к приуральской гипотезе размещения Вису И.Ю. Пастушенко в своем диссертационном исследовании (Пастушенко, 1995) и Р.М. Валеев (Валеев, 1995).

Период X-XIII вв. - период наиболее интенсивных связей Болгарии с Предуральем, что ярко показано в арабских источниках, если принять предуральское размещение Ару, Вису и Чулымана. В это время сюда регулярно приезжают караваны болгарских купцов, двигаясь разными способами: по воде, по льду и по снегу на лыжах ["... и люди делают для ног доски и обстругивают их... перед и конец каждой такой доски приподнят над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в которые закреплены прочные ремни, которые привязывают к ногам" (Путешествие... 1971, с.35)] сухопутной караванной тропой. Отсюда в источниках разная продолжительность пути - от 20 дней ("Расстояние до 20 дней обыкновенным ходом") до 3 месяцев.

Со второй половины XIII столетия характер взаимодействия с Болгарией изменяется. На этом этапе вплоть до конца XIV столетия Болгария представляла собой скорее младшего торгового партнера Прикамья, чем наоборот. Однако при этом значительно увеличилось число болгар, проживающих на Прикамской земле. Вероятно, причиной этого были неоднократные войны болгар с монголами, в Прикамье население Болгарии спасалось от разорений. В это время источники называют кроме касабы Аваколь еще несколько городов в Предуралье: Чулыман, Сибир, Ибыр. К этому же времени относятся надмогильные плиты с болгарскими надписями у городища Гурьякар в Удмуртии.

Зауралье и Приобье были так же, как и Предуралье, хорошо известны средневековым арабским географам. Вероятно, эти сведения в арабскую литературу так же как и сведения о Предуралье, попали через болгарских купцов и "купцов чулыманских". Впервые сведения о народах Зауралья, известных под именем Йура арабо-болгарских источников, или Югра

русских летописей, появились в арабской литературе в XI в. Кажется, первым народ Йура упоминает в 1030 г. в своих "Масудовских таблицах по астрономии и звездам" ал-Бируни. Через сто лет после Бируни ал-Марвази сообщает: "На расстоянии пути в двадцать дней от них (болгар. - А.Б.) по направлению к полюсу страна, называемая Ису, а за ней люди, зовут их Йура. Они (Йура)- народ дикий, обитают в чашах, не имеют сношений с людьми, боятся зла от них... Булгары ездят к ним, возят товары, как-то: одежды, соль, другие вещи...торгует Йура при посредстве знаков и тайно...". Известный путешественник из арабской Испании Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в Волжской Болгарии в 30-е и 50-е г. XII в., писал: "А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным, так что, как говорят купцы, солнце не заходит 40 дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку и входят в него с факелами... И привозят люди мечи из стран Ислама, которые делают в Зенджане, и Абхазе, и Тебризе, и Исфакане, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон.

И мечи эти как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них верховых животных, ни выюнных животных - только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль.

А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег, и люди делают для ног доски и обстругивают их... Перед и конец такой доски приподнят над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные ремни, которые привязывают к ногам.

А шкуры лисиц и зайцев в этой стране белеют так, что становятся вроде ваты, таким же образом белеют и волки.

А мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят огромную прибыль. Затем булгары ведут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру

и ее жители покупают их за собольиные шкурки и за невольниц и невольников.

А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, чтобы бросить его в море Мраков. И, когда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу, вроде огромной горы...

Говорят: действительно, если жители Йуры не бросят в море мечи, о которых я упоминал, то им не будет послана рыба и они умрут от голода.

Жителям Вису и Йура запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда в эти области вступает кто-нибудь из них... то вода и воздух холодают, как зимой и у людей гибнут посевы." (Путешествие... 1971, с. 30-36). Как видно из этого пространного отрывка, страна Йура была хорошо известна болгарам; обращая на себя внимание многие детали, которые арабскому путешественнику невозможно выдумать - например, описание лыж, густых вековых лесов, особенностей длительности дня и ночи в разные сезоны.

Спустя несколько десятилетий Мубарак-шах Марваруди, описывая торговлю с йурой, конкретизировал сам процесс торговли в следующих операциях:

* *купцы приезжают в страну Йура, оставляют товары и удаляются,*

* *приходят торговцы Йура, кладут рядом свой товар и, если считают, что эквивалент достаточен, забирают купеческие товары и уходят,*

* *если, по мнению Йура, эквивалент мал, то купеческие товары не забирают, а удаляются и ждут,*

* *в этом случае пришедшие вновь к месту торга купцы добавляют своих товаров и вновь уходят,*

* *появляются торговцы Йура и, если находят состав товаров подходящим, забирают их, оставляя свои для купцов (Заходер, 1967, с. 63-64).*

Такая форма торговли с Йурой сохранялась, как об этом свидетельствуют Ибн Баттута, и во второй половине XIV в. Интересно, что, описывая торговлю с народом Вису, арабские авторы свидетельствуют и о "немой" меновой торговле в подобных же формах. Таким образом, можно считать, что меновая "немая" торговля - характерная этнографическая черта торговых взаимоотношений болгарских, и вообще восточных купцов, и угорских народов Предуралья и Зауралья. Торговые отношения болгар и финноязычного народа Чулман, сменившего на Каме народ Вису в XII-XIII вв., более сложные, как уже упоминалось, и соверша-

ицы в иных формах.

Стоит при этом оговориться, что вплоть до XII-XIII вв. территория, занятая Юрой-Югрой, была, возможно, значительно шире, чем Зауралье. Часть этих угорских племен обитала и на северо-востоке Европы, в Предуралье, вероятно, к востоку и югу от Печеры. С таким расположением Юры согласна часть современных исследователей (Югорск 1997, с.3). На такое расположение Юры, во всяком случае какой-либо ее части, указывает прямой путь к ней на север от Вису (Чудымана) и такой же прямой путь от Юры далее к полюсу в "стану Мрака". Знаменитый рассказ "Повести временных лет" о походе отрока Гюряты Роговича в Печеру фиксирует именно предуральское расположение Югры. Отрок беседует с югорскими людьми, которые сообщают ему, что за ними расположены горы, высотой до неба и заходящие в луку морскую, вероятно имелись в виду хребты Северного и Полярного Урала.

В этом же плане особый интерес представляет сообщение В.Н. Татищева о походе волжских болгар на Унжу в 1218г.: "Болгары, собрав войска, пошли Камою вверх на югров. И был между ними жестокий бой, едва югры могли удержаться. Болгары же, поворотя, взяли град их лестью". Далее Татищев разъясняет, что Унжа - река в Галицкой провинции, берущая начало у Устюга (Татищев, 1965, с.207, 603). С этим согласуется сообщение Холмогорской летописи о вторжении болгар в эти земли в том же году: "Тое же зимы угры выгнаша Мстислава из Галича на сед королевич в нем". О походе болгар в 1218-1219 г. на Устюг и Глядены сообщает и Вычегодско-Вымская летопись.

С.М. Шпилевский объединяет сообщения летописей и сведения Татищева и пишет, что болгары вначале воевали с югрой, поднявшись к ней по Каме и Вятке, а далее пошли походом на Устюг (Шпилевский, 1877, с. 148-149). Однако уже к XIII в. переселение в Предуралье предков коми и все усиливающееся русское давление заставили народ Юра окончательно покинуть Северное Предуралье, и далее для торговли с ними купцы переваливали Уральские горы, отправляясь в Нижнее и Среднее Приобье. Именно на это время приходится расцвет торговли болгар через "купцов чудыманских" с Юрой и наиболее подробные сведения о Юре в арабской литературе.

3. Ранний этап болгаро-предуральских контактов

Переселение болгарских племен на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму начинается не позже середины VIII в (рис.4). Археологическим подтверждением проникновения этих племен являются такие могильники, как Кайбельский и Больше-Тарханский (Генинг, Халиков, 1964). В первой половине IX в. к ранним болгарам присоединяются спустившиеся из районов Среднего и Верхнего Прикамья и Вятско-Камского междуречья племена неволинской, ломоватовской и полумской культур, принесшие с собой круглодонную керамику прикамского типа (рис.5) с примесью толченой раковины и многочисленные украшения приуральско-сибирского облика (Халиков, 1989, с. 77-78).

Эта керамика представлена сосудами IV этнокультурной группы IX в. в Волжской Болгарии (по Т.А.Хлебниковой), посудой V и VI этнокультурных групп начала X в. (Хлебникова, 1984). Вся такая посуда имеет примесь раковины или шамота в тесте, формы ее типично прикамские - горшковидные или чашевидные сосуды с круглым дном. Иногда сосуды имеют достаточно высокую горловину. Для керамики этих групп характерны "резная" орнаментация, реже встречается шнур, оттиски гребенки и ямки. Наиболее характерный тип орнамента - елочка, изредка отдельные приемы орнамента сочетаются в разных композициях. В целом по форме, тесту и типам орнамента посуда указанных групп имеет аналогии в посуде неволинских памятников бассейна р. Сылва, активно изучаемых в 80-е годы археологами Удмуртского университета. Керамика V и VII групп X в. имеет также аналогии среди материалов Усвийской и Иньвенско-Обвинской территории раннеродановского времени (Саломатовское городище, селище Телячий Брод, Кудымкарское, Рождественское городища и другие памятники), что, вероятно, связано как с процессами переселения бывших неволинцев, так и с дальнейшим развитием керамической традиции Прикамья. Количество приуральской керамики в материалах поселений Волжской Болгарии колеблется от 20% до 77% от числа лепной керамики, что свидетельствует о мощной переселенческой волне из

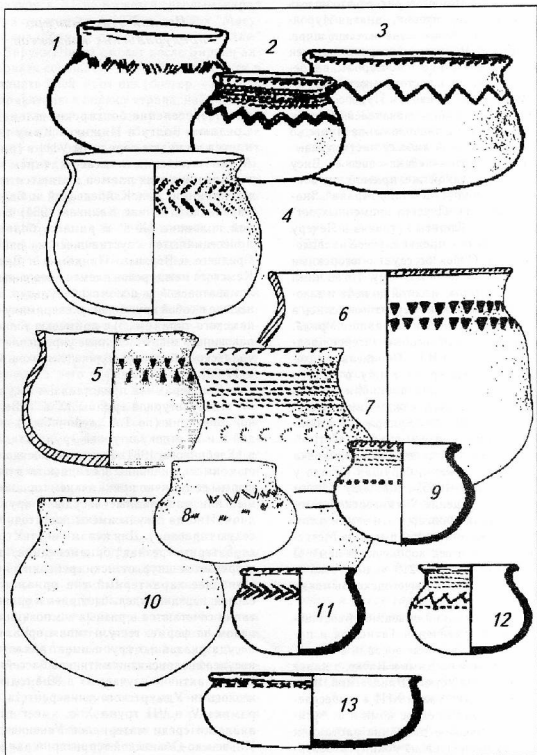

Рис. 5. Предуральская (эсгельская) неволинская, ломоватовско-родановская и поломско-чепецкая керамика из раннеболгарских могильников (по Е.П. Казакову): 1-8- Танкеевский, 9- Хрящевский, 10- Тетюшский, 11-13- Большетарханский.

Прикамья. В материалах Танкеевского могильника и других памятников Болгарии VIII-X вв. также представлены подвески и другие украшения ломоватовско-неволинского типов. Все это говорит о том, что основной прикамских племен, переселявшихся на

территорию будущей Волжской Болгарии, были неволинские племена. В настоящее время понятно, что расселение неволинцев, ломоватовцев и поломцев на территории будущей Волжской Болгарии было более-менее равномерным. Вещи и керамика при-

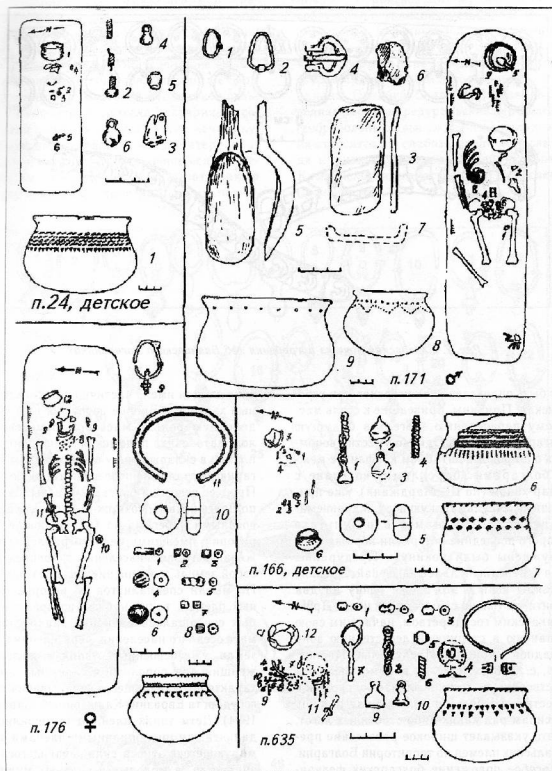

Рис. 6. Погребения Танкеевского могильника (эсегельские) с предуральской круглодонной керамикой (по Е.П. Казакову)

камско-приуральского типа есть как на камских, так и на волжских малых и крупных поселениях, в том числе и в Биляре, Суваре и других крупных городах (Белавин, 1990, с. 125-129).

Большая часть исследователей древностей Волжской Болгарии считают, что имен-

но прикамские переселенцы вошли в исторические источники под именем "болгарских эсегель" (иски кэль - старые племена) (рис. 6). А.Х. Халиков считал их тюркоязычным населением Прикамья, обитавшим там с IV-V вв. н.э., однако, вероятно всего, их языковая и культурная принадлежность мо-

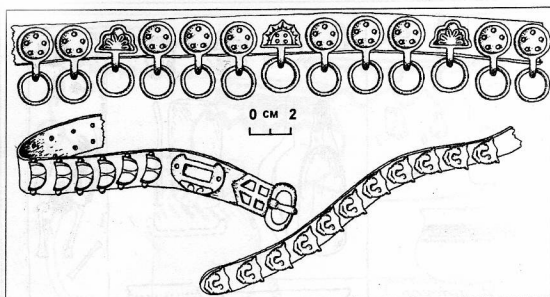

Рис. 7. Салтовский пояс из погребения №6 Баяновского могильника

жет быть определена как угорская или угрофинская. Причины, приведшие к столь массовому переселению эсегель в будущую Болгарию, не ясны. Однако уместно вспомнить о широкомасштабном конфликте между болгарами (барсилами) во главе с Айдар-ханом (по Ш. Марджани), уже принявшими мусульманскую веру, и древнемадьярскими племенами, в результате которого последние потерпели поражение и вынуждены были покинуть Предуралье, уйдя в Леведию и далее на Дунай. Древние мадьяры вели в это время войну на два фронта, не только с болгарами, но и с Древнехакасским государством, начавшим свою экспансию в степную и лесостепную зону Западной Сибири и Предуралья (Иванов, 1994, с. 82-83). Эсегелы, видимо, были задействованы в этом конфликте болгарами в качестве союзников и получили за помощь барсилам ряд каких-либо особенных льгот, на что указывает широкое расселение предуральских племен по территории Болгарии. На особое положение болгарских федератов - прикамских племен, особенно на ранних этапах формирования Болгарии, указывает и такая необычная награда для их предводителя, как дочь царя болгар. Когда хазарский каган потребовал от царя болгар его вторую дочь, взамен умершей в Хазарии первой, то царь болгар "выдал ее замуж за князя племени эскел, который находился у него под властью" (Ковалевский, 1956, с.139).

Возможно, что переселение предураль-

ских племен имело частично и насильственный характер. Вполне вероятно, что определенную роль в массовом переселении ломоватовских, ломоских и неволинских племен в складывающуюся Волжскую Болгарию сыграли военные экспедиции болгар. Процесс освоения болгарами новых земель по Волге и Каме, возможно, сопровождался военными набегами на окружающие территории, имевшими целью ограбление проживающего здесь населения, закрепление за собой земель, подчинение соседних племен. По мысли специалистов по истории степных племен, такие набеги, во время которых совершалось пленение значительных масс оседлого населения, переселения их на земли, уже освоенные степняками, захват женщин для пополнения гаремных семей, характерны для процесса складывания ряда государств Евразии (Кляшторный, Савинов, 1994). Дети таких пленниц становились в дальнейшем полноправными членами формирующегося этноса складывающегося государства, а молодых и сильных мужчин-неволинков в эпоху раннего средневековья во многих странах превращали в самую боеспособную часть войска - гвардию. Так было в Испании при омейядских халифах, таковыми были египетские "мамлюки", "тюркская" гвардия в Багдаде, "славянская" гвардия в Византии и т.д. (Гумилев 1989, с.130-131). Недаром многие восточные авторы отмечают среди списка товаров, ввозимых в Болгарию, еще и неволинков. Дети от браков угорских и финских предуральс-

и невольниц с воинами-болгарами усваивали язык и культуру отцов, а жен в свою очередь вновь искали в набегах на родину своих матерей. Их потомки - уже полноправные болгары, прочно усвоившие язык и обычаи новой родины - пользовались в быту легкодоступной массовой продукцией сельского и городского ремесла Болгарии, но сохраняли и лепную приуральскую керамику, которую выделывали их жены, матери и бабушки, и лишь распространение ислама мешало им по-прежнему укладывать такую посуду в могилы с дорогими сердцу покой-

никами. Вероятно, этот же механизм способствовал сохранению устойчивой моды на украшения, наборные пояса и другие предметы предуральских типов. Вероятно, в том, что болгары быстро и успешно освоили не совсем привычные им лесостепные и лесные районы Средней Волги и Нижней Камы, велика заслуга предуральских переселенцев (добровольных и вынужденных), наладивших на относительно слабозаселенных после ухода именьковцев и мадьяр землях Нижней Камы сельскохозяйственное и ремесленное производство.

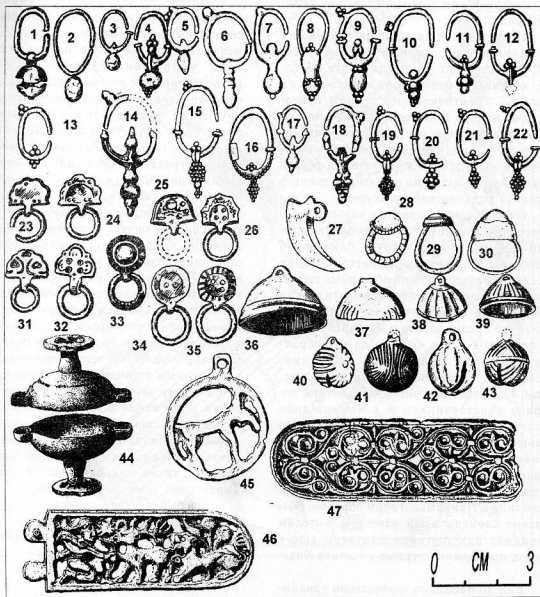

Рис. 8. Салтовские и раннеболгарские вещи из памятников Пермского Предуралья VIII-нач. IX вв.: 1, 13, 28, 36, 39 - Деменковский могильник; 2, 3, 10, 12, 19, 22, 31 - Аверинский могильник; 4, 16, 35, 36 - Телячий Брод могильник; 6 - Русиновский могильник; 8, 23, 30, 41 - Редикарский могильник; 9, 27, 29, 33, 34 - Баяновский могильник; 11, 24, 39, 43 Плесинский могильник; 17, 22 - Шукинский могильник; 18, 40, 42, 45 - Бродовский могильник; 32, 44 - Загарский могильник; 33, 38 - Вакинское селище; остальное - быв. Пермская губерния;

Часть неволинского населения, возможно, продолжала жить на прежних местах обитания и в IX-XI вв., о чем свидетельствует небольшой материал этого времени на Верх-Саинском городище и некоторых других неволинских памятниках, хотя не исключено, что это лишь следы кратковременного посещения старых мест обитания потомками неволинцев. Другая часть неволинских племен переселяется к близкородственным угорским поздним ломоватовским племенам бассейна р. Чусовая. Здесь их приход отмечен массовым появлением сосудов с резной орнаментацией на Соламовтовском городище, Лисенорском городище, селище Телячий Брод.

Исследования автора, проведенные на ряде памятников бассейна р. Чусовая в 1986-1991 г., позволяют утверждать, что массовое появление резной орнаментации на керамике памятников этой группы приходится на начало X или вторую половину IX в. В последующем в результате культурной инфильтрации резной орнамент неволинского облика, а также некоторые формы сосудов проникают и на памятники южного варианта родановской культуры.

Очевидно, что широкое и разнонаправленное переселение неволинских племен привело к тому, что достаточно близкое по происхождению и месту прежнего обитания население расселилось на обширных территориях и продолжало поддерживать между собой те или иные контакты. Постепенное вживание предуральцев в болгарскую среду привело к тому, что начинается обратное движение болгарской керамики, украшений, поясных наборов и других изделий в качестве обменного эквивалента, подарков родственникам и с какими-либо обратными переселенцами. Возможно, что первые контакты с целью обмена были налажены еще до переселения болгар и неволинцев на Волгу и Каму. На это указывает широкое распространение предметов салтовского типа в Прикамье. Таким образом, болгарские племена были известны жителям Прикамья как торговые партнеры еще в период пребывания первых в составе Хазарии.

Еще до массового переселения прикамских племен в Болгарию, то есть в VII-VIII вв. в Предуралье начинают поступать изделия салтовского типа. Наиболее изученной частью салтовского и раннеболгарского импорта являются поясные наборы (рис. 7) встреченные на многих неволинских и ломоватовских могильниках и поселениях (Голдина, 1985, с. 132-133). Связующим звеном

в таких контактах были земли Южного Урала, где у степного населения много подобных находок, а так же и Удмуртия, где встречены салтовские вещи (Семенов, 1981, табл. II, 8). Наряду с украшениями поясных наборов проникают в Предуралье и другие предметы салтовского и раннеболгарского типа. Прежде всего это сабли характерного салтовского облика. Находки такого оружия, иногда вложенного в ножны, богато украшенные серебряными накладками или аппликациями, обнаружены в погребениях могильников Телячий Брод, Плесинский, Аверинский, Деменковский и других.

Интересно, что наряду с упоминавшимися салтовскими медными, бронзовыми и серебряными поясными накладками в Пермское Предуралье с IX в. начинают поступать украшения, характерные для раннеболгарского костюма: подвески в виде самоварчиков (рис. 8, ф. 44), которые у ранних болгар так же, как и у салтовцев, играют роль амулетов (Мало-Аниковский могильник, городище Аношкар), височные кольца с гроздьями бусин или литыми гроздьями и пирамидками (Деменковский, Каневский, Телячий Брод и другие могильники), подвески-амулеты в виде литых из бронзы когтей (Мало-Аниковский, Баяновский и другие могильники), аронные шумящие подвески, украшенные зернью, сканью, иногда с изображением древа жизни. Такие подвески использовались в Прикамье так же, как и в Болгарии, как части наконсиков (Плотниковский, Баяновский и другие могильники, Редикарское городище). Самоварчиковые подвески, вероятно, были характерным этническим амулетом салтовцев, поэтому можно говорить и о проникновении в это время в Предуралье каких-то групп салтовского (раннеболгарского) населения. Материалы подобного типа представлены в могильниках раннеболгарского времени, таких, как Танкеевский, Больше-Тарханский, Больше-Тиганский.

Особый интерес представляют височные подвески с грушевидным или булавообразным окончанием типа представленных в материалах Больше-Тиганского могильника. Эти подвески, изготовленные из серебра и обильно украшенные сканью, пирамидками зерни и зерновыми гроздьями, были, видимо, одним из наиболее ранних типов серебряных украшений, которые стали ввозиться в пермские земли из Волжской Болгарии. В Прикамье такие подвески (рис. 8, ф. 7, 8, 9) встречены на могильниках Телячий Брод в погребении №20 - VIII в., в Бродовском, Аверинском, Каневском и других

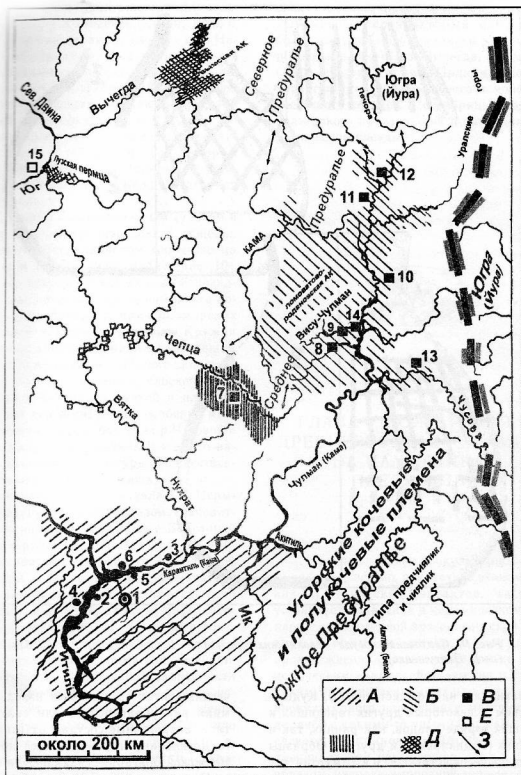

Рис. 9. Этнокультурная ситуация в Предуралье в X- первой половине XIII в. (По А.Г. Иванову с дополнениями). Условные обозначения: А - Волжская Болгария в домонгольский период; Б - ломоватовско-родановская АК; В - основные городища ломоватовско-родановской и ломоско-чепецкой АК; Г - ломоско-чепецкая АК; Д - вымская культура; Е - русские поселения; 3 - основные волоки. Цифрами на карте обозначены: 1-Билар (Великий город), 2-Булгар (город святого Ибрагима), 3-«Чертово городище», 4-Ошель, 5-Джукетау, 6-Кашан, 7-Иднакар, 8-Рождественское городище (Афкул), 9-Кудымкар, 10-Городищенское городище, 11-Редикар, 12-Искар, 13-Саломатовское I городище, 14-Анюшкар, 15-Устюг.

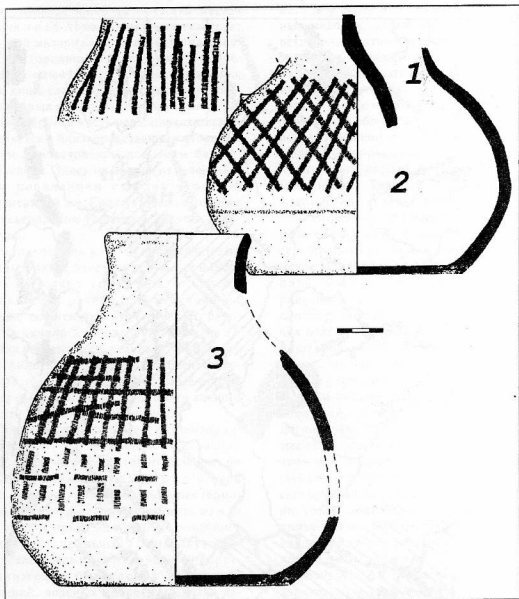

Рис. 10. Салтовская посуда неволинских городищ: 1 - Верх-Санское-1, 2,3 - Лобач (по Е. Пастушенко).

могильниках, на Рождественском, Кудымкарском и некоторых других городищах и селищах в ряде кладов, как ранних, так и поздних (Редикарский и другие). Образцы таких подвесок встречаются и в Удмуртии, где они относятся к раннеболгарскому времени. Возможно, что такие подвески являются дальнейшим развитием подвесок с гроздьями пустотелых бусин и были занесены пермским населением на территорию Болгарии, а в IX-XIV вв. получили там дальнейшее развитие. Поздние образцы (XI-XIV вв.) подвесок отличаются крупными размерами, обилием зерни и скани.

Весьма важным показателем не только торговых, но и возможных ранних этни-

ческих контактов являются находки керамики раннеболгарского или салтовского типа, аналогичные сосудам из Танкеевского могильника и ранних слоев поселений Волжской Болгарии. Такая посуда найдена на Назаровском городище на р.Обва (не позднее начала X в.). Интересны находки раннеболгарской керамики, сделанные на селище Паразята (р.Обва) В.П. Мокрушиным. Здесь найдены фрагменты лепной керамики бурого, серого коричневого цвета с примесью раковины, украшенные волнистым многорядным орнаментом. Волнистый орнамент не имеет генетических корней в прикамско-приуральской орнаментальной традиции. Аналогичные сосуды можно най-

керамической коллекции Биляра и ряда памятников Болгарии, где они относятся к началу X столетия (Хузин, 1986, с. 10-11). Такая же керамика имеется и на Нарвском городище. Она расценивается болгароведами как посуда, возникшая у перенесшихся в Болгарию прикамских племен, в которой сочетаются как камские, так и раннеболгарские традиции. В нашем случае можно считать, что данные находки свидетельствуют о той особой роли, которую сыграли бывшие жители Прикамья в установлении прочных связей между Болгарией и Предуральем.

Кувшины с низкораздутым туловом и перекрещивающейся штриховкой лощения найдены на Верх-Саянском городище на р. Шаква и на городище Лобач (рис. 10), здесь же встречены кружки, амфоровидные сосуды, известные среди комплекса посуды ранних болгар и причерноморских памятников хазарского времени. Кружки болгарского типа послужили в дальнейшем основой для возникновения нового типа прикамской посуды - кружек с плоскоплощадочной или "С"-видной ручкой и плоским дном. Этот тип посуды стал особенно массовым на памятниках бассейна р. Чусовой и отмечен также на памятниках южного варианта родановской культуры (Рождественское, Кудымкарское городища).

Уже в период VIII - начала X в. Пермское Предуралье, таким образом, становится одним из тесно связанных с Болгарией районов Урала. Ранний этап болгаро-прикамских контактов относится к IX-первой половине X в. На этом этапе кроме знакомства и завязывания партнерских отношений произошло еще и установление определенного политического взаимодействия, вероятно, прикамские племена стали рассматриваться болгарами как союзники, находящиеся в определенной зависимости от своего более сильного в военном и экономическом плане партнера. Такое отношение болгар к Прикамью значительно облегчило дальнейшее расширение связей, что привело к возрастанию зависимости Прикамья от Волжской Болгарии.

В последующее время Пермское Предуралье занимает одно из ведущих мест в торговле болгар с народами Севера; торговые контакты переросли в систему торгово-политических отношений, стали возможны не только регулярные визиты купцов, но и проживание болгарских ремесленников и торговцев на некоторых крупных поселениях родановских племен. Пермское Предуралье, известное в X-XIV вв. как страна и

народ Вису и страна Чулман болгаро-арабских источников, превращается в перевалочный центр, через который идет поток болгарских товаров в верховья р. Кама, на р. Чепца, в бассейн р. Вычегда, в Приобье. Особенно ярко эта роль Прикамья подчеркивается находками вещевого и монетного восточного серебра и серебряных изделий болгарского производства и находками керамической посуды.

ГЛАВА 3. БОЛГАРСКАЯ И ДРЕВНЕРУССКАЯ КЕРАМИКА НА ПАМЯТНИКАХ ПРЕДУРАЛЬЯ

Наличие находок инокультурной керамики, как известно, показатель экономических и этнических контактов. Частое и устойчивое появление в керамическом комплексе определенной археологической культуры керамики иного культурного происхождения связывают не только с экономическим взаимодействием, но и либо с каким-то переселением тех или иных групп инокультурного населения в местную среду, либо с какими-то иными формами этнического проникновения (браки, наличие пленников или невольников и т.п.). Таким образом, находки импортной керамики, особенно в массовых количествах, на памятниках Предуралья - показатель высокого уровня не только торговых, но и определенных этнокультурных связей. Кроме того, керамика служит своеобразным источником, позволяющим судить о внутривнутриполитических и внешнеполитических событиях в изучаемом регионе, отлично маркирует развитие ремесел и социально-экономических отношений.

Практически на всех раскопанных в Предуралье памятниках средневековья исследователи выделяют находки керамики, характерной для археологических культур соседних с Предуральем территорий. Весьма распространенной примесью к керамическому комплексу на предуральских памятниках конца I - начала II тыс. н.э. является керамика зауральских и западно-сибирских племен, характерная по форме, орнаментации, со специфическими добавками в тесто (слюда, тальк); на отдельных памятниках Удмуртского Предуралья встречена керамика именьевской культуры. Внутри Предуралья в материале отдельных археологических культур также, как правило, фиксируется примесь к основному керамическому комплексу иноэтничной керамики из соседних археологических культур. Так, в материалах родановских памятников Пермского Предуралья (Редикарское, Урольское, Чердынское, Острая Грива, Городищенское, Рождественское городища и другие) найдена керамика вымской культуры. По мнению В.А. Оборина, эта керамика свидетельствует о наличии в родановской среде переселенцев из Перми Вычегодской, число их невелико, пришельцы,

видимо, растворялись в родственной среде коми-пермяков (Оборин, 1987, с.69-71). Более всего вымской посуды собрано в верхнем слое Искарского городища (XIV-XVI вв.), где она составила 25% керамического комплекса. На Кудымкарском, Усть-Бубинском, Рождественском, Лавратском и Назаровском городищах встречена керамика с характерным для чепецкой культуры треугольным и рамчатым штампом в орнаменте. Все эти находки указывают на постоянные контакты жителей Предуралья между собой.

Эта посуда, при всем её инокультурном качестве, весьма близка по форме и функциональному назначению. На фоне обычной для Предуралья лепной посуды характерных чашевидных или близких к ним форм ярко выделяется комплекс гончарной посуды из Волжской Болгарии и древнерусских земель. Непривычные, разительно отличающиеся от местной посуды формы и свойства гончарной ремесленной продукции позволяют считать, что её распространение в Предуралье является одной из ярких характеристик связей жителей Предуралья со своими могущественными соседями - двумя крупными раннефеодальными государствами.

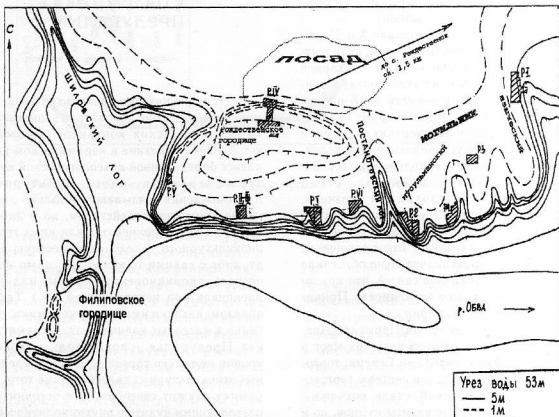

Рис. 11. План Рождественского археологического комплекса на р. Обва - касба Афкул (Афкул, Аваколь, Акикул)

1. Болгарская глиняная посуда на памятниках Предуралья

1.1. Болгарская керамика в Предуралье

В настоящее время болгарские предметы выявлены в составе коллекций с почти 250 памятников эпохи средневековья Предуралья. Это разного типа украшения и детали костюма из золота, серебра, бронзы, стеклянные бусы и бусы из других материалов, оружие, металлическая посуда и прочие предметы. Наиболее многочисленной категорией болгарской материальной культуры на памятниках Предуралья является глиняная посуда - керамика (рис. 21). Находки болгарской гончарной керамики, как обычно пишут исследователи "красноглиняной керамики", на поселениях Пермского и Удмуртского Предуралья отмечали многие авторы. Фрагменты болгарской ("татарской") керамики с различных городищ и селищ Верхнего Прикамья описаны в археологическом дневнике Теплоуховых, хранящемся в архиве Института истории материальной культуры в Петербурге. М.В. Талицкий в своей работе "Верхнее Прикамье в X-XIV вв." отмечал, что "наиболее характерной особенностью керамического комплекса памятников Прикамья X-XIII вв. является наличие болгарских сосудов тех же форм, какие известны по раскопкам болгарских городищ" (Талицкий, 1951, с.56).

Болгарская керамика в настоящее время выявлена на 44 поселениях и 2 могильниках Пермского Предуралья. Ее анализ, осуществленный с применением принципов типологии, классификации и хронологии, выработанных болгароведами на основе керамических коллекций памятников Волжской Болгарии, позволяет достаточно точно соотносить нашу керамику с посудой собственно болгарских памятников и достаточно точно отмаркировать определенные связи и этапы их развития.

Наибольший интерес представляет керамическая коллекция Рождественского городища. Во время семилетних раскопок (1981, 1985, 1990-93, 1997г.) а также в результате стопятидесятилетних сборов с его

поверхности, собрана большая коллекция фрагментов керамики, украшений и орудий труда и предметов быта, насчитывающая несколько тысяч единиц хранения.

Основу коллекции составляют обломки глиняной посуды: как гончарной, так и лепной. Из числа гончарной посуды следует исключить несколько десятков фрагментов поздней русской посуды XVIII-XIX вв., которые собраны в дерновом слое и на пашне. Остальная масса гончарной посуды представлена болгарской керамикой. Всего за шесть лет раскопок на городище собрано более 11 тысяч фрагментов гончарной и 3,5 тысячи фрагментов лепной керамики. Причем среди лепной керамики встречаются не только родановские сосуды, но и фрагменты вымских, чепецких и зауральских сосудов (около 5% лепной посуды). Общее количество лепной посуды в культурном слое городища, таким образом, не превышает 25 % от числа всей собранной на нем древней керамики; керамическая коллекция в целом характеризуется как гончарная. По соотношению лепной и гончарной посуды Рождественское городище может быть сближено с собственно болгарскими поселениями центральной Волжской Болгарии, где примерно такое же соотношение прикамско-приуральской и гончарной общегончарской посуды.

Весьма наглядно соотношение болгарской гончарной и местной лепной родановской посуды демонстрируется в таблице 1, где приведены данные по раскопу № IV 1991 года, располагавшемуся у вала.

Правда, следует оговориться, что данный раскоп дал подавляющее количество находок болгарской керамики в коллекции. По другим раскопам соотношение болгарской и родановской керамики несколько иное и количество гончарной керамики не превышает 45 % от всей посуды этих раскопок. Возможно, что такое распределение болгарской посуды по территории городища указывает на локализацию болгарской части поселения, так как все прочие раскопы, кроме IV, располагались на краю обрыва в зоне обрушения.

Видимо, большая часть болгарской неполопной керамики Рождественского городища может быть отнесена к домонгольской. Среди гончарной посуды имеется 815 фрагментов поливной керамики, с поливом бурозеленого, зеленого и желто-зеленого цветов. Такая керамика имела распространение как в домонгольской Болгарии, так и в Болгарии золотоордынского времени (Посуда Билэра, 1986). Неполопная керамика

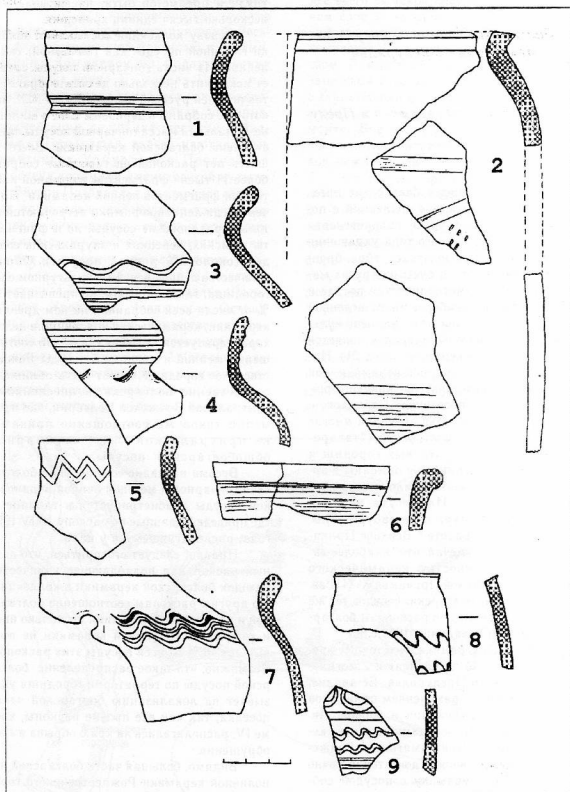

Рис. 12. Болгарская гончарная не поливная керамика Рождественского городища и могильника(1)

горизонт	Керамика гончарная				Керамика лепная			
	всех фрагментов		венчиков		всех фрагментов		венчиков	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	65	65	3	75	37	35	1	25
2	60	54,5	3	75	53	45,5	1	25
3	105	47,6	7	63,6	119	52,4	4	36,4
4	267	62	17	60	166	38	11	40
5	376	67	45	70	187	33	19	30
6	471	74	56	75,6	178	26	18	24,4
7	1072	79	151	82,7	289	21	34	18,3
8	1383	88	226	87	187	12	30	13
9	1351	90	263	93,5	136	10	18	6,5
10	743	92,8	121	93	57	7,2	6	7
11-13	2120	91	400	92	215	9	35	8
всего	8013	83	1292	86	1624	17	177	14

Таблица 1. Соотношение лепной и гончарной керамики раскопа IV 1991г. на Рождественском городище по условным горизонтам культурного слоя (10 см) без учета ям.

представлена в основном так называемой общеболгарской керамикой (группа I по Т.А. Хлебниковой), широко распространенной по всей территории этого государства. Выделяется комплекс керамики "типа Джуке-Тау", представленной 154 фрагментами горшковидной керамики серого цвета. Такая керамика распространена в северо-восточных окрестностях городища Джуке-Тау (летописный город Жукотин на Каме). Этот комплекс весьма показателен, так как он с уверенностью позволяет утверждать, что у жителей Рождественского городища существовали связи именно с этими районами Болгарии.

Основная масса болгарской посуды представлена фрагментами посуды красного (45 %), желтого (23 %), коричневого (21 %) и черного цветов. 94 % неполивной керамики имеет в тесте примесь мелкого окатанного речного песка и лишь 6 % ее имеет примесь мелкой толченой раковины и шамота. Судя по однородности черепка на свежем изломе тесто хорошо перемешано, техника его подготовки аналогична известным приемам болгарских гончаров. Наружная поверхность основной массы гончарной неполивной керамики хорошо заглажена и носит следы лощения в виде широких перекрещивающихся линий, плотных параллельных полос. Кроме лощения из приемов обработки наружной поверхности встречено томление, в результате которого около 4 % посуды с красно-коричневым черепком имеет серый цвет поверхности. Этот достаточно редкий прием появился у гончаров болгарских го-

родских ремесленных центров к XIIв. (Хлебникова, 1962). Вся болгарская керамика Рождественского городища имеет горнковой обжиг. По нашему мнению, это свидетельствует о привозе сюда керамики из крупных городских ремесленных центров Волжской Болгарии или о высоком уровне гончарного ремесла на самом городище.

Орнаментировано 26 % неполивных сосудов. Большая часть орнаментированных сосудов украшена линейным орнаментом в одну-три линии (рис. 12, ф.4.6). Вторую группу по массовости составляют сосуды, украшенные "зыбчатой" многолинейной волной, а также более крутой одно-, трехлинейной волной (рис. 12, ф.7.8). Отмечен каплевидный ямочный и короткий зубчатый орнаменты (рис. 14, ф.1.6). Около двух десятков сосудов имеют рифление (рис. 14, ф. 8, 20, 21). В коллекции также есть части сосудов с ручками, украшенные небольшими пуговчовидными налепами.

Из 14 типов венчиков, выделенных на посуде Волжской Болгарии Т.А.Хлебниковой (Хлебникова, 1962, с.130), на болгарской посуде Рождественского городища встречены в основном венчики I, III, V, IX, X, XI типов. Венчики болгарской посуды, по мысли большинства ее исследователей, имеют устойчивую связь с формой сосуда. Указанные типы венчиков характерны для горшков, кринок, мисок, блюд, корчаг. Кухонная посуда (горшки, кринки) составляет до 32 % неполивных сосудов, столовая посуда (миски, блюда, кружки) составляет до 13 %. Остальная масса посуды представ-

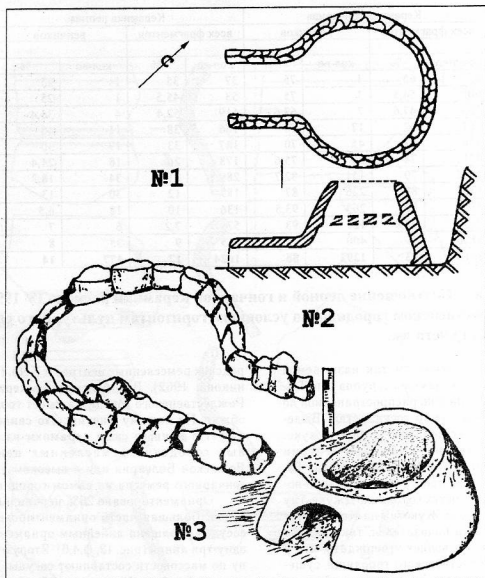

Рис 13. Гончарные болгарские горны Рождественского городища

лена кувшинами (28 %), корчагами, светильниками, сферокуссами, сковородами, крышками от последних. Интересны находки хорошо отделанных крышек от кувшинов (рис. 14, ф.3,8).

Кухонная посуда вряд ли могла использоваться как тарная керамика и, вероятно, в меньшей степени, чем парадная посуда и кувшины, могла быть предметом торговли. Большое количество болгарской посуды, в особенности кухонной, заставляет считать ее местной продукцией. Это подтверждается открытием на городище трех гончарных горнов (рис. 13).

Горн №1 был открыт по время раскопок 1981 г. под руководством Ю.А.Полякова. Горн был углублен в землю и помещался в Т-образной яме при максимальной глуби-

не широкой части до 186 см. Широкая часть ямы имела вид прямоугольника размерами 280x200 см, стенки ямы крутые, отвесные. Ее верхняя часть была заполнена рыхлым черным слоем с углем и осколками обожженной глины от разрушенного свода горна. Стенки ямы были обложены хворостом и обожжены для укрепления. На глубине 1,2 м здесь располагались глинобитная подочажная площадка 160 x120 см и горн, стоящий на ней. Стенки горна из обожженной глины и сырцовых блоков сохранились на высоту 65 см, их толщина 20-30 см, внутреннее пространство горна имеет размеры 110 x 80 см, внешние размеры - 130-104 см. Горн делился на два яруса. Высота нижнего яруса не превышала 30-40 см. Остатки перекрытия нижнего яруса сохранились в

выступов по стенкам горна, основная часть перекрытия рухнула под тяжестью заполнения. В северной стенке нижнего яруса имелось топочное отверстие прямоугольной формы размерами 29х20 см, прослежены также остатки самой камеры (устья), выдвинутой перед горном. На этом месте зафиксированы куски глиняной обмазки от стенки. Меньшая часть горновой ямы заполнена кусками угля, золой, комками сырой глины; вероятно, это строительный мусор, вынесенный из основной части горновой ямы.

Горн №2 был исследован в 1985 г. А.М. Белафиним; он расположен в нескольких метрах к северу от горна №1. Горн почти полностью разрушен в процессе эксплуатации. Диаметр его основной части - 140 см, в южной стенке имелось топочное отверстие, прослежены остатки топочной камеры размером 54 х 40 см. Нижний ярус горна заполнен углем так же, как и топочная камера. Южная часть ямы использовалась как подготовительная, подсобная площадка. Здесь зафиксировано скопление топлива - древесного угля и фрагменты обожженного кувшина. Стенки горна, нарезанные в слое глины были частично обожжены изнутри сырцовыми блоками неправильной прямоугольной и трапециевидной формы, которые после обжига в процессе эксплуатации сооружения приобрели твердость кирпича. Вероятно, этот горн был сооружен ранее горна №1 и после его разрушения началось строительство первого горна. Судя по украшениям, найденным в горновой яме, он функционировал в XIV.

Горн №3 был открыт в 1991 г.. В отличие от первых двух горнов он находился не на краю площадки, а в подвальной части городища. По своему устройству он полностью аналогичен горну №1. Диаметр камеры 160 см, ее стенки со следами внутреннего свода из кирпичей трапециевидной и неправильной прямоугольной формы сохранились на высоту до 70 см, отверстие топочной камеры расположено в восточной стенке. Перекрытие несколько повышалось по направлению к отверстию топочной камеры.

В целом все три горна представляют собой углубленную в землю конструкцию с двумя ярусами без опорного столба с удлиненным устьем топочной камеры. Наиболее близки описанные горны к простейшим двухъярусным горновым печам с горизонтальной перегородкой без опор, известным как горны I-го типа из Волжской Болгарии. По наблюдениям Н.А. Кокориной, подобные горны имели широкое рас-

пространение у городских и сельских ремесленников Болгарии (Кокорина, 1983, с.63-67).

Лепная посуда родановских памятников, как правило, обожжена в печи или на костре, но лепная посуда Рождественского городища в большинстве случаев имеет также следы неровного печного обжига, хотя достаточно высока доля сосудов с отлично прокаленным черепком, что свидетельствует об использовании горнов, однако горны все же сооружались и использовались болгарскими ремесленниками, вероятно, проживавшими на городище. Считается, что подобные горны использовались для приготовления преимущественно бытовой посуды. Датировка горнов данного типа широка, подобные сооружения использовались в Болгарии как в домонгольский, так и в золотоордынский период.

Интерес представляет планиграфическое и стратиграфическое распределение болгарской посуды на Рождественском городище. Как уже указывалось, большая часть болгарской посуды собрана на раскопе у вала городища. Это обстоятельство можно связывать либо с локализацией болгарского поселка на городище, либо с расположением здесь вообще жилой части городища. На краю площадки у современного обрыва вскрыты лишь хозяйственные и производственные сооружения. Исключение составляет полуземлянка, в которой собраны орудия труда костореза, заготовки и готовые изделия косторезного дела. Она могла быть не только производственным, но и жилым сооружением. На раскопе у вала городища фиксировались развалы печей типа каменок и остатки сильно разрушенных земляных полов жилищ. Таким образом, вполне вероятно, что именно здесь, у вала, находилась жилая часть городища, продолжавшаяся за пределами укреплений в виде посада. Стратиграфическое распределение керамики на этом раскопе так же показательно. Основная ее масса залегает в 3-9 горизонтах, т.е. на глубинах от 30 до 110 см. Здесь собрана большая часть не только гончарной, но и лепной посуды раскопа. Датировка этого участка слоя затруднена многочисленными древними перекопами и перепланировками сооружений, поэтому она может быть только обобщенной - XI-XIII вв. На остальных раскопах стратиграфическое расположение болгарской керамики примерно такое же. Показательно присутствие болгарской керамики в самых ранних горизонтах культурного слоя, лежащих непосредственно над материковым слоем. Это

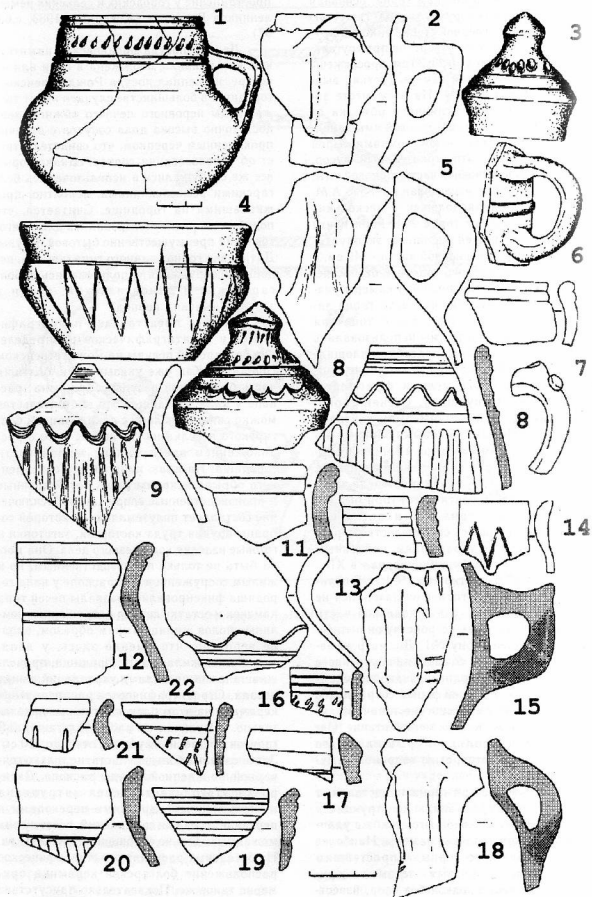

Рис. 14. Болгарская гончарная не поливная керамика Рождественского городища.

...ность заставляет считать, что сооружение городища в целом связано с деятельностью болгар. Интересен факт находки болгарского красноглиняного горшка в погребении № 115, расположенного неподалеку от городища Рождественского напильника (рис. 12, ф.1).

Керамика, могущая относиться к ордынскому времени (поливная и неполивная) собрана в основном на раскопах, прилегающих к обрыву. Неполивная посуда ордынского времени представлена двумя сотнями фрагментов коричневого и красного цвета с несколько шероховатой поверхностью, украшенных линейным орнаментом. В 1997г. на одном из таких раскопов было найдено 3 фрагмента кашинной керамики с поливой бирюзового цвета.

Достаточно интересна и разнообразна болгарская керамика городища Аюшкар (рис. 15,16). Всего во время раскопок этого городища В.А. Обориним, Г.Т. Ленц и А.А. Терехиним собрано 1296 фрагментов неполивной и 270 поливной керамики болгарского производства.

Неполивная керамика представлена 107 сосудами, из которых 34 сосуда по внешним признакам и расположению в верхних частях культурного слоя могут быть отнесены к керамике ордынского времени. На их описании мы остановимся позже. К домонгольскому времени относятся 73 сосуда. Изучение состава теста позволяет разделить эти сосуды на две группы:

- 1 - из тонкого, хорошо очищенного теста с примесью мелкого песка - 94%,
- 2 - из хорошо отмученной красноватой глины с примесью мелкотолченой раковины в качестве отощителя - 6%.

Судя по следам на обломках дниц, формовка болгарской посуды городища Аюшкар производилась на ручном гончарном круге. Однородность черепка на свежем изломе свидетельствует, что тесто хорошо промешано, однородно и черепки хорошо прокалены. Керамика обожжена в горне.

Большая часть домонгольской неполивной керамики имеет поверхность красного цвета (56 %) разной степени интенсивности, также встречены сосуды желтого, коричневого, серого и черного цветов. Подобная гамма окраски поверхности связана с распространением технологии обжига в окислительной среде, в результате чего поверхность сосудов приобретала оттенки красного, коричневого и желтого цветов. В то же время, по наблюдениям И.Н. Васильевой, Т.Н. Хлебниковой и других исследова-

телей болгарской керамики, изредка гончары использовали технологию синения (обжига с ограниченным доступом воздуха), в результате этого поверхность приобретала сероватый цвет. Отделка наружной и, значительно реже, внутренней поверхности посуды производилась преимущественно методом лощения. Лощение нанесено в виде полос различной ширины, занимающих часть поверхности сосуда. Полосы наносились как вертикально, так и горизонтально, отмечены фрагменты желтых сосудов с перекрещивающимся лощением, что напоминает известные типы раннеболгарских и даже салтовских сосудов. Лощение отмечено у 87% домонгольской болгарской керамики Аюшкара. Еще 8% неполивной домонгольской керамики имеют различного вида орнаментальные украшения. Чаще всего встречается орнамент в виде волны (40%). По своему виду он весьма разнообразен и образует узоры в виде зыбчатой волны или более крупной и крутой волны; нередко волнистый орнамент встречается вместе с линейным (параллельные резные линии) (рис. 15, ф.10; рис. 16, ф.1). Отпечатки короткого зубчатого штампа встречены на 16,2% орнаментированных сосудов, в основном на горлышках. Часто зубчатый орнамент сочетается с линейным. Имеются также фрагменты, украшенные ямками в виде вдавлений округлой или овальной формы или в виде запятых. Всего ямочный орнамент встречен на 6% сосудов. В 1 случае наблюдается рифление (рис.15, ф.3), часть крупных корчаг украшена налепными валиками-каннелюрами по горловине. Интересен знак в виде косого угла с лучом, встреченный на днище одного из красноглиняных сосудов (рис.15, ф.12). Такие знаки характерны для посуды Биляра.

Из 14 типов венчиков (по Т.А. Хлебниковой) среди болгарской керамики Аюшкара встречены 12. По характеристике венчиков керамика Аюшкара наиболее близка керамике Рождественского селища в Татарстане. Так же как и на Рождественском селище, здесь наиболее часто встречаются венчики 3 типа, близки и иные количественные показатели. Опираясь на схему зависимости формы и типа венчика от формы, типа и назначения сосуда, разработанную Т.А. Хлебниковой, а также на известную связь цвета болгарской керамики с ее формой и назначением (например красный цвет наиболее характерен для корчаг и кувшинов, черный - для горшков), отметим, что большая часть неполивных домонгольских болгарских сосудов Аюш-

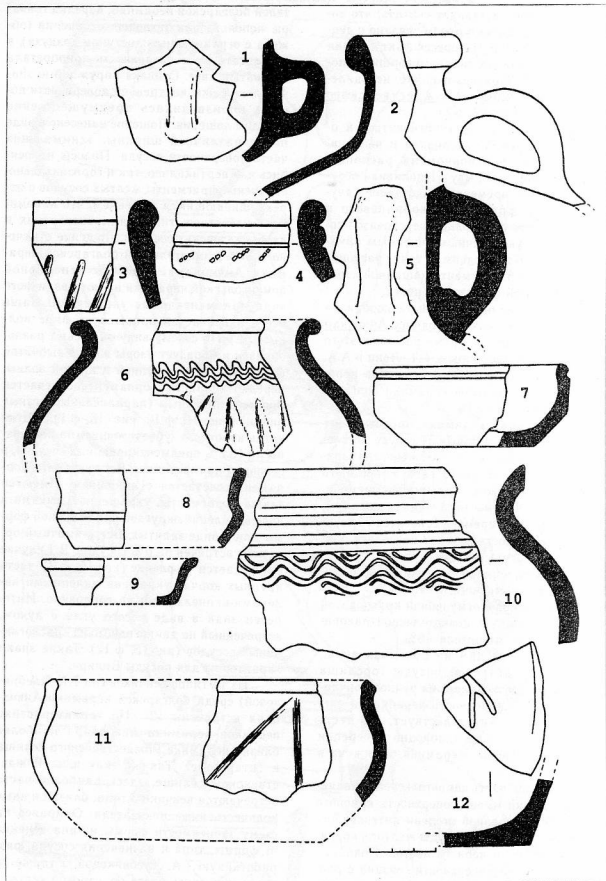

Рис. 15. Болгарская керамика Анюшкара

она относится к достаточно узкогорлым кувшинам коричневого и красного цвета с высоким (ранние) и низким горлом (рис. 15, 16) а также к корчагам. Всего на долю этих типов сосудов приходится 58,5% неполойной домонгольской керамики Аюшкэра. На остальные формы керамика разделилась следующим образом: кринки, преимущественно коричневого цвета - 15,9%; горшки - 7,8%; прочие формы (блюда; миски - рис. 15, ф. 7,8,9; светильники - рис. 16, ф. 4,5,6,7,8; сковородки) - 17,8%. Таким образом, среди болгарской керамики Аюшкэра преобладают тарные сосуды, служившие для перевозки жидких и сыпучих товаров (корчаги и кувшины), среди прочей посуды представлены формы, не встречаемые среди местного традиционного родановского набора посуды, что может выдавать в них предмет торговли.

Стратиграфическое распределение болгарской неполойной посуды на Аюшкэре может служить хорошим показателем для определения датировок его хронологических частей. Большая часть этой посуды расположена в двух верхних горизонтах культурного слоя (1-й горизонт - 35,3%, 2-й горизонт - 32,8%). Верхняя часть первого горизонта датирована В.А. Обориним по находке хорезмийской монеты XIV в. Но XIV в. - только самая верхняя датировка горизонта. Большая часть вещей, найденная в нем, датируется XIII в. Второй горизонт может быть датирован XI-XIII вв. Сокращение количества болгарской керамики на последующих горизонтах связано с более ранними датами их накопления. Кроме того, большая часть болгарской керамики найдена в раскопах у вала городища, что, скорее всего, локализует размещение жилища болгар в поселке на городище. Отметим сходство этого размещения с размещением керамики на Рождественском городище.

Отдельного описания заслуживает поливная керамика Аюшкэра. Основная масса ее найдена на втором и третьем горизонтах культурного слоя, т.е. стратиграфически датируется X-XIII вв.; достаточно много её и в первом горизонте. Поливная керамика второго и третьего горизонтов может быть признана домонгольской. Среди этой керамики выделено 14 сосудов. Тесто сосудов коричневого и красного цвета. Они покрыты стекловидной поливой бурозеленого - 37%, темно-зеленого - 27%, светло-зеленого - 19% и сине-белого цветов - 17%. Полива зеленого и светло-зеленого цвета с желтыми пятнами хорошо известна на поливной домонгольской керамике Бол-

гарии (Хлебникова, 1962, с. 142). Она распространена в Биляре, Суваре, Болгаре, на ряде других памятников в слоях домонгольского времени. Отдельные фрагменты поливной домонгольской керамики Аюшкэра украшены орнаментом в виде резных линий; лепной волны, выделенной желтой поливой; прочерчено-процарапанный в виде параллельных линий.

По формам поливная керамика распределялась следующим образом: кувшины разных типов изящных форм с высоким горлом - 30%; кружки приземистых форм с широким горлом и боковой ручкой - 15%; блюда и миски с широким открытым устьем и поддоннообразным выступом на дне сосуда - 40%; плошки и светильники(?) - 15%. Исследователи поливной керамики справедливо полагают, что глазуванная посуда считалась парадной. Отсутствие на поливной керамике Аюшкэра следов копоти и нагара, преобладание среди этих сосудов керамики изящных форм также свидетельствует о парадном характере поливной керамики. По формам сосудов, цвету и составу глиняного теста, орнаментации, цветам поливы и их соотношению поливная керамика Аюшкэра близка к поливной керамике Биляра. Вероятно, это выдает направление торгового взаимодействия жителей Аюшкэра с центральной частью Болгарии. Керамика с сине-белой поливой имеет аналогии в поливной керамике средневекового Хорезма. Привозная среднеазиатская поливная керамика имеет место в материалах Волжской Болгарии, в частности, в Биляре.

Основная часть болгарской керамики городища Аюшкэра принадлежит, таким образом, к домонгольскому времени.

Небольшая часть болгарской керамики Аюшкэра может быть отнесена к золотоордынскому времени. Всего к этому периоду может быть отнесено около 40 неполойных сосудов и 1 поливной сосуд. Неполойные сосуды представлены фрагментами крупных и толстостенных корчаг и кувшинов с характерными сливами-носиками, плоскоовальными ручками и цилиндрическими горловинами (у корчаг). Поверхность черепков золотоордынской посуды более шероховатая, как бы "занолистная", из-за специфической добавки к глиняному тесту мелкого остроугольного песка. В домонгольское время такой песок, по наблюдениям исследователей, не использовался (Васильева, 1993). Большая часть золотоордынских сосудов имеет коричневый или кирпично-красный цвет, поверхность некоторых сосудов

украшена редкими полосами лощения. Практически все сосуды золотоордынского времени найдены в верхних частях первого горизонта. Косвенным образом это подтверждает датировку верхней части слоя по хорезмийской монете.

Учитывая большое количество болгарской посуды на Аношкаре, логично предположить, что часть её изготавливалась на месте болгарскими гончарами. К сожалению, в раскопах современных исследователей городища (Ленц Г.Т., Терехин А.А.) остатков производственных гончарных сооружений не найдено. Однако в полевых дневниках В.А. Оборина имеется краткое описание круглого углубленного в землю горна со стенками, обложенными коричневыми глиняными кирпичами неправильной формы. К сожалению, В.А. Оборин принял это горн, яма от которого прослеживалась от дневной поверхности раскопа, за крестьянский гончарный горн XIX-XX вв. и детально его не зафиксировал. По той же причине его описание не включено в отчет, в отличие от обнаруженных в то же время металлургических кузнечных горнов. При сравнении краткого описания аношкарского горна с рождественскими можно заключить, что и он относится к болгарским гончарным горнам I-го типа.

Из прочих коллекций болгарской керамики, собранной на памятниках Пермского Предуралья, интерес представляет коллекция, полученная в результате раскопок и многолетних сборов на Кудымкарском городище. Помимо болгарской керамики в коллекции этого городища представлена и иная привозная керамика, которой также много и на Рождественском городище, и на Аношкаре-это керамика из бассейнов Вычегды, Оби и других районов Предуралья, Урала и Зауралья. Это наглядно иллюстрирует особую роль городища в системе торговых связей древних жителей Иньвы.

Керамическая коллекция из Кудымкарского городища - одна из самых значительных в Пермском Предуралье, всего в ней насчитывается более 3 тысяч фрагментов. В просмотренных нами коллекциях имеется 214 фрагментов болгарской керамики, что составляет 14% от керамики X-XIII вв., или около 5% от всей керамики памятника. По сохранившимся верхним частям сосудов из керамики X-XIII вв. выделено 694 сосуда, из которых болгарские составляют 106 экземпляров, или 15%.

Изучение состава теста болгарской керамики Кудымкара позволяет выделить керамику трех групп. Керамика I-й группы

(94%) имеет хорошо отмученное глиняное тесто с примесью мелкого песка. Керамика 2-й группы (3,5%) имеет тесто с примесью мелкоотточенной раковины речных моллюсков. В глиняном тесте 3-й группы (2,5%) в качестве отощителя использован крупный остроугольный песок и дресва.

Глина, шедшая на изготовление теста, имеет хорошее качество и пластичность, вероятно, несколько ожелезненная и аналогичная глине керамической посуды болгарских памятников. По технике формовки наша керамика однородна. Судя по имеющимся в материалах сборов Кудымкарского музея фрагментов днщ, формовка производилась на ручном гончарном круге, следов срезания нитью, характерных для ножного круга, нет. Таким образом, болгарская керамика Кудымкарского городища, как и вышеописанная керамика Аношкара и Рождественского городища, изготовлена преимущественно на ручном круге, наиболее широко распространенном у болгарских гончаров в X-XIII вв.

Цвет поверхности рассматриваемой керамики разнообразен. Больше всего керамики красного цвета различных оттенков - от темно-красного до кирпично-красного - 50% (53 сосуда). Коричневая керамика составляет 23,5%, желтая - 15,5%, серая (пепельная) - 4%, черная - 3%. Керамика кирпично-красного цвета может быть отнесена к золотоордынской. Отметим больший, по сравнению с керамикой Аношкара, процент желтой керамики, характерной для болгарских памятников IX-нач. XI в.

Для отделки наружной поверхностинеполивной керамики Кудымкарского городища характерно вертикальное и перекрещивающееся лощение. Лощению подвергнуто около 85% сосудов. Преимущественно это сосуды красного и коричневого цвета. Керамика серого цвета лощения не имеет. Нет лощения и на кирпично-красной керамике.

Орнаментированная керамика составляет не более 7%. Набор орнаментов характерен для общеболгарской керамики - линейный орнамент по венчику и шейке (56%), зубчатый короткий орнамент, ямочный и волнистый орнаменты по плечикам сосудов. В коллекции имеются фрагменты ручек от корчаг с пуговковидными наделпами.

По принятой нами типологии Т.А. Хлебниковой можно выделить среди кудымкарской посуды венчики 10 типов из известных 14. Более всего венчиков 1, 3, 4, 10-го типов, характерных для корчаг и кувшинов. В це-

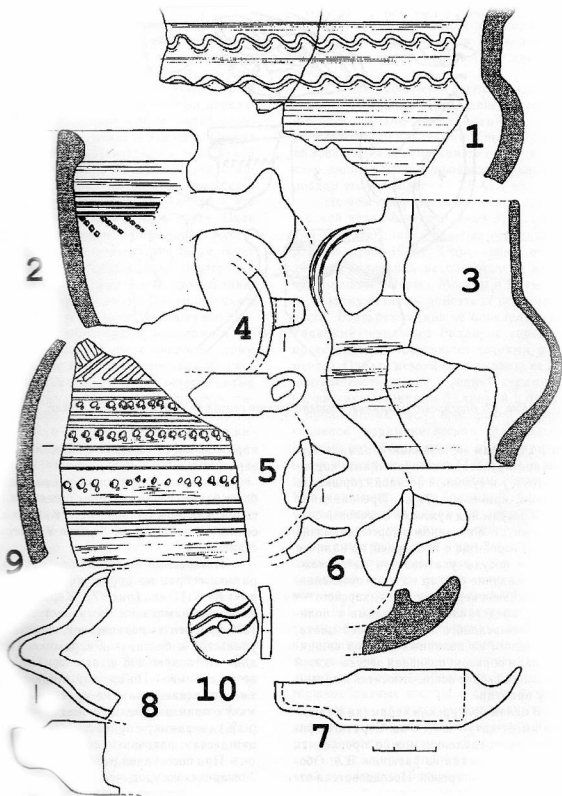

Рис. 16. Болгарская керамика Анышкар: 4,5,6,7,8 - светильники, 10 - пряслице, вырезанное из стенки сосуда.

Рис. 17. Болгарская керамика Городищенского городища (1-5) и городища Искар.

лом по формам неполивная керамика Кудымкара представлена кувшинами, корчагами (69%) и кухонной посудой - горшками, мисками, кринками (26%). Преобладание тарной посуды над кухонной и столовой свидетельствует в основном о торговых связях жителей городища с Болгарией, но наличие кухонной посуды указывает и на возможное проживание болгар на этом поселении.

Поливная керамика Кудымкарского городища представлена 4 сосудами с поливой желто-зеленого и бирюзового цвета. Тесто одного из поливных сосудов кашинное. Таким образом, поливная посуда из этой коллекции, скорее всего, относится к ордынскому времени.

В целом болгарская керамика Кудымкара имеет дату - X-XIV вв. Стратиграфическое распределение можно проследить лишь для керамики из раскопок В.А. Обороина и В.П. Бочкаревой. Исследователи отмечают, что основная масса болгарской керамики залегала в слоях XI-XIV вв., в основном в центральной части городища. Однако верхний слой памятника может быть датирован даже XVв. К золотоордынской керамике, кроме упомянутых поливных сосудов, можно отнести все фрагменты

кирпично-красного цвета с "заноистой" поверхностью.

Болгарская керамика Кудымкара наиболее близка керамике таких поселений Болгарии, как Рождественское и Кайбельское селища и к керамике Русско-Урматского селища.

Интересный комплекс болгарской керамики собран на Городищенском городище XI-XIII вв. (рис.17). Керамический материал памятника составляет собрание 1235 фрагментов родановской, вымской, зауральской и болгарской керамики. Последняя составляет 203 фрагмента (16,5% от всей керамики). По составу глиняного теста болгарская керамика делится на керамику с примесью мелкого окатанного песка (93%) и керамику с примесью крупной фракции песка и раковины речных моллюсков.

При пососудной разборке выделено 36 болгарских сосудов, что составляет 12% от числа всех сосудов памятника. Неполивных сосудов - 34. Формовка неполивных сосудов осуществлялась на ручном гончарном круге. Каких-либо знаков на дне не обнаружено.

Разнообразен цвет поверхности неполивной керамики. Большая часть её имеет

серый цвет (70%), красный цвет, по преимуществу темных оттенков, у 21% сосудов, меньше всего коричневой посуды, а керамика черного и желтого цвета отсутствует. Из числа фрагментов, не вошедших в пососудную разборку, интересен фрагмент керамики с поверхностью, окрашенной в красно-малиновый цвет. Этот фрагмент относится к достаточно редкому типу ангобированной керамики. Из числа серых фрагментов керамики 4 имеют на поверхности следы томления в виде тонкой пленки. Этот прием появился у болгарских пичаров в XII в. Поверхность неполивной керамики украшена преимущественно лощением, в одном случае лощение имеется и на внутренней поверхности сосуда - это фрагмент блюда коричневого цвета. Пять фрагментов украшено однорядной и многорядной волной по шейке. Один сосуд имеет гофрированную стенку и ручку. Интересна находка крупного фрагмента кувшинчика, имеющего гофрированную стенку и ручку с пуговковидным налепом; шейка кувшинчика украшена канелюрами, наколами и однорядной волной. Прямые аналогии этому сосуду можно найти в материалах Русско-Урматского селища, где практически целые подобные сосуды были найдены прямо в гончарном горне (Фахрутдинов, 1984, с.152). Из других ornamentированных фрагментов интересен обломок штампованного среднеазиатского (Хорезм?) сосуда, попавший сюда в результате деятельности болгарских купцов. Интересно, что набор болгарской керамики Городищенского городища по цвету и украшению поверхности очень напоминает дожоговскую посуду Русско-Урматского селища - тот же набор гофрированных сосудов, резные и штампованные орнаменты, вертикальные ручки сосудов с "шишечками", красивые канелюры, насечки в виде ногтевидных вдавлений и полумесяца, заштрихованные линии, характерный ободок по нижнему краю днищ. Конечно, такие признаки можно найти на большей части дожоговской болгарской керамики, но само сочетание этих элементов ритмично сближает гончарную посуду нашего городища с посудой указанных памятников с территории Татарстана. Таким образом, можно предполагать, что основным поставщиком пичарной посуды на Городищенское городище были производственные центры болгарского Закамья.

Городищенская коллекция болгарской керамики состоит, в основном, из корчаг, пичаров, кринок и кувшинов. Кувшины красного цвета с четко выделенной и узкой

горловиной. Корчаги имеют ручки с пуговковидными налепами. Из прочих форм интересны фрагменты 3 мисок, блюда на низком поддоне, двух светильников, обломок верхней части сфероконауса.

Поливная керамика представлена фрагментами двух сосудов темно-зеленого цвета. Один из фрагментов имеет налепную волну.

Стратиграфическое распределение болгарской посуды на Городищенском городище своеобразно по сравнению с выше описанными памятниками. Она встречается по всей толщине культурного слоя, что вызвано, видимо, очень непродолжительным периодом его накопления - XI-XIII вв.

Не менее выразительна коллекция болгарской керамики, собранная М.В. Талицким при раскопках Роданова городища на р. Кама в 1936-1937 г. К сожалению, в наши дни эта коллекция рассредоточена между хранилищами Перми, Москвы и Петербурга, поэтому детально описать её нет возможности. Болгарская (как ее определяет сам Талицкий) керамика Роданова городища представлена несколькими сотнями фрагментов. Однако невозможно выявить ее процентное соотношение с лепной керамикой, но, как указывает сам Талицкий в отчетах и публикациях, число болгарской "красноглиняной" керамики весьма значительное. Именно это обстоятельство дало ему основание именовать период XI-XIII вв. в истории Предуралья "болгарским периодом". Как описывает М.В. Талицкий, большая часть болгарской керамики представлена фрагментами гончарных сосудов красного цвета с примесью песка или без нее, украшенных вертикальным лощением. Та часть коллекции, которую удалось осмотреть в Эрмитаже, и публикация Талицкого (Талицкий, 1951, с.66-80) дают представление и о типах общеполгарской посуды, найденной на городище. Это многочисленные фрагменты кувшинов, в основном одноручные кувшины с туловом небольших пропорций, горшкообразные сосуды с двумя ручками или ушками, крупные амфоровидные сосуды, жировые лампочки-светильники и сфероконовидные сосуды. Большая часть сосудов указанных типов распространена по всей территории Болгарии, типы сфероконов имеют аналогии в керамическом инвентаре Билыра (Халиков, 1986, рис.1).

Помимо общеполгарской керамики Талицкий описывает еще одну группу керамики из Болгарии. Это сосуды с поверхностью серого цвета, без лощения, с примесью песка и дресвы в глиняном тесте

(Талицкий, 1951, с. 56). Плечики таких сосудов, по наблюдениям Талицкого, обычно украшались волной, тулово имело украшения в виде полос линейного орнамента. М.В. Талицкий считал эту посуду славянской, хотя и отмечал определенные отличия в оформлении верхней части сосудов. Как показали обследования части этой керамики из коллекции Государственного Эрмитажа, это сосуды так называемого "джукетауского типа" - болгарской керамики XIII группы, по Т.А. Хлебниковой. Такая керамика, как уже было отмечено, встречается на многих Предуральских памятниках и может служить показателем района Волжской Болгарии, с которым имели связи жители этих памятников.

Судя по последним публикациям болгароведов, керамика типа Джукетау широко встречается не только в материалах камских поселений Болгарии, но и на многих памятниках центра этой страны, в том числе и в столичном Биляре. Учитывая наличие сфероконических сосудов, аналогичных билярским, можно заключить, что Роданово городище посещалось билярскими торговцами. Кроме того, в коллекции из Роданова городища имеются небольшие сосудики с поливой голубовато-зеленоватого цвета. Подобная поливная керамика также характерна для мастерских Биляра (Макарова, Халиков, 1986, с. 53-60).

Другие коллекции болгарской керамики из средневековых памятников Верхнего Прикамья менее значительны. Из южной группы родановских памятников болгарская керамика представлена в коллекциях ныне почти разрушенного Вакинского селища на р. Иссыл (в основном материалы до-революционных сборов), Майкарского - на р. Кама, Редийского, Калинятского, Полютова, Романова (Ильинского) - на р. Обва, Дойкар - на р. Велье, Назаровского, Острая Грива, Эсперово, Володин Камень городища, Абрамовского, Чашкинского II (рис. 22), Запосельского, Огурдинского, Гириб I, Плотниковского I селища, Мартыновского селища и могильника - на р. Иссыл, и в единичном виде в материалах еще нескольких памятников.

Большая часть гончарной болгарской посуды из южно-родановских памятников по своим функциям относится к столовой посуде. В самой Болгарии эта посуда была весьма обиходной, но в Прикамье она могла расцениваться как престижная столовая посуда из-за своего привозного характера и весьма нарядного, по сравнению с местной

лепной керамикой, вида. Можно предполагать, что она играла роль социально значимых предметов, так же, как фаянсовая фабричная посуда в русской деревне XIX в.

На северо-родановских памятниках монгольская болгарская керамика встречается в 20 коллекциях. Для большей территории, занятой этим вариантом родановской культуры, количество этой керамики сравнительно не велико, и она разнотелая отличается от керамических коллекций южных памятников.

Наиболее многочисленны находки болгарской глиняной посуды сделаны на следующих северных пермских памятниках: в Петуховском городище Ю.А. Поляковым собрано около 50 фрагментов болгарской красной и коричневой керамики - это обломки одноручных кувшинов и корчаг с вертикальным узким лошением. На распахиваемом Покчинском селище, расположенном к северу от г.Чердынь, разными исследователями собрано несколько десятков фрагментов красной и коричневой болгарской гончарной посуды. В коллекции представлены фрагменты кувшинов, корчаг (в том числе ручки с пуговидными налпами), украшенные нешироким перекрещивающимся лошением. По мнению В.А. Оборина, раскопками которого собрана часть этой керамики, данное селище может быть датировано XI-XII вв.

Около сотни фрагментов болгарской керамики красной и красно-коричневого цвета собрано на Редикарском городище на р. Вишера раскопками В.А. Оборина в 1971 г. Н.Б. Крыласовой в 1996 г. Здесь представлены фрагменты толстостенных корчаг, крупных одно- и двуручных кувшинов, украшенных лошением, волнистым орнаментом и канелюрами. Авторами раскопок данная керамика датирована XI-XIII вв.

Болгарская керамика собрана и на Мелехинском, Крымкарском, Вильгортском селищах, городищах Красная Горка, Пятежском, Верх-Язьвенском и на некоторых других памятниках Чердынского, Красновишерского, Усольского районов Пермской области. Показательны находки болгарской красной и коричневой посуды в Гайнском городище и селищах Харинском V и Нетяйн III в Гайнском районе Коми-Пермяцкого округа. Эти памятники наиболее удалены от территории Болгарии по р. Кама, практически это уже собственно Верхоямье - один из самых глухих уголков Предуралья того времени. К сожалению, автор настоящей работы не привелось ознакомиться с коллекциями из раскопок Зюздинского

(Афанасьевской) группы ломоватовско-родановских памятников. В публикациях же упоминаний о болгарской керамике с этих памятников нет, хотя здесь известны находки серебряных и железных изделий болгарского ремесла (Голдина, Кананин, 1989). Интересны находки болгарской красноглиняной посуды на Вятском городище в г. Чердыни. Здесь собрано два десятка фрагментов от пяти сосудов XII-XIII вв.

Наиболее северной точкой распространения болгарской керамики в Пермском Предуралье является Получемьевское городище (Пустой Урол), изученное в 1983г. раскопками В.А. Оборина. Здесь собран 61 фрагмент гончарной керамики серо-коричневого цвета. При дальнейшей обработке из большинства фрагментов сложился почти целый кувшин с блоко-видным горлом, одной ручкой, овально-уплощенной в сечении (рис. 18, ф.2). Кувшин украшен полосой линейного орнамента и редкими полосами вертикального лощения. Наиболее вероятная дата кувшина - XI в.

Отметим, что на северных памятниках встречается лишь тарная и, значительно реже, парадная столовая посуда. Помимо фрагментированных сосудов болгарская керамика отмечается в виде разных поделок из обломков: пряслиц, литейных форм, грузил для сетей или переметов. Последнее обстоятельство указывает на то, что болгарская посуда была здесь относительно ценной редкостью, поэтому люди, гордящиеся наличием в своем хозяйстве таких сосудов, старались их беречь, а после того, как они приходили в негодность, максимально использовали даже обломки.

Своеобразным районом, так же достаточно тесно взаимодействующим с Болгарией в X-XIII вв., был бассейн р. Чусовой, где расположена восточная группа ломоватовско-родановских памятников. Здесь при раскопках собраны коллекции болгарской гончарной посуды.

На Саломатовском городище собрано несколько десятков фрагментов от 10-12 сосудов. Керамика эта имеет в основном крас-

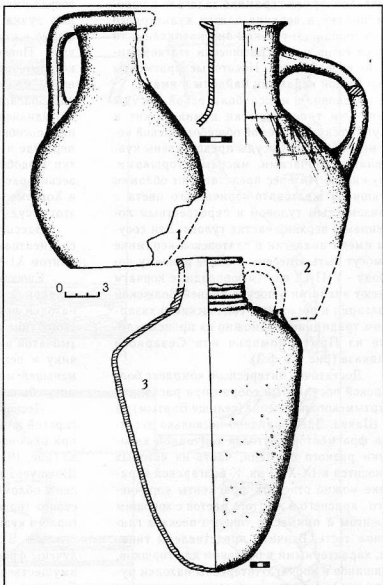

Рис. 18. 1- хорезмийский (?) кувшин из селища Бартым, 2- болгарский кувшин из Получемьевского городища, 3- причерноморская (?) амфора из Верх-Санского городища.

ный цвет, украшена лощением или волнистым орнаментом и оттисками трехзубого гребенчатого штампа. На расположенном неподалеку от этого городища селище Телячий Брод также собраны фрагменты болгарской гончарной посуды коричневого и красного цветов. Эта посуда представлена фрагментами кувшинов, корчаг, мисок и светильников общеполгарского типа.

В юго-восточном Предуралье (Сылвенское поречье) болгарская посуда встречается на 10 археологических памятниках. Наиболее крупная коллекция болгарской гончарной посуды выявлена на Верх-Сайнском 1 городище (рис. 19, ф.1-10) 14-летними раскопками КВАЭ УдГУ под руководством Р.Д. Голдиной. Здесь она составила около 5 % от всей массы посуды, найденной на памят-

нике. Гончарная керамика залежала по преимуществу в верхних частях культурного слоя городища; так как они распаханы, то более точно планиграфически эта керамика не обособляется. Некоторые фрагменты болгарской керамики найдены в ямах.

Основная масса болгарской посуды Верх-Сан типологически принадлежит к группе так называемой общеволжской керамики X-XI вв. Сосуды представлены кувшинами, корчагами, мисками, горшками, кружками. Интерес представляют обломки кувшинов желтовато-коричневого цвета с приземистым туловом и перекрестным лощением в верхних частях тулова. Эти сосуды имеют аналогии в салтовской керамике и могут быть отнесены к более раннему периоду - VIII-IX вв. Амфоровидные корчаги имеют аналогии в посуде ранней Волжской Болгарии и восходят к салтовским и хазарским традициям, возможно их происхождение из Причерноморья или Северного Кавказа (рис. 18, ф.3).

Достаточно интересный комплекс болгарской посуды был собран при раскопках Бартымского поселения (селище Бартым) на р. Шаква. Здесь найдено несколько десятков фрагментов круговой гончарной керамики разного времени, часть из которых относится к IX-XIII вв. К болгарской керамике можно относить фрагменты коричневого, красного и желтого цветов с хорошим обжигом и примесью тонкого песка в глиняном тесте. Венчики представлены типами, характерными в основном для горшков, кувшинов и корчаг. Интересны находки ручек, слегка уплощенных в сечении, характерных для крупных кувшинов и корчаг XI-XII вв. Коричневая керамика представлена фрагментами кувшинов с гофрированным горлом и фрагментами стаканообразной керамики с венчиками третьего (по типологии Т.А. Хлебниковой) типа. Керамика красного цвета представлена фрагментами толстостенных корчаг и лощеных кувшинов со сливами на венчике. Желтая керамика представлена обломками кувшинов с вертикальным лощением.

Интерес представляет находка целого кувшинчика, сделанная в 1984г. Н.В. Водолага (рис. 18, ф.1). Кувшинчик коричневого цвета имеет хорошо отмученное тесто с примесью тонкого песка. Поверхность хорошо заглажена, обжиг горновой, отформован на круге. Горло четко выделяется, на него приходится чуть более четверти общей высоты сосуда, горловина узкая, максимальное расширение тулова находится в его средней части, дно плоское, ровное. Венчик и горло

сосуда имеют следы залощения. Единственная ручка кувшина имеет "Г"-образную форму и плавно переходит в окантовку венчика. Поверхность кувшина имеет ангоб, который заметен на изломе. Подобные кувшины можно найти в материалах Волжской Болгарии X в. (Хлебникова, 1984, рис. 22) Однако бартымский сосуд отличается от них способом крепления ручки, которая при переходе в венчик образует небольшой уступ. Подобный способ крепления ручки был весьма распространен в керамике IX-X вв. в Хорезме, откуда, вероятно, и происходит этот сосуд.

Здесь же найден фрагмент плечика среднеазийского сосуда с тисненым орнаментом XI-XIV вв. (Пастушенко, 1995, с.13)

Своеобразие Бартымскому комплексу гончарной керамики IX-XIII вв. придают находки фрагментов керамики "джукетауского" типа серого цвета с орнаментом в виде зыбчатой волны и редкими ямками по плечу и венчику. Здесь представлено, по меньшей мере, два таких сосуда, которые могут быть датированы X-XI вв.

Несколько десятков фрагментов болгарской и салтовской керамики выявлено и при раскопках городища Лобач на р. Сылва (рис. 19, ф.11-13). Так, в раскопках Г.А. Шокушева в 1961 г. на городище были найдены обломки от двух болгарских сосудов: серого горшка со сливом и желтого узкогорлого кувшина с одной ручкой и высоким туловом. В работах КВАЭ УдГУ также получены фрагменты гончарной посуды, преимущественно это обломки серого цвета. Болгарская керамика Лобача может быть отнесена к IX-X вв., на что указывает отсутствие красноглиняной керамики, распространенной в более позднее время.

На Кунгурском II городище собраны обломки серых нелощеных одноручных кувшинов, один из которых украшен волнистым орнаментом (Оборин, Блащенко, 1968, с.42).

Определенным районом распространения болгарской гончарной керамики является территория бассейна р. Чепца, притока р. Вятка, занятая чепецкой археологической культурой X-XIV вв. (рис. 20). Исследователи (М.Г.Иванова, Н.А. Кокорина, В.А. Семенов) отмечают, что в IX-X вв. гончарная посуда на памятниках р. Чепца встречается, хотя и редко, но позже ее количество начинает возрастать.

Керамика Волжской Болгарии в настоящее время известна на ряде археологических памятников Удмуртского Предуралья, таких как городища Гурьякар, Иднакар,

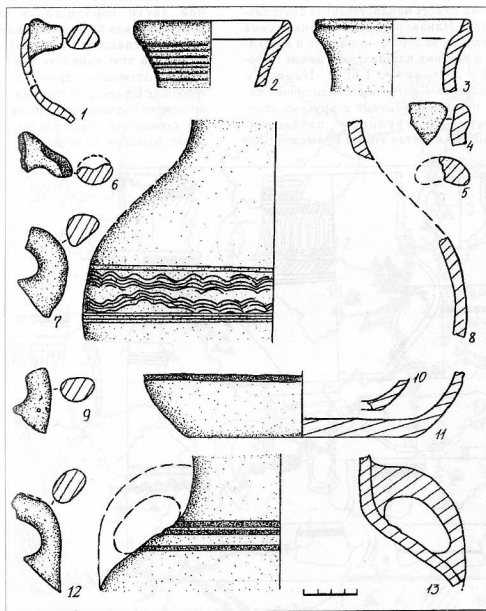

Рис. 19. Болгарская керамика Верх-Сайнского городища и городища Лобач (11-13) (По Е. Пастушенко).

Весьякар, Кузьминский могильник. Наиболее представительна она на Иднакаре.

Изученная к настоящему времени площадь городища составляет около одной трети территории городища. Памятник датируется исследователем IX-XIII вв.; выделены напластования: 1 и 2 - XII - XIII вв., 3-XI-XII (?) вв., 4 и 5 - конец IX-X вв. Болгарский керамический материал можно изучать теперь в планиграфическом и этнокультурном аспектах. Поскольку все находки керамики не наносились на общий план, то ее планиграфическая привязка в известной степени условна. Однако размещение ее на плане раскопок городища в виде скоплений в пределах раскопов отражает

частоту находок в разных частях городища. Наиболее насыщены ими отложения центральной части городища (раскопы II и IV - 55% от общего количества болгарской керамики). На I кв. м. здесь приходится 0,3 фрагмента. Несколько меньше находок на мысовой, западной части (раскоп I) - 41 %, где, вероятно, некоторые из фрагментов перетолжены вследствие пахоты. Меньше всего их в восточной части городища (раскоп III) - 3% (рис. 1). О степени распространенности болгарской керамики в этих трех частях памятника свидетельствуют, например, данные 1989 г.: раскоп I-36, III-5, IV-123 фрагмента (по отчету М. Г. Ивановой за 1989 г.).

При подавляющем числе фрагментов местной керамики гончарная болгарская керамика во всех напластованиях центральной части Иднакара представлена весьма значительно: от 2-10% - в нижних и до 23,4-33,6% в верхних пластах, но в целом по городищу составляет 1,62%. Наряду с общеполгарской встречаются единичные обломки посуды, связанные с другими этнокультурными группами населения, входившими в состав этноса Волжской Бол-

гарии. Характерно то, что болгарская керамика найдена преимущественно в центральной части городища, в комплексах ремесленников-бронзолитейщиков. Вряд ли следует соглашаться с мнением исследователей, что этот комплекс керамики может свидетельствовать о проживании болгар на городище Иднакар. В комплексе относительно немного кухонной и столовой посуды, а вот тарная керамика представлена достаточно большим количеством экземпляров.

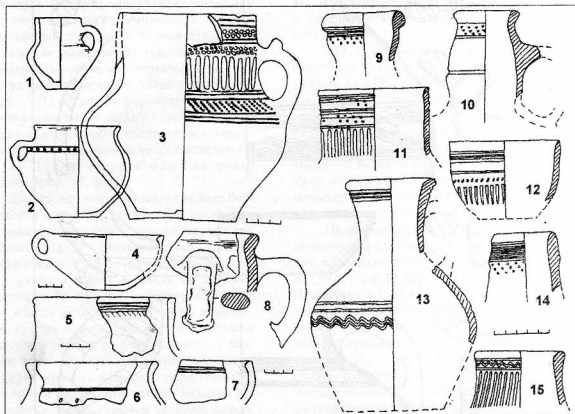

Рис. 20. Болгарская керамика из памятников Удмуртского Предуралья: 1,2 - Кузьминский могильник, остальное - городище Иднакар. (По Н.А. Кокориной, М.Г. Ивановой, А.Г. Иванову).

гарии.

В соответствии с типологией по этнокультурным группам (Хлебникова, 1984) Н.А. Кокориной здесь выделена керамика I, IX, XI, XIII групп. Болгарская керамика Иднакара, по наблюдениям Н.А. Кокориной, представлена небольшим количеством сосудов: 15 кувшинов, 15 горшков, 21 кружка и кринка, 2 корчаги, 7 образцов блюдообразной посуды, 6 мисок, 1 чашка (Кокорина, 1995, с.56-71). Отсутствуют светильники и сосуды специального назначения (например сфероконусы), которые хорошо представлены в материалах памятников Пермского Предуралья (Анюшкар, Рождественское городище, Чашкинское 2 селище и пр.).

Скорее всего наличие болгарской керамики в бронзолитейных комплексах Иднакара свидетельствует о достаточно высоком имущественном положении бронзолитейщиков, которые могли себе позволить приобретать товары болгарских торговцев. Кроме того, болгарская керамика в комплексах бронзолитейщиков может указывать и на определенный интерес торговцев к продукции этих мастеров.

Коллекции болгарской керамики с других чепецких памятников малы, но и они свидетельствуют о торговых связях населения Удмуртского Предуралья с Болгарией. Однако интересен факт применения гончарной болгарской посуды в погребальной обрядности чепецких племен. Такой случай зафик-

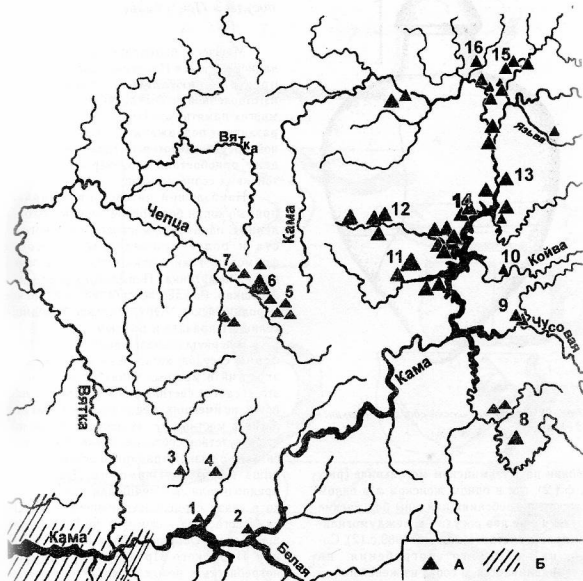

Рис. 21. Находки болгарской керамики в Предуралье:

А - памятники, на которых сделаны находки болгарской керамики, Б - территория Волжской Болгарии.

Цифрами обозначены: 1-Благодатское I городище, 2- городище Чеганда, 3 - Чумойтло, 4- Бобьяучинское городище, 5- Весьякар, 6 - Иднакар, 7- Кузьминский могильник, 8 - Верх-Сайнское I городище, 9- селище Телячий Брод, Соломатовское I городище, 10 - Лаврятское городище, 11 Рождественское городище и могильник, 12- Кудымкар, 13 - Городищенское городище, 14 - Анюшкар, 15- Редикар, 16 - Получемьевское городище. (Среднекамские и чепецкие находки по А.Г. Иванову).

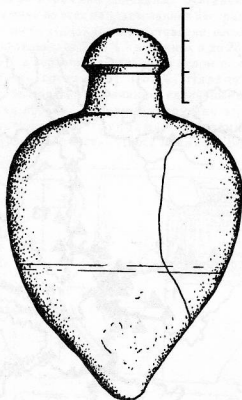

Рис. 22. Сферокопический сосуд из Чашкинского 2 селища.

сирован на Кузьминском могильнике (рис. 20, ф. 1,2), где в одном женском и в одном мужском погребениях найдены болгарские сосуды и еще два сосуда - в междумогильном пространстве (Иванова, 1989, с.12). Сосуд из мужского погребения не восстанавливается, а сосуд из женского захоронения представляет собой небольшую кружку с лощением. Сосуды из междумогильного пространства имеют форму блюда с петлеобразной ручкой и горшка с отогнутым блокообразным горлом и туловом, раздутым в средней части.

Эта находка свидетельствует, насколько престижны были болгарские сосуды у населения Чепцы. Эти погребения по праву можно считать самыми богатыми на могильнике, так как в их инвентаре лежали очень престижные предметы.

В Северном Предуралье (территория вымской археологической культуры) болгарская керамика не встречена.

1.2. Подражания и особенности использования болгарской керамической посуды в Предуралье

Массовое бытование болгарской гончарной посуды в Предуралье привело к распространению здесь местной посуды, изготовленной по болгарским образцам. На многих памятниках Предуралья встречены различные подражания болгарской гончарной посуде. Некоторые типы подражаний даже приобретали характер массовых устойчивых серий сосудов.

Наибольший интерес представляют прямые копии болгарской посуды, изготовленные, однако, из местного глиняного теста и более примитивным способом формовки. Такие копии встречены в основном на памятниках Пермского Предуралья: Анюшкар, Рождественское, Кудымкарское, Городищенское, Верх-Саинское городища, селища Паразята и Бартым.

В первую очередь копировались такие формы сосудов, которые не имели прямых аналогий в местных типах. В особенности это касается светильников - жировых лампочек, не имевших специализированных аналогий в местных типах посуды. Возможно, что отсутствие светильников местного типа связано с разной традицией освещения жилища и жители Пермского Предуралья предпочитали свет лучин или очагов. Однако в связи с распространением в XI-XIII вв. нового типа наземного срубного жилища (Бадер, Оборин, 1958, с.198) у населения Пермского Предуралья возникает потребность в новых способах его освещения. Решению этой проблемы способствовал завоз болгарских жировых лампочек. Местными мастерами был начат выпуск копий с привозных светильников. Во всяком случае, в тех же слоях, в которых встречены болгарские лампадки, на Анюшкаре, Родановом и Рождественском городище обнаружены местные копии с них (рис. 23, ф.5). Эти светильники типологически повторяют привозные, являясь прямой копией с них, однако изготовлены они без применения гончарного круга и из теста с примесью раковины, из которого сделаны родановские сосуды. На Анюшкаре найдено по меньшей мере пять таких изделий, на Рождественском и Родановом (Талицкий, 1951, с.56) городище - по одному образцу.

Анюшкарские светильники имеют довольно тонкие стенки, достаточно качественно прокаленные, но с многочисленными

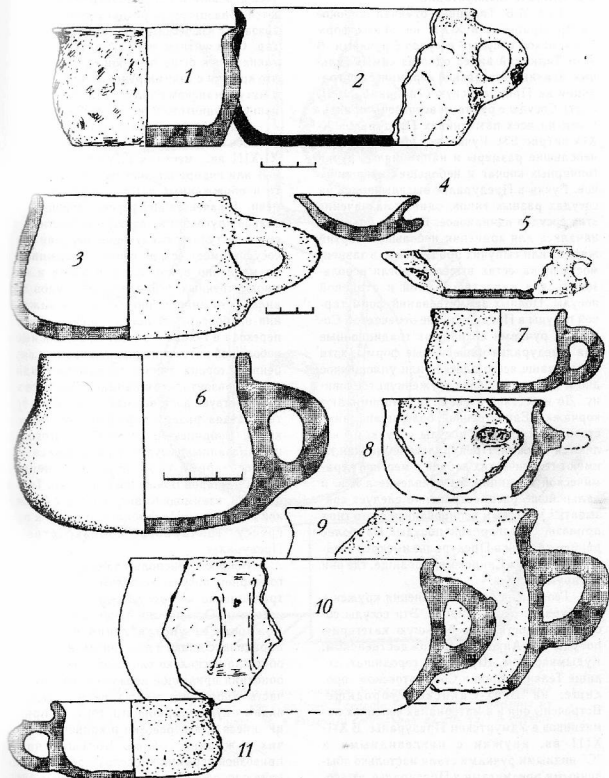

Рис. 23. Лепная преуральская керамика с признаками использования гончарного круга.
1,2 - Солдзырский Бигершай; 3 - Соломатовское городище; 4 - Омутницкий могильник; 5 - Аюшкар;
6 - Шудьякар; 7 - Кузьминский могильник; 8,9,10 - Иднакар; 11 - Рождественское городище. (чепецкие материалы по А.Г. Иванову). 1 - горшковидная, 4,5 - светильники, остальное - кружковидная.

трещинами, появившимися, вероятно, в процессе эксплуатации. Один из обломков украшен гребенчатым орнаментом, что также указывает на работу местного мастера. На

других памятниках Пермского Предуралья местные светильники пока не выделяются из общей массы местной керамики, что, возможно, связано с их сильным разрушением

в результате эксплуатации.

Еще М.В. Талицкий отмечал широкое распространение в X-XII вв. новых форм прикамской посуды - сосудов с ручками. В этом Талицкий видел одно из самых сильных влияний болгарской керамической традиции на Приуральскую (Талицкий, 1951, с. 54). Сосуды с ручками встречены практически на всех памятниках Предуралья X-XIV вв. (рис. 23). Ручки, как правило, имеют небольшие размеры и напоминают ручки гончарных корчаг и небольших кувшинчиков. Ручки в Предуралье выделялись на сосудах разных типов, однако назначение этих сосудов одинаковое. Все они предназначались для хранения небольших партий жидких или сыпучих продуктов и, в зависимости от качества выделки, могли использоваться в качестве тарной и столовой посуды. Полных заимствований форм тарной посуды в Предуралье не отмечается. Сосуды с ручками сохраняют традиционные для Предуралья чашевидные формы, хотя имеют чаще всего плоское или уплощенное дно и несколько более зауженную горловину. До известной степени они напоминают корчажки. Единственной, более полно заимствованной формой посуды с ручками являются кружки. Предуральские кружки не имеют генетических корней в местной керамической традиции, их появление в X в. и дальнейшее распространение следует связывать с массовым копированием этого типа привозной болгарской посуды. Наиболее ранние кружки в Предуралье имеются в материалах Верх-Саинского городища, где они датируются IX в.

География распространения кружек в Предуралье очень широка. Эти сосуды составляют достаточно большую категорию посуды на Аюшкаре, Рождественском, Кудымкарском, Шудьяр городищах, селище Телячий Брод и Соломатовском городище, на Верх-Саинском городище. Встречены они и в материалах чепецких памятников в Удмуртском Предуралье. В XII-XIII вв. кружки с петлевыми и "С"-видными ручками стали настолько обычными предметами в Предуралье, что повсеместно встречаются и в погребальном комплексе посуды. Так, сосуды с ручками (кружки) встречены в погребениях могильников Телячий Брод, Антыбарский на Чусовой, Маловенижском, Омутницком, Кузьминском - в бассейне Чепцы.

Часть предуральских кружек имеет плоскоплощадочные ручки с зооморфными или растительными мотивами: в виде боковых и медвежьих лап, голов быков, лис-

тьев деревьев и т.д. В Болгарии также имеются образцы зооморфных ручек, здесь они связаны с языческими представлениями болгар. С развитием мусульманства выделка таких ручек была прекращена. Считается, что кружки с такими ручками подвергались в мусульманском обществе Болгарии намеренному уничтожению.

Влияние болгарского гончарства проявилось и в распространении в Предуралье XI-XIII вв. местных сосудов, изготовленных или подправленных на гончарном круге и обожженных в горне или гончарной печи. В качестве дифференцирующих признаков кругового изготовления местной посуды выступают следующие: верхняя часть сосудов имеет четкие следы заглаживания на медленно вращающемся круге в виде множественных параллельных следов гладилки, что аналогично следам заглаживания на болгарской посуде; шейка в месте перехода в тулово утончается; венчик имеет небольшой наплыв на нижней кромке; внутренняя сторона также заглажена гладилкой в горизонтальном направлении. Все это соответствует достоверным признакам третьего этапа развития функций гончарного круга (Бобринский, 1978). При изготовлении указанных сосудов использовался легкий гончарный круг, распространенный среди мастеров Волжской Болгарии. Таким образом, взаимодействие культуры Волжской Болгарии и Предуралья привело к прогрессу гончарного производства в Предуралье.

Вопрос об использовании болгарской гончарной посуды жителями Предуралья традиционно не рассматривается исследователями. Обычно они отмечают лишь возможность ее употребления в качестве парадной. Однако в действительности дело обстоит несколько сложнее. Как видно из описания привозной керамики, большая ее часть относится к так называемым тарным видам - кувшины, корчаги, горшки, применявшиеся для перевозки и хранения сыпучих и жидких грузов. Большая часть привозной керамики использовалась первоначально в качестве тары. Отдельные виды болгарской посуды ввозились как парадная столовая посуда - это прежде всего те сосуды, которые значительно отличались от традиционных предуральских чаш - кружки, стаканы, блюда, миски, кринки, сковороды.

Как показывают наблюдения за использованием больших масс тарной керамики разных эпох, к ней относился весьма однозначно и узко практично (Брашинский

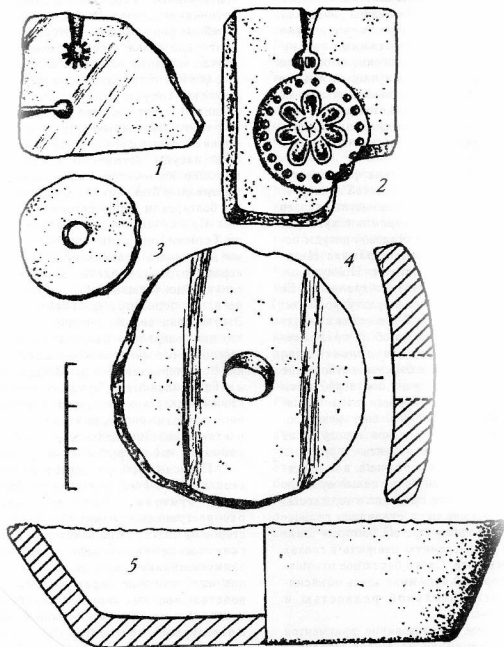

Рис. 24. Примеры вторичного использования болгарской керамики: литейные формы из стенок - 1 Юсьвенское городище, 2 селище Телячий Брод; пряслица из стенок - 3 Юсьвенское городище, 4 Редикар; светильник из днища - 5 селище Телячий Брод.

1980). Поскольку ее повторное употребление в качестве тары для возвратных товаров было невозможно или невыгодно, то ее, как правило, не берегли. В особенности это касается районов, куда керамика вместе с товаром попадала достаточно часто. Именно такое отношение к тарной керамике характеризует античность, когда амфоры, освобожденные от товара, бились практически на месте. Возвратной керамической тары не фиксируется и в средневековой тор-

говле.

Полностью аналогичные явления можно наблюдать и в Предуралье. На тех памятниках, жители которых имели долговременные и прочные торговые связи с Болгарией, тарная керамика встречается в виде мелких, почти не восстанавливаемых обломков в мусорных ямах, куда она попадала вместе с другими, не нужными в хозяйстве сломанными предметами. Находимые здесь образцы парадной и сто-

ловой посуды, напротив, восстанавливаются почти полностью. Последнее свидетельствует о бережном отношении к этим достаточно дорогим и престижным предметам. Кухонная посуда, особенно ее большое количество, указывает, на наш взгляд, на проживание болгар на таких памятниках. В первую очередь это касается южных районов родановской культуры, где найдено наибольшее количество болгарской керамики.

Несколько иная картина наблюдается в северных районах родановской культуры. Здесь встречаются в большинстве случаев образцы лишь тарной керамики: кувшины и корчаги. Кухонной и столовой посуды почти не отмечено. Тарная керамика северных памятников Пермского Предуралья имеет достаточно хорошую сохранность. Ее фрагменты не рассеяны в культурном слое, а концентрируются на 3-5 соседних участках, что свидетельствует об их преднамеренном сохранении для дальнейшего использования. Более бережное отношение к тарной посуде наглядно подтверждается возможностью полностью или почти полностью склеить тот или иной болгарский сосуд. Так, на Получемьевском городище из нескольких десятков фрагментов, собранных на 5 соседних участках раскопа, в ходе реставрации был склеен почти целый кувшин. После того, как сосуд приходил в негодность, его не выбрасывали, а старались полностью утилизировать черепки, которые также имели определенную ценность в глазах местных жителей. Столь бережное отношение к импортной керамике здесь объясняется ее относительной редкостью и необходимостью.

Вторичное использование фрагментов болгарской керамики на севере Предуралья приобрело различные формы (рис. 24). Практически на всех крупных родановских памятниках Севера, где в той или иной форме фиксируются болгарские материалы, встречены пряслища, сделанные из обломков болгарской керамики. Эти пряслища, на наш взгляд, изготовлены в подражание оверчским шиферным пряслищам. Мастера старались, если позволяла толщина фрагмента, придать ему биконическую форму. Для большей привлекательности для пряслищ выбирались фрагменты, имеющие лощение. Подобные пряслища встречены на Редикарском, Искарском, Петуховском, Получемьевском городищах, Покчинском и Телячий Брод селищах, Соломатовском городище.

Фрагменты болгарской керамики ис-

пользовались на северных родановских памятниках и как материал для изготовления литейных форм. Для этого отбирались фрагменты днш или толстых стенок крупных корчаг, почти не имеющие изгиба. Литейные формы, изготовленные из черепков болгарских сосудов, ценились; об этом свидетельствует наличие на некоторых из них тамг. На южных родановских памятниках литейные формы из черепков болгарской посуды встречены значительно в меньшем количестве, здесь излюбленным материалом был мягкий серый сланец, как и в болгарском бронзолитейном ремесле.

На Городищенском городище и селище Телячий Брод отмечена интересная форма вторичного использования болгарской керамики. Здесь найдены днша от болгарских сосудов (кувшинов) с сохранившимися по всему периметру фрагментами стенок. Эти черепки сильно закопчены по краям, что дает основание рассматривать их как своеобразные масляно-жировые светильники. Встречены также и рыболовные грузила, изготовленные из крупных фрагментов стенок болгарских сосудов. Эти черепки поиному невозможно было утилизировать, но и в таком виде нарядные черепки были украшением набора рыболовных грузил.

Подводя итоги рассмотрению болгарской керамики на памятниках Предуралья, отметим, что ее широкое распространение, возможный переезд мастеров из Болгарии на некоторые родановские поселения привели к различным заимствованиям, оказали заметное влияние на улучшение керамического производства местных племен. Наибольшее количество находок болгарской керамики в Предуралье приходится на период XI-XIII вв., что четко датирует пик болгарской торговли с народами Севера. Однако и в более позднее время связи Предуралья с Болгарией, уже вошедшей в состав Золотой Орды, не прекратились, о чем выразительно свидетельствуют находки ордынской керамики на ряде предуральских памятников.

2. Древнерусская керамика в Предуралье

Посуда характерных для древнерусских земель домонгольских форм встречена в Предуралье в значительно меньших коли-

чества, нежели болгарская. На десяти поселениях родановской культуры найдена русская гончарная керамика (городища Искарское, Редикарское, Чердынское, Урольское, Красная горка и другие). В верхнем слое Анюшара (XIII-XIV вв.) она составляет около 1 % от всей керамики данного слоя (рис. 25, ф. 1-4). Она представлена, по меньшей мере, 8 сосудами. Это горшки коричневого, темно-коричневого, серого и серо-белого цвета с примесью песка, дресвы, сухой глины в тесте. Поверхность сосудов украшена волной в 2 и более рядов и прочерченными линиями.

В верхнем слое Искарского городища около 60 % всех сосудов - это русская керамика XIV-XVI вв. Сосуды изготовлены из теста с примесью песка, дресвы и кварца, имеют гладкую поверхность темно-серого и коричневого цвета, орнаментированы одной-двумя прочерченными или волнистыми линиями. Более разнообразна русская посуда Чердынского городища. Кроме горшков, здесь найдены обломки корчаг, мисок, фрагменты белой ангобированной и красноватой керамики. На двух днищах имеются клейма в виде колеса.

Наряду с древнерусской посудой на ряде памятников Пермского Предуралья найдены гибридная, так называемая славяноидная, или славяно-финская посуда - плоскодонная посуда, изготовленная на круге, реже вручную, имеющая примесь песка и толченой раковины; поверхность керамики украшена горизонтальными линиями и волной. Такая посуда известна на памятниках Волжской Болгарии. Т.А. Хлебникова считает, что она возникла у финно-угорского населения Волжской Болгарии в результате культурного воздействия славян (Хлебникова, 1984, с.200-201). В Пермском Предуралье "славяноидная" посуда встречена на Рождественском городище и на Анюшаре.

На памятниках Удмуртского Предуралья исследователи не отмечают находок древнерусской керамики (Макаров, 1997, с.39-56). Но в верхнем слое городища Иднакар найдено небольшое количество (около 1 %) "славяноидной" керамики (Салангин, 1995, с.9-10).

Следует отметить, что находки "славяноидной" керамики указывают на связи населения предуральских памятников с определенными районами Волжской Болгарии, а не на некие связи древнерусского населения с пермским, как это утверждают некоторые исследователи (Иванов, 1998, с.166). Вероятно, и находки древнерусской

посуды домонгольского времени не могут свидетельствовать о прямых контактах жителей древнерусских земель с населением Предуралья. На всех памятниках, где встречена эта посуда, имеются находки болгарской посуды или вещей, что, вероятно, указывает на проникновение древнерусской посуды в качестве тары для товаров, шедших через Болгарию. Лишь в бассейне р. Сылва, где археологами Удмуртского университета выявлена группа памятников с находками древнерусской керамики второй половины XIII-XV вв., возможно было некое древнерусское население - возможно это были беглецы из Золотой Орды. Здесь на 15 поселениях (Усть-Иргино, Ярушино, Усть-Мечка, Тохтарево, Шубино, Верх-Сая I и другие) выявлено несколько сотен фрагментов гончарной керамики XIII-XVI вв. (рис. 25, ф.5-8), из числа которых исследователями выделено 45 сосудов второй половины XIII-XV вв., и имеющих аналогии в древнерусских материалах Золотой Орды, Вятки, Верхнего Поволжья, Торжка, Новгорода (Макаров, Пастушенко, Салангин, 1995, с.5-18).

Из-за малой распространенности древнерусской посуды в Предуралье практически отсутствуют подражания ей. Соотношение находок древнерусской и болгарской керамики в Предуралье наглядно демонстрирует основную направленность экономических и этнокультурных связей жителей Предуралья в X-XIV вв.

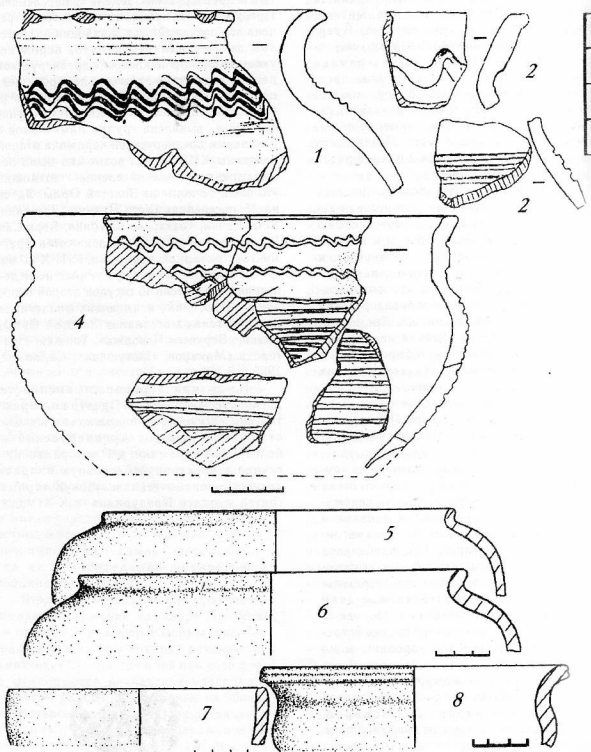

Рис. 25. Древнерусская керамика из Предуралья: 1-4 городище Анюшкар, 5,6 - Елкинское городище, 7 - поселение Урмие, 8- поселение Усть-Мечка. Определение Л.Д. Макарова.

ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ И ВОСТОЧНЫЕ ИМПОРТЫ В ПРЕДУРАЛЬЕ

Распространение привозных вещей, их количество в определенные исторические периоды является общепризнанным показателем развития торговых и обменных связей различных народов. Количественные подсчеты и картографирование привозных вещей на той или иной территории или на памятниках той или иной археологической культуры позволяют исследователям достаточно точно датировать как отдельные памятники, так и культуры в целом, выделять этапы в социально-экономическом и политическом развитии отдельных народов, устанавливать интенсивность экономических и культурных связей в разные исторические периоды.

В отличие от керамики, распространение которой обычно связывают не только с процессом торговли, но и с непосредственным переселением тех или иных групп населения на новые территории, распространение импортного оружия, украшений, бытовых и иных предметов рассматривается как результат торгово-обменных связей; некоторые предметы (печати, атрибуты власти и т.п.) служат показателем политических контактов, многие предметы вооружения - показателем военного противостояния соседних народов.

На территории Предуралья к настоящему времени зафиксирован достаточно широкий ареал распространения привозных изделий конца I — начала II тысячелетия н.э. Обычно здесь выделяют три группы привозных изделий — болгарский, древнерусский и финно-угорский импорт. Особняком стоят изделия, вышедшие из рук ремесленников Средней Азии, Востока, Византии. По сложившейся традиции их зачастую рассматривают вне связи с указанными выше группами привозных изделий. Безусловно, что такой подход методически неверен, он значительно сужает взгляд на развитие средневековой приуральской торговли, затрудняет атрибуцию и понимание многих привозных предметов. Для Предуралья в целом, в отличие от Зауралья и Западной Сибири, отсутствуют какие-либо специаль-

ные работы, посвященные дифференциации импорта. Анализу подвергались лишь отдельные находки, или, в лучшем случае, отдельные категории находок. Наиболее излюбленным предметом для такого рода исследований обычно являются изделия торевтики из драгоценных металлов (Даркевич, 1976). Лишь в последнее время исследователи стали рассматривать все категории и группы привозных изделий на определенных территориях в целом. Примером такого рода может служить монография Э.А. Савельевой "Вымские могильники XI-XIV вв." (Савельева, 1988). В ней исследователю удалось на основе анализа всех групп импорта убедительно доказать направление торговых связей, этнических и политических контактов населения вымской культуры и, что особенно интересно, удалось наглядно показать, что восточный и болгарский импорт одним потоком шел на Вычегду через территории Пермского Предуралья, население которого являлось торговым посредником болгар в их северной торговле. Еще одним примером такого же рода исследований может служить монография А.Г. Иванова, посвященная анализу этнокультурных и экономических связей населения бассейна р. Чепцы (Иванов, 1998).

На поселениях, в материалах могильников и кладов на территории Предуралья встречены различные категории импортных болгарских предметов: замки, ральники, предметы вооружения, украшения разных типов, торговый инвентарь и так далее.

1. Болгарские украшения и подражания им

Украшения - одна из наиболее массовых категорий вещевого инвентаря археологических культур Предуралья в период средневековья. Во многих случаях украшения являются не просто ценным историческим источником, но подчас единственным источником для определения дат, эстетических взглядов, идеологических представлений народов. Их изучение позволяет уточнить датировку и направление торговых путей, глубже понять процессы взаимовлияния этносов.

К сожалению, болгарские украшения еще не стали предметом специального болгароведческого исследования. В связи с этим

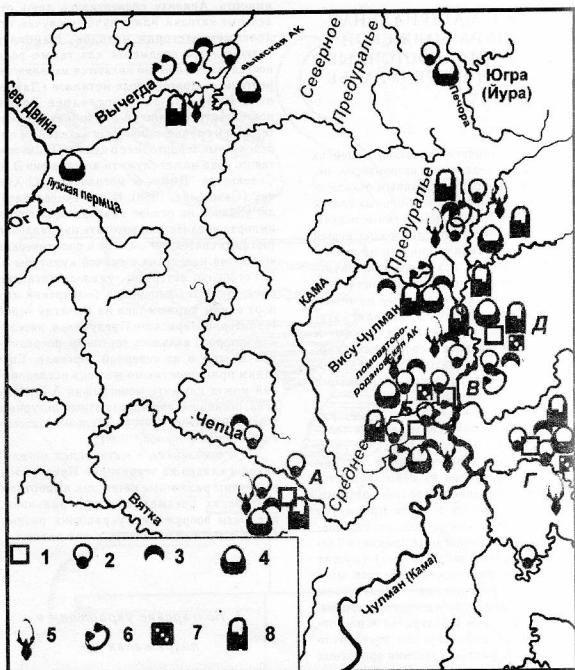

Рис. 26. Болгарские изделия в Предуралье: 1- торговые фактории болгар (А- Иднакар (Ибыр ?), Б- Рождественское городище (Аваколь), В- Аниюшкар, Г- Соломатовское 1 городище (Сибир ?), Д- Городищенское городище), 2- бусинные кольца, 3- лунницы, 4- калачевидные серьги, 5- височные кольца с грушевидной привеской, 6- браслеты с круглыми концами, 7- торговый инвентарь, 8- замки и ключи.

до сих пор нет четкого определения ряда категорий ювелирных изделий Болгарии. Так, целый ряд поясных и прочих накладок, разного рода пряжек, височных колец (особенно сканно-зерненных) некоторыми исследователями (Оборин В.А., Смирнов А.П.) определялся как славянский (древнерусский) импорт в Предуралье, несмотря на то, что эти предметы имеют прямые аналоги в собственно болгарских памятниках, а

в последние тридцать лет получены и литые формы, заготовки, полуфабрикаты этих изделий при раскопках Биляра, Брахимова (Булгара), Муромского городка, Увэка и других памятников. Наиболее полными в плане оценок болгарского ювелирного и бронзолитейного дела являются работы Ф.Х. и Г.Ф. Валеевых (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987), Д.К. Валеевой (Валеева, 1983), Н.В. Федоровой (Федорова, 1990), Е.П.

Л.Ф. Недашковского (Недашковский, 1995), А.М. Белавина (Белавин, 1992), Поляковой Г.Ф. (Полякова, 1996), некоторые аспекты развития болгарского ювелирного дела рассмотрены авторами коллективной монографии "Культура Билгара".

Имеющиеся публикации дают основания для датировки и определения различных болгарских украшений из памятников Предуралья. Отметим, что все исследователи единодушно отмечают высокую технику болгарского ювелирного и бронзолитейного ремесла, расцвет которого пришелся на второй этап домонгольского периода истории Волжской Болгарии.

По замечанию Б.А. Рыбакова, болгарские мастера впервые в истории средневековой Европы создали своеобразную культуру скани и зерни. Булгарские мастера в совершенстве владели техникой литья, гравировки по камню и металлу, чеканки, как глубокой, так и плоской, штамповки, чернения, золочения, серебрения, инкрустации. Разнообразен инструментарий ювелиров. В производстве украшений широко использовались бронза, серебро и серебросодержащие сплавы, реже - золото. Характерно, что болгары производили украшения не только на внутренний, но и (видимо, основную часть) на внешний рынок. При этом наряду с украшениями типично болгарского вида, они изготавливали украшения прикамско-предуральских типов, которые полностью отвечали вкусам финского и угорского населения Предуралья. Вполне возможно, что среди мастеров-ювелиров и бронзолитейщиков — в Болгарии были выходцы из Предуралья, хорошо помнившие племенные украшения.

Болгарские ювелирные изделия и украшения представлены в Пермском Предуралье многочисленными находками на поселениях, в могильниках и кладах. Нередки клады, целиком состоящие из болгарских украшений (Вильгортский, Пыскорский, Аннинский). География распространения болгарских украшений совпадает в целом с распространением других изделий болгарского ремесла и наглядно иллюстрирует пути проникновения болгарского серебра и других изделий в Приобье и в Северное Предуралье (Пермь Вычегодская). По существующей типологии болгарские украшения, находимые в Предуралье, могут быть разделены на следующие виды: головные украшения, шейные украшения, привески, булавки, браслеты, перстни, поясной набор, различные детали костюма.

А. Головные украшения

А.1. Височные кольца и подвески

Височные кольца и подвески - один из массовых и типологически четко выделяемых видов болгарского ювелирного экспорта в Предуралье, Приобье и другие территории Большого Урала.

Височные бусинные кольца характерны для культуры болгар еще с раннеболгарского времени, в последующий период они получают дальнейшее развитие - совершенствуется их форма, меняется размер и количество бус. На территории Предуралья наиболее часто булгарские височные кольца встречаются в домонгольский период (X-первая треть XIII в.). Судя по предуральским материалам однобусинные височные кольца, украшенные зернью и сканью, одновременно многобусинные. Несколько более поздними являются гладкие однобусинные кольца. В Предуралье однобусинные кольца такого типа (такталачукского типа) встречены в материалах могильника Селянино Озеро, датированного концом XII-XIII вв., и в других раннечеляйских и чияйских могильниках Пермской области, Татарии и Башкирии.

В целом бусинные кольца в Предуралье можно датировать X-XIII вв. Вопрос о происхождении бусинных колец у волжских болгар по сей день остается открытым. Вероятно, наиболее ранние образцы бусинных колец можно видеть в материалах VII-VIII вв. болгарских ранних могильников на Волге, в частности в погребениях могильника Брусны II (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). Возможно, что появление височных колец с полыми бусинами в Восточной Европе следует возводить к арабской традиции ювелирного дела (Jakimowicz, 1933, с.103-108), воспринятые у арабов ранними болгарскими эти кольца достаточно быстро были освоены местными ювелирами, стали традиционными, а через Болгарию проникли и на Русь. В странах Арабского Востока такие украшения обычно изготавливались в золоте, в Восточной Европе, в том числе и в Болгарии, их воспроизводили главным образом в серебре. Подобным же образом возник еще один широко распространенный тип болгарских украшений — зерновые лунницы (Славяне и скандинавы, 1986, с.28-29). Культурные импульсы такого рода из арабских стран достигали не только Среднего Поволжья, но и славянских, и балтских, и скандинавских земель.

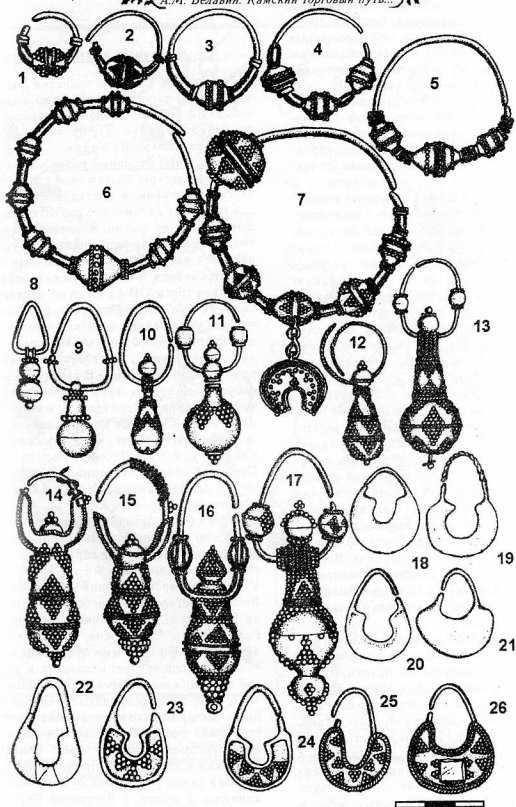

Рис. 27. Височные кольца, подвески и серьги болгарской работы из Пермского Предуралья. 1- д. Антыбары Чусовского р-н; 2- Вакинское селище, Ильинский р-н; 3, 5, 7, 16 - Пермский клад (Aspelin); 4, 24- Анюшкар, 6- Пермская губерния, 8- Плесинский м-к, погр. 45; 9- Важгорский м-к, погр. 8; 10- Деменковский м-к, 11- Редикарский м-к, погр. 8; 12, 25, 26- Рождественское гор., 13- из имения Абамелек-Лазаревых, 14- Редикарское гор., 15- Редикарский клад, 17- Вашкурское погр., 18, 19- Рождественский м-к, погр. 120; 20, 21- Огурдинский м-к, погр. 48; 22, 23- Рождественский м-к, погр. 56 и 81. Материал: 6, 13, 18 - золото, 17 - серебро с позолотой, 23 - бронза, остальное серебро.

Причем культурным транслятором по отношению к более северным и западным народам выступали обычно волжские болгары.

На развитие и усложнение болгарских бусинных колец влияло ювелирное дело Византии и ювелирное дело Дунайско-великожоравской области. Недаром можно заметить много общего между болгарскими кольцами и кольцами темпельгофского типа (Cilińska, 1975).

Многие исследователи отмечают близость некоторых видов болгарских височных колец древнерусским, что объясняется, на наш взгляд, происхождением вторых от первых. Однако имеются определенные отличия, позволяющие достаточно точно дифференцировать болгарские бусинные височные кольца от славянских. Прежде всего это форма бусин: болгарские кольца имеют, как правило, яйцевидную, желудеобразную или биконусовидную, зачастую с удлиненной средней частью, форму бусин. У древнерусских многобусинных колец форма бусин, как правило, круглая, или они состоят из узелков сканой проволоки (Археология Украинской ССР рис. 101). Болгарские височные бусинные кольца, как правило, имеют бусины, украшенные пирамидками зерни - это вообще излюбленная форма расположения зерни у болгарских ювелиров; швы в местах соединения пустотелых бусин закрыты 2-3 полосками скани, сканные пояски разделяют орнаментальные зоны и закрывают окончание бусин. На кольце бусины закреплялись с помощью витой проволоки. Волочение проволоки болгарские ювелиры освоили, видимо, к IX в. Разница между болгарскими и древнерусскими височными кольцами достаточно ясна современными исследователям и при сравнении сразу заметна (Седова, 1981, с.14-15, рис.3). В Пермском Предуралье найдены 24 экземпляра однобусинных, 5 экземпляров двухбусинных, 19 экземпляров трехбусинных и 4 экземпляра многобусинных височных колец болгарского производства (рис.26). Больше число колец изготовлены из серебра, но есть и из золота (4 экземпляра) и бронзы (3 экземпляра). Некоторые кольца имеют чернение, встречены также серебряные позолоченные кольца. Судя по расположению колец в погребении №20 могильника Телячий Брод (р. Усьва), височные кольца носились на головной повязке по 2-4 штуки у висков.

Из указанных колец интерес представляет 6-бусинное кольцо, опубликованное Я.Р. Аспелиным. Кольцо изготовлено из серебра, украшено сканью, зернью, позолотой.

Нижняя бусина имеет привеску в виде широкорогой лунницы, украшенной поясками скани и пирамидками из зерни. Кольцо может быть датировано XII-XIII вв., по аналогии с лунницей в материалах Антыбарского могильника.

Но наибольший интерес представляют золотые височные трехбусинные кольца с уточкой, найденные в 1895 г. на Майкарском городище, расположенном в центре села Майкар в устье р. Иньва (рис. 27). Кольца имеют подвески в виде желудеобразных бусин. Кольца богато украшены зернью и сканью. По сведениям Ф.А. Теплоухова, эти кольца были переделаны в украшения для дочерей графа Строганова и долгое время считались утраченными. Но в конце концов

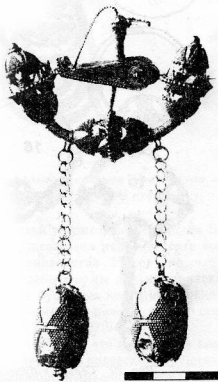

Рис. 28. Золотое кольцо с уточкой из с. Майкар.

кольца осели в эрмитажной коллекции Строгановых и ныне хранятся в Государственном Эрмитаже. Данные кольца абсолютно идентичны кольцам, найденным в Билэре и хранящимся в ГИМе. Очевидно, Майкарские кольца изготовлены в тех же ювелирных мастерских.

По мнению исследователей болгарского ювелирного дела такие кольца не просто являлись украшением, а служили очень важными амулетами (отражающими космогонические и генеалогические, еще языческие

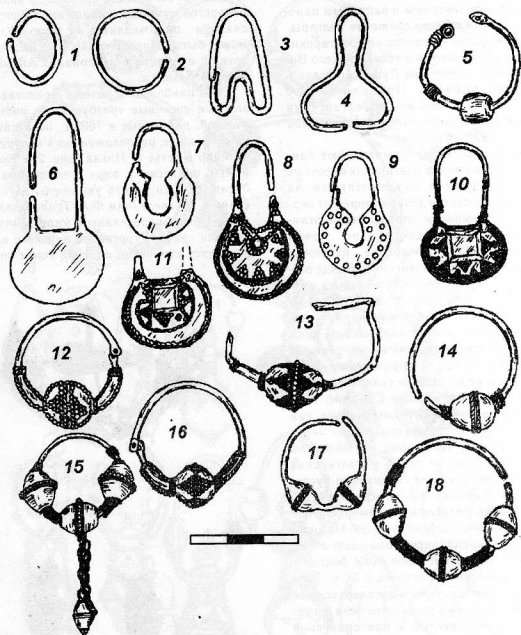

Рис. 29. Серьги и бусинные кольца из материалов средневековых памятников Удмуртского Предуралья (по А.Г. Иванову). 1, 3, 5, 7, 9 - Качкашурский м-к; 2, 6, 11, 10, 12 - Чиргинский м-к; 4 - Иднакар; 10, 15 - коллекц. Н.Г. Первухина; 13, 14, 16, 18 - Кузьминский м-к. 15 - золото.

представления) и социально престижной вещью (Валеева, 1983, с.43-44). На важность этих предметов указывает их относительная редкость, а также такой дорогой материал, как золото и нахождение их в составе драгоценных кладов (Халиков, 1981). Трехбусинные кольца без уточки могли играть такую же роль амулета.

На городище Анюшкар трехбусинные серебряные кольца были найдены в берестяной коробочке вместе с другими серебряными украшениями, что указывает на их особую социальную значимость (престиж-

ный предмет). Находки височных бусинных колец на Антыбарском селище (р.Чусовая) и на могильниках Селянино Озеро и Кишер-тский (бассейн р.Сылва) маркируют пути проникновения этого типа украшений в Зауралье, а находки таких колец в бассейне р. Вишера указывают на пути распространения таких украшений на Вычегду.

В Северном Предуралье находки бусинных серебряных болгарских колец хорошо известны на памятниках вымской культуры. По оценке Э.А. Савельевой, именно они наиболее многочисленны среди про-

них болгарских предметов, найденных там (Савельева, 1991, с.99). Болгарские одно- и трехбусинные кольца в материалах вымской культуры представлены находками в погребениях Ыджыдельского, Жигановского, Веслянского II, Бичильковскийского I могильников. Они использовались как самостоятельные украшения головы, так и в составе драгоценных серебряных оголовий (погребение 74 Ыджыдельского могильника, рис.30, ф.2). Большая часть колец имеет биконусовидные с вытянутой средней частью бусины, обильно украшенные зерну в виде пирамидок и скаными поясками. Бусы укреплены на проволоочном кольце сканой обвивкой. Полные аналоги таким кольцам имеются в Перском Предуралье, через которое они и попали на Север.

Достаточно многочисленны находки бусинных болгарских колец в Удмуртском Предуралье на памятниках XI-XIII вв. Здесь в материалах могильников и поселений найдено более 40 экземпляров бусинных колец, из которых подавляющее большинство собрано в Кузьминском могильнике (Иванова, 1992, с.38-39). В целом преобладают однобусинные кольца - 31 экземпляр, 20 таких колец изготовлены из серебра. Полые желудевидные серебряные бусины украшены рядами из пирамидок зерни, сходящихся основаниями у стыка, сам стык перекрывает двумя поясками скани. Большинство колец имеет бусы, укрепленные на кольце сканой проволокой. 4 кольца имеют чернение и золочение. Двубусинные кольца - бронзовые, одна из них цельнолитая. Трехбусинные подвески также бронзовые. По мнению публикатора этих находок М.Г. Ивановой, абсолютное большинство серебряных однобусинных колец из Удмуртского Предуралья могут быть отнесены к такталучскому типу. Судя по публикациям материалов Кузьминского могильника однобусинные кольца найденные в мужских погребениях XII-XIII вв. (рис. 29, ф.13,14,16,18), что соответствует датировкам колец такталучского типа. Однако этот тип однобусинного кольца имеет не зерно-сканую, а гладкую бусину, а также более крупные размеры, чем кольца из Удмуртского Предуралья. Таким образом, отношение всех их к кольцам такталучского типа неправомерно. Скорее всего наличие среди чепечких колец этой серии однотипных высококачественных однобусинных колец XII-XIII вв. может указывать на устойчи-

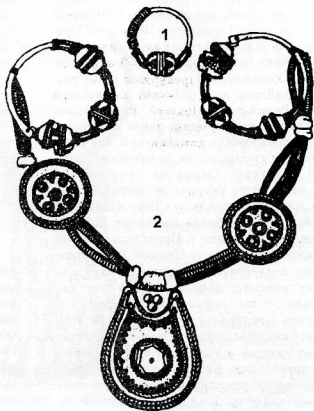

Рис. 30. Бусинное кольцо и оголовье с кольцами из Ыджыдельского могильника вымской культуры.

вую связь этой территории с районом Биляра, где существовал мощный центр ювелирного производства. Интересно, что в Биляре найдены формы для изготовления цельнолитых бусинных колец и половинок желудеобразных бус с поясками литой псевдозерни (ГМТР, №5427-94).

То же значение, что и височные кольца, имеют височные подвески с грушевидным (булавообразным) окончанием (рис. 27, ф. 8-17). Истоки этих подвесок видят в височных кольцах ломоватовского времени (Голдина Р.Д.), считают местным производством (Иванова М.Г.). Однако более убедительной и доказательной является точка зрения Ф.Х. Валеева, который видит истоки подобных подвесок в салтовских древностях (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с.46-47). Данные подвески имеют широкий хронологический диапазон бытования, они встречаются в материалах IX - XIII вв. Наиболее ранние экземпляры имеются в Тиганском могильнике (Халикова, 1976, с.120-140), более поздние образцы найдены в материалах Биляра, Семеновского селища и других памятников. Наиболее поздние экземпляры встречены в Сайгатинс-

ком могильнике в Сибири. Описываемые подвески широко представлены в Предуралье: только на территории Пермского Предуралья на могильниках, вкладах и поселениях их собрано более 60 экземпляров, в Удмуртском Предуралье такие подвески найдены в погребениях могильников Мало-Венижского, Чемшай, Варнинского. Показательно отсутствие таких подвесок в северородановских памятниках и, как следствие, отсутствие их на памятниках вымской культуры. Основное направление движения этого украшения - восточное, через земли Предуральских Вису к Зауральской Иуре. Наиболее восточная находка подвесок этого типа в Предуралье - Вашкурское погребение на Чусовой. Отсутствие таких подвесок в Северном Предуралье может иметь еще одно объяснение - этот тип украшения был популярен у угорского населения Предуралья и Зауралья, об этом может свидетельствовать малое количество таких находок в Удмуртском Предуралье, где преобладало финно-язычное население, а также распространенность такого типа украшений у протомадьяр (Тиганский могильник). Интересно, что находка такой подвески имеется в составе Архангельскогоклада XII в. (Nosov E.N., Ovsjannikov O.V., Potin V.M., 1992, с.32-21)

В общей массе этих украшений можно выделить несколько подтипов. Наиболее ранним является простой вариант подвески, близкий к салтовским прототипам, он мало насыщен зернью, которая расположена только в верхней части подвески и на месте среднего шва. Этот подтип по находкам на могильнике Телячий Брод и Баяновском могильнике (3 экз.) может быть датирован IX-X вв., по находкам в материалах Больше-Тиганского могильника - IX в. В X-XI вв. формы подвески увеличиваются (второй подтип), нижняя часть желудеобразной бусины приобретает грушевидные очертания, поверхность подвески покрывается треугольниками зерни или треугольными пластинками псевдозерни, ее тело разделено на орнаментальные зоны двойными скаными поясками, кольцо-основа диаметром до 3-4 см обматывается сканой проволокой. В XIV в. (третий подтип), судя по материалам Рождественского могильника, подвеска значительно усложняется - кольцо-основа украшается двумя дополнительными пустотелыми желудеобразными бусинами, усыпанными зернью и увитыми сканью (Вашкурское погребение - рис. 27, ф.17), размеры подвески еще более увеличиваются, она приобретает выраженные гру-

шевидные очертания, дополняется зернено-сканым навершием и окончанием. Поверхность подвески обильно усыпана зернью, сгруппированной в пирамидки, увита сканью, зачастую позолочена (Редикарский клад 1908 г. - 5 экз., Мальцевский м-к - 4 экз., Рождественский и Степановский могильники, Вашкурское погребение). Техника изготовления таких подвесок (тиснение, пайка, зернь, скань, золочение) аналогична технике изготовления ранее описанных бусинных колец. Аналогии подвескам имеются в материалах Волжской Болгарии.

А.2. Серьги

Широкое распространение в материалах из Предуралья получили калачевидные серьги (рис.27, ф. 20-27; рис. 29, ф.6-11), которые, судя по материалам могильников, одинаково охотно носились как мужчинами, так и женщинами. Так, в погребении №124 Рождественского могильника, где был захоронен мужчина, в области головы обнаружены серебряная и золотая калачевидные серьги.

Наиболее качественные экземпляры выполнены из золота и серебра, украшены треугольниками зерни и жгутиками из скани (до 3 полосок), имеют шатоны для вставок, так же отделанные сканью и зернью. Некоторые серебряные серьги имеют следы позолоты и чернения.

В Пермском Предуралье в могильниках, поселениях икладах таких серег найдено более 6 десятков, в Удмуртском Предуралье их известно примерно такое же количество, около десятка калачевидных серег найдено в Северном Предуралье. Через Пермское Предуралье серьги этого типа распространялись в Приобье. Известна находка такой серьги на о. Вайгач (Овсянников, 1997, табл.VI, рис.6), а также у угров Южного Урала (материалы Лагереvских и Ишимбаевских курганов).

Наряду с великоленными образцами болгарского ювелирного дела среди предуральских серег встречаются и местные изделия, изготовленные в подражание первым. Местные подражания делались двумя способами: отливка в глиняной форме, изготовленной по оттиску готового серебряного изделия, и вырубка основы по берестяной выкройке из тонкого серебряного или медного листа с припайванием проволочных завершений. Литые подражания отливались не только из бронзы, но из белого сплава, подобного материалу болгарских образцов. Вырезанные из листового серебра калаче-

видные серьги найдены в Мало-Никольском погребении родовки XII в, в погребениях Огурдинского и Рождественского могильников, на Соломатовском городище. На городище Иднакар обнаружена связка из 8 серег такого типа, перевязанных проволокой и завернутых в бересту. По мнению М.Г. Ивановой, это продукция местного мастера, приготовленная для продажи (Иванова, 1994, с. 120-121). Однако, учитывая, что эта связка найдена у металлургического горна (очевидно, в составе комплекса мастерской), можно предположить, что серьги были предназначены либо для переплавки, либо для дальнейшей обработки (нанесения зерни). В материалах Иднакара найдена каменная литейная форма для изготовления литых калачевидных серег с псевдозерной и псевдосканью (Иванова, 1995, рис.13,ф.2). Эта форма аналогична найденной в Билире литейной форме из темно-серого сланца, хранящейся в Казанском университете (АКУ №85-189). Таким образом, находка формы для калачевидной серьги на чепецком городище не может быть аргументом в пользу местного (древнего северо-удмуртского) производства литых скано-зерновых калачевидных серег. Напротив, этот случай указывает на наличие среди населения городища болгар-ювелиров. Еще одна литейная форма для отливки псевдозерни найдена на Аношкар; на Рождественском городище имеется литейная форма из серого сланца для отливки основы щитковосерединных перстней с плетенкой. Особый интерес представляет собой находка литейной формы XII-XIV вв. для изготовления круглых орнаментированных подвесок-медальонов на Кушманском городище на Чепце (Иванова, 1976, с.93-107). Таким образом, утверждение о пребывании в Предуралье болгарских ремесленников касается не только гончаров, но и ювелиров.

А.3. Накосники и прочие головные украшения

Одним из интереснейших и типично болгарских головных украшений были накосники: *чулпы* и *тезмэ*. Чулпы вплетались или крепились в самом низу косы, тезмэ располагались несколько выше. И те и другие

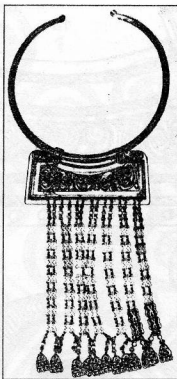

Рис. 31. Комбинированное украшение из Усольского района. Серебро, чернь.

виды накосников зачастую сочетались с коробочками-амулетницами (коранницами), соединялись с ними и между собой цепочками. Отметим, что этот элемент головных украшений характерен для болгарок и древних венгров еще с VIII-IX вв. и использовались в последствии болгарками и татарками вплоть до XVIII в. Накосник, как обязательная часть женского болгарского костюма, не мог быть массовым предметом обмена. Редкие образцы таких накосников в Пермском Предуралье попали сюда с болгарками, проживающими на торговых факториях. Однако, если такой болгарский накосник попадал к местным (коренным) жителям, то их использовали не по назначению, переделывая в украшения иного типа, так как у коренного населения Предуралья были свои этнические типы накосников.

Всего в Пермском Предуралье найдено 5 накосников типа чулпе и тезмэ. Интерес представляет крупная фигурная бляха из золотистой бронзы с гравированным богатым растительным орнаментом, выполненным в технике плоской чеканки, и позолоченной поверхностью. Эта находка была сделана в бассейне р. Иньва, попала в коллекцию Теплоуховых, а теперь хранится в Пермском областном музее.

Часть накосника - тезмэ - крышка от амулетницы (коранницы) из серебра с чеканно-гравированным орнаментом из побегов растений, окруженная двойной рамкой с волнистым орнаментом по подчеркнутому фону, характерным для болгарских ювелирных изделий XII-XIV вв., найдена в Усольском районе Пермской области (рис. 31, 32) и хранится в Березниковском музее (БКМ-824). Щиток амулетницы имеет 16 цепочек, соединенных попарно бабочковидными щитками с шестью круглыми и четырьмя серповидными отверстиями. Цепочки состоят из литых звеньев в виде трех, соединенных перемычками блингов. Цепочки оканчиваются 12 арочновидными привесками, которые в нижней части имеют отверстия для шумящих завершений. Данная часть накосника использовалась коренным населением как

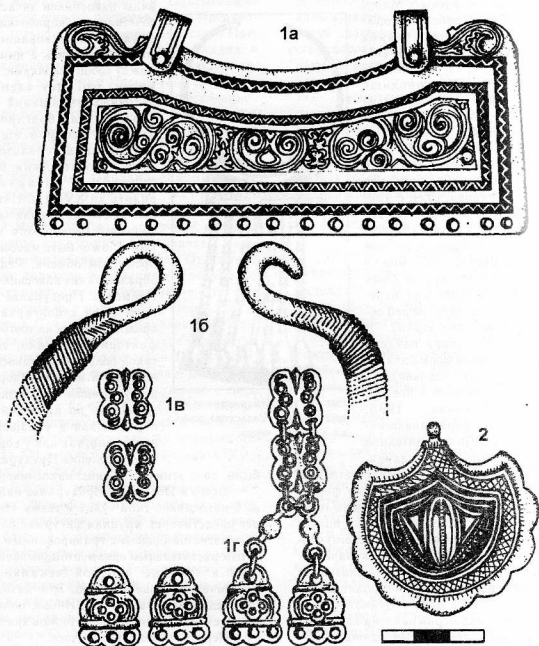

Рис. 32. Комбинированное украшение из Усольского района (1) - серебро, чернь; часть нагосника с р. Иньва (2) - бронза, позолота, чеканка.

оригинальное шейно-нагрудное украшение. Для этого в шарниры амулетницы была вставлена нарезная серебряная гривна глазовского типа. Украшение может быть датировано X в.

Части серебряных нагосников-тезмэ найдены на Редикарском и Рождественском городищах.

К другому типу болгарских головных украшений относится головной убор типа такьи, богато украшенный серебряными накладками. В Предуралье повсеместно встречаются круглые, квадратные, крестообразные и многолепестковые бляшки с зер-

ню, сканью и вставками от таких шапочек. География распространения их очень широка - от Удмуртского Предуралья, до вымских могильников. Наибольшее их количество найдено в Пермском Предуралье. Прекрасным образцом находок такого рода представляется один из редикарских кладов, где найдено 7 многолепестковых и круглых накладок от такьи, а также Вильгортский клад, где представлены многолепестковые, квадратные и круглые накладки от такьи (рис. 33). Иногда накладки от такьи использовались в составе комбинированных головных украшений. Так, в погребении

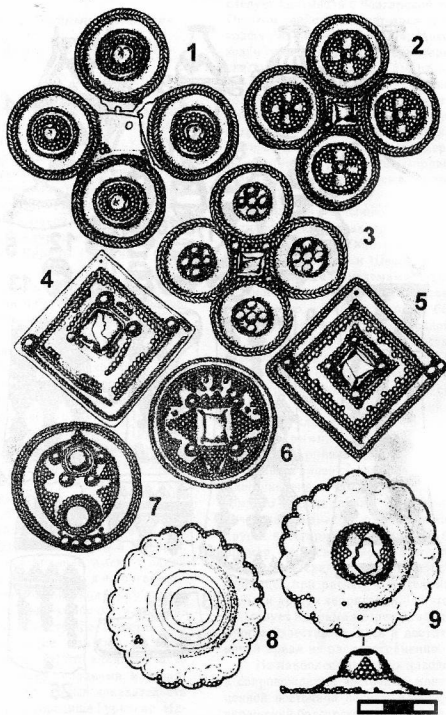

Рис. 33. Вильгортский клад из Чердынского р-на. Серебро, золотые прокладки, скань, зернь, чернь.

74 Ыджидьельского могильника (Северное Предуралье) найдена налобная повязка из серебряных спиралевидных пронизок с круглыми филигранно-скаными накладками от такки и крупной плоской топовидной филигранно-сканой накладкой со вставкой; завершалась повязка двумя трехбусинными серебряными височными кольцами (рис. 30, ф. 2).

Еще А.А. Спицын отмечал наличие сре-

ди древностей Предуралья булавок, имеющих аналоги в древностях Волжской Болгарии (Спицын, 1902, с. 46). На Кудымкарском городище и Анюшкаре встречены короткие бронзовые булавки с навершием в виде колечка. Подобные булавки имеются в материалах Биляра. В коллекции Теплоуховых представлены фрагменты серебряных наверший от булавок в виде пустотелых колпачков, укра-

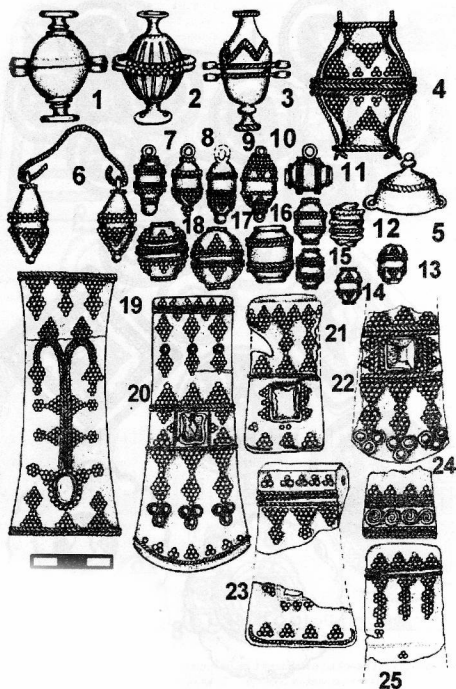

Рис. 34. «Самоварчики», детали подвесок, привески-налобники (амулеты ?) (19-25) из Пермского Предуралья. 1, 2 - Огурдинский м-к, погр. 102, 139; абсолютная аналогия №2 в погр. 29 Рождественского м-ка; 3, 5 - Мало-Аниковский м-к; 4, 8, 17 - Анюшкар; 6, 20, 21, 22 - Пермская губерния (Aspelin); 7 - Вильгортский клад; 9, 12, 13, 14 - Телячий Брод м-к; 10, 11 - Пермский клад; 15 - Чердынь; 16 - Гайнская волость; 18 - Кырымское гор.; 19 - д.Зобачево; 23 - Рождественское гор. и д. Мартыново; 24 - Деменковский м-к; 25 - Антибарский м-к. Материал - 1, 2, 3, 5, 22 - бронза; 6 - золото; остальное серебро, на №19 золотые прокладки и аметистовая вставка.

шенных пирамидками зерна и скани, с колечками в верхней части. Бронзовые и серебряные булавки с навершиями в виде колпачков имеются в материалах Волжской Болгарии (Валеев, Валеева-Сулей-

манова, 1987, рис.26).

Б. Шейно-нагрудные украшения

Б.1. Гривны

Достаточно широко у болгар, особенно в раннеболгарский период, был распространен такой тип шейно-нагрудного украшения как гривны. Гривны были восприняты болгарами у местного населения, у которого они были известны еще с ананьинского времени, но несколько трансформировались. В качестве материала стало использоваться серебро, была заимствована также форма плетеной гривны-цепи, которые еще с VII в. поступали в Предуралье из южных областей Восточной Европы (Голдина, 1985, с.128).

Шейные гривны болгарского типа также встречены на памятниках Предуралья. Плетеные гривны представлены единичными находками на Кыласовом городище и у д. Большое Поле (ОАК за 1900, с.120), гривна-цепь представлена находкой цепи, плетеной из 16 проволочек с шарообразными филигранными наконечниками из Рождественского (Волгинского) кладки XI-XII.

Наиболее многочисленны в Предуралье находки серебряных массивных витых и ложновитых (нарезных) гривен, так называемого глазковского типа.

Эти гривны представляют собой круглый в сечении дрот, концы которого имеют винтовую нарезку, а центральная часть гладкая, иногда более тонкая в сечении. Концы гривен, как правило, имеют с одной стороны петлю или крючок, а с другой стороны граненую головку-колбочку или с обеих сторон головку-колбочку или грибовидные крючки. Место производства этих гривен достоверно не установлено. М.Г. Иванова предполагает, что какая-то часть гривен изготовлялась чепецкими мастерами (имеется ряд косвенных доказательств этому, например на городище Гурьякар, Идзакар (Иванова, 1985, с.67-68), В.Ю. Лещенко (Лещенко, 1971) и вслед за ним В.П. Даркевич (Даркевич, 1976) считали, что определенная часть гривен изготовлена в Болгарии или, по крайней мере, в изготовлении гривен глазковского типа принимали участие болгарские ювелиры. Обзор местонахождений таких гривен в Восточной и Северной Европе (см. главу 3) позволяет вообще говорить о множественности центров их производства. Также нельзя считать местными и большую часть этих гривен, найденных на Чепце, Средней и Верхней Каме. На наш взгляд, распространение гривен этого типа

следует связывать с болгарской торговлей. Об этом свидетельствует прежде всего география их распространения. Массовые находки гривен сделаны на территориях, тесно связанных с болгарскими (Удмуртское и Пермское Предуралье). Находки гривен глазковского типа имеются в материалах древнемарийских могильников (например погребение 5 Веселовского могильника), в мерянских могильниках (например Сарский могильник); в древностях мордвы (91 находка), ливов, корелы, веси; в Западной Сибири (Барсова гора, Кинтусовский могильник) и на Южном Урале, где они сопровождаются, как правило, находками вещей болгарского или приуральского типов; в Приладожье и Швеции, где гривны найдены вместе с дирхемами. Отметим, что во многихкладах восточного, в том числе и болгарского, серебра, которые безусловно являются результатом болгарской торговли, гривны глазковского типа соседствуют с бесспорно болгарскими ювелирными изделиями (бляхи, серьги, височные кольца). Яркими примерами такого рода сочетания изделий являются Рождественский клад, Редикарские кладки 1883 и 1908 г. из Пермской губернии, Рябиновский клад из Глазовского района Удмуртии. Находки серебряных гривен глазковского типа столь многочисленны, что заставляют думать о том, что данные гривны были не просто отличительным знаком вождей или какой-либо другой категории знати, как это было, например, на Руси, а, скорее всего, представляли собой средства платежа болгарских торговцев при расчете с жителями Предуралья и других территорий. Об этом свидетельствует и весьма непрезентабельный вид многих известных гривен и достаточно широкий ареал их распространения.

Из наиболее известных находок гривен в сопровождении восточных монет, драгоценной восточной посуды или серебряных украшений болгарского производства в Предуралье упомянем Редикарский клад 1883 г., где в серебряном ведре находилось 34 гривны; Редикарский клад 1908 г., в котором наряду с 5 серебряными филигранными серьгами, 2 серебряными арочными подвесками и 2 подвесками с изображением пламевидных трилистников, круглой бляхой-привеской с арабской надписью (рис. 41, ф.16), арабскими серебряными монетами, медной фигуркой человека; множеством бус, поясных наклеек и пряжек из позолоченного серебра (в том числе с изображением людей и святого с нимбом вокруг головы - Византия ?) было найдено 15 гривен гла-

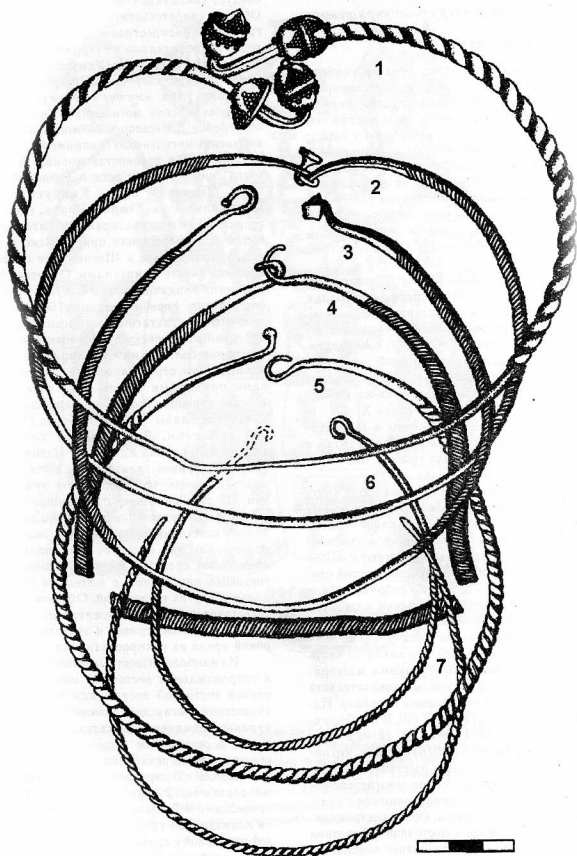

Рис. 35. Гривны «глазового» типа из Пермского Предуралья. 1 - д. Глебова, 2, 3 - Чердынский р-н, 4 - д. Буждог, 5, 6 - Аверинский м-к, погр. 54, 96а; 7 - д. Аниково. Материал - серебро.

зовского типа; 10 гривен найдено в составе Мальцевского клада восточной посуды X-XI вв. (Кудымкарский район Коми-Пермяцкого автономного округа); у с. Пешнигорт, неподалеку от Кудымкара, в 1853 г. найден клад серебряной посуды и 7 глазовского шейных гривен X-XI вв. (Записка... 1901); в состав Аннинского клада помимо прочих украшений входило 8 гривен (Пермский край. 1895, с.256); 6 гривен найдено у д. Епановой и 5 гривен - у д. Мелехино, совместно с деталями поясной гарнитуры и скано-зерновыми серебряными украшениями (ОАК за 1894, с.39); 5 гривен найдено в составе Вишаревского клада (Кильмезский район Кировской области); 6 гривен в составе Томызского клада, 1893г. (верховья Камы, Кировская область); 3 гривны были найдены в 1909 г. в составе Больше-Аниковского клада в Чердынском уезде; 3 гривны входило в состав клада серебряных украшений XII-XIII вв. из д. Чупино (Усольский район Пермской области) (Белавин, Мельничук, 1986 с. 13-143); 2 гривны находились вместе с монетными гривнами "киевского" типа в составе Мало-Шакшерского клада 1931 г. в Чердынском районе; 2 экземпляра глазовского типа гривен найдено в Волгинском кладе серебра XII-XIII вв., одна из этих гривен имела перевит из сканой серебряной проволоки; 2 гривны входило в состав Турушевского клада в Омутнинском районе Кировской области (верховья р. Вятка); в составе Карасевского клада наряду с серебряной византийской и азиатской посудой XI-XII вв. найдена гривна глазовского типа (Глазовский район Удмуртии, р. Жаба, приток р.Чепца).

Интересная находка витой гривны известна у д. Глебова на поле Круглом в Чердынском районе (ЧКМ, №112). Концы этой гривны оплетены сканью из тонкой серебряной проволоки, эта проволока фиксирует на каждом конце гривны по две железевидные крупные серебряные бусины, украшенные треугольниками зерни и скаными поясками (рис.35,ф.1). Техника изготовления и внешний вид этих бус полностью соответствуют бусам на височных кольцах и подвесках болгарской работы XI-XIII вв., таким образом данная гривна является безусловно продукцией болгарских ювелиров и косвенно доказывает болгарское производство части (или большей части) так называемых глазовских гривен. Аналогичная гривна со сканой перевитой найдена на Чепце, и также признается болгарской по происхождению (Иванов, 1998,с.133). Распространение этих гривен на территории Евразии позво-

ляет считать основными районами их бытования в IX-XII вв. Пермское Предуралье, где они встречены в 36 пунктах (общее количество находок около 160), и Удмуртское Предуралье (район:Чепцы), где, по данным А.Г. Иванова, учтено 176 гривен, найденных в 51 пункте (Иванов 1998, с.74). Таким образом, для IX-XI вв. этот тип гривен может быть признан основным типом шейных украшений предуральских народов, и хотя окрестности г.Глазова вовсе не являются основным районом их бытования или производства, резонно сохранить за ними ставшим привычным наименование "глазовские". В Пермском Предуралье часть глазовских гривен может быть датирована более поздним временем - XII-XIII вв. (например гривны из Чупинского клада, Глебовская находка, Волгинский и Мало-Шакшерский клады), т.е. более поздним периодом, чем их распространение на Чепце. Такое положение может быть связано либо с пермским, либо с болгарским производством этих предметов.

Б.2. Привески и подвески

Среди болгарских нагрудных украшений особое место занимают привески-лунницы (рис. 36), как разомкнутые, так и сомкнутые. Самые крупные лунницы являлись самостоятельной частью костюмного убора, более мелкие входили в состав ожерелий, использовались в качестве привесок к каким-либо украшениям. Во многих случаях лунницы, помимо обильной зерни и скани, украшались вставками из стекла, сердолика и других материалов. Зерновые узоры на лунницах сгруппированы в треугольники и пирамидки зерни, зачастую сочетались крупная и мелкая зернь, лунницы украшались также скаными поясками - от 1 до 3. Техника украшения таких лунниц, являясь типичной для болгарского ювелирного домонгольского искусства, выделяется изяществом и особой тонкостью отделки. Вероятно, это свидетельствует об особом месте, которое занимают эти украшения среди прочих типов украшений. Возможно, что лунницы каким-либо образом связывались у болгар с мусульманской символикой. Происхождение этого типа украшений исследователи объясняют арабским влиянием, через болгар лунницы попали и к древнерусским ювелирам.

В XII-XIII вв. лунницы получают дополнительные элементы украшений: различные шумящие привески на цепочках, различной формы вставки (Антыбары, Виль-

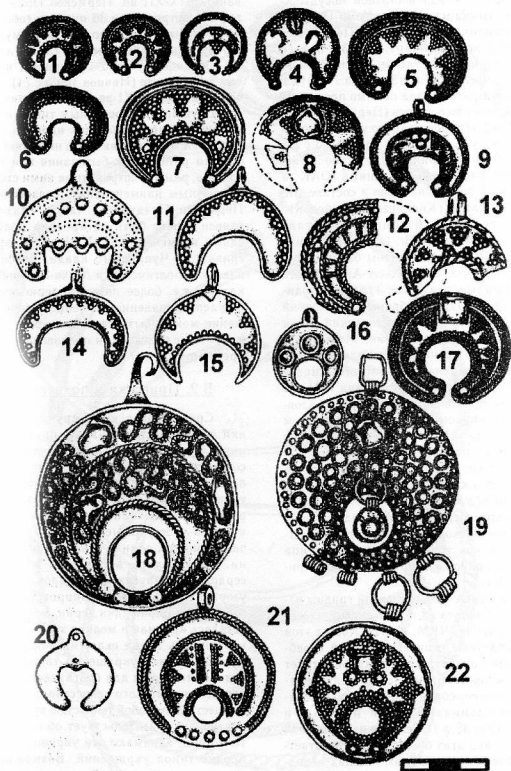

Рис. 36. Лунницы из Пермского Предуралья. 1, 2, 8- Антыбарский могильник; 3--Осокинский клад; 4, 5- Пермская губ. (Aspelin); 6- Майкар; 7- д. Чажегово; 9- д. Федорова; 10- Анюшкар; 11- Городишенское гор.; 12- Рождественский м-к, погр. 98; 13, 15- Рождественское гор.; 14- р. Косыл; 16- Вакинское сел.; 17- Рождественский (Волгинский) клад (2 экз.); 18- д. Харино; 19- Аифалово место, Чердынский р-н; 20- Редикарский м-к, погр. 21- д. Рыжково; 22- Рождественский клад и аналогичная из Чердынского уезда. Материал: 7, 9, 12, 13, 16, 18, 20, 21 - бронза; 10, 14, 15 - белый сплав; остальное серебро и золото, на №№ 17 и 22 вставки из зеленого стекла (?).

порт); поверхность некоторых лунниц украшается колечками-розетками из сканых проволочек (техника такого украшения представлена в Бутаевском кладе в Волжской Болгарии), появляется чернение. Блестящий образец поздних лунниц представлен находкой на так называемом Анфаловом месте в Чердынском районе в 1986г. (СКМ, № 1356) (рис. 36, ф. 19). Подражание лунницам такого типа имеется в коллекции Теплоуховых. Лунница с привесками хранится в Чердынском музее, там же имеется лунница из Вильгортского клада, украшенная вставкой из голубого стекла, обильной зернью и сканью, прокладками из золотых пластин (ЧКМ, № 104,3642). В Пермском Предуралье лунницы найдены на поселениях, в могильниках и в составе кладов. Так, в Осокинском кладе 1894-1899 г. из Соликамского уезда помимо серебряной поясной бляшки с золотыми привесками, круглых серебряных поясных бляшек со вставками из сердолика и без таковых, двух серебряных с позолотой подвесок с грушевидным окончанием, сердоликовых и хрустальных крупных граненых бус найдено несколько серебряных зерновых лунниц с золотыми прокладками (рис.36, ф.3). Интересно, что в состав этого клада входили также и медные пронизки со вздутиями и медные пронизки в виде птичек, характерные для западнофинских древностей.

Лунницы были серийным изделием болгарских ювелиров. Так, идентичные лунницы, явно сделанные в одной мастерской, найдены в составе Рождественского (Волгинского) клада и в Чердынском уезде. Эти лунницы украшены вставками из стекла, чернью, прокладками из раскованных в тонкие пластинки золотых проволочек.

Сомкнутые и разомкнутые лунницы известны в материалах чепецкой культуры: так, лунницы со вставками найдены в материалах XI-XIII вв. Кузьминского могильника. Щиток их часто позолочен, украшен зернью и сканью в виде пирамидок и розеток, некоторые лунницы с Чепцы имеют квадратные шатоны для вставок. Известны лунницы с зернью, сканью, шатоном, золотыми прокладками и в материалах Биджыдельского, Кокпомъягского и Ветьюского могильников вымской археологической культуры Северного Предуралья. Через Пермское Прикамье такие предметы проникали и в Приобье.

Наряду с подлинно болгарскими лунницами в Предуралье достаточно многочисленны бронзовые и оловянистые подражания местной работы. Эти лунницы, украшенные

псевдозернью и имитацией скани, отлиты в формах, оттиснутых с подлинных серебряных ювелирных болгарских изделий. Наиболее яркими примерами такого рода изделий могут служить Рыжковская и Федоровская лунницы (рис. 36, ф.9 и 21). Аналогичное явление - копирование лучших образов болгарских лунниц в бронзе - отмечается и на территории вымской культуры; возможно, что эти копии попали туда из Прикамья. Серебряные скано-зерновые лунницы с шатоном для вставок датируются Т.А. Хлебниковой временем наивысшего расцвета болгарского ювелирного ремесла - XI-XII вв. (Хлебникова, 1963).

Весьма распространенными у болгар являлись привески-амулеты (рис. 34, ф.19-25). Они бытуют еще с раннеболгарского времени, являются обязательными атрибутами наборных поясов и ожерелий, выполняют роль амулетов-оберегов. Из числа подобных подвесок прежде всего следует выделить топоровидные привески, или, как их трактуют некоторые исследователи (Савельева Э.А.) - привески-налобники с эллипсоидным окончанием. Это массивные привески, несколько напоминающие топорик-секиру. Их поверхность богато украшена пирамидками и ромбиками зерни, они имеют сканные пояски, в центральной части привески укреплены шатоны для вставок. По особенностям техники исполнения зерни (крупная и мелкая), наличию шатонов их следует датировать XI-XIII вв. В Предуралье топоровидные привески-амулеты известны от бассейна Чепцы (Пудвай, Сороково, Чемшай и другие - всего 5 находок) до бассейна Вычегды и Ямало-Ненецкого округа - Ямгортский клад (Лешенко, 1971а).

Из находок в Пермском Предуралье необходимо отметить находку в д. Мартыново (Спицын, 1902, табл. XXXIV), находку из Антыбарского могильника (раскопки Г.Т. Ленц). Всего в Пермском Предуралье таких находок (в том числе в обломках) в составе кладов и с городищ и могильников известно около десятка.

Наряду с топоровидными привесками, роль амулетов играют привески в виде "самоварчиков", бытующие у болгар в IX-XIII вв. Прекрасный образец такой привески из серебра с украшениями из скани и пирамидок крупной зерни найден при раскопках на Кыласовом городище (рис. 34, ф. 4); бронзовые "самоварчики" имеются на Мало-Аниковском, Рождественском, Редикарском, Огрудинском, Степановском могильниках, Рождественском, Соломатовском, Городищенском городищах, Вакинском селище.

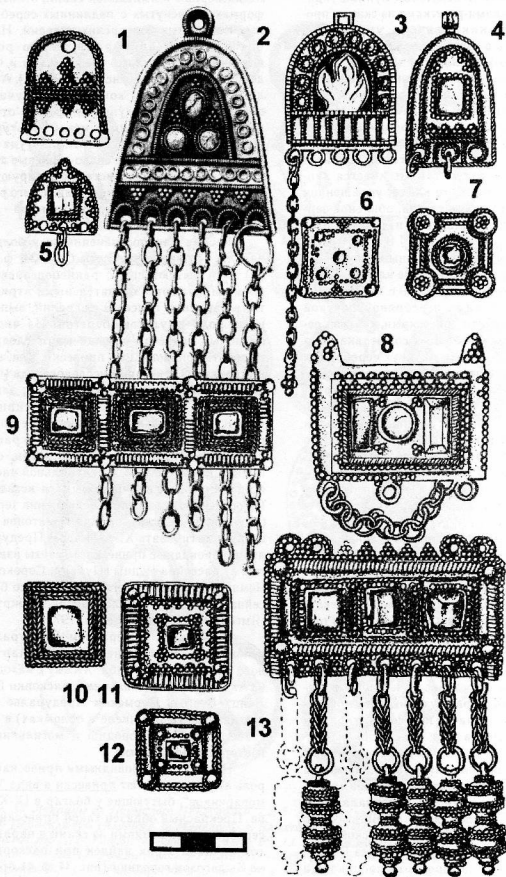

Рис. 37. Шумящие подвески, накладки от шапочек и части амулетниц из Пермского Предуралья. 1- д. Горткушет; 2- Пыскарский клад; 3- Редикарский клад (2 экз.); 4, 7- Аношкар; 5- Редикарский м-к; 6- Рождественский м-к; 8, 9- Осокинский клад; 10, 11, 12- Верхондасский клад (Aspelin); 13 - Пермская губерния (ПОКМ). Материал: 13 - бронза; остальное серебро, на №2 золотые прокладки, чернь, вставки из сердолика, на №4 вставки из сердолика.

"Самоварчики" известны и на памятниках Удмуртского Предуралья (например на Варнинском могильнике). Эти привески, видимо, играли роль амулетниц-благовонниц. Следует отметить, что "самоварчики" были серийным изделием болгарских ремесленников. Так абсолютно идентичные привески найдены в погребениях 139 Огурдинского и 29 Рождественского могильника (рис. 34, ф.2).

По мнению Ф.Х.Валеева, роль оберегов играли богатые, украшенные серебряными филигранными накладками ножны небольших кинжальчиков (рис.38). Образец такого рода накладки найден у д. Зобачево на р. Ломоватке и датирован А.А. Спицыным IX-X вв. Накладка изготовлена из серебра, украшена вставкой, скаными поясками по верху и по низу, зерновыми ромбиками и пирамидками. В центре накладки находится скано-зерновое стилизованное изображение "древа жизни". Такие изображения у болгар, как и у многих тюрко-язычных народов, связывались с продолжением рода, плодотворностью и богатством. Фон накладки имеет следы чернения.

Продукцией болгарского ремесла были и многие типы привесок с шумящими окончатаниями. Это один из излюбленных элементов грудных и шейных украшений племен лесной и лесостепной зоны Предуралья. Украшения такого типа во множестве встречаются на памятниках Волжской Болгарии. Они были занесены сюда переселенцами из Предуралья и использовались как составная часть набора украшений жителями Болгарии. Часть таких украшений, несомненно, привозная и попала в Болгарию из Предуралья. Но многие привески производились и в самой Болгарии; так, на Билярском городище найдена литейная форма для изготовления типично угорской арочной привески (Культура Биляра, табл. XXXVI, рис.83). Факт изготовления болгарскими ювелирами многих типов предуральских украшений отмечался еще М.В. Талицким и А.П. Смирновым. Очевидно, следует согласиться с тем, что некоторые образцы традиционных украшений, находимых в могильниках, кладах и на поселениях Предуралья привезены сюда из Болгарии. Прежде всего это касается серебряных привесок и подвесок, изготовленных в скано-зерновой технике.

Типичным примером такого рода привозных изделий может служить арочная серебряная подвеска из Кыласового городища (рис.37, ф.4). Щиток подвески в форме вытянутого полуэллипса, расширяющегося в

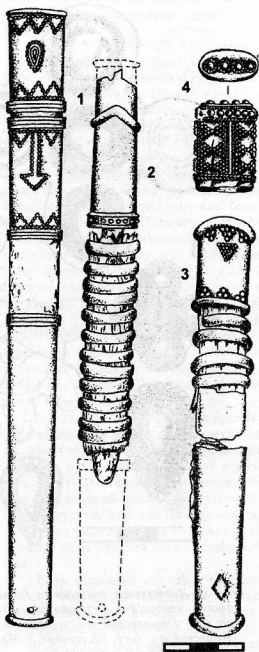

Рис. 38. Ножны и их части из могильников Пермского Предуралья. 1- Каневский; 2- Вайгортский; 3- Редикарский; 4- Огурдинский. Материал: бронза, серебро, золото накладок.

нижней части, орнаментирован рядами сканы по нижнему и внутреннему краю. В центре щитка находится прямоугольный шатон со вставкой из желтого стекла в обрамлении шариков зерни. Внутренняя арка украшена пирамидками зерни, в нижней части щитка - отверстия с остатками цепочек. Небольшие размеры подвески позволяют считать ее шумящей привеской в ожерелье. Аналогичные изделия известны в материалах могильников вымской культуры, где атрибутированы Э.А. Савельевой как

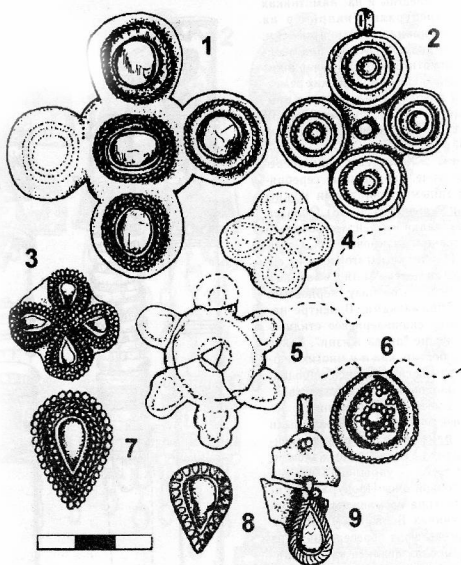

Рис. 39. Лепестковые подвески из Пермского Предуралья. 1- Верх-Березовский починок, серебро; 2- д. Федорова, олово; 3- Редикарский м-к, серебро, золото, сердолик; 4, 5- Редикарский м-к, серебро; 6- д. Елва, серебро, позолота (Aspelin); 7- Аверинский м-к, погр. 92, серебро; 8- Мало-Аниковский м-к, бронза, синее стекло; 9- Огурдинский м-к, погр. 102, бронза, янтарь.

привозные.

Арочные подвески из серебра с шато-нами для вставки имеются в коллекции сборов с Семинского городища (окрестности г. Березники), крупная арочная подвеска из серебра с катушечной филигранью, тремя вставками из янтаря, золочением, чернением находится в коллекции Теплоуховых и происходит из с. Пыскар, серебряные арочные подвески с изображением древа жизни найдены в Редикарском кладе 1908 г. Подобные подвески, в соответствии с угорской традицией, применялись в Предуралье в качестве наконечников. В д. Макаровой Глазовского уезда в 1895 г. были найдены две небольшие бронзовые арочные шумящие

подвески с изображением древа жизни, на- низанные на серебряные филигранные од- нобусинные височные кольца болгарской работы (ОАК за 1895 г., рис. 115).

Интересна находка предмета, напоми- нающего крышку корняницы от наконсника с шумящими привесками в виде сканых бу- син от височных колец (рис.37, ф.13). Дан- ный предмет приводится в таблицах А.А. Спицына, подготовленных ко второму (не опубликованному) выпуску "Древностей Оки и Камы"(Спицын, 1918). Судя по тон- кой технике зерни и скани, наличию плетен- ных цепочек, шатона для вставки, данный предмет может быть датирован XII-XIII вв. По своему абрису этот предмет напомина-

ет традиционные для этого времени в Прикамье биякорьковые шумящие подвески. Традиция изготавливать биякорьковые подвески в скано-зерновой технике с шатоном — как подражание технике болгарских ювелиров — прочно вошла в ювелирное дело Прикамья. Так, на Городищенском городище под Соликамском в 1982г. была найдена биякорьковая шумящая подвеска из золотистой бронзы с псевдозернью, с шатоном для вставки. Обломок якорьковой подвески с шатоном для вставки найден на Рождественском городище. Интересно, что этот фрагмент имеет колечки из скани, аналогичные колечкам на подвеске из Пыскара или луннице из Анфалова места.

Большой серией в Предуралье представлены крупные лепестковые подвески, составленные из 4 или больше кругов (рис. 39), украшенных зернью, сканью и шатоном для вставок в центре. Наиболее яркие образцы такого рода украшений, имеющих на оборотной стороне бронзовые петли для привешивания, представлены в материалах Вильгортского клада 1933 г. (ЧКМ № 2517-2520). Фон круглых частей подвесок заполнен золотыми прокладками из тонко раскованных сканых проволоочек. В Вильгортских находках в качестве вставок в круглые шатоны использованы шаровидные бусины из красного сердолика или разломанные пополам граненые бусы из того же материала.

Подобные подвески известны двух типов: крупные, аналогичные Вильгортским, и более мелкие, входившие в состав каких-либо ожерелий.

Такие подвески имеются в материалах Агафоновского II могильника, из находок в д. Елва, в материалах Антыбарского могильника на Чусовой, Огрудинского и Степановского могильников на Каме; подражания им обнаружены в чепецах могильниках - Кузьминском и Печешурском. Вообще, география распространения таких подвесок очень широка - от памятников вымской культуры до Сайгатинского могильника в Приобье.

На разных памятниках Пермского, Удмуртского и Северного Предуралья во множестве найдены различные серебряные зернено-сканые круглые, биконические и желудеобразные бусы, конусообразные зернено-сканые привески, диски с зернью, сканью и петлями для привешивания. Все это позволяет считать серебряные ювелирные привески и подвески одной из наиболее массовых статей болгарского импорта в Предуралье.

Своеобразной частью импорта из Вол-

жской Болгарии в Предуралье были бляхи-подвески с "охотничьим" сюжетом (рис. 40).

Еще А.А. Спицин и И.Я. Смирнов публиковали в своих атласах серебряные и бронзовые бляхи-подвески со сценами охоты, которые достаточно часто находили на разрушающихся археологических памятниках в Пермском Предуралье (Спицин, 1902, табл. VIII; Смирнов, 1909, табл. ХС, 22, 23 и др.). Впоследствии вопрос о месте производства и классификации таких изделий поднимался А.П. Смирновым, который обосновал их происхождение как болгарское (Смирнов, 1964). Попытку классифицировать и датировать имеющиеся на момент исследования образцы этих изделий делал В.Ю. Лещенко (Лещенко, 1970, с. 136-148), вопросы о датировке и трактовке такого рода изделий из памятников вымской культуры ставились Э.А. Савельевой (Савельева, 1985, с. 92-110), из родановских памятников — В.А. Обориным (Оборин, Чагин, 1988, с. 30, 37) и автором (Белавин, Носкова, 1989, с. 253-256), из памятников Приобья — Н.В. Федоровой (Федорова, 1991, с. 5-9).

Характерными признаками рассматриваемых изделий являются их круглая форма, наличие изображений всадника с ловчей птицей в руке, солярных знаков и различных животных. В основе композиции лежит сюжет соколиной охоты, не известный ранее в искусстве народов Предуралья и, видимо, заимствованный болгарскими ювелирами из Средней Азии (Лещенко, 1970, с. 146).

В.Ю. Лещенко описано 9 подобных блях из Пермского Приуралья. К настоящему времени этот список пополнился еще 5 находками: из Искорского городища (раскопки В.А. Оборина), могильников Телячий Брод - 2 экземпляра (раскопки автора), Антыбарского (раскопки Г.Т. Ленца) и Кишерстского (раскопки Н.В. Водолага и И.Ю. Пастушенко). В археологическом дневнике известных коллекционеров и археологов Пермского края Теплоуховых имеется краткое описание еще одной бляхи с соколиным, найденной в 1875г. у д. Митьниковой в Нердвинской волости Соликамского уезда (ныне Карагайский р-н Пермской обл.); к сожалению, её изображения нет и судьба её не известна.

По материалу изготовления бляхи можно разделить на две группы: к первой относятся 11 блях из серебра, ко второй - изделия из бронзы. Бляхи первой группы по технике изготовления можно разделить на 4 вида (Лещенко именует их группами): к первому

рис. 40. Бляхи-подвески с «охотничьим» сюжетом из Пермского Предуралья. 1- д. Искор; 2, 4, 7, 10, 14- Пермская губерния; 3- д. Большое Поле; 6- д. Сечище; 5, 9- м-к Мелячий Брод; 8- Искарское городище; 11- Кудымкар; 12- Антыбарский м-к; 13- Кишертский м-к; 15- городище Купрос; 16- д. Байдары. Материал 1-9, 13, 15 - серебро, чернь, позолота, остальное - бронза, медь, на № 16 позолота, чернь.

виду относится один экземпляр (Антыбарский могильник, погребение 64), изготовленный на тонкой кованой пластине с подчеркнутым фоном и имеющий гладкий желобок по краю (рис. 40 ф. 12); второй вид представлен находками из Искорского городища и д. Сечинце - их объединяет техника тиснения с дальнейшей подчеканкой фона и отсутствие катушечной филигранны (рис. 40 ф. 6,8); к третьему виду относятся пять блях, они объединяются по наличию в их исполнении плоской чеканки, черни, шраффировки фона, катушечной филигранны по краю изделия (рис. 40, ф. 1-5). Наиболее тонкая ювелирная техника представлена на бляхах третьего вида, в которой сочетаются наиболее характерные приемы болгарского ювелирного искусства XII—XIV вв. Как правило, фон изделия разделялся под чернь в виде слабоуглубленного лотка и для лучшего закрепления черни штриховался штихелем (шраффировка), детали изображения подрабатывались точечной и плоской чеканкой, полировались и золотились. Золоченые рисунки на зачерненном фоне составляли, по моим наблюдениям, характернейший прием болгарских ювелиров предмонгольского и раннеордынского периода (Белагин, 1992, с. 147). Изделия третьего вида (первая группа, по В.Ю. Лещенко) относятся к "школе 2" болгарского ювелирного центра (по Н.В. Федоровой). Изделия первого вида (у Лещенко не представлены) могут быть отнесены к "школе 1" по наличию желобка на краю изделия, второй вид (вторая группа, по Лещенко) не соотносится ни с одной из выделяемых Федоровой "школ", однако по формальному признаку (отсутствие катушечной филигранны) может быть сближен с кругом изделий "школы 1". Особняком стоит четвертый вид блях первой группы (рис. 40, ф. 9 и 13), который представлен скано-зерновыми изделиями с позолоченным фоном. Рисунок наносился мелкими шариками зерни и тонкими, иногда расплюснутыми, нитками скани на тонкий прокатанный (?) круглый лист серебра в виде замкнутой лунницы. Фон изделия золотился после напаyki рисунка. Характерным болгарским приемом является обводка изделий по контуру двумя нитками скани в елочку. Все бляхи предназначались для ношения на груди (о чем свидетельствует их расположение в погребениях), для чего на оборотной стороне к пластине припаивались на длинных держателях серебряные или бронзовые рубчатые ушки, напоминавшие скано-зерновые бусины.

На лицевой стороне блях первого-третьего видов изображен всадник, с заостренной головой анфас, сидящий на лошади, идущей в левую, геральдическую сторону (вправо от зрителя), слева и справа от головы всадника - изображения солнца и луны в виде условных солярных знаков (круг и полумесяц), на согнутом локте правой руки, которой всадник опирается на спину лошади, сидит ловчая хищная птица, левая рука, как правило, согнута в локте и поднята вверх. На пяти бляхах у всадника в этой руке рог, раструбом обращенный к лицу всадника. Большинство изделий имеет проработанные точечным чеканом детали одежды всадника: короткая распахнутая одежда с прямой застежкой на груди, круглым орнаментированным воротом (гривна?), орнаментированный пояс, свободный конец которого в виде Г-образной полосы развешен над крупом и хвостом коня, хотя, возможно, это плетка или повод от узды лошади. Заостренная форма головы всадника, возможно, имитирует головной убор (шапка, шлем?) и напоминает остроголовые антропоморфные граффити на некоторых восточных блюдах из Сибири, которые А.А. Спичин считал изображениями менков, а В.Ю. Лещенко - фигурками шаманов. Интересно, что на бляхе из д. Большое Поле голова всадника завершена изображением шарика - имитация навершия шлема, а на бляхе из погребения № 5 могильника Телячий Брод голова всадника имеет форму, напоминающую лицевые портретные погребальные покрытия, распространенные в могильниках угорского населения Предуралья (Рождественский, Огурдинский и другие).

Отметим, что движение всадника в левую, геральдическую сторону обычно считается движением с запада на восток, что подтверждается расположением солярных знаков (луна — ночь, закат; солнце — день, восход), лишь в двух случаях (бляхи из Искорского городища и из погребения № 69 могильника Телячий Брод) движение обратное - по расположению солярных знаков. Таким образом, данные бляхи вписываются не только в круг восточных изделий (Э.А. Савельева), но и в круг европейских геральдических изделий. Геральдическое движение влево характерно, видимо, для Восточной Европы, где традиции классической геральдики распространяются относительно поздно. Так, движение влево зафиксировано на некоторых русских монетах XIV-XV вв., оно характерно для русских печатей XV в. Следует отметить в связи с этим, что геральдическое движение всадни-

ка не носит магического солярного смысла, так как солярное направление движения - обратное: с востока на запад - в соответствии с движением солнца. На наш взгляд, подобное расположение исключает использование блях шаманами как предмета культа или магии. Эмблема коня в геральдике Запада и Востока имеет большую смысловую нагрузку и является одной из древнейших эмблем человечества. В классической геральдике с давних времен эмблема коня совмещает в себе лучшие свойства нескольких геральдических животных: храбрость льва, зоркость орла, силу вола, быстроту оленя, ловкость лисы. Обычно эта эмблема употреблялась в государственной геральдике или геральдике высшей знати (Похлебкин, 1989, с. 100).

Ниже фигуры всадника и по бокам от нее располагаются фигурки животных - от трех до пяти персонажей: утка, медведь, который опознается по характерному загибку, лось, соболь или иной пушной зверек, волк или собака, бобр. У животных обычно хорошо моделированы когтистые лапы и голова, что также соответствует классическим геральдическим традициям. У самой лошади, как правило, хорошо прорисованы грива, голова, мышцы задних ног. Утка на каждой из блях занимает центральное положение в группе животных, располагаясь между ног лошади. Количество и набор фигурок зверей варьирует, однако утка представлена во всех композициях, что выдает ее важное сакральное значение.

Датировка подобных изделий из Прикамья всегда проводилась умозрительно, так как большинство находок - случайные. В силу этого особый интерес представляют бляхи, найденные в закрытых комплексах могильников Телячий Брод, Антыбарского и Кишертского. Бляха третьего вида первой группы найдена в 1986 г. в наших раскопках в погребении №5 могильника Телячий Брод. В 1989 г. она издана нами и датирована первой половиной XIII в., а вид в целом — XII-XIII вв. (Белавин, Носкова, 1989, с.253-256). Однако в приведенную датировку вкралась ошибка, так как на момент написания статьи, в 1989г., не был разобран медный котелок, входивший в состав погребального инвентаря данного захоронения. Он был в плохой сохранности, поэтому его извлекли, не разбирая заполнения. После закрепления стенок котелка заполнение было вынута. В него входили железный нож с "коленчатой" спинкой, обломок ножа и два височных кольца в виде

знака вопроса. Подобные кольца твердо датируются второй половиной XIII-XIV вв. Большая часть материалов погребения относится к XII-XIII или XII-XIV вв.: медный котелок; наконечники стрел с "узелками" и срезень с вогнутым лезвием (Медведев, 1966, тип 54); пояс с крупными круглыми бронзовыми накладками, украшенными большими каплями зерни, сердцевидными и розетковидными накладками и наконечником с орнаментом в виде сходящихся волн; рамчатая квадратная поясная пряжка. В насыпи погребения найдено железное овальное кресало XIII-XIV вв. (Колчин, 1982) и монетовидная привеска из оловянистого сплава, близкая к новгородским XIII в. Таким образом, данный комплекс в сочетании с кольцами в виде знака вопроса дает возможность датировать погребение и бляху с "сокольным" второй половиной XIII века. Э.А. Савельева датирует бляхи такого вида (у нее медалоны третьей группы) XII-XIII вв. на основании анализа погребальных комплексов вымских могильников (Савельева, 1985, с.99-100, 102-104). Этот вид изделий можно датировать всем протяжением XIII в. и, даже, более поздним временем учитывая находки аналогичных изделий в Сайгатинском IV могильнике. Пять блях этого вида и аналогичные им изделия из Жигановского и Сайгатинского IV могильников имеют на груди коня знак в виде острого угла с лучом, в котором можно опознать клеймо Биляра, в ювелирных (царских ?) мастерских которого, вероятно, и изготовлены все изделия.

Бляхи первого вида могут быть датированы на основании изделия в погребении № 64 Антыбарского могильника. Автор раскопок могильника Г.Т. Ленц датирует это погребение концом XI-XII вв. Аналогичную дату имеет близкая к Антыбарской находка в погребении № 2 Ликинского могильника. Погребальный обряд и инвентарь погребений второй группы этого могильника, к которым принадлежит и погребение с бляхой, достаточно близки к Антыбарскому могильнику (Викторова, 1973, с. 134), что указывает на определенную зависимость распространения в XI-XII вв. блях первого вида от этнокультурной принадлежности населения. Характерно, что антыбарская и ликинская бляхи разломаны, тогда как бляхи третьего вида уложены в могилы целыми.

Бляхи второго вида могут быть датированы лишь по слою Искорского городища, где найдена одна из них. В.А. Оборин определяет её X-XIII вв. На наш взгляд, по-

добные изделия можно отнести в XII-XIII вв., ограничивая время их бытования исключительно домонгольским и даже предмонгольским временем - периодом, когда техника тиснения у болгарских мастеров достигает наивысшего расцвета. Мы знаем большое количество матриц для разного рода изделий, в том числе и матрицу для блях с "охотничьим" сюжетом из Болгара, опубликованную А.П. Смирновым. Аналогичные по тисненой технике изделия из серебра встречены в составе различных кладов и комплексов XII-XIII вв. от Прикамья до Полярного круга.

Четвертый вид блях первой группы хорошо датируется по материалам погребения № 69 могильника Телячий Брод, где такая бляха найдена автором в 1991 г. В погребении обнаружены медный котелок, три ножа с "коленчатой" спинкой, топор универсального типа, наконечники стрел и дротика, обувные фибулки из оловянистого сплава, монетовидные привески из того же сплава и серебряный бубенчик. Указанные материалы имеют аналогии в Новгороде, Болгарии, Зауралье и Прикамье XIII-XIV вв., наиболее вероятная дата погребения - вторая половина XIII в.

Бляха этого же вида из Кишертского могильника найдена на участке раскопа в междумогильном пространстве и датирована И.Ю. Пастушенко XI - первой половиной XIII в. Так как Кишертский могильник относится к XII - первой половине XIII в., то с учетом даты бляхи из погребения № 69 могильника Телячий Брод вид в целом можно датировать XIII - XIV вв. Техника изготовления из более тонкого прокатанного серебряного листа, свободная техника узора из скани и зерни, более темный металл позволяют отнести подобные изделия к продукции болгарского ремесла монгольско-золотоордынского периода.

Особого внимания заслуживает возможное назначение описываемых изделий. Традиционно бляхи с "сокольным" оценивались как предметы, связанные с охотничьей магией, шаманизмом, их признавали также отличительными знаками шаманов. Культовое значение блях обычно обосновывали солярными знаками, которые, как мы отмечали, могли иметь не культовое, а геральдическое значение, придающее данному предмету особый юридический характер. Вполне допустимо оценивать данные предметы как символ высокого социального положения их владельцев и как знаки вождя или старейшины. Функционирование блях с "сокольным" на стадии

формирования у населения Предуралья классового общества на фоне экономического и политического сотрудничества с феодальной Волжской Болгарией заставляет оценивать бляхи как определенные верительные знаки, удостоверяющие особые права и полномочия их носителей.

Использование верительных знаков типа пайзце (байсы) хорошо известно на Востоке еще с гунского времени (Иностранцев, 1908, с. 178). Верительные знаки ("печати для ношения") использовались в X-XIII вв. русскими и болгарами. Сходный обычай предъявления уполномоченными лицами верительных знаков (JARTEGNER) известен на Севере Европы (Молчанов, 1986, с. 185); у тюркских народов употреблялись особого рода бирки, служившие удостоверением личности. Интересно, что в Орде в употреблении были пайзце с изображением солнца, луны и животного (лев) под ними. О таких "дщицах" сообщает Марко Поло, так же как и о круглых пайзце с изображением кречета: "У сотника дщица серебряная, а у тысячника золотая или серебряная вызолоченная, а у того, кто над 10 000 поставлен, она золотая с львиной головой. Внизу нарисован лев, а наверху изображены солнце и луна. А некоторым великий хан дает дщицу с кречетом, дает ее только большим князьям, чтобы была у них та же власть, как у него" (Спицын, 1909 с. 139-140). Круглые "дщицы" с кречетом были утверждены в Орде в 1277 г. Интересно, что у среднеазиатских народов пайзце служили знаками вассального владения и как важный юридический документ делались из металла. Даже при простом сравнении наших блях с "сокольным" напоминают пайзце. Вероятно, учитывая сведения о том, что "народ Вису" и Чулыман платили харадж и джизью царю болгар, то есть находились в определенной политической и экономической зависимости от последнего, следует видеть в этих бляхах именно знаки вассальной принадлежности и знаки официальных лиц (верительные знаки), имевших право представлять интересы болгарской администрации в отдельных местностях Предуралья и Приобья. Характерно, что фигурка "сокольника" используется и на Руси как особый знак власти, известны такие же знаки и в Моравии.

Высокое социальное положение носителей блях с "сокольным" могло отражаться и на их имущественном достатке, в таком случае это должно прочитываться на материалах погребений. Однако общезвестно, что в архаичных обществах на стадии пере-

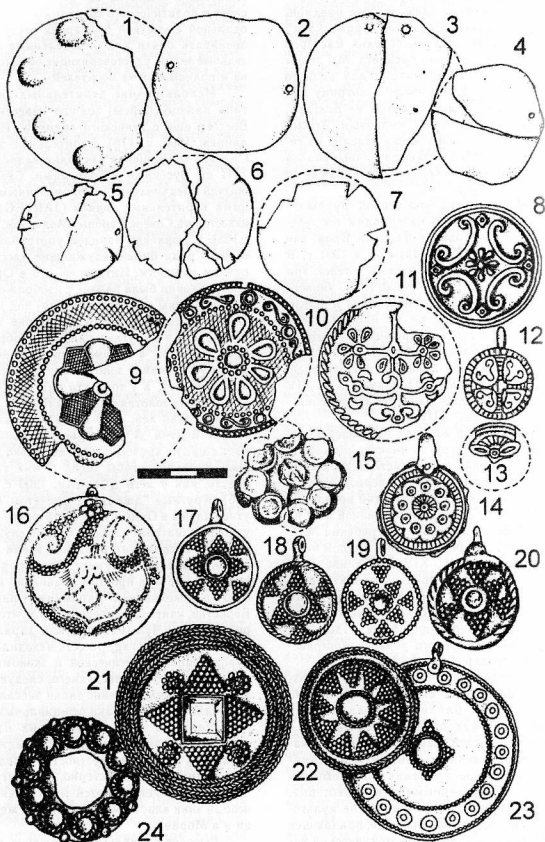

Рис. 41. Круглые бляхи-привески из Пермского Предуралья. 1 - Редикарский м-к; 2 - 4 - Рождественский м-к, погр. № 37; 5, 6 - Рождественский м-к, погр. № 88; 7 - Аверинский м-к, погр. № 237; 8, 16 - Редикарский клад; 9, 10 - Редикарское городище; 11 - д. Омелино; 12 - д. Лимеж; 13 - Рождественский м-к, погр. № 113; Рождественский м-к, погр. ; 105; 15 - Редикарский могильник, погр. № 47; 117 - Городищенское городище; 18, 24 - Мало-Аниковский м-к; 19 - Вакинское селище; 20 - Рождественское городище; 21 - Майкарское городище; 22 - Рождественский м-к; 23 - Деменки.

хода от первобытных отношений к раннеклассовым официальные лица признавались "первыми среди равных" и могли, особенно не выделяясь имущественным положением, отличаться от рядовых соплеменников качеством жизни и ее образом. Тем не менее материалы погребений с бляхами на могильнике Телячий Брод все же дают представление о высоком имущественном положении владельцев пайзце. Наличие в погребениях достаточно дорогих привозных украшений, разнообразного вооружения и дорогих импортных медных котелков указывает на богатство этих "вождей" при жизни. Относительная бедность погребений с бляхами в других могильниках может быть объяснена приведенными соображениями, а также тем, что археологический материал не всегда полностью читаем. Известны случаи, когда малоинвентарные погребения можно было считать самыми богатыми, например, если удавалось установить, что покойник был одет (или завернут) в дорогие шелковые или парчовые ткани.

Высокий статус обладателей подвесок вызывал зависть и попытки как-либо подражать этому знаку. Показательной является находка бляхи второй группы на Кудымкарском городище. Эта бляха - подражание изделиям третьего вида первой группы. Видимо, так пытались выделиться ранняя знать тех территорий, на которых болгары не считали нужным иметь своих официальных представителей, ответственных за сбор налогов. Помимо указанной бляхи к этой группе относится еще две. Это литые с рельефным изображением фигурок всадников в окружении солярных знаков и неясных изображений животных бляхи-подвески. Качество изображений значительно хуже, они имеют условный, стилизованный характер, что полностью указывает на их принадлежность к местной художественной традиции. Имеются также и аналогии отдельным деталям изображений - например, изображениям фигур лошадей в Пермском зверином стиле. Считая бляху из Кудымкара подражанием серебряным бляхам третьего вида, ее можно датировать XIII-XIV вв., две другие бронзовые бляхи подражают изделиям более раннего вида, в том числе изделиям с катушечной филигранью.

К описанным предметам по своему возможному назначению примыкает круглая бронзовая литая бляха из д. Байдары Чердынского района с изображением хищной птицы с распростертыми крыльями, антропоморфной фигурой под крылом и фигурой пушного животного в когтях (рис. 40, ф.

16). Бляха изготовлена из высококачественной не местной бронзы и имеет остатки зачернения фона под рисунком и во внутреннем ободке и следы позолоты рисунков. Техника изготовления (чернь, позолота) выдает в этом предмете продукцию городского ремесла; на наш взгляд, этот предмет можно датировать золотоордынским временем и связывать с упомянутыми "дщицами с кречетом". Таким образом, данная находка может свидетельствовать об определенных политических связях Пермского Предуралья с Ордой или с Волжской Болгарией в составе Орды.

Отдельного анализа заслуживают фигурки животных, изображенные на бляхах. Центральное положение утки, как мы уже отмечали, определяется ее важным сакральным значением. У финно-угров и волжских болгар утка играла роль матери-прародительницы, существа, определившего весь мир и породившего богов, духов и людей. В прикамских древностях фигурка утки - весьма распространенный сюжет на пронизках из бронзы и кости, имеются ее изображения и на предметах звериного стиля (например на бляхе с ящерами из Городищенского городища) (Белавин, 1986, рис.5,ф.2). По меньшей мер, в шести случаях на бляхах даны изображения медведей, в трех - лосей или оленей, в одном случае изображен бобр, практически на всех бляхах изображены пушные звери. Возможно, это тотемные символы родов, которые находились в административном подчинении владельца бляхи.

Болгарское происхождение имеют и круглые бляхи-привески, вырезанные из серебряного листа - гладкие или с округлыми выпуклинами (рис. 41, ф.1-8). Такие бляхи хорошо известны в Болгарии по поселенческим материалам, кладам (например Бутавский), а также по материалам ряда могильников. К бляхам с помощью штифта крепилось ушко для привешивания, вырубленное из серебряного листа или из бронзы. По мнению Е.П. Казакова, такие бляхи использовались как деталь убора костюма. По мнению А.М. Ефимовой, их использовали как украшение сбруи коня. В Предуралье, судя по материалам могильников, они использовались как деталь костюма, входя в состав ожерелья. Н.Б. Крыласова на основе изучения большого числа костюмных комплексов IX-XIII вв. считает, что круглые серебряные бляхи-привески служили своего рода отличительным знаком.

География распространения подобных изделий широка — до Полярного круга. Так,

круглые бляхи-привески, ornamentированные выпуклинками, имеются в материалах Хэйбидя-Пэдаसरского жертвенного места, где встречены и другие болгарские изделия (Мурыгин, 1984, рис.9, ф.36,37). Интересны находки круглых тисненых блях из белого сплава на Редикарском городище (рис. 41, ф. 9,10). Тиснением на бляхах выполнен рисунок многолепестковых розеток, напоминающий орнамент на некоторых восточных бляхах. Тиснением же выполнены имитация зерни в виде поясков по краям и в центре блях, а также различные узоры в виде восьмерок, кругов, циркульного орнамента. К изделиям такого типа примыкает находка круглой бляхи из д. Омелино (ЧКМ, № 955/16) Чердынского района: выпуклый рисунок в виде древа жизни с проросшими бутонами выделяется на позолоченном фоне, по краю бляхи идет имитация рубчатой филигранны (рис. 41, ф. 11). Интересна серебряная круглая тиснено-чеканная бляха-привеска из Редикарского клада 1908г. с арабской надписью (рис. 41, ф.16).

В. Украшения рук

В.1. Браслеты

Широкое распространение в древностях Предуралья и Поволжья IX-XIV вв. имеют пластинчатые браслеты. Особое место пластинчатые браслеты занимают в культуре волжских болгар и марийцев. Болгары заимствуют форму таких браслетов у славян (вятичи?), марийские браслеты также совершенствуются под этим влиянием (Архипов, 1986, рис. 27-30).

Наиболее интересны браслеты с расширяющимися концами. Г.А. Архипов, вслед за А.В. Арциховским, отнес их к так называемым змеиноголовым, из которых в XIII-XIV вв. "вырастают" браслеты с изображением львиных морд на концах. Этот вид позднеболгарского браслета бытует вплоть до периода Казанского ханства и известен в Верхнем Прикамье по находкам в Чердынском районе.

В Пермском Предуралье пластинчатые браслеты употреблялись еще с периода ломоватовской культуры, воспринимались достаточно обобщенно, поэтому завозили их относительно немного. Среди болгарского импорта в Предуралье большую роль играли пластинчатые браслеты с округло-расширенными концами из бронзы и особенно из серебра.

Так, серебряный пластинчатый браслет с закругленными концами, украшенный тремя продольными углублениями, орнаментом в виде глазков (циркульный), шатонами с сердоликами, сканью и зернью, прокладками из золотой фольги на округло-расширенных концах, входил в состав Пыкарского клада (рис. 42, ф.3). Медно-бронзовые браслеты такого типа известны на Кудымкарском и Кыласовом городищах, а также на Агафоновском II могильнике (Голдина, Ютина, 1988).

Интересным развитием браслетов этого типа является браслет из Чупинского клада, хранящегося в Березниковском музее (рис. 42, ф.1). Чупинский браслет имеет два продольных углубления; бордюры, образованные углублениями, украшены строчными орнаментами из глазков. Закругленные расширяющиеся концы браслета украшены поясками из крупной катушечной филигранны, крупной каплевидной зернью, а также более мелкой зернью, группирующейся пирамидками и прокладками из золота. В центре каждой конечной лопасти имеется квадратный шатон под вставку. По многим признакам - расположению зерни, вставкам, катушечной филигранны, глазковому орнаменту - данный браслет может быть отнесен к продукции болгарских ювелиров. Определенные аналогии таким браслетам прослеживаются в средневековом Хорезме, тогда как некоторые приемы обработки поверхностей данного изделия напоминают приемы обработки поверхности и орнаментации Сартатовского серебряного наруча, чья болгарская принадлежность определена Генингом (Генинг, 1955). Близкий по типу серебряный браслет найден в 1888г. в Соликамском уезде (рис. 42, ф.2). Браслет также украшен вставками из стекла, поясками катушечной филигранны, зернью, сгруппированной пирамидками вокруг вставок. Браслет имеет два продольных углубления и относится к тому же типу, что и браслет из Чупино. Вместе с браслетом в Чупино найдены две гривны глазковского типа и обломки серебряного сосуда. Браслету 1888г. сопутствовали изделия из серебра - подвески филигранной работы и круглое выпуклое украшение со вставкой из яшмы. Серебряные браслеты с нарезными украшениями найдены в 1882г. в Чердынском уезде (ОАК за 1882г.). Достаточно условно к позднему образцу браслетов данного типа может быть отнесена находка из предия-ликовского могильника у с. Кишерть (рис. 42, ф.4). Этот браслет имеет подтрапещевидные концы, пластина браслета разделена

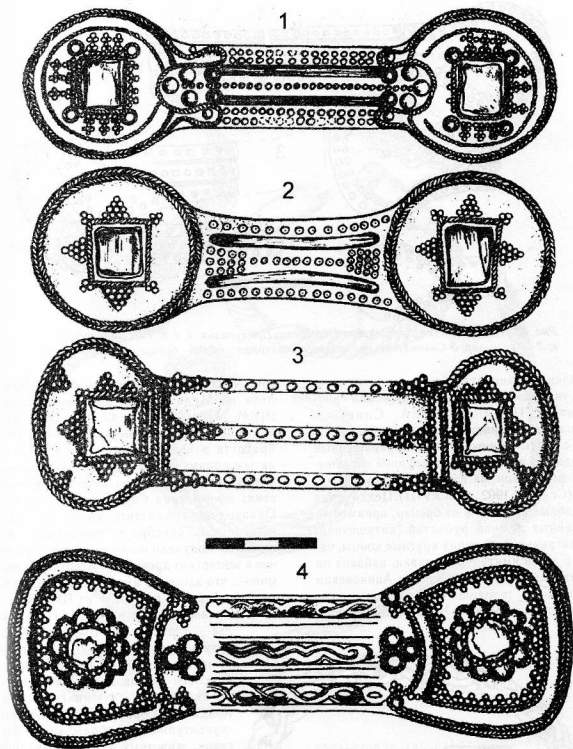

Рис. 42. Пластинчатые браслеты с округло-расширенными концами из Пермского Предуралья. 1- Чупинский клад, Усольский р-н; 2- Соликамский уезд; 3- с. Пыскор; 4- Кишертский м-к, пог. №21. Материал: серебро, золото, чернь, вставки из сердолика.

на три орнаментальные зоны, украшенные двучастной плетенкой. Такой мотив оформления болгарских украшений, в том числе браслетов, хорошо известен по находкам болгарских ювелирных изделий в Сайгатинских могильниках в Приобье, где они датируются XIII-XIV вв. Исследователь

Кишертского могильника И.Ю. Пастушенко датирует его концом XI- первой третью XIV вв.

Бронзовый пластинчатый браслет с продольными углублениями и мордами животных на концах найден в д. Плес. В составе комплекса Загарского могильника

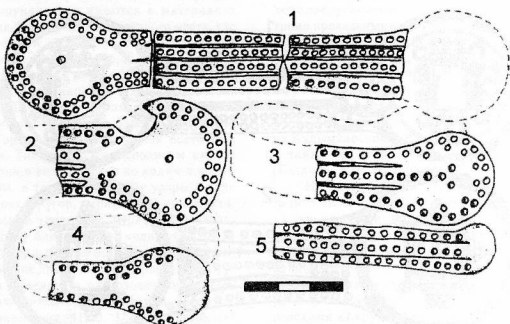

Рис. 43. Пластиночные браслеты из Пермского Предуралья. 1, 4, 5- Рождественский м-к; 2- Кудымкар; 3-Соломатовское городище. Материал - 1,2,3,5 - бронза, 4- белый сплав.

найден пластиночный браслет с окончаниями, украшенными линейно-волнистым орнаментом. По мнению А.А. Спицына, болгарским привозным изделием был браслет с округлыми окончаниями, украшенный бордюром в виде ложной крупной катушечной филигранны, из Кудымкарского городища (Спицын, 1902, табл. XVIII). Целая серия подобных браслетов из бронзы, орнаментированных ложной рубчатой (катушечной) филигранью и имевших круглые концы, часто с литой имитацией вставки, найдена на памятниках X-XIII вв.: Мало-Аниковском могильнике, городище Острая Грива, в окрестностях д.Омелино Чердынского района

(рис. 49). Особенно интересен обломок браслета из Мало-Аниковского могильника (ЧКМ, №154/775 - рис. 49, ф.3). Округлый его конец имеет шатон для вставки, тело браслета в центральной части украшено литым орнаментом в виде двойной волны. Стиль орнаментики браслета напоминает стиль оформления Сартаковского наруча. Однако следует заметить, что браслеты такого типа из серебра и бронзы высокого качества получили широкое распространение в венгерских древностях X в. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с дальним трансбалгарским импортом из Паннонии.

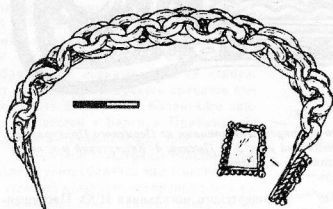

Рис. 43а. Плетеный серебряный браслет из починка Саламатовский, Удмуртское Предуралье.

Широкое распространение в Предуралье — от Чепцы до Вычегды — получили витые и плетеные браслеты из золота, серебра и бронзы. Витые браслеты производились болгарями по аналогии с витыми гривнами. Концы таких браслетов закрывались скульптурными изображениями фигурок животных или обвязывались широкими пластинами, чтобы проволока не распускалась. В Загарском могильнике найден такой серебряный браслет, витой из 4 проволок (рис. 44, ф.3).

Популярными среди знати у болгар были плетеные из 4-6 серебряных проволок пухлые браслеты, повторяющие витые гривны.

Подобные браслеты наиболее характерны для периода XI-XII вв., то есть для расцвета болгарского

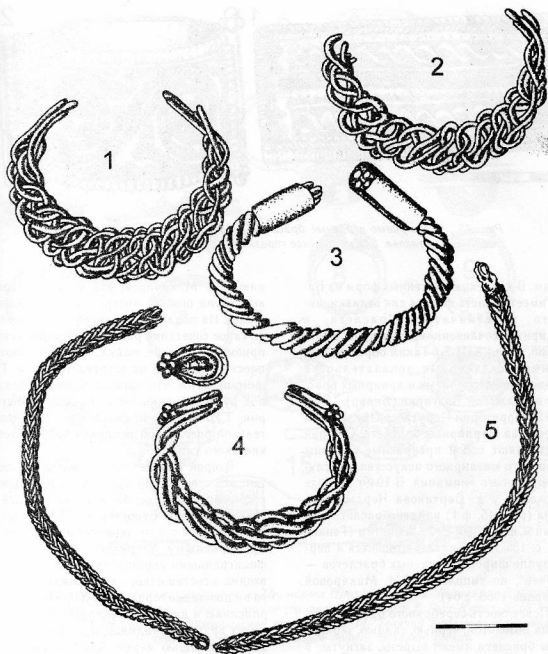

Рис. 44. Серебряные плетеные браслеты и гривна из Пермского Предуралья. 1- Верх-Язьвенское городище; 2, 4- Пермская губерния; 3- Загарский м-к; 5- Шудьякар. На № 4 накладки из золота.

ювелирного ремесла. В Пермском Предуралье находки подобных браслетов отмечены в бассейне р.Обва, в Чердынском районе, на территории Коми-Пермяцкого округа, на Соломатовском городище на р. Усьва (бассейн р. Чусовая). Достаточно часто такие браслеты входят в состав кладов. В Удмуртском Предуралье такой браслет с раскованными концами и кастами для вставок на концах найден у починка Саламатовского в 1893г. (рис. 43а). На север плетеные браслеты распространялись вплоть до Вычегды, являясь, таким образом, одним из

предметов болгарской транзитной торговли.

Наибольший интерес представляют находки створчатых браслетов. Браслеты створчатые, шарнирные, так называемые "обручи", или "наручи", состоят из двух створок, соединенных шарниром, закрепляемым штырями. Подобные браслеты традиционно считаются одним из типичных древнерусских женских украшений. А.П. Смирнов, А.А. Спицын, В.Ф. Генинг и некоторые другие авторы, однако, полагали, что отдельные типы таких браслетов могли производиться в Болгарии по русским об-

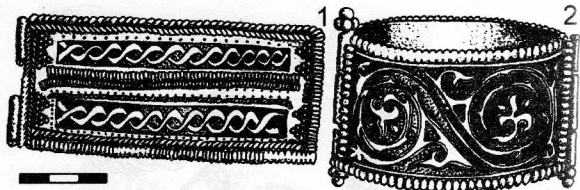

Рис. 45. Серебряные черненные браслеты-наручи из Пермского Предуралья. 1 - д. Сартакова, 2 - Кырдымское городище.

разцам. В коллекции литейных форм из Билыра имеется часть формы для отливки широкого пластинчатого браслета, с шарнирным сочленением (Культура Билыра. 1985, табл. LXIII-7.). Таким образом, сейчас имеются твердые доказательства производства створчатых шарнирных браслетов в Волжской Болгарии (Билыра).

На территории Пермского Предуралья найдено два шарнирных браслета. Оба они представляют собой прекрасные образцы болгарского ювелирного искусства и заслуживают особого внимания. В 1949г на поле Чесноковом у д. Сартакова Чердынского района (рис. 45, ф.1) найден браслет, описанный и изданный В.Ф. Генингом (Генинг 1955, с. 135-136). Браслет относится к первой группе широких черненных браслетов — "обручей", по типологии Т.И. Макаровой (Макарова 1986, с.64).

Поверхность серебряного браслета украшена позолотой, чернью, сканью, зернью. Концы браслета имеют вырезы, загнутые в виде половинок шарнира. По краям пластины и вдоль нее напаяны жгуты витой проволоки из 4 нитей. Жгут, напаянный вдоль пластины, делит ее на две горизонтальные орнаментальные полосы. Внутри орнаментальных полос расположен орнамент в виде двучастной плетенки из двух парных линий. Подобный орнамент, по мнению исследователей, является типично болгарским. Вся поверхность браслета, за исключением фона под плетенку, позолочена. Фон под плетенку выбран неглубоким лотком, покрыт прерывистой мелкой насечкой-шраффировкой и зачернен. Черновые полосы замыкает углубленная широкая линия позолоты, покрытая чеканными точками треугольной формы. По краям пластины припаяны пирамидки крупной зерни и зерновые жгуты. По мне-

нию Т.И. Макаровой, эта крупная зернь вытиснена особым инструментом - пурушником. На подлинно древнерусских изделиях такое сочетание разных технологических приемов (тиснение, пайка, чернь, позолота, плоская чеканка) не встречается. В.Ф. Генинг полагал, что данный браслет сделан под русским влиянием в Волжской Болгарии; Т.И. Макарова считает его самостоятельной болгарской репликой на браслеты киевского типа.

Второй браслет также хорошо известен: это створчатый браслет из Кырдымского городища (рис. 45, ф.2), найденный в 1877г. лесничим Строгановых П.П. Ярыгин вместе с сердоликовыми и серебряными зернеными бусинами, серебряными филигранными украшениями Он, вероятно, входил в состав какого-либоклада, зарытого на площадке городища в XII-XIII вв. По описанию в дневнике Теплоуховых браслет имеет арабскую надпись, выполненную вязью с помощью черни (Теплоуховы, д.1., л.209). Как показал осмотр браслета, хранящегося ныне в Пермском краеведческом музее, надпись расположена с обратной стороны одной из пластин и, к сожалению, не читается из-за плохой сохранности. Боковые длинные стороны створок браслета украшены катушечной филигранью, короткие боковые стороны покрыты крупной зернью, расположенной поясками. Слабоуглубленный лоток под чернь покрыт штриховкой, нанесенной, очевидно, фаденштихлем методом чеканки. Крины и полукрины нанесены тройными линиями, их плоские орнаментальные поверхности позолочены. Соединительные штифты украшены гроздьями из четырех крупных шариков зерни. Т.И. Макарова признает за этим браслетом болгарское происхождение.

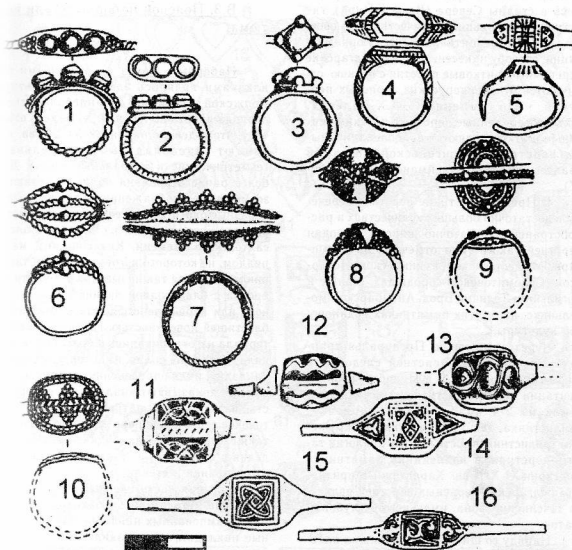

Рис. 46. Перстни болгарского производства из Пермского Предуралья. 1, 2- Редикарский м-к; 3- Лобач; 4- Редикарское городище; 5- Городищенское городище; 6- Пыскарь; 7- Горт-Кушет; 8, 10, 13, 15, 16- Рождественское городище; 9-Чердынский уезд; 11, 12, 14- Телячий Брод м-к. Материал: серебро - 1, 7, 8, 9, 10, 11-16; белый сплав - 5, 6; остальное бронза. Вставки- стекло.

Отметим, что стиль выполнения орнамента и обработки лотка под чернь аналогичен описанному ранее, встречающемуся на бляхах с охотничьим сюжетом, а также на болгарских ювелирных изделиях из Сайгитинского могильника (фонды КА УрГУ, коллекции 3013, 3126). Наличие катушечной филигранны, аналогичной имеющейся на бляхах с охотничьим сюжетом, позволяет датировать браслет концом XII- началом XIII вв.

Описанные браслеты вкупе с бляхами с охотничьим сюжетом и приведенными ниже перстнями составляют ценный источник для изучения не исследованного пока чернового дела Волжской Болгарии. При-

емы чернения были, вероятно, заимствованы болгарами еще у хазар и арабов в период, предшествующий переселению болгар в Среднее Поволжье, а впоследствии развивались и дополнялись под влиянием древнерусской ювелирной техники. Однако болгарские мастера сохранили некоторые своеобразные черты техники чернения, что свидетельствует об иных традициях ювелирного искусства.

В.2. Перстни

Щитковосерединные черненные перстни (рис. 46, ф. 11-16) составляют один из массовых типов наручных украшений волжских

болгар. В то же время они экспортировались в страны Севера (Вису и Йура), где встречены в больших количествах. По своему типу (форме щитка, характеру орнаментации, способу нанесения черни) болгарские серебряные щитковые перстни с чернью отличаются от древнерусских черненых перстней. По мнению Ф.Х. Валиева, щитковосерединные перстни с плоским черненым щитком являются наиболее типичными перстнями домонгольской Болгарии (Валиев, Валиева-Сулейманова, 1987, с.96-97).

В Предуралье такие перстни встречаются в достаточно больших количествах и распространены достаточно широко. Находки перстней такого типа отмечены на Аюшкаре, Рождественском, Редикарском, Искарском, Соломатовском городищах, селище и могильнике Телячий Брод, Антыбарском могильнике, на других памятниках родановской культуры.

Через территорию Предуралья транзитом поток таких перстней следовал в Пермь Вычегодскую и в Приобье. В орнаментации перстней встречены мотивы плетенок из 2-4 полос, волны, сердечка, трилистника, загнутой свастики в окружении трилистников. Есть полные аналоги таким перстням в коллекциях памятников Болгарии XI-XIII вв.. Характерным признаком болгарских черненых перстней является зачернение фона, имеющего неглубокий шатон.

Наряду со щитковосерединными плоскими перстнями с чернью к числу болгарских могут быть отнесены бронзовые и серебряные перстни со вставками из сердолика и стекла - Лобач, Загарский могильник, Кудымкар, Аюшкар; перстни с умбовидным щитком; перстни со щитками в виде умбона или круга, украшенными зернью и сканью, из Горт-Кушета, Рождественского городища, Чердынского района. Перстень, целиком сделанный из филигранный, хотя и не имеет прямых болгарских аналогий, может быть признан привозным изделием. Интересна находка перстня-печатки из так называемого булата на Городищенском городище (рис. 46, ф.5) и в д. Елва.

Указанные типы болгарских перстней хорошо известны и на памятниках Удмуртского Предуралья.

В.3. Поясной набор и детали костюма

Наборные пояса с различными накладками являлись элементом культуры Волжской Болгарии с раннеболгарского периода вплоть до XII в. Ф.Х. Валиев отмечает, что в декоре накладок XI-XII вв. начинают преобладать растительные геометрические и астральные узоры. Для более раннего времени чаще встречаются зооморфные изображения, а также разнообразные растительно-геометрические мотивы, заимствованные из декора поясов салтовского времени. Классическим материалом, из которого изготавливались такие накладки, была так называемая "булатная" бронза с благородной патиной серо-стального или серо-зеленого цвета с гладкой и блестящей поверхностью. Из такого же материала изготавливались и болгарские зеркала. Вероятно, сплав, из которого сделаны накладки, имел определенную примесь олова. Как показывают анализы, на поверхности изделий из булатной бронзы имелось тонкое серебряное покрытие. Встречаются также серебряные накладки, имеются изделия из позолоты, а также со вставками из сердолика и стекла.

Большая часть поясных накладок изготовлена методом литья, однако имеется и ряд штампованных накладок. Штампованные накладки, как правило, с внутренней стороны залиты свинцом. Такой прием был характерен для болгарских ювелиров X-XIII вв. (Казakov, 1991, с.129-140). К ремню накладки крепились острыми шпеньками, отлитыми заодно с самой накладкой или припаянными к ней. Иногда фиксируются небольшие металлические пластинки, прикрепляемые к концам шпеньков с обратной стороны ремня, что делалось для большей прочности крепления.

Практически все типы ремненных накладок из Предуралья, определяемые как болгарские, имеют аналогии в материалах Волжской Болгарии, в том числе в материалах Остолповского и Семеновского I селищ и Биляра, где, по мнению болгароведов, могли находиться мастерские по их изготовлению. Для ряда накладок известны литейные формы и матрицы для тиснения, широко представленные, в частности, в материалах Биляра: накладки сердцевидной, серповидной (в виде полумесяца с полушарными выступами по бокам), щитовидной и иных форм. География распространения болгар-

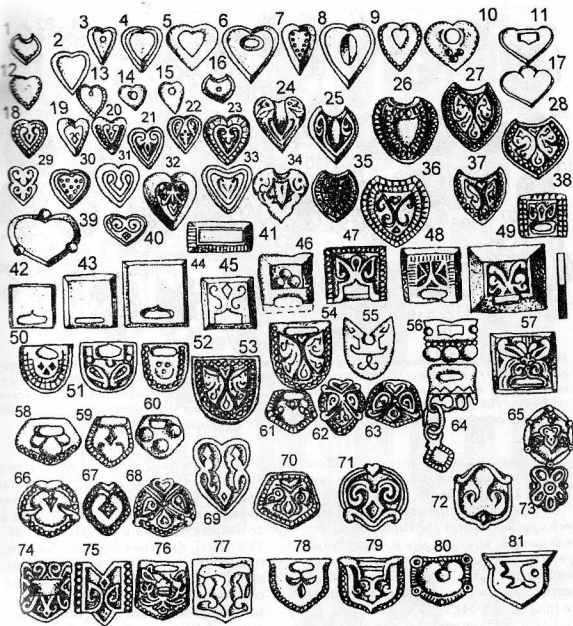

Рис. 47. Ременные накладки из Пермского Предуралья. Рождественский м-к - 1, 3, 4, 6-13, 17-20, 22-35, 39, 41, 44-48, 51, 57-61, 63, 68, 69, 73-75, 77-79; Огурдинский м-к - 2, 5, 14-16, 21, 27, 42, 49, 50, 53-56, 64, 66, 67; Телячий Брод м-к - 28; Харино - 35, 80; Агафонский м-к - 36, 70, 71; Саламатовское городище - 37; Рождественское городище - 38, 52, 76; Кудымкар - 40; Плесинский м-к - 43; Пермская губерния - 62, 65, 81; Вакинское селище - 72. Материал: 39, 42-44, 65, 66, 69, 81 - серебро; остальное - «булатная» бронза, золотистая бронза.

ских ременных накладок очень широка. Они представлены в древностях марийцев и мордвы, накладки найдены в Киеве, где они являются частью материального свидетельства активной болгар-киевской торговли, известны находки болгарских накладок (например серповидных, изготавливаемых в Бияре) в Венгрии. Однако наиболее многочисленны находки болгарских ременных накладок и наконечников поясов в Предуралье, где они распространены до берегов Ледовитого океана. В Пермском Предура-

лье болгарские ременные накладки и наконечники поясов встречены практически на всех памятниках IX-XIII вв.

К болгарским накладкам, на мой взгляд, следует отнести:

- накладки в форме щита с приостренным краем, с растительным или шашечным орнаментом, имитирующим рубчатую филягрань, и гладкие, как литые, так и тисненые, с прорезями и без таковых (рис. 47, ф. 70, 74-77);

- накладки в виде сердцеобразного

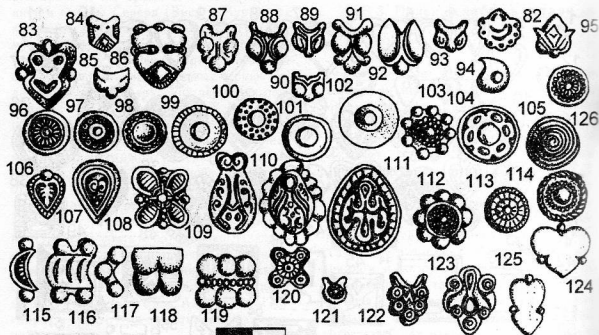

Рис. 47 (продолжение). Ременные накладки из памятников Пермского Предуралья. Агафоновский м-к - 83, 111-113; Рождественский м-к - 84, 86, 95-98, 103, 104 107, 115-118, 124, 125; Огурдинский м-к - 85, 87-94, 99-102, 106, 119; Елва - 105; Рождественское городище - 108, 109; Пермская губерния - 110, 121, 122, 123; Вакинское селище - 114; Кудымкар - 120; Телячий Брод м-к - 126. Материал: серебро - 88, 98, 110, 115, 124-126; остальное «булатная» бронза, золотистая бронза.

щита разного размера, литые, с бабочковидным или шашечным орнаментом (рис. 47, ф. 26, 27, 28, 35, 36, 78, 79);

- сердцевидные литые и тисненные, гладкие и орнаментированные вырезанными сердечками, с криновидным, цветочным орнаментом, изображением трилистника, ромбовидной петли, личины, с краем, орнаментированным полшарными выпуклинами (рис. 47, ф. 1-34);

- щитовидные накладки тисненные, реже — литые с волнистым краем и прямоугольным верхом, гладкие, с цветочным орнаментом, с горизонтальными прорезями и без них (рис. 47, ф. 42-49);

- накладки сложной формы в виде букетов, цветка лотоса, трилистника, тисненные, реже - литые, чаще — серебряные (рис. 47, ф. 73, 95, 108, 120, 124, 125; рис. 48, ф. 52, 53);

- круглые литые и тисненные, розетковидные, нередко с имитацией зерна, иногда с крупной натуральной зернью, напаянной после отливки (рис. 47 ф. 96-99, 105, 112-114, 126);

- пятиугольные или подпятиугольные (по Е.П. Казакову, это подгруппа А-VI), как правило, литые, а если тисненные, то со свинцовой заливкой, с рельефным пояском по краю и стилизованным орнаментом по центру (рис. 47, ф. 58-61, 66-68; рис. 48, ф. 49, 50);

- зооморфные литые, относительно не больших размеров, все они напоминают морду животного (медведь?) или филина с моделированными ушами, зачастую с выделенными глазами и бровями (рис. 47, ф. 83-93) (Е.П. Казаков считает, что местом изготовления некоторых из них было Измерское I селище, где известна находка соответствующей литейной формы - по Казакову, эти накладки объединяются в подгруппу А-VII);

- наконечники ремней (рис. 48) в форме рыбок и ласточкиных хвостов, личин, сложных фигур, с орнаментом из восьмеркообразных плетеных фигур из 2-4 линий, двучастной плетенки, геометрическим орнаментом из шашечек и ромбиков, растительных побегов (эти наконечники могут быть определены как бильярские по находке там соответствующей литейной формы) (ГМТР №5427-135).

Болгарские наборные пояса были важной частью экспорта к народам Севера, они отвечали местным вкусам. Интересно, что некоторые виды накладок имели многочисленные местные подражания, изготовленные из низкокачественной бронзы или меди. Так, в подражание тисненым серебряным розетковидным накладкам прикамские бронзолитейщики изготавливали литые медные

Рис. 48. Наконечники поясов и ременные накладки из памятников Пермского Предуралья. Рождественский м-к - 1, 3, 8-10, 12-15, 17-19, 22-25, 27-29, 35, 43, 49-51, 56-59; Огурдинский м-к - 2, 4-7, 11, 16, 20, 21, 26, 36, 54; Анюшкар - 30, 32, 33, 34; Вакинское селище - 37, 38, 47, 48; Рождественское городище - 39-42, 44; Редикар - 45, 46; Селянино озеро м-к - 52; Телячий Брод селище - 53. Материал: серебро, позолота - 48, 50, 55, 56; белый сплав (?) - 18, 42, 28; остальное «булатная» бронза, золотистая бронза.

подражания (например на селище Телячий Брод). Некоторые, особенно крупные, поясные накладки болгарского производства жителями Предуралья перерабатывались в привески и носились как нагрудные украшения (рис. 48, ф. 53; рис. 50, ф. 1-8). Неко-

торые из представленных изделий имеют явно среднеазиатское (рис. 47, ф. 19, 22, 110) или венгерское (рис. 47, ф. 65; рис. 48, ф. 56) происхождение, но попали они в Предуралье через Волжскую Болгарию, где имеются их прямые аналоги.

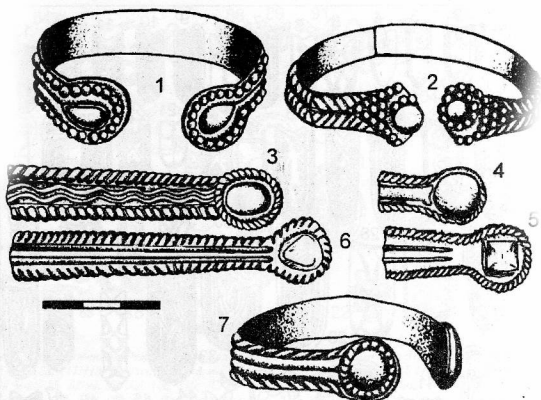

Рис. 49. Пластиночате литые браслеты «венгерского» типа из Пермского Предуралья. 1, 2 - Огурдинский м-к; 3, 6 - Мало-Аниковский м-к; 4 - Омелино; 5 - Острая Грива городище; 7 - Рождественский м-к, погр. 92. Материал: 4 - серебро (?), остальное - «булатная» бронза.

Интересно, что среди вымских древностей присутствуют подражания болгарским поясным накладкам, имеющие аналогии на памятниках Пермского Предуралья. Вероятно, этот факт можно оценивать как материальный след торговых занятий "купцов чулымских" - жителей Прикамья, бывших посредниками болгарских торговцев во взаимоотношениях с Севером.

Частью поясных наборов были разделители ремней и пряжки. Круглые ремешковые разделители с тремя отверстиями могли использоваться и в конской упряжи. Из числа болгарских поясных пряжек прежде всего следует отметить многочисленные лировидные пряжки разных размеров и декора (рис. 51). Эти пряжки представлены в находках на памятниках всего Предуралья. Вопрос о месте их производства еще окончательно не решен. Ряд исследователей относит эти пряжки к древнерусским, однако по материалам Биляра можно проследить их хронологическую эволюцию, что может свидетельствовать о болгарском происхождении если не всех, то хотя бы большей части таких пряжек, найденных в Предуралье. Вероятно, все эти детали поясного набора попадают в Предуралье вместе с наклад-

ками в составе готовых поясов или наборов для их украшения.

Из числа деталей поясов интерес представляет ремешковое бронзовое кольцо, найденное на Аношкаре и имеющее арабскую надпись.

Болгарские пояса пользовались широким спросом и в золотоордынское время. Так, Ал-Муфаддал, описывая резиденцию Берке-хана, отметил, что на Берке был драгоценный болгарский пояс с золотыми накладками на зеленой коже (Тизенгаузен, 1884, с. 193). Э. Картмер, в распоряжении которого имелись дополнительные источники, сообщает еще и о сумке из зеленой кожи, привешенной к поясу Берке.

Типично болгарскими были застежки в виде грушевидных привесок, покрытые псевдозерном, шашечным орнаментом или имеющие рифленую поверхность (рис. 50, ф. 9-25). Такие застежки в Болгарии встречаются, например, в Биляре, на Танкеевском могильнике. Подобные застежки использовались для застегивания обуви (могильник Телячий Брод) или как пуговицы для верхней одежды. К болгарскому экспорту их относил еще А.А. Спицин. В Предуралье такие застежки найдены на могильнике Телячий

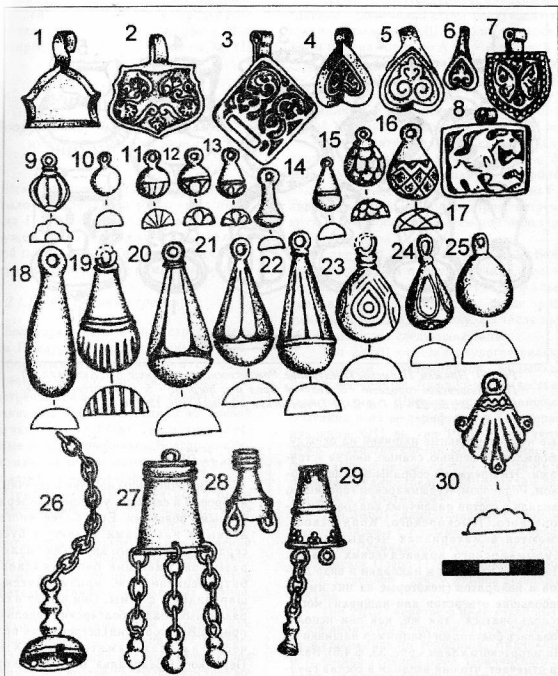

Рис. 50. Привески и застежки. Пермское Предуралье. Мелехинский м-к - 1, 9; Аношкар - 2, 5, 16, 24; Юсьвенское городище - 3; Телячий Брод могильник - 4; Огурдинский м-к, погр. 127 - 6; Городищенское городище - 7; Телячий Брод селище - 8, 14, 15; Огурдинский м-к - 10, 11, 17; Вакинское селище - 12, 13; Рождественский м-к - 18, 19, 23, 2528; Пермская губерния - 20, 21; д. Федоровщина - 22; Редикарский м-к - 26, 27; Каневский м-к 29; Селянино озеро м-к - 30. Материал: 30 - серебро, остальное - бронза.

Брод, Аношкаре, в д. Федоровщина на р. Иньва неподалеку от Майкарского городища, на Вакинском селище, на Рождественском городище и на других памятниках родановской культуры. Серебряные застежки такого типа имеются в материалах могильника Селянино Озеро. Интересны находки пуговиц (?) с изображением хищ-

ника кошачьей породы и растительно-геометрическим орнаментом, опубликованные Спициным А.А. Из пуговиц такого типа отметим находки бронзовых круглых пуговиц, украшенных ложной зернушкой из Рождественского, Иднакар и Соломатовского городищ, могильника Телячий Брод.

Встречаются разнообразные округ-

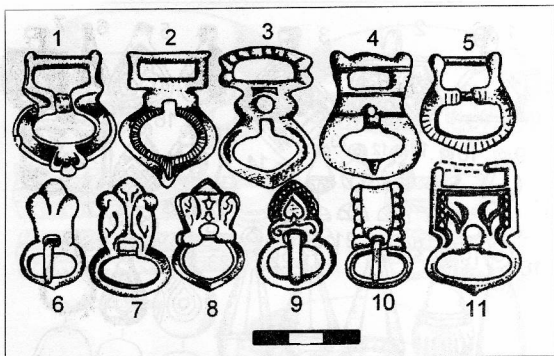

Рис. 51. Пряжки. Пермское Предуралье. Рождественское городище 1, 4; Аноушкар - 2; Горордищенское городище - 3; Телячий Брод м-к, погр. 62 - 5; Рождественский м-к, погр. 67, 28, 86, 22 - 6, 7, 8, 9, 10; Огурдинский м-к, погр. 101, 129, 76 - 7, 11.

лые и прямоугольные нашивки на одежду, оформленные зернью, сканью, иногда вставками. Эти предметы собраны на Аноушкарском, Родановом, Кудымкарском городищах, входили в состав различных кладов - Вильгортского, Пыскорского, Кондасского, имеются в материалах Чердынского и Кудымкарского краеведческих музеев. Подобные нашивки и накладки в виде дисков и квадратов (некоторые из них имеют небольшие отверстия для нашивки) могли использоваться так же, как они использовались болгарями (например нашивки из Вильгортского клада - рис. 33, ф. 4, 5). Валуев отмечает, что они входили в состав грудной перевязи типа хэситэ или ими могли обшиваться грудные разрезы женских рубах. Вероятно, в Предуралье их использовали и как часть поясных наборов, ими могли обшиваться края одежды (погребение № 5 могильника Телячий Брод).

К застежкам могут быть отнесены и некоторые привески типа монетовидных, выполненные из "булата" или из бронзы. Производство таких привесок было налажено как в Болгарии, так и в Предуралье (селище Телячий Брод). Те монетовидные привески, что выполнялись из оловянистых сплавов, в подражание серебряным, носились в составе ожерелий.

Г. Бусы

Многочисленные находки различных бус из бронзы и серебра, украшенные зернью и скаными поясками. Еще более многочисленными находками являются бусы из сердолика и горного хрусталя различных размеров, имеющие бипирамидальную, битрапиевидную, призматическую и шаровидную формы. Они входят в состав различных кладов болгарских изделий (например Вильгортский), встречаются практически на всех памятниках X-XII вв. Пермского Предуралья. Болгарское происхождение таких бус доказано находками из заготовок и бракованных экземпляров в Булгаре, Биляре и других болгарских городах. Наряду с каменными и металлическими бусами из Болгарии завозятся керамические бусы среднеазиатского типа, покрытые голубой, коричневой и темно-синей поливой, а также бусы из желтой стеклянной пасты с глазками и без таковых. Такие стеклянные бусы также являются продукцией болгарских мастеров, что доказано сборами и раскопками Е.П. Казакова на Семеновском селище и других памятниках Болгарии. Бусы, таким образом, составляли наиболее массовую категорию болгарского ввоза в Предуралье служили, вероятно, своеобразными мелки-

единицами обмена. Наиболее массовой категорией болгарских бус в Предуралье и стеклянные бусы желтого цвета. Пик их распространения приходится на XI-XII вв.

2. Вооружение, бытовые предметы и иные болгарские вещи

Результатом контактов с болгарями было появление на различных поселениях Пермского Предуралья деталей вооружения, замков, ключей, металлической посуды, весов и иных предметов-продукции болгарских ремесленников.

2.1. Наконечники стрел

Болгарские наконечники стрел в Пермском Предуралье представлены в основном боевыми наконечниками стрел и наконечниками типа срезней. Наиболее часто встречаются бронебойные граненые наконечники, которые вытеснили из боевой практики болгар в XI-XIII вв. почти все остальные типы наконечников. Болгарские боевые наконечники стрел значительно отличались от наконечников стрел населения Предуралья, где более всего были распространены различного вида костяные наконечники, а также железные уплощенно-ромбические и подтреугольные в сечении стрелы без упора. Широкое перо, отсутствие упора не позволяли применять их против относительно тяжеловооруженных воинов, поэтому в XI-XII вв. у родановцев появились стрелы граненых форм с упором при переходе к черенку (Старков, 1990). Вероятно, такая эволюция стрел значительного доспеха. Хотя кольчуга здесь появляется еще в VII-VIII вв. (селище Володин Камень 1 и 2, раскопки автора), но широко использоваться кольчуга и иные виды доспеха начинают лишь в X-XII вв. .

Основные принципы классификации стрел разработаны в трудах А.Ф. Медведева, Г.А. Федорова-Давыдова, В.С. Худякова. Типология болгарских стрел разрабатывается И.И. Измайловым и Ф.Ш. Хузиным, более подробная типология приводится в работе "Культура Биляра".

В Пермском Предуралье найдены болгарские наконечники стрел следующих типов по типологии Ф.Ш. Хузина (в скобках даны номера типов по А.Ф. Медведеву):

Группа I. Трехлопастные черешковые.

Тип 3(16) - килевидные с длинной боевой головкой и плечиками (рис. 52, ф.8) - 1 экземпляр с Козьминского селища. В Волжской Болгарии употреблялись в IX-X вв.

Тип 7 - пятиугольные трехлопастные с упором на черешке, 2 экземпляра (рис. 52, ф.9) - Кудымкарское городище. Подобные наконечники имеют место в древностях Биляра, Суvara, но наиболее широко встречаются в древностях сrostкинской культуры Южной Сибири IX-X вв.

Группа II. Плоские черешковые. Большинство местных предуральских стрел относится к этой группе. Функционально предназначены для стрельбы по не защищенному броней противнику. Из числа призовых отметим следующие типы:

Тип 23(60) - срезни двурогие вильчатые с упором - 7 экземпляров - Кудымкар, Бакинское селище, Аноушкар, Рождественское городище. Широко распространены в Болгарии и на ее периферии в XI - первой половине XII вв., на Руси встречаются реже. Двурогие срезни обычно относят к охотничьим стрелам, однако известно и их применение для стрельбы по лошадям противника и в других военных целях.

Тип 24(62) - ланцетовидные с упором - 5 экземпляров - с Кудымкарского, Городищенского, Редикарского городищ и селища Чашкинского Озеро II. Встречаются в Болгарии, Северной Руси, у финнов Поволжья X-XI вв.

Тип 27(67) - срезни в виде узкой вытянутой лопаточки с упором - 11 экземпляров из Кудымкарского городища, Аноушкар, могильника Телячий Брод, Покчинского селища, Рождественского и Редикарского городищ. Обычно датируются XIII-XIV вв., и связываются с вооружением татаро-монгол, хотя распространены и у кипчаков. В Болгарии встречаются на разрушенных татаро-монголами памятниках; в Предуралье, вероятно, попали с болгарями, ушедшими от завоевателей на север во второй половине XIII в., или непосредственно с отрядами монгол, судя по сообщению М. Поло, разгромивших северные земли Болгарии.

Тип 30(71) - фигурилоистные (пламевидные) - 6 экземпляров (рис. 52, ф. 12). Наконечники этого типа в Пермском Предуралье представлены первым вариантом - с наибольшим расширением в нижней трети пера — и датируются X-XI вв. Они

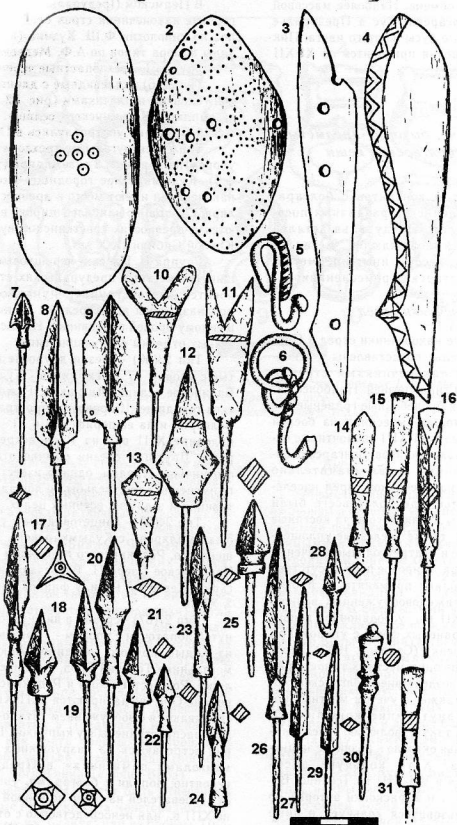

Рис. 52. Детали снаряжения лучника, детали лука и наконечники стрел из Пермского Предуралья. Аношкар - 1, 2, 4, 13, 14, 18, 19, 26, 31; Мало-Аниковский м-к - 5; д. Елга - 6; Вакнинское селище - 7, 11; Кузьминское селище - 8; Кудымкар - 9, 15, 16, 20; Рождественское городище - 12, 17, 21, 22, 27, 28; 30; Саламатовское городище - 23, 29; Чердынский уезд - 24; Телячий Брод селище - 25;

известны с Рождественского городища. По рассказам местных школьников, в 1979г. в одном из логов под городищем был найден косяк с лепным сосудом, в черепе торчал наконечник подобного типа. 1 экземпляр найден на Аюшкаре. Пламевидные наконечники не характерны для родановской культуры и принесены сюда болгарами.

Группа III. Граненые (броневые) наконечники стрел. К этой группе относятся наконечники с массивной головкой, поперечное сечение которой имеет форму ромба, треугольника, квадрата или круга. В Болгарии они имели широкое распространение с X века, то есть в период наибольшего распространения железной кольчуги, функционально предназначались для пробивания доспеха или прорубания колец кольчуги (долотовидные).

145 Тип 2(78) - ланцетовидные ромбического сечения с упором - 9 экземпляров из Рождественского, Кудымкарского, Соломатовского городищ, Чердынского уезда Пермской губернии, Степановского могильника. Наконечники такого типа употреблялись в Болгарии и на Руси в X в.

Тип 3(83) - с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой - 8 экземпляров - Рождественское, Соломатовское, Редикарское, Кудымкарское городища. Широко распространены в Волжской Болгарии и на Руси в XI в.

Тип 8(90) - шиловидные квадратного сечения с простым упором - 5 экземпляров: Рождественское городище, Аюшкар, Соломатовское, Филиповское и Редикарское городища, Рождественский могильник. Такие наконечники имели хождение в Болгарии в XI-XIII вв.

Тип 9(91) - пирамидальные с массивной боевой головкой квадратного или ромбического сечения с перехватом на шейке (рис. 52, ф. 21, 22, 26) - 7 экземпляров - Рождественское, Соломатовское, Кудымкарское городища, Вакинское селище, селище Телячий Брод. Особенно много таких стрел встречено в русских городах и городах Волжской Болгарии X-XIII вв.

Тип 10(92) - броневые с короткой головкой ромбического сечения и длинным черешком, 2 экземпляра с Рождественского городища XII-XIII вв.

Тип 11(94) - шиловидные ромбического сечения с простым упором (рис. 52, ф. 27, 29) 24 экземпляра с Рождественского и Соломатовского городищ. По болгарским материалам датируются X-XIII вв.

Тип 14(97) - броневые в виде кин-

жалычков ромбического сечения с перехватом. Имеют узелковый упор при переходе к черешку, XII-XIII вв. - 4 экземпляра - Рождественское городище, Аюшкар, Соломатовское городище.

Тип 17(100) - долотовидные (рис. 52, ф. 15, 16, 31). Такие наконечники наиболее характерны для вооружения болгар домонгольского периода. В Предуралье известно 14 экземпляров - Рождественское, Кыласово, Кудымкарское, Редикарское, Лаврятское, Соломатовское городища, селище Телячий Брод.

Таким образом, в Пермском Предуралье представлены все основные боевые типы болгарских наконечников стрел X-XIV вв. Большая их часть датируется домонгольским периодом. На Рождественском и Редикарском городищах наконечники стрел собраны не только на площадке, но и на валу. В Удмуртском Предуралье встречены те же типы болгарских стрел. По наблюдениям М.Г. Ивановой, на городище Иднакар боевые стрелы болгарского и монгольского типа встречены как на площадке, так и на внешней стороне укреплений. Однако доля броневых наконечников на внешней части городища значительно больше, чем на внутренней. Болгарские стрелы на внешних частях укреплений городищ Предуралья указывают на возможные боевые действия со стороны болгар. Появление в Предуралье стрел татаро-монгольских типов следует связывать с переселением болгар, спасавшихся от нашествия, или с действиями отрядов монгол.

2.2. Оружие ближнего боя

Оружие ближнего боя предназначалось для поражения противника на близком расстоянии в рукопашном бою. Для болгар из такого оружия наиболее характерны мечи, сабли, кинжалы и боевые топоры, нередко богато орнаментированные. Особенно дорогими были мечи и сабли, с этим связана редкая встречаемость целых образцов такого оружия как в самой Болгарии, так и в Предуралье.

Из известных целых образцов привозного оружия отметим крупный обоюдоострый меч без дола, находка из села Ильинского (рис. 53, ф. 1). Мечи такого типа являются дальнейшим развитием форм оружия народов Среднего Поволжья I тыс. н.э.

Достаточно широко применялись в

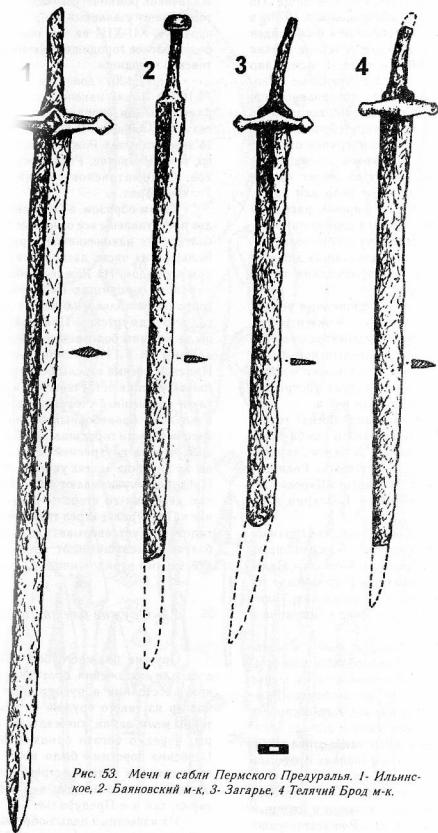

Рис. 53. Мечи и сабли Пермского Предуралья. 1- Ильинское, 2- Баяновский м-к, 3- Загарье, 4 Телячий Брод м-к.

Предуралье палаши и сабли, основные формы которых проникают сюда через Болгарию. Причем в Предуралье отмечены образцы сабель как IX-X, так и XI-XIII вв. (Загарье, могильник Телячий Брод, Плесинский могильник - рис. 53, ф.3,4). Известно,

что сабли и другие виды клинкового оружия ближнего боя были предметом торговли болгар с Вису и другими народами Севера. Так, ал-Мукаддаси, приводя обширный список товаров, вывозимых болгарами в различные страны, упоминает стрелы

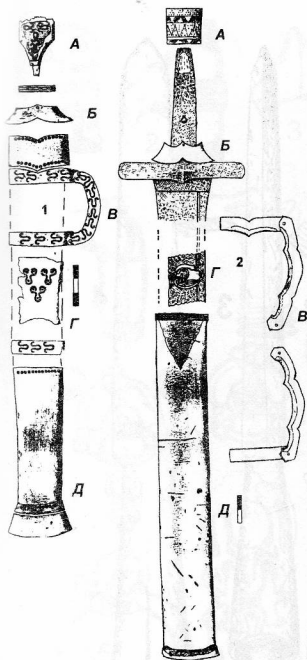

Рис. 54. Детали сабель из погребений Плесинского м-ка. 1- б/н, 2- погр. 5.

мечи и кольчуги. Гарнати сообщает, что болгары ввозят в Вису сабли, изготовленные в мусульманских странах и не имеющие никаких украшений и рукоятей - "одни клинки, в том виде, в котором они выходят из рук кузнецов". Это известие согласуется с упомянутым распространением в Приуралье сабель салтовского и поздних типов.

Сабли и клинки восточного производства, ввозимые болгарями, через жителей Приуралья доходят и до более северных земель, вплоть до Приполярного Урала (Джанполадян, Кирпичников, 1972, с.23-29).

Особенно интересны в этом плане находки сабель в богатых, обложенных серебряными орнаментированными пластинами ножнах на Плесинском могильнике (рис. 54). Отметим что в "Корочках" А.А. Спицына описана находка сабли в пос. Загребинский Котельничского уезда Вятской губернии (РуА ИИМК, д.363, л.142) аналогичной по типу скоб, оформлению рукояти и ножен Плесинской сабле (рис. 54,ф.1). Совпадают даже такие детали, как орнамент на серебряных обкладках А, В и Г. Интересна находка наконечника ножен из бронзы на Городищенском городище с изображением какого-то животного. Наконечники такого типа известны в Биларе.

Из боевых топоров болгарского типа рассмотрим на боевые топоры-чеканы с круглыми щековицами. Такое оружие характерно для Болгарии X-XII вв.. В Приуралье находки такого типа сделаны на Городищенском городище XI-XIII вв., в

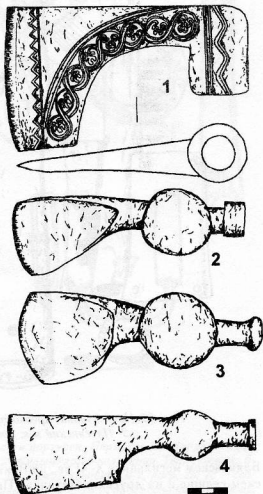

Рис. 55. Топоры. 1- Пянтег, инкрустация из серебра; 2- Городищенское городище, 3- Байдновский м-к, 4- Плесинский м-к, погр. 33.

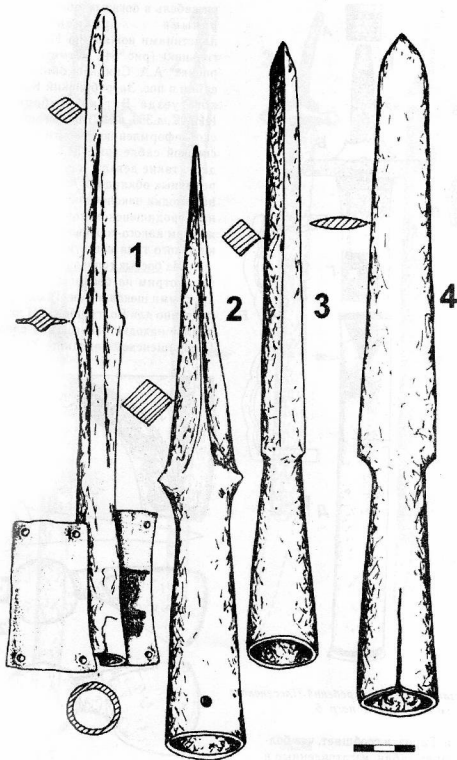

Рис. 56. Наконечники древкового оружия. 1 - Редикарский м-к, погр. 47; 2 - Плесинский м-к, погр. 19 и 26; 3 - д. Антоновцы, 4 - Анюшкар.

Баяновском могильнике X-XI вв., на Вакинском селище и на других памятниках Пермского и Удмуртского Предуралья.

Интересна находка парадного топорика в с. Пянтег Чердынского района (рис. 55, ф.1), который хранится теперь в Чердынском музее. Топорик имеет широкое, оття-

нутое книзу лезвие. Поверхность топорика инкрустирована серебром: кайма из волнистой линии, зубчатой линии и бордюр из завитков растительного орнамента. Н.Н. Бортвин считает, что данный топорик принадлежит к болгарским и датируется X-XII вв., А.П. Смирнов считает

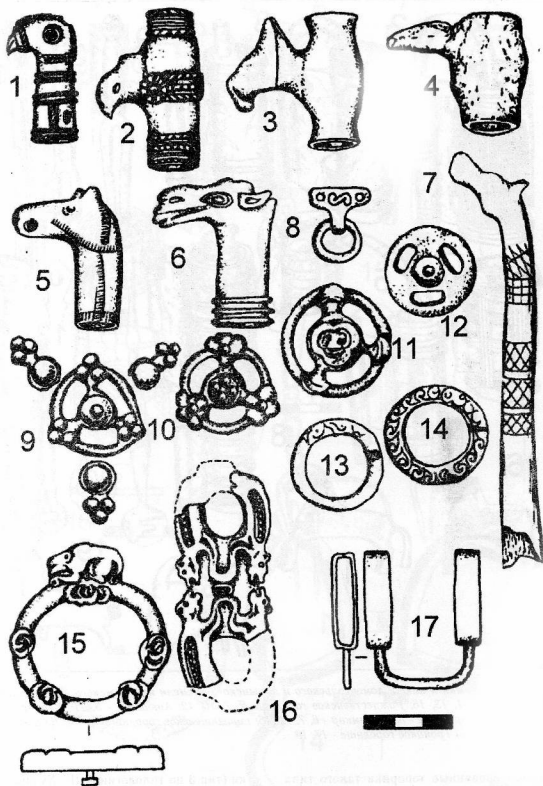

Рис. 57. Рукояти нагаек, ременные разделители, части портупен. Пермское Предуралье. 1-, д. Федорова; 2-д. Михалева; 3, 7, 11-Анющкар; 4, 12 -Кудымкар; 5-коллекция Теплоуховых; 6-Майкаровский клад; 8-Рождественское городище; 9, 10- Рождественский м-к, погр. 25; 13 - Чердынский р-н; 14- Рождественский м-к; 15-Мало-Аниковский м-к; 16 - Городищенское городище; 17-Юсьвенское городище.

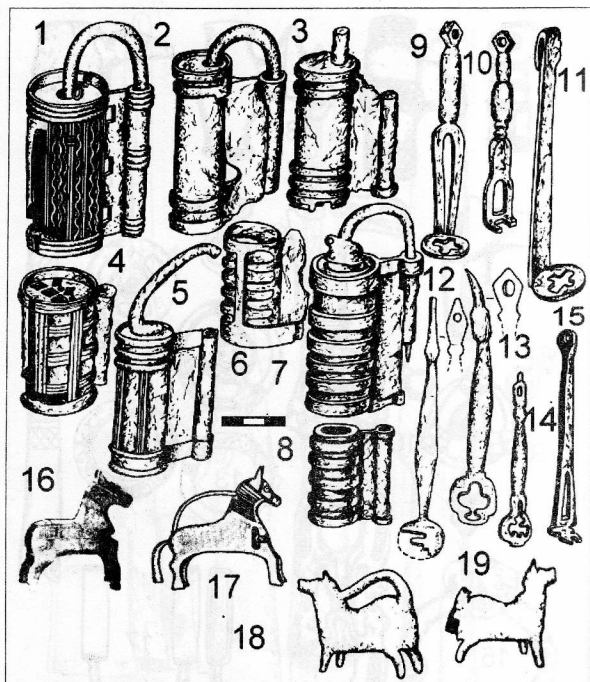

Рис. 58. Замки и ключи домонгольского и ордынского времени из Пермского Предуралья. Данилова - 1, 13, 16; Рождественское городище 2, 7, 10, 12; Анюшкар - 3, 11; Харина - 4; Роданово городище - 5; Кудымкар - 6, 7, 11, 15; Городищенское городище - 8, 14; Вакино - 9, 19; Чердынь, Троицкое городище - 17, 18.

орнаментированные топоры такого типа типично болгарским оружием (Смирнов, 1951), И.Л. Измайлов датирует подобное оружие XII-XIV вв.

Копья. По функциональному назначению относятся к колющему древковому оружию ближнего боя. У болгар в XI-XIV вв. широко распространяется такая разновидность копий, как пики — типичное оружие кавалериста. В Предуралье эти наконечники

ки (тип 3 по типологии Ф.Ш. Хузина), имеющие квадратное с желобками или ромбическое сечение пера, встречаются в Загарском могильнике, в д. Антоновцы, в Баяновском могильнике, верхнем слое Кыласова городища (рис. 56).

Из прочих деталей вооружения болгарского типа отметим костяные орнаментированные щитки (рис. 52, ф.1,2) для защиты руки при стрельбе из лука из Роданово го-

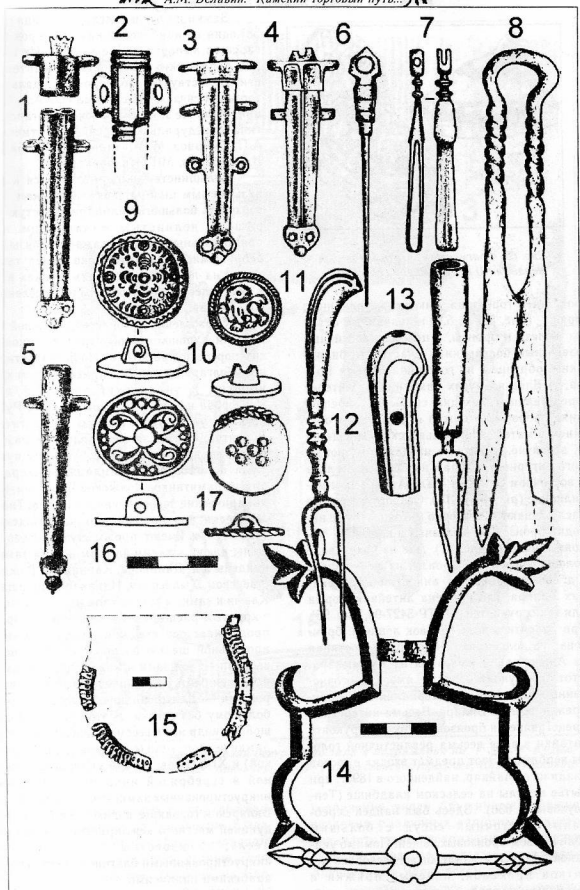

Рис. 59. Бытовые предметы болгарского типа из Пермского Предуралья. 1- Кыз; 2, 3 Мало-Анниковский м-к; 4- Омелина; 5- р. Ломоватовка; 6- Кудымкар; 7- Усть-Бубинское городище; 8- Аноушкар; 9- Богоявленское; 10- Ильинское; 11- Вакино; 12- Рагозники; 13- Городищенское городище; 14, 16 - Рождественское городище; 15- Рождественский м-к, погр. 24; 17- Телячий Брод м-к

Рис. 60. Фрагменты «булатных» зеркал из Чердыни (2) и Кудымкара (1).

родища и городища Анюшкар; колчаные крюки (рис. 52, ф. 5,6) и колчаные петли из железа и бронзы, в целом аналогичные известным болгарским, в частности билярским, образцам из городища Острая Грива, д. Елга и других памятников. Интерес представляют находки скобы для крепления топоров или ножен с клиновым оружием в материалах Юсьвенского городища и, вероятно, такого же назначения бронзового фигурного кольца с изображением льва в восточном стиле на Мало-Аниковском могильнике (рис. 57, ф.15). Особого внимания заслуживают достаточно многочисленные находки бронзовых, железных и костяных рукоятей нагаек (рис. 57). Две из них, в виде головок грифона из бронзы, из д. Федорово и д. Михалева, имеют аналогии в материалах Биляра, где найдена литейная форма для таких рукоятей (ГМТР-5427-94, Бил. 95). Три рукояти в виде головок лошади: бронзовая из коллекции Теплоуховых, костяная из Анюшкара и железная из Кудымкара. Этот тип рукоятей также имеет многочисленные аналогии в материалах Болгарии, прежде всего в Биляре. Весьма интересной представляется бронзовая («булат») рукоять нагайки в виде весьма реалистичной головы верблюда. Этот предмет входил в состав клада из с. Майкар, найденного в 1895г. при рытье могилы на сельском кладбище (Теплоуховы, с. 636). Здесь был найден серебряный восточный сосуд с большим количеством бронзовых вещей. Помимо указанной рукояти в клада было несколько десятков пронизок, поясные пряжки и выпуклые накладки - все из той же серебряной бронзы.

2.3. Замки и ключи

Замки и ключи болгарского типа (рис. 58) один из наиболее ярких примеров болгарского импорта в Предуралье. Их наличие в пермских древностях убедительно свидетельствует о болгаро-предуральских торговых связях, что отмечал еще А.А. Спицин. Наличие замков и ключей болгарского типа в предуральских древностях отмечают А.П. Смирнов, М.В. Талицкий, О.Н. Бадер, В.А. Оборин, М.Г. Иванова.

Большинство замков относится к так называемым цилиндрическим замкам. Поверхность большого цилиндра зачастую украшена волнистым орнаментом или прямоугольными накладками из бронзы, серебряными насечками. Появляются такие замки на предуральских памятниках в XI в., наиболее часто встречаются на поселениях XII-XIII вв.

К сожалению, удовлетворительной типологии и хронологии болгарских замков до сих пор не разработано. Попытки датировать болгарские замки с привлечением хронологии и типологии, принятой для Новгорода и других городов Древней Руси, не дают удовлетворительных результатов. Вероятно, формы замков Болгарии развивались по достаточно своеобразному пути. Судя по материалам Биляра, Булгара и других памятников Волжской Болгарии, цилиндрические замки появились в X в. Типологически они напоминают новгородские типа "А" и имеют продольную ключевую щель; ключи к таким замкам и сами замки найдены в д. Данилова, Харина, на Рождественском, Кыласовом, Иднакар городищах. Ключи к замкам такого типа имеют лопасть с круглым расширением на конце, которая продолжает ось стержня ключа. Замки с продольной щелью были двух типов: первый тип - с большим и малым цилиндрами, разделенными пластинчатой связкой, второй тип — малый цилиндр припаялся к большому без связки. В этом случае большой цилиндр имел весьма большой диаметр. Замки первого типа (с соединительной планкой) в XI-XIII вв. богато украшались медной и серебряной инкрустацией, таких инкрустированных замков много найдено на Билярском городище, видимо, они были продукцией местного ювелирно-кузнечного ремесла; известны замки с инкрустированными благожелательными арабскими надписями.

В XI в., а наиболее вероятно в XII в., появились новые типы замков с поперечной ключевой щелью, также с ключевой щелью на дне большого цилиндра. Ключи к таким замкам имели бородку, отогнутую от стержня.

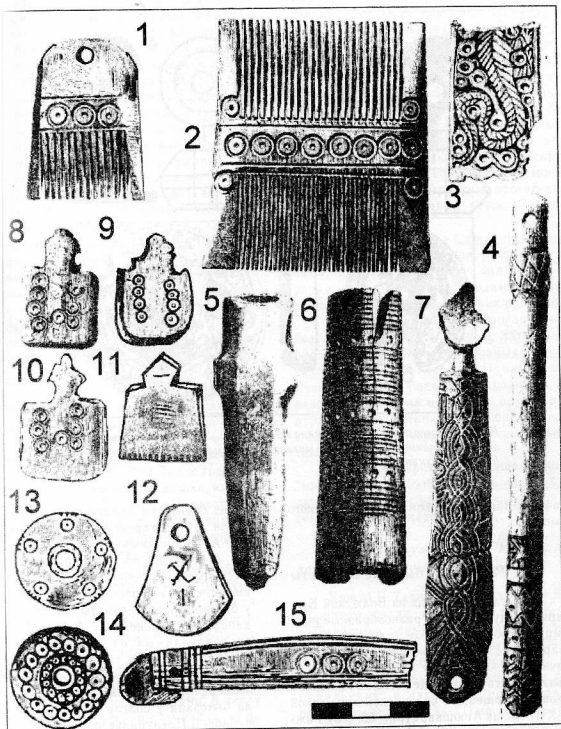

Рис. 61. Костяные и роговые изделия болгарского типа и подражания им. 1, 3, 6, 8 - Кудымкар; 2, 4, 5, 7 - Вакино; 9, 12, 15 - Аношкар; 11, 14 - Рождественское городище; 10, 13 - Иднакар.

жня на 90°. Замки и ключи такого типа найдены при раскопках на Родановом, Кыласовом, Городищенском, Соломатовском, Рождественском городищах, селище Телячий Брод, Чашкинском Поселище, на Бартымском селище и городище Лобач на Сылве. Известен ряд других (случайных) находок замков с разных памятников Пермского и Удмуртского Предуралья. Усложнение конструкции замка шло по линии

увеличения числа пружинных стрижней, введения различных запорных секретов. Так, части такого усложненного замка найдены в д. Модороб, а также на городище Аношкар и в Чердынском районе.

Вероятно, что все находки замков и ключей X-XIII вв. из Пермского и Удмуртского Предуралья следует признать болгарскими изделиями: они, как правило, происходят с памятников, несущих хорошо

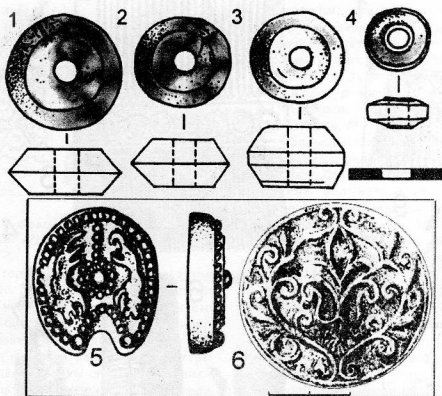

Рис. 62. Болгарские керамические пряслица (1, 3, 4 - Рождественское городище, 2 - Роданово городище) и металлические матрицы для тиснения (5 - д. Ручиб, 6 - Вакинское селище).

дифференцируемый комплекс болгарского импорта.

2.4. Различные бытовые предметы

К числу привозных из Волжской Болгарии следует отнести разнообразные ножницы, как пружинные (овечьи), так и шарнирные. Такие ножницы имеют достаточно широкие даты от X до XV в. Об этом свидетельствует прежде всего их находки в слоях, насыщенных болгарской керамикой X-XIII вв., на Анюшкаре (рис. 59, ф.8), Рождественском городище и ряде других пермских и Удмуртских памятников.

К числу привозных предметов, вслед за А.А. Спичиным, мы относим вилки: как целиком металлические (медные) из Вакинского селища (рис. 59), так и железные с костяной полированной рукоятью - материалы Городищенского городища. Из Болгарии завозятся прекрасные игольники из золотистой бронзы с навершиями (рис. 59), рукояти к ножам, части наборных рукояток к ножам или каким-либо столовым приборам. Все эти предметы имеют аналогии в болгарских древностях. Составные игольни-

ки из бронзы не характерны для местных типов и к болгарскому импорту отнесены еще А.А. Спичиним.

Болгарской продукцией, видимо, являются и медные гребни, украшенные глазковым орнаментом, весьма распространенным у болгар. Такие предметы известны на Родановом городище и на Анюшкаре. В состав завозимых из Болгарии товаров входили бронзовые, так называемые булатные зеркала, некоторые из них украшались зооморфными изображениями. Такие зеркала бытовали у болгар весь домонгольский период. В Предуралье они найдены в д. Харино, на Кудымкарском городище и в Чердынском районе. Особенно интересен фрагмент зеркала из Чердыни (рис. 60) с изображением сфинксов и арабской надписью, аналог известной находке из Болгарии.

Особый интерес представляют костяные гребни и расчески с футлярами (рис. 61, ф.15), богато украшенными глазковым (циркульным) и разнообразным геометрическим орнаментом. Эти изделия хорошо известны как в Волжской Болгарии, так и в Предуралье - в материалах чепецкой, родановской, вымской культур. Вероятно, все костяные гребни и расчески из Предуралья

не следует относить к болгарскому импорту, так как в Предуралье традиции работы с кожей восходят еще к ананьинскому времени. Возможно, к XII в. косторезное дело оформляется в ремесло, но при этом многие формы и мотивы орнамента гребней и расчесок могли заимствоваться, копироваться с каких-либо привозных образцов. С другой стороны, подобные изделия в самой Болгарии могли изготавливаться финно-угорскими ремесленниками по привычным им предуральским образцам. Резные гребни (рис. 61, ф.1,2) и расчески в XI-XIII вв. были обязательной принадлежностью женщин в средневековом Предуралье и достаточно высоко ценились ими, о чем свидетельствуют тамги на многих, наиболее красивых предметах этого типа. Вероятно, в этом случае мы имеем дело со взаимопроникновением производственных традиций. Болгарскими могут быть признаны изделия, отличающиеся от основной массы особенностями обработки - качественная полировка поверхности, циркульный орнамент, отборное качество сырья. Так, абсолютно аналогичны массовым находкам в Биляре и Болгаре гребни с круглой спинкой, украшенной циркульным орнаментом и отверстием для подвешивания в верхней части (Закиева, 1988, с.230). Такие гребни в Предуралье, как массовые находки, известны на городищах Анюшкар, Рождественском, Кудымкарском и на других пермских городищах и селищах, а также на городище Иднакар в Удмуртии.

Вышесказанное касается и разнообразных костяных накладок на сложный лук и налучье, известные с Роданова, Кыласова, Кудымкарского, Редикарского, Городищенского городищ, Иднакара и других памятников X-XIV вв. в Пермском и Удмуртском Предуралье. Исключение, пожалуй, составляют лишь вещи, покрытые необычными для местной традиции изображениями. К числу таких находок следует относить накладку с изображением кошачьих хищников, обломок костяной накладки с изображением какого-то фантастического существа из Кудымкарского городища, которое напоминает изображение драконов и других зверей с болгарских ювелирных изделий и накладок (рис. 61, ф.3), а также обломок костяной подвески-ложечки из Вакинского селища, украшенной двойной плетеной, аналогии которой имеются на болгарских ювелирных и костяных изделиях XII-XIV вв. Безусловно, к числу болгарских предметов можно отнести круглые костяные пуговицы с

циркульным орнаментом (Рождественское городище на Обве, городище Иднакар на Чепце) (рис. 61, ф.13,14), а также амулеты квадратной формы с циркульным орнаментом по периметру и резной головкой, найденные на Кудымкарском, Рождественском, Анюшкарском и Иднакарском городищах (рис. 61, ф. 8-12) в слоях и сооружениях XII-XIV вв. По мнению И.А. Закиевой, специально исследовавшей косторезное дело Болгара, такие подвески-амулеты распространены у болгар в связи с исламизацией общества, они имели арабские прототипы и служили разделителями четок (Закиева 1988, с.235).

Интересна находка бронзовой копоушки из Козьминского селища, которая, вероятно, является местным изделием, но украшена пирамидками псевдозерни, копирующей украшения болгарских подвесок.

Болгарскими, или скопированными с болгарских, являются медные, латунные и бронзовые крупные рыболовные блесна, найденные на Кыласовом, Иднакарском, Рождественском, Родановом городищах, Гаревском озере и на некоторых других предуральских памятниках. Подобные блесна с хорошо отполированной пластиной известны из Биляра.

На Кудымкарском городище найдена "мраморная" грибообразная пробка от бурдюка (Теплоуховы, с.349), имеющая аналогии в билярских материалах.

2.5. Инструментарий ювелира и торговый инструментарий

Еще М.В. Талицкий и вслед за ним В.А. Оборин отмечали, что предуральские бронзолитейщики заимствовали часть инструментов у болгарских ремесленников. К числу таких предметов обычно относят тиглы цилиндрической формы, появившиеся у предуральских, в частности родановских, бронзолитейщиков в XI-XII вв. (Бадер, Оборин, 1958, с.206). Видимо, под влиянием болгарской ювелирной техники у местных ювелиров возникает литье сложных изделий по восковой модели, развивается своеобразная техника зерни и скани.

Помимо тиглей местные ювелиры заимствуют и некоторые другие типы инструментария. Прежде всего это касается литейных форм, которые в XI-XII вв. становятся двусторонними, сложными, в них допускается литье на выплеск, литье со вставными стержнями. Заимствуются ювелирные пищеты сложных форм (рис.59, ф.7), аналогичные билярским. В XI-XIV вв. в Пре-

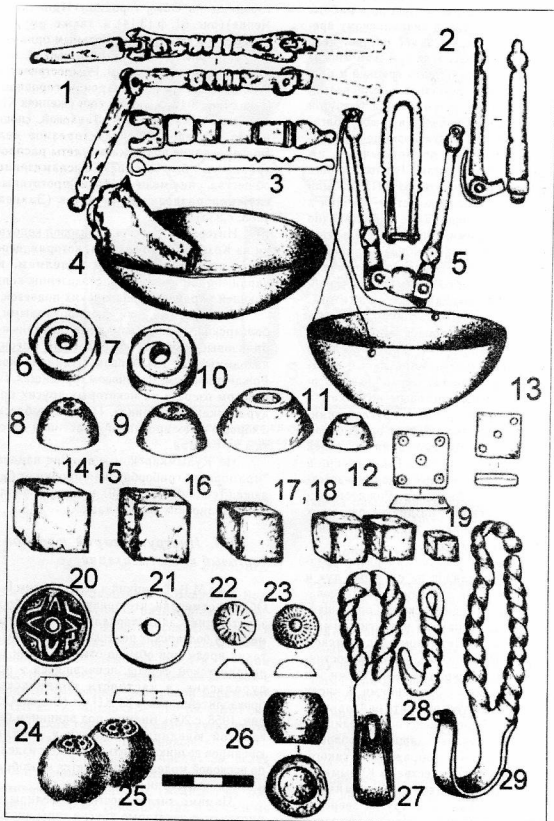

Рис. 63 Торговый инвентарь. Городищенское городище - 1, 13, 15, 29; Рождественское городище - 3, 6, 14, 19, 26, 28; Роданово городище - 4, 16, 17, 18; д. Коча - 5, 24, 25; Анюшкар - 7, 9, 10, 12, 23; Кудымкар - 8; д. Дубленово - 11; д. Базуева - 20; Острая Грива городище - 2, 21, 22; Бартым селище - 27. Материал: свинец - 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 24, 25; бронза - 4, 5; олово - 20, 21, 22, 23; остальное железо.

Предуралье распространяется техника тиснения весьма широкое встречаемая у болгарских ремесленников. Вероятно, из болгарских городов завозятся такие матрицы, как найденные на Вакинском селище (рис. 62, ф.6) и Кудымкарском городище. В Ручиб Чердынского уезда в 1911 г. найден медный штамп (рис. 62, ф.5) для поясных бляшек с изображением двух львов в восточном стиле XI-XIII вв. (ОАК за 1911 г., 89).

Особый интерес представляет торговый инструментарий (рис. 63): весы и разновесы к ним. Весы медные и железные складные (тип Е по билярской классификации) встречаются в Предуралье на таких памятниках, как Роданово, Кудымкарское, Острая Грива, Городищенское городища; наиболее хорошо сохранившийся экземпляр найден на Большее-Кочевском городище. Подобные весы были обязательным инвентарем всех болгарских и вообще европейских купцов домонгольского периода, об этом убедительно свидетельствуют материалы Тимеевского и Михайловского могильников в Ярославском Поволжье (Недошивина, 1974). В Биляре весы и комплекты разновесов найдены при раскопках на месте караван-сарая. Складные весы с комплектом чашек и разновесов найдены в купеческом погребении в Гнездовском могильнике. Помимо самих складных весов чашечки от них, изготовленные из листовой меди методом тиснения, найдены на Кудымкарском, Аюшкарском, Родановском, Рождественском городищах. Подобные весы и чашки к ним по материалам Биляра датируются X-XII вв., но использовались и в XIII в.

Складные небольшие весы использовались для монетных взвешиваний, что было особенно важно при использовании монет разных чеканов и при торговле на серебро, не расчеканенное в монеты. То, что весы подобного типа встречены в Предуралье, указывает на именно такой способ торговли. Наряду с весами найдены разновесы, представленные гирьками четырех типов.

• Тип I. Гирьки полусферической формы, железные или свинцовые, обтянутые бронзовой куполообразной оболочкой, имеющей маркировку в виде оттисков полого чекана (рис. 63, ф.8,9,24,25). Количество оттисков указывает на кратность гирьки. Гирьки такого типа наиболее распространены в Восточной Европе и, в частности, на Руси (Янин, 1956, с. 173), встречены они также и в Биляре, и в некоторых других болгарских городах и сельских поселениях, так что относить их к чисто древнерусскому

типу нельзя. По Р.М.Валееву это гири II типа, по классификации В.Л.Янина — I типа.

Тип II. Представлен гирьками кубической формы, сделанными из железа (рис. 63, ф.14-19). По классификации В.Янина, это гири третьей группы, по билярской классификации — это тип I. В Предуралье кубические железные гирьки представлены находками с Роданова, Городищенского, Кудымкарского, Кыласова городищ. Вес гирек от 20,18 г до 57,3 г. Вероятно, весовая система гирек опиралась на широко распространенный на территории Болгарии арабский мискаль в 4,26 г, в таком случае кратность гирек составляет от 5 до 13 мискалей. Такая система мискаля использовалась в Волжской Болгарии в период X-XIII вв. (Мухамадиев 1983, с.163).

Тип III. Представлен находками плоских прямоугольных бронзовых гирек с Городищенского, Кыласова и Рождественского городищ (рис. 63, ф.12,13). Гирька с Городищенского городища весом в 2,56 г имеет клеймление из 3 оттисков полого чекана и примерно соответствует 1/2 мискаля. Гирька с Кыласова городища имеет клеймление из пяти глазков и весит 4,4 г, что чуть больше целого мискаля. Аналогии таким гирькам хорошо известны в Биляре. Такие гирьки, как и железные кубические по мнению В.Л.Янина являются типично болгарскими, на Русь они приносят лишь с болгарскими торговцами и встречены лишь в Твери и Москве.

Тип IV. Представлен гирьками в виде железных, бронзовых, свинцовых кружков с дырочкой по середине, внешне напоминающих грузики-пломбы, а также гирьками медного, свинцового уплощенного дрота, скрученными спиралью. Такие гирьки найдены на Рождественском, Кыласовом, Городищенском, Кудымкарском городищах и некоторых других памятниках. Вес таких гирек колеблется от 6,5г до 25г и также основан на системе мискаля в 4,235 (4,26)г. Вероятно, такие гирьки могли применяться не только для работы со складными весами, но и для взвешивания на коромысловых весах или безменах. При этом гирьки могли надеваться на коромысло через отверстие в теле гирьки.

Помимо складных весов на Городищенском и Рождественском городищах и селище Бартым найдены остатки безмена в виде железного крюка из витого дрота. Такие крюки считаются частями безмена, в частности распространенного на Руси в домонгольское время.

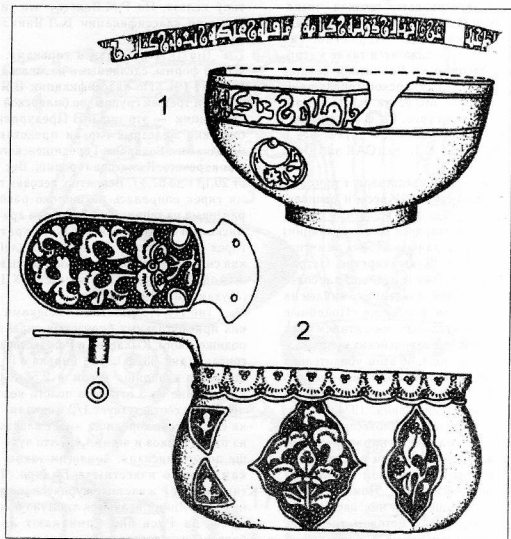

Рис. 64. Серебряные сосуды болгарского (?) производства из Пермского Предуралья. 1-Селянино Озеро м-к, 2- Чердынский район.

Помимо гирек и весов к торговому инвентарю относятся так называемые грузики-пломбы из свинца (рис. 63, ф. 20-23). Они представляют собой небольшие круглые предметы, поверхность которых покрыта орнаментом из линий, точек или треугольников. А.П. Смирнов относил их к напряслам, Е.П. Казаков — к прясловидным подвескам.

Р.М.Валеев в монографии "Культура Биляра" доказывает, что данные предметы могут рассматриваться лишь как грузики-пломбы для опечатывания тюков пушного товара. В домонгольское время меха служили в Волжской Болгарии средством обращения как при внутренней, так и при внешней торговле. По сообщению ал-Гарнати болгары торговали лишь шкурками, опечатанными особыми царскими печатями: "И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на

них продают и покупают".

Такие пломбы найдены в Предуралье - на Рождественском, Аношкарском городищах, в д. Базуево. Вероятно, их появление в Предуралье свидетельствует о распространенности мехов как средства обращения при торговле с болгарями и на этой территории.

К торговому инструментарию следует относить слитки бронзы и серебра, которые использовались также как средство обращения в болгарской торговле, особенно в так называемый безмонетный период. В Предуралье серебряные "монетные" слитки найдены в составе различных кладов, они представлены серебряными гривнами киевского и новгородского типа, китайским ямбом. В д. Муслимово найдены золотые пластинки-бурты - средство обращения в Болгарии "безмонетного периода"; серебряные слитки - балыши, судя по сводке А.А. Ильина, найдены во многих местах Перми-

кой и Вятской губерний (Ильин 1921, №№ 35, 36, 45, 46, 51, 55). Наряду с ними отмечены находки бронзовых чушек - слитков бронзы в виде толстой палочки округлого сечения. Такие слитки имеют, как правило, стандартные размеры. Формы для их отливки найдены на Родановом, Кыласовом, Городищенском городищах и ряде других памятников, имевших контакты с болгарскими купцами. Средний размер таких слитков: длина около 13 см, диаметр от 0,6 до 1 см. Известна еще одна форма товарных слитков — в виде трех, соединенных между собой круглых блинчиков. Такие чушки найдены на Мартыновском селище, Майкарском городище и хранятся в Кудымкарском музее. По сообщениям арабских авторов видно, что болгары вывозят из тех стран, с которыми торгуют, и медь. Вероятно такие слитки были своеобразным эквивалентом при торговле с Вису, Ару и другими областями Предуралья. Наряду со слитками металлов и мехами роль торгового эквивалента играли бусы и другие изделия ремесла.

Монеты из серебра также имели хождение в Предуралье. В больших количествах здесь использовались сасанидские, саманидские и иные восточные монеты. Интересны находки болгарских куфических дирхемов. Болгарские монеты X в. найдены в составе Чермозского клада 1900г., в составе находок с Аниковского городища и могильника, интересна находка болгарских монет вместе с весами на Больше-Кочевском городище (монеты до нашего времени, к сожалению, не дошли); на Вакинском селище найдена монета эмира Болгарии Талиба-бена Ахмеда, по определению Ф.А. Теплоухова, битая в Булгаре в 338 г хиджры (949г.) (Теплоуховы, д.2, с.596), на Рождественском могильнике (2 экз. - эмир Бармин, аш-Шаш 921-922 г. и Михаил Ибн Джа-дар 918-921 г.) и городище, на Родановом городище, в Чердыни, на Вакинском селище и на некоторых других памятниках. Еще Страленберг (к. XVIII в. писал, что в окрестностях Чердыни регулярно находят сотни монет "древних арабских калифов". Найдки болгарских монет первой четверти X в. указывают на Волжско-Камский путь проникновения восточного серебра в Камско-Вятский район, в том числе и на раннем этапе развития Болгарского государства.

Восточные монеты, связанные с развитием болгарской торговли, найдены и на многих других памятниках Пермского, Удмуртского и Северного Предуралья.

2.6. Металлическая посуда болгарского производства

Металлическая посуда, в особенности изготовленная из драгоценных металлов, служила весьма ценным эквивалентом при торговле болгар с народами Предуралья. Об этом свидетельствует прежде всего широкая распространенность такой посуды в Предуралье, которая зачастую попадает и в клады, содержащие различные болгарские ювелирные изделия. Это сочетание указывает, что серебряные сосуды так же, как и бронзовые, поступают в Предуралье в едином потоке товарного металла через болгарских торговцев.

Серебряные сосуды из таких кладов традиционно атрибутируются как посуда иранского производства, с чем однако не соглашаются некоторые исследователи, склонные видеть в части серебряных и бронзовых сосудов товары болгарского производства (Харитонов, 1965, с.3030-306).

Так, к числу болгарских сосудов может быть отнесена чаша с куфической надписью из могильника Селянино Озеро на р. Сытва (рис. 64, ф.1). С болгарскими ювелирными изделиями ее сближает характер орнамента в медальонах, гравировка и способ нанесения черни. Интересным образцом металлического болгарского сосуда является кумган из белого металлического сплава, с боковой ручкой, украшенный гравировками растительного орнамента (рис. 65). Этот сосуд найден в 1930г. неподалеку от с. Губдор (ЧКМ, № 946). Его болгарская принадлежность определена М.В. Талицким.

В Чердынском краеведческом музее хранится бронзовое блюдо, найденное в 1949г. В.Ф. Генингом в окрестностях д. Пенахино. Дно блюда украшено резным и чеканным орнаментом в виде ленточной плетеной шестилучевой розетки, растительным орнаментом в лепестках розетки, надписью в центре розетки, которая может переводиться как "мир" или "вселенная". Болгарская принадлежность блюда определена Д.Е. Харитоновым, он же датировал блюдо XIII в., однако, возможно и отнесение этого блюда к более поздним изделиям Орды.

К числу болгарских следует относить, вероятно, и находки серебряных ведер в составе Климовского клада из Коми-Пермского округа и в составе Редикарского клада (рис. 66). В.П. Даркевич атрибутирует эти сосуды как среднеазиатские, однако внешний вид их, в особенности, редикарского, весьма напоминает болгарские бронзовые

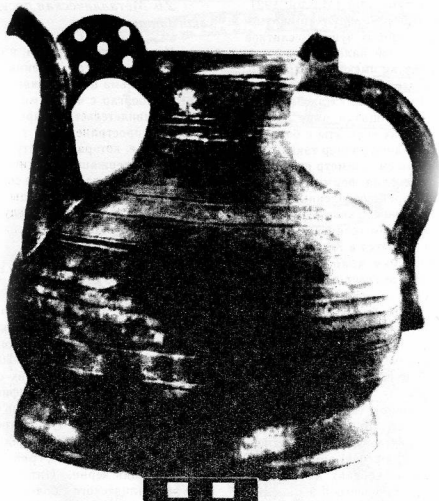

Рис. 65. Кумган из белого сплава. Чердынский р-н.

ведра-котелки, широко известные в Биляре, Булгаре, Муромском городке и других памятниках Волжской Болгарии. В составе Редикарского клада помимо прочих предметов были 34 серебряные витые гривны, о возможном болгарском происхождении которых мы уже говорили.

Основная часть драгоценной посуды из кладов Прикамья, вероятно, не болгарского производства. Однако нередко в кладах металлические сосуды сочетаются или с гривнами, или с какими-либо другими болгарскими ювелирными изделиями, что заставляет большинство исследователей считать поставщиками этих сосудов болгарских торговцев. Таким же путем — транзит через Волжскую Болгарию — поступало не только Восточное но и Византийское серебро. В Болгарии серебряная посуда и монетное серебро меняло своих владельцев и в Предуралье поступало уже вместе с болгарскими товарами. В Предуралье часть серебра оседала в излучине верхнего течения р. Кама, в бассейне р. Сытва и р. Чусовая,

в бассейне рек Иньва и Обва. Отсюда по Чусовой часть товарного и монетного серебра шла через хребет в Приобье. По Верхней Каме посуда также проникает на Верхнюю Вятку и на Чепцу; в этом обмене ведущую роль уже играют предуральские торговцы — "купцы чулымские" булгаро-арабских источников XII-XIV вв.

К числу болгарских изделий следует отнести несколько десятков бронзовых и медных котелков (рис. 66, ф.1,4), найденных в целом виде или в обломках на различных поселениях, могильниках (например, на могильнике Телячий Брод в погребениях XII и XIII вв. найдено 2 котелка) и в кладах Южного, Удмуртского и Пермского Предуралья.

2.7. Орудия земледелия

Наиболее проблематичным является определение земледельческих орудий болгарского типа из числа найденных на территории Предуралья (рис. 67). С этим

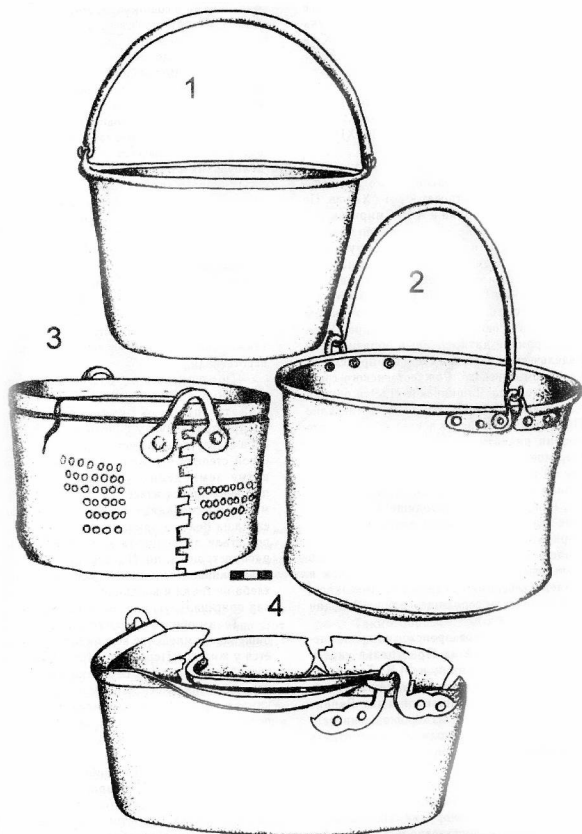

Рис. 66 Серебряные и бронзовые котелки. 1 - ; 2, 3 - Редикар; 4 - Телячий Брод м-к, погр. №5. Материал: 1,4 - бронза; 2,3 - серебро.

вопросом связано решение проблемы происхождения пашенного земледелия в Предуралье, в частности, в Пермском Предуралье. Как известно, на территории чепецкой культуры земледелие возникает еще в IX-X вв. в основном на местной основе, хотя и испытывает определенное влияние болгарской агротехники (Иванова, 1985). Этот процесс отражает земледельческая лексика удмуртов, в которой насчитывается более 20 болгаризмов, заимствованных в IX-XIII вв. (Тарakanов, 1982, с.145-147).

В Пермском Предуралье традиционно возникновение земледелия в его высшей - пашенной форме относят к ХП - ХШ вв. По мнению В.А. Оборина и А.П. Смирнова, пашенное земледелие здесь возникло на основе техники и приемов севернорусского земледелия. Однако датированные находки наральников и сошников появились в Предуралье лишь благодаря раскопкам последних десятилетий, за исключением нескольких сошников из Аноушара. Наиболее ранние датированные образцы земледельческих пашенных орудий происходят из Соломатовского, Рождественского городищ и селища Чашкинское II. Эти орудия датируются X-XI вв., а к XII в. земледелие Предуралья достигает достаточно высокого уровня развития, о чем свидетельствует широкое распространение наральников (более 60 находок), часто встречаемые ямы с зерном (Аноушар, Городищенское городище, Рождественское городище, Соломатовское городище), широкое распространение жерновов, кос-горбуш и серпов, возникновение в X-ХП вв. земледельческих культов (культовые ямы - жертвенники с зерном и земледельческими орудиями на Аноушаре, Городищенском городище, селище Володин Камень II и т.д.).

На болгарское происхождение земледельческих орудий из Предуралья указывали еще А.А. Спицин и М.В. Талицкий, однако они опирались на орудия из случайных сборов, не имевших точных дат. Ранние образцы наральников из хорошо датированных комплексов позволяют пересмотреть данный вопрос на более твердой основе. Первое, что бросается в глаза, это прямое тождество ранних наральников и сошников из Предуралья и известных болгарских образцов аналогичных орудий. Их сближает малые размеры, достаточно мощные трубицы, треугольность и правильность формы. При этом данные образцы значительно отличаются от известных образцов севернорусских земледельческих орудий и прежде всего своей широколопастностью, тогда как

северно-русские земледельческие орудия в основном представлены узколопастными наральниками и сошниками, когда лезвие орудия уже или совпадает по ширине с трубицей (Древняя Русь. Город замок село табл. 84). Узколопастные сошники и лемеха известны и в Волжской Болгарии, но имеют здесь крайне малое распространение, когда в Северной Руси они преобладают. Следует отметить, что ральники южного типа проникают через Прикамье далеко на север, вплоть до Вычегды, где вообще земледельческих орудий встречено всего два экземпляра в связи с охотничье-промысловым типом хозяйства вычегодских племен. В более позднее время в Предуралье появляются симметричные плужные лемеха крупных размеров, "рогатые" лемеха, лемеха с наварными пластинами, на городище Аноушар известны находки чересел болгарского типа, в окрестностях г. Березники и Соликамска известны находки сабанов-резцов от тяжелого плуга степного типа, что также связано с воздействием болгарской агротехники.

Под воздействием болгар и для обмена с ними в Предуралье начинают выращивать просо - культуру, весьма распространенную у болгар, но до XI-XIII вв. в Предуралье не встречаемую. До известной степени болгарское влияние на развитие земледелия у пермских племен подтверждается известной легендой о чулымском паше (князе) Кудым-Оше, который ездил на Волгу и привез оттуда зерно, которое стали выращивать княжеские люди и распространять по Предуралью. Легенда подчеркивает, что до этого местные жители хлеба не знали и восприняли его, поначалу как оригинальную иноземную дикивину.

Таким образом, следует признать, что пашенное земледелие возникает и развивается у жителей Пермского Предуралья под воздействием болгар. Вероятно, что на процесс развития пашенного земледелия в Прикамье оказало влияние и земледелие соседей пермяков - жителей Чепцы. Чепецкие ральники имеют много общего с ральниками из Предуралья.

Общезвестно, что хлебное зерно было одним из важнейших товаров, которые болгары вывозили в соседние страны, в том числе и на Русь. Вероятно, часть товарного хлеба, используемого болгарами, поступала в Болгарию из Предуралья, тем более, что бассейны Иньвы и Обвы — центр южного варианта родановской культуры — отличался достаточно плодородными почвами, и земледелие здесь, даже в форме подсеки

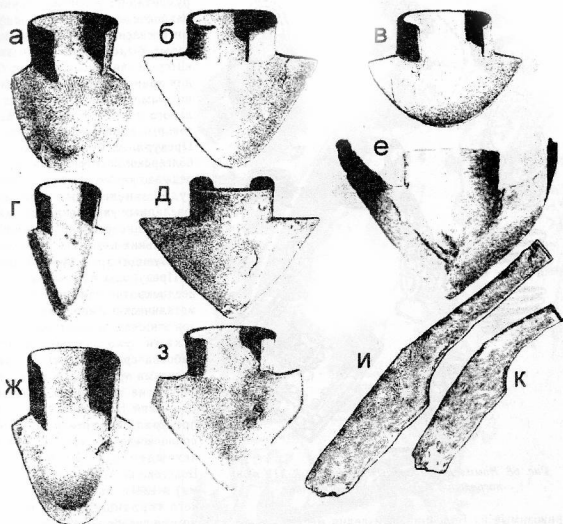

Рис. 67. Наральники и плужные ножи из памятников Пермского Предуралья X-XIV вв.: а, г - Аношкар; б - Кудымкар; в - Рождественское городище; д - л. Модороб; е - Курпосское городище; ж - Чашкинское 2 селище; з - Вакинское селище; и - Соликамский уезд; к - Запосельское селище.

и перелога, было продуктивным. В более позднее время (XVI-XVIII вв.) именно этот район стал одним из важнейших земледельческих районов Предуралья.

Производство земледельческих орудий по болгарским и чепецким образцам, несомненно, было налажено на поселениях Пермского Предуралья, где к этому времени происходит завершение второго крупного общественного разделения труда и одним из наиболее рано обособившихся видов ремесла становится кузнечное дело (Белавин, 1987). Увеличение продуктивности земледелия, переход его к пашенной форме — одно из наиболее важных последствий связей жителей Предуралья с Волжской Болгарией, так как именно этот процесс послужил экономической основой для ускорения разложения первобытнообщинных и формирования раннеклассовых отношений

у племен Предуралья.

Таким образом, хозяйственные занятия и ремесла жителей Предуралья испытали заметное влияние болгарского городского и сельского ремесла и хозяйства. О заимствованиях инструментария и технологии в ювелирном деле мы писали достаточно подробно. Примерно такой же уровень влияния можно отметить и в кузнечном деле. Как показывают технологические анализы, проведенные А.П. Зыковым (УрГУ) по материалам Городищенского и Рождественского городищ и В.И. Завьялова по материалам чепецких памятников, в XI-XII вв. начинают преобладать вещи, в частности ножи, изготовленные по технологии тройного пакета или с применением вварного лезвия, использованием других высоких технологических приемов. При этом достаточно трудно дифференцировать ножи,

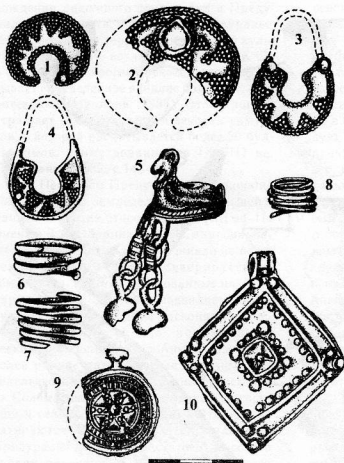

Рис. 68. Комплекс импортных предметов X-XIV вв. из погребений Антыбарского могильника.

привозимые из Болгарии, и изделия местного производства. Разница между технологией изготовления основной массы орудий труда с указанных памятников и технологией изготовления таких же орудий на Вычегде и в Приобье хорошо заметна. Кузнечное дело финнов и угров Предуралья, безусловно, стоит на более высоком уровне, нежели кузнечное дело тех же обских угров. На наш взгляд это объясняется как более активным восприятием ремесленных приемов у представителей болгарского ремесла (тройной пакет, поверхностная цементация, закалка в разных средах), хотя, возможно, столь большой процент высококачественных изделий (до 60-75%) со сложной технологией в предуральских древностях IX-XIV вв. — результат торговли.

Болгарские товары, как ювелирные изделия, так и вооружение, посуда, были направлены в основном на удовлетворение потребностей наиболее зажиточной части приуральского общества. Наличие на неко-

торых памятниках торгового инструментария, вероятно, маркирует наиболее часто посещаемые купцами поселения Предуралья, на которых было можно вести торговлю, которые, видимо, служили базой для хранения товаров и проживания самих купцов, в случае длительного торгового сезона. Многие товары, привозимые болгарами в Предуралье, были продукцией не болгарского ремесла. В первую очередь это касается драгоценной посуды, некоторых образцов ювелирных украшений, оружия. В этом плане резонно упомянуть о нескольких находках, ярко характеризующих трансболгарские связи Предуралья с Востоком. Помимо неоднократно описанных восточных металлических и керамических сосудов эти связи иллюстрируются находками украшений, поясных наборов среднеазиатского типа и другими предметами, имеющимися как на поселениях собственно Волжской Болгарии, так и среди предуральских древностей. Безусловно восточное (азиатское) происхождение имеет находка Г. Волегова на Масляной Горе (р. Кама) в 1845г. на месте средневекового городища клада в состав

которого помимо серебряной чаши с неизвестной восточной надписью, нескольких десятков монет имелась находка бронзовой статуэтки. Судьба этого клада не известна. Однако в карточках А. Спицына и в дневнике Теплоуховых есть зарисовка статуэтки. Она представляет из себя изображение борзатого человека верхом на седле в руках узда, на голове шапка (шлем) с 12 прорезями (рис. 70, ф. В). По замечанию Спицына лицо, руки, борода вызолочены. Похожую статуэтку, найденную на Рождественском городище, описывает капитан Рычков в 1770г.: "...отец его копя некогда погреб позади восточной части градских валов, где ныне их селитба, нашел статуэтку слитую неизвестно из какого металла, представляющую вид взрослого младенца с уздой, сидящего на коне". Вероятно переднеазиатского происхождения: круглая серебряная подвеска из Вакинского селища, имеющая с одной стороны изображение всадника — с другой двух крылатых коней и правителя на троне (рис. 70, ф. А); поясная накладка из белого биметаллического сплава, изображающая крылатого льва из

погребения № 71 Огурдинского могильника (рис. 70, ф. Б). Из Индии происходят раковины каури, найденные на различных чепецких и родановских памятниках.

Таким образом, болгары выступают до известной степени как торговые посредники в связях Предуралья со Средней Азией, Востоком (в широком смысле), Византией, Древней Русью. Однако и собственно болгарские ремесленные изделия, попадая в Предуралье, становились предметом дальнейших торговых операций, в которых в роли посредников выступают уже не болгарские купцы, а местные торговцы, известные восточным авторам как "купцы чулымские" (то есть "камские"). О таких "чулымских купцах" сообщают, например, ал-Омари и Ибн Баттута. Благодаря посредничеству камских племен болгарские изделия широко расходятся по Северу (вымская культура) и среди Иуры (Зауралье и Приобье). Об этом свидетельствует география широкого распространения замков, ювелирных украшений, серебряной посуды и монет, сердоликовых бус. Такая посредническая торговля способствует дальнейшей социально-экономической дифференциации пермских племен, среди представителей которых выделяется не только военно-дружинная знать, но и прослойка торговых, относительно зажиточных, предпринимателей. Безусловно, что это явление ускоряет процессы разложения первобытнообщинного строя.

В Предуральских землях болгары имели несколько своих торговых факторий - маленьких (с их точки зрения) городков типа уже упоминаемых Афкула, Чулымана, Сибира, Ибыра. Вероятно достаточно обоснованно можно локализовать касабу Афкула ("Поворотную крепость") на берегах р. Обва и считать, его материальными остатками — Рождественский археологический комплекс — крупнейший средневековый памятник Пермского Предуралья (рис.11, рис. 69).

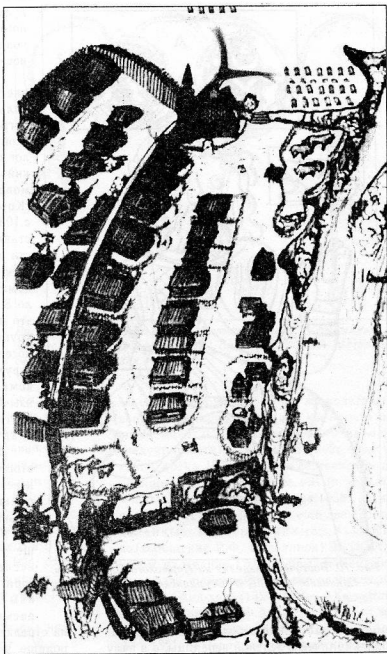

Рис. 69. «Касаба Афкула»
(Рождественский археологический комплекс)

Последнее упоминание "касавы Афкула" относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедиста ал-Калкашанди "Страна Афтакун, северная соседка страны Булгар. Их главный город - небольшой Афтакун." В то же время (рубеж XIV-XV вв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает магрибинец Ибн-Халдун.

Центром этого комплекса является Рождественское городище, имеющее не характерную для предуральских городищ прямоугольную форму. По описанию капитана Рычкова, осмотревшего городище в XVIII в., на его территории находилось

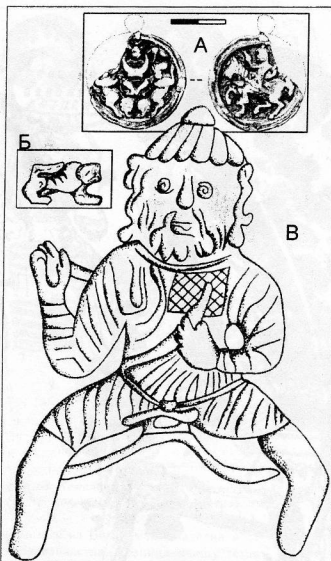

Рис. 70. Восточные изделия из Пермского Предуралья: а - Вакинское селище; б - Огурдинский м-к, погр. 71; в - Масляная гора.

много обработанного белого камня, обломков кирпичей и зеленой черепицы, а в валу были "врата из дикаго камня", разобранные местными жителями (Рычков, 1772). С запада к подпрямоугольной площадке Рождественского городища примыкает Филиповское (малое) городище имеющее мощный вал и глубокий ров, следы ворот через вал и остатки основания земляной башни на стороне вала, выходящей к разделяющему городища глубокому, но узкому каменному логу. Раскопками автора на городище изучены мастерская костелоза, остатки трех гончарных горнов болгарского типа (см. выше), остатки подземного хода, ведущего с площадки памятника к берегу р.Обва. Показательно отсутствие костей свиньи и присутствие костей верблюда в остеологических материалах этого комплекса. С напольной части Рождественского городища на свежей

пашне наблюдается обширное пятно культурного слоя - остатки неукрепленного посада. Общая площадь двух одновременно существовавших городищ посада составляет около 6,5 га.

С востока к укреплениям примыкает мусульманский могильник домонгольского времени (изучено 23 погребения с соблюдением мусульманской обрядности), а через небольшой лог от него расположен финно-угорский могильник, характерный для лемоватовско-родановской традиции (Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, с.103-106). Площадь некрополей составляет около 3,5 га. с учетом плотности размещения захоронений (около 4 кв.м. на погребение), поэтому можно думать, что здесь было погребено около 8,5 тысячи человек. Вероятно, что это не единственный некрополь этого крупнейшего в Пермском Предуралье поселения со столь сложной городской структурой. Примерно в 1,5 км. от комплекса поселений существовало языческое святилище - его остатки известны в науке как "Волгинский" клад (1852 г. и позже).

Под Чулыманом резонно видеть второе по величине и важности средневековое городище Пермского Предуралья - Анюшкар (Кыласова) на р.Иньва при впадении последней в р.Кама. Характерно, что на этом городище раскопками В.А. Оборина был исследован болгарский гончарный горн, аналогичный болгарским горнам Рождественского городища, а раскопками Г.Т. Ленц и А.А. Терехина на стрелке мыса, на котором находится городище, у его внешнего тына, выявлен могильник, погребальный обряд которого напоминает обряд мусульманского некрополя Рождественского комплекса.

Благодаря интенсивному обмену стали возможны технологические заимствования, переселения представителей ремесла в предуральские земли. Это способствовало техническому прогрессу, как было, например, в земледелии или кузнечном деле. Показательно, что по количеству и качеству болгарского импорта земли Пермского Предуралья ярко выделяются на фоне других соседних с болгарями областей, что, вероятно, свидетельствует о каких-то особых интересах болгар в Предуралье.

3. Орда и Предуралье

Начиная с первого столкновения с монгольскими войсками в 1223г. и на протяжении многих лет Волжская Болгария упорно сопротивлялась захватчикам. В этих столкновениях погибли все наиболее крупные города болгар, ужасная участь постигла столицу этого государства - Великий город. Русские летописи, отметившие эти события, пишут: "Тое же осени придоша от восточныя страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий город Болгарский и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множества, а город их пожгоша и всю землю поплениша".

Многие жители Болгарии бежали за её пределы, в Суздальское княжество, в земли мордвы, в Предуралье. Вероятно, часть походов монгольских войск, покорявших Болгарию, подавлявших многократные выступления болгар, пришлись и на территорию Предуралья. Так в 1239-1240 г. войска Бурундая, Субедзя и Бастыра подавляли восстание князей Баяна и Джигу (Алтын-бека и Алим-бека) - сыновей погибшего в Биларе царя Абдуллаха (Халиков, 1994, с.38.). Этот поход на княжество Жукотинское (Джукетау) вполне мог задеть и часть Предуралья.

В 1241-1243 г. Бату-хан основал новое государство - Орду, первой столицей которого стал город Болгар на Волге (бывш. город св. Ибрагима). К 1278 г. Волжская Болгария, сопротивлявшаяся почти 50 лет, была окончательно покорена монголами (Халиков 1994, с.32-41). Болгария постепенно была интегрирована в Орду, как самая развитая в экономическом отношении часть этой страны. Вероятно, уже во второй половине XIII в. болгары возобновляют свои широкие торговые операции в Предуралье и Зауралье.

О последнем свидетельствуют археологические находки на поселениях и могильниках Предуралья и прежде всего находки золотоордынских монет, в том числе чеканенных ханом Бату в первой столице своего государства - Болгаре. Так, в 1851г. на Рождественском городище найдена монета Бату,

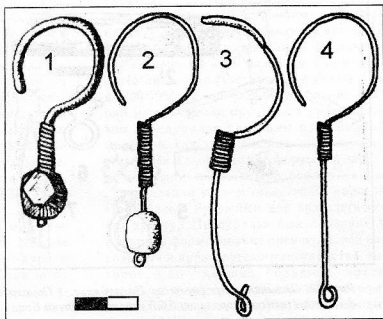

Рис. 71. Височные кольца в виде знака вопроса. 1- Кудымкар, 2- Вакинское селище, 3,4 - Телячий Брод м-к, погр. 5. Материал: серебро, 2- кашинная бусина.

чеканенная в Болгаре. Такая же монета найдена на Вакинском селище. Из прочих находок монет Орды и ордынского времени следует отметить находку в 1992г. монеты хана Узбека 1323г. на Рождественском городище, здесь же в разное время найдены монеты Вашмегара Джаргина 1358г. и эмира Насра II (1301-1320г.) и еще две неопределенные монеты, видимо, XIII-XIV вв.(сообщение Р.Ф. Вильданов). В 1851г. в одном из имений Строгановых в Чердынском уезде найдено несколько десятков монет Абу-Саид-хана (1328-1332г.) и Хызр-хана (1373г.) (Теплоухов Ф.А., 1894, с.272). 3 монеты Золотой Орды (Абу-Саид-Хан) найдены в 1851г. в Чердыни, хорезмийская монета XIV в. найдена В.А. Обориным при раскопках Аношкара. В Удмуртском Предуралье наиболее известной находкой золотоордынских монет является клад 1888г. у починка Ташьялудского на р. Лекме в составе 4 браслетов "татарского" типа и 242 монет XIV в. (Мавгр, 1896, с.81).

Привезенные с Востока и имеющие аналогии в материалах Болгарии ордынского времени предметы второй половины XIII-XIV вв. найдены в Рагозинском могильнике (две медные рукоятки от ножей или вилки в коллекции Теплоухова - датировка М.В. Талицкого); бронзовые и железные замочки в виде лошадок и собачек найдены на Кудымкарском, Рождественском городищах, Вакинском селище и в Чердынском уезде; височные кольца в виде знака вопро-

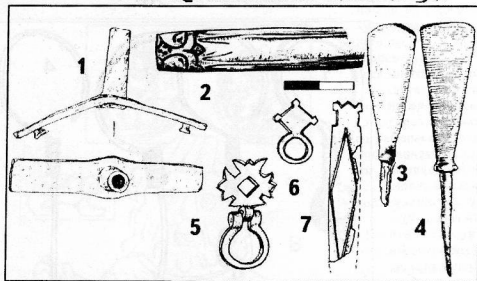

Рис. 72. Ордынские предметы из Предуралья. 1-Поркар, 2-Верх-Язьва, 3,4 Рождественское городище; 5,6,7 - селище Телячий Брод

са (рис. 71) с кашинными, стеклянными или серебряными бусинами на конце найдены на Вакинском селище, Кудымкарском городище, в погребении №5 могильника Телячий Брод, Верх-Боровском могильнике и на других памятниках. В Верх-Язьве найден медный браслет с львиноголовыми окончаниями (рис. 72, ф.2). Интересны находки медного сложного фигурного светильника (рис. 59, ф.14), применяемого в мечетях, на Рождественском городище (аналогии в материалах Камаевского городища - город Урмат) и султанчика от наносного ремня конской уздечки с чепецкого городища Маловенижский Поркар (рис. 72, ф.1). Если первый предмет вместе с находками зеленой черепицы указывает на существование на Рождественском городище в ордынское время мечети, то второй предмет, по мнению А.Г. Иванова, связан с пребыванием на Чепце конного отряда ордынских сборщиков дани (Иванов, 1998, с.135). Среди бус, находимых на предуральских памятниках, выделяются бусы из кашинной массы с поливной ярко-бирюзового цвета. Центр производства таких бус - золотоордынские города Поволжья (Лесман, 1994). Такие бусы в Предуралье найдены на ряде чепецких могильников, на селище и могильнике Телячий Брод, Рождественском городище, Антыбарском могильнике.

На проживание в XIII-XIV вв. в предуральских поселениях болгар и других представителей Орды указывают достаточно многочисленные находки поливной и неполивной керамики ордынского времени на ряде памятников Пермского Предуралья

(Рождественское, Кудымкарское и Кыласовое городища). Весьма интересны находки фрагментов кашинной керамики из гончарной массы сероватого цвета, покрытые бирюзовой или белой поливой сrostисями коричневого и бурого цвета. Такая керамика найдена на Кудымкарском городище и городище Иднакар. Аналогии

таким кашинным поливным сосудам известны по находкам в Волжской Болгарии, куда они привезены скорее всего из Средней Азии (Смирнов, 1951, с.135-136).

Интересный факт приводит И.А. Талицкая - в Черноземском могильнике на р. Илья найдено погребение в бронзовом гробу (Талицкая, 1952, с.140). По мнению В.А. Оборина такие погребения характерны для татар Золотой Орды (Оборин, 1957, с.314).

О конфликтной ситуации в Предуралье, возникшей в результате каких-либо походов со стороны монголо-татарских войск во второй половине XIII-XIV вв., свидетельствуют находки наконечников стрел тех типов, которые специалистами оцениваются как занесенные в Европу во время монгольского нашествия. Это фрезны в виде узкой вытянутой лопаточки с упором (67 тип - по А.Ф.М. Евдеву) - 17 экземпляров из Кудымкарского городища, Анош кара, могильника Телячий Брод, Покчинского селища, Рождественского и Редикарского городищ (рис. 72, ф.3,4). На Рождественском и Редикарском городищах такие наконечники стрел собраны не только на площадке, но и на валу. Найдены фрезны в виде широкой короткой лопаточки с упором (68 тип - по А.Ф.М. Евдеву). М.Г.Иванова, описывая состав стрел из Иднакара, замечает, что на валу, во рву и между валами собраны броневые шиловидные и долотовидные наконечники и монгольские фрезны в виде узкой лопаточки (последних 9 экз.). По ее мнению, их концентрация в этом месте городища свидетельствует о происхождении здесь боевых столкновениях (Иванова, 1995, с.18), на на

згляд, с каким-либо монгольским отрядом.

Относительно небольшое количество восточных материалов ордынского времени в Предуралье свидетельствует как о значительной переориентации Болгарин на торговлю с другими территориями (в частности с Зауральем), так и о постепенном вытеснении болгарских товаров древнерусским и западно-прибалтийско-финским импортом. Болгария была сильно ослаблена в результате чумы 1346-1350-х гг., а Предуралье (Северное и Пермское) было задето чумой, поразившей дважды (в 1352 и 1363г.) европейский северо-восток.

Кроме того, Предуралье (Удмуртское и Пермское) пострадало во время походов Тохтамыша в 1391 на Вятку и Тимура в 1395г. Шериф-ад-ди Йезди, описывая поход 1395г., сообщает: "Победоносное войско (Тимура) с этой стороны реки дошло до того места... и ограбило все. Место это недалеко от Страны Мрака".

ГЛАВА 5. ЗАПАДНЫЕ СВЯЗИ ПРЕДУРАЛЬЯ

Связи предуральских племен эпохи средневековья со славяно-финским и европейским миром, в отличие от взаимодействия с Волжской Болгарией и Сибирью, всегда привлекали внимание многочисленных исследователей. Связи Предуралья с Древней и Московской Русью, а в последствии с Россией всегда рассматривались как часть процесса так называемой "колонизации", или, правильнее сказать, переселения в Предуралье русское (древнерусское) население и хозяйственного освоения им данной территории.

Торговые связи Предуралья с Древней

Русью большинством исследователей (Дмитриев А.А., Оборин В.А., Иванова М.Г., Макаров Л.Д. и другие) оцениваются как часть (начальный этап) колонизации. До известной степени уровень развития взаимодействия населения Предуралья с Русью был в 1930-1960-е гг. учитывался при периодизации исторического процесса в средневековом Предуралье как один из основных факторов. Так, главные этапы государственогенеза и сложения древнерусской народности были положены в основу схемы периодизации этно- и социогенеза народов Предуралья. Рубежным для археологических культур Предуралья был признан IX в., период формирования древнерусской народности и древнерусского государства, которое, по мысли большей части исследователей, не могло не оказать огромного влияния на все окружающие народы. Распад Киевского государства на множество отдельных территорий и начавшаяся между рядом из них борьба за экономическое и военно-политическое господство на землях северо-востока Европы, по мысли большей части исследователей, отразились и на развитии населения Предуралья. Поэтому XI-XII вв. также были признаны рубежными для некоторых археологических культур Предуралья и Зауралья. Интересно, что в 1950-е гг. примерно такая же схема развития принималась и для Волжской Болгарии и только исследования казанских археологов позволили изменить эту, ставшую стереотипной для территорий европейской части России схему периодизации.

В древнерусских источниках первые сведения о народах Предуралья - Перми и Югре появляются в конце XI-XII вв. Пермь (Перемь, Пермь, Перма) впервые в начальной части ПВЛ среди народов "Афетовой части": "рус, чюд, и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюд, пермь, печера, ямь, угра...". Пермь упомянута в числе народов "иже дань дают Руси". Однако твердо связывать Пермь из ПВЛ с народом и территориями Пермского и даже Северного Предуралья нельзя. Сам этот термин не имел в XI в. значения этнонима и может пониматься лишь как веский (древневепский) географический термин, обозначающий дальнюю окраину финно-язычного мира - "Рег-таа" - "задняя земля; земля за рубежами". Это вполне логично объясняет и размещение Перми между Заволочской чюдью и Печерой. Вероятно, нет смысла повторять здесь весь тот спектр мнений о значении термина Пермь, который представлен в литературе. Однако уместно вспомнить,

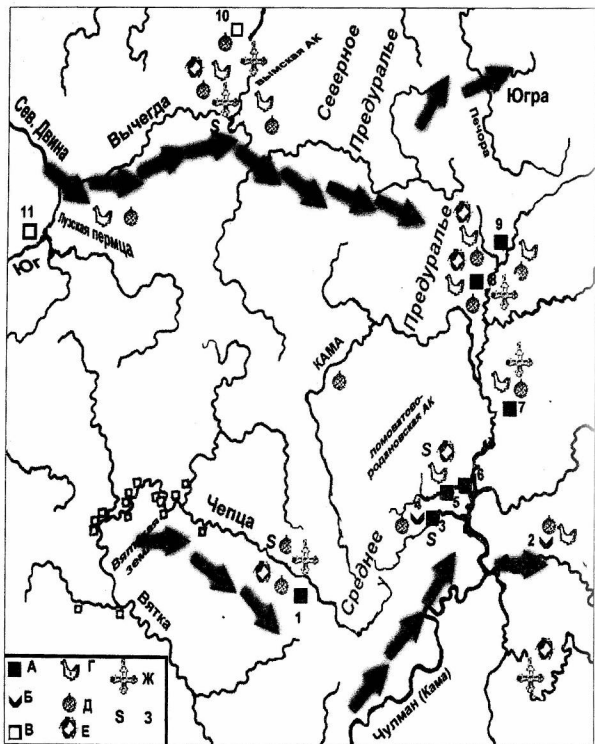

Рис. 73. Распространение в Предуралье «древнерусской» материальной культуры и пути её проникновения. А - чепецкие и родановские поселения с находками «древнерусских» предметов, Б - могильники с находками «древнерусской» материальной культуры, В - опорные пункты «древнерусской» колонизации XI-XIII вв., Г - западно-волжско-финские предметы, Д - украшения славянского типа, Е - оружие европейского типа, Ж - кресты и крестовидные подвески, З - предметы скандинавского типа. Цифрами на схеме обозначены: 1 - Иднакар, 2 - Телячий Брод, 3 - Рождественское гор., 4 - Рождественский м-к, 5 - Вакино, 6 - Анюшкар, 7 - Городищенское, 8 - Чердын, 9 - Искар, 10 - Пожеское, 11 - Гляден.

что, по версии Д.В. Бубриха (Бубрих, 1947) этот термин по своему происхождению не связан с Предуральем и является здесь (в Предуралье) привнесенным извне. В X-XII

вв. обозначение "Пермь" относилось к южной части Кольского полуострова и к бассейну р. Северная Двина (Агеева, 1990, с. 62). Примерно на этой же территории, ве-

роятно, возникает в это время самоназвание народа зырян - в значении "жители окраины" - от "surj" - "край, сторона". Таким образом, оба термина — географический и этнический — оказываются связанными семантически: это разные обозначения одного и того же удаленного, северного народа, живущего "на краю", за прибалтийскими финнами. Интересно, что еще в XIV-XV вв. какая-то область на западном берегу Белого моря именовалась в новгородских источниках как Колоперемь (Голопърмь).

Будучи первоначально географическим, термин Пермь лишь в XV в. стал восприниматься как этноним. К тому времени в Пермском Предуралье сформировалось уже русское население. Это название (Пермь) было воспринято коренными жителями, ставшими именовать самих себя "пермяками, пермяками". Русское население дифференцировало себя от коренного населения, именуясь "русаками", что хорошо прослеживается прежде всего по материалам местных летописей (Вычегодско-Вымская) и по актовому материалу.

От проживающей в Северном Предуралье Югре новгородцы получили первые представления об Уральских горах (1092г. - поход отрока Гюраты Роговича). Интересно, что этот поход - один из первых контактов новгородцев с населением Предуралья, зафиксированных в письменных источниках - имел характер торгового, а не военно-политического мероприятия - отрок был послан в Печеру "с торгом". На могильниках вымской культуры, по данным Э.А. Савельевой, изделия Древней Руси составляют более 49% всех привозных украшений. Однако в период X-XII вв. Северное Предуралье получало импортные изделия преимущественно не через прямые контакты с Русью, а через Пермское Предуралье - в вымских памятниках этого времени 13% привозных украшений принадлежат к древностям угров и финнов Предуралья и Поволжья, а 22% - к древностям волжско-болгарского происхождения. Наибольшая часть привозных украшений в Северном Предуралье относится к периоду XI-XII вв. - т.е. к периоду расцвета камской торговли болгар. Вряд ли к периоду X-XI вв. можно относить и появление древнерусского населения в Северном Предуралье. Известное погребение на оз. Чойновты в Примезенье (Стоколос, 1978) с древнерусским боевым топором по прикамским аналогиям большинства найденных в нем предметов (в том числе типичный родановский браслет) можно соотносить с воен-

но-торговыми экспедициями болгар и жителей Пермского Предуралья, а сам топор имеет многочисленные аналогии в вооружении волжских болгар (Измайлов, 1997, с.90-94).

Однако уже в XII в. древнерусский натиск (новгородский и владимиро-суздальский) на земли европейского Северо-Востока стал усиливаться. В 1173г. Всеволод Большое Гнездо закладывает в устье р. Юг городок Гляден. В 1187г. "избьены быша печерские даньники и югорский в Печере, а дружи за Волоком, и паде голов о ста кыметства" (НЛСМИ, с. 232-233). в 1193-1194 г. был совершен поход на Югру воеводы Ядрея, назначенного новгородским вече. И хотя этот поход закончился разгромом новгородского отряда, он наглядно продемонстрировал государственный интерес к землям Предуралья. В 1212г. владимиро-суздальцы строят еще один свой опорный пункт вблизи от Северного Предуралья - Устюг. Вероятно, в XII- XIII вв. древнерусские опорные пункты появляются в Повычегодье и Повымье, во всяком случае, по мнению Э.А. Савельевой и М.В. Кленова, таковыми являются Пожеское и Ыджидьельское поселения (Кленов, 1995, с.82-91). а также Карыбийвское городище (Савельева, 1996, с.23). Можно согласиться с мнением В.А. Оборина, Э.А. Савельевой, А.А. Зимина и других авторов, считающих, что уже с XIII в. можно говорить о появлении оседлого древнерусского населения в Северном Предуралье, а с XIV в. считать бассейны Вычегды русской землей. Здесь уместно попытаться уточнить термин "древнерусская колонизация", которым так охотно пользуются исследователи средневекового Предуралья, Зауралья и Русского Севера. Вряд ли можно обоснованно воспринимать его как определение этнической принадлежности основных участников процесса постепенного распространения материальной, духовной культуры и экономики Руси на указанные территории. Скорее всего, определение "древнерусский" следует рассматривать в его культурно-историческом смысле. Особенно это касается периода X-XIV вв., когда в состав древнерусской народности вливались разнообразные финно-угорские этносы, воспринимая и обогащая древнерусский язык и культуру. Уже к XI в. на севере и северо-востоке древнерусских земель и в Верхнем Поволжье, в пограничной с зоной "колонизации" территории, формируется особая надэтническая материальная культура, в которую сплывались этнические славянский, балтский, финский и скандинавский компонен-

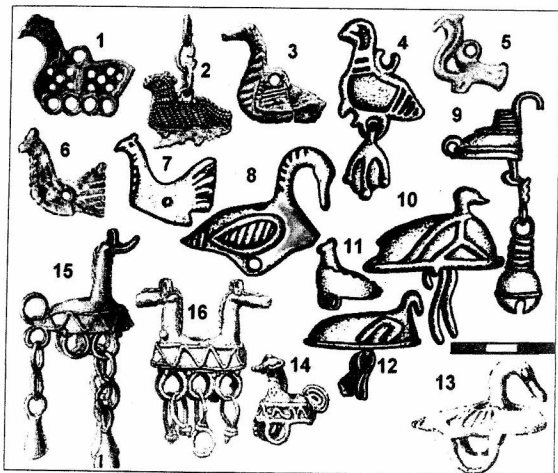

Рис. 74. Волжско-западно-финские привески и пронизки из памятников Пермского Предуралья. 1, 7- Вакина, 2 - Мазунина, 3, 6 - Рождественское гор., 4, 10-12 - Рождественский м-к, 5- Данилова, 8- Плесинский м-к, 9- Пятитгорье, 13- Мальцева, 14- Михалева, 15- Чазева, 16- Елева.

ты. Таким образом применительно к процессу включения Русского Севера, Предуралья и Зауралья в состав русских земель "древнерусская колонизация" — это не расселение этнических славян, а движение единого потока славянских, балтских, финских, скандинавских колонистов.

Ответные действия против возрастающего проникновения Руси в Предуралье предприняли болгары. В 1218-1219г. они дважды совершили походы на Гядены и Устюг. В ответ войска владими́ро-суздальского князя в 1220г. предприняли ответный поход на болгар, причем один из полков вышел "из Юстьюга на верх Камы" и, пройдя по ней, "взяста по ней много градков". Это был первый выход древнерусских войск в Пермское и Удмуртское Предуралье. Вторым таким выходом был поход брата Ивана Калиты Юрия Даниловича в 1324г., когда русское войско, выйдя из Устюга, "поиде... в Орду, а шел на Пермь Великую и поиде по Каме реке...", т.е. по тому же пути, по которому за сто лет до него прошло вой-

ско суздальского князя. 1324 г. - год первого упоминания Перми Великой в древнерусских источниках. В 1333г. Иван Калита стал взимать "черный бор" с Вычегды, предварительно "возверже гнев на Новгород прося у них серебра закаменское". Он беспрепятственно посылал своих сокольников в Печеру для ловли охотничьих птиц, направлял туда и ватаги рыбацких, т.е. практически распоряжался на Вычегде и в Печере как в своей вотчине. С 1360-х г. в эти земли посылались московские судьи и сборщики дани (История Коми АССР, с.28). С 1379г. на землях Северного Предуралья начинается пропаганда христианства. Интересно и дальнейшее продвижение на восток географического понятия Пермь, в XIV в. под этим названием понимают территорию имеющую следующие границы: северо-западная - по Пинеге и Удоре, восточная - по Вышере, северо-восточная по Выми, южная по Сысоле. И даже по "Житию Стефана Пермского" название Пермь прежде всего относится к территории Выми и Вы-

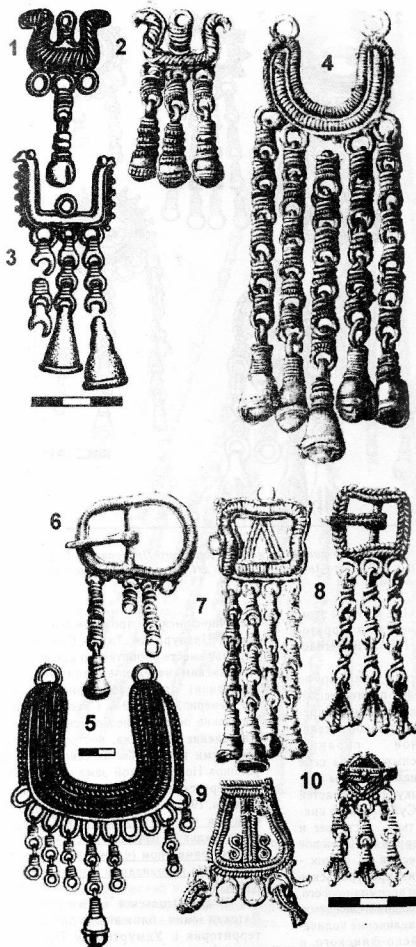

Рис. 75. Волжско-финские шумящие подвески, пряжки, перстень из памятников Пермского Предуралья. 1- д.Пятигорье, 2, 10 - д.Модороб, 3- Рождественский м-к, 4- д. Вочь 5- Мало-Аниковский м-к, 6- д. Харина, 7- д.Елева, 8- д.Гордь-Кушетъ, 9- д. Щеткина.

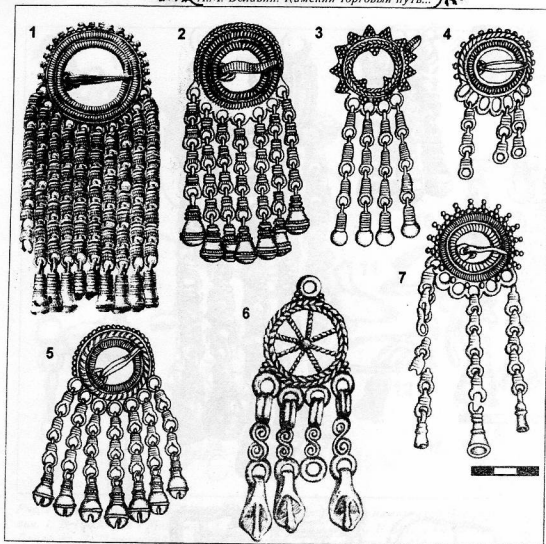

Рис. 76. Шумящие подвески волжско-финского типа из Пермского Предуралья. 1 - д. Старица, 2 - Реднарский м-к, 3, 3 - Мало-Аниковский м-к, 5 - д. Пятигорье, 6 - Плесинский м-к, 7 - Рождественский м-к, погр. 109.

чегды (Савельева, 1996, с.17), хотя и в этом источнике есть упоминание о двух территориях с названием Пермь: Пермь Вычегодская и Пермь Великая.

Развитие древнерусской экспансии не могло не сказаться на военно-политической, экономической и этнической ситуации в предуральских землях. Финно-язычное население северо-восточной окраины древнерусских земель, испытывая на себе всевозрастающее давление со стороны новгородских разбойников-ушкуйников, властей Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества, начинает смещаться восточнее и южнее, проникая в Северное и Пермское Предуралье, частью вытесняя на восток - за Урал, на юг - в Болгарию предуральское угорское население, частью ассимилируя его. Недаром большинство исследователей отмечают для этого времени увеличение количества вещей прибалтийско-финского и

восточно-финского происхождения в древностях Предуралья. Так, в Северное Предуралье вместе с собственно древнерусским (славянским) населением (или накануне его появления) продвигается финское население Северной Руси. Э.А. Савельева считает население, оставившие Лоемский могильник и поселение на р. Луза, костромскими финно-уграми или водью из северо-западных районов Новгородской земли, испытывавшей древнерусское культурное воздействие (Савельева, 1995, с.92-103). Таким образом рассуждая о взаимодействии Северного Предуралья и Древней Руси можно говорить о совместном (едином) славяно-финском потоке колонизации этих территорий в XII-XIV вв.

В домонгольское время возникает и Вятская земля - ближайшая древнерусская территория к Удмуртскому Предуралью

Рис. 77. Схематизированный шумящий «конек». Д. Елева.

(Макаров, 1985). Однако вплоть до конца XIV - начала XV вв. преобладающей формой взаимодействия населения Пермского,

Удмуртского Предуралья и Зауралья с древнерусскими центрами оставалась торговля.

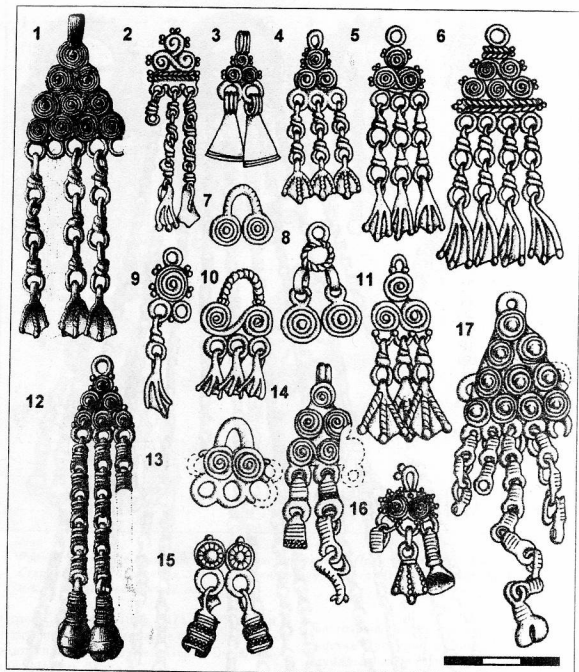

Рис. 78. Шумящие украшения волжско-финского типа из Пермского Предуралья. 1 - с. Рождественское; 2 - Уринский м-к, погр. 1; 3-6 Плесинский м-к, погр. 7, 29, 8, 10; 7 - Редикарский м-к; 8, 10, 11 - Плесинский м-к, погр. 2122, 23, 45, 34; 9 - Аверинский м-к, погр. 222а; 12 - Редикарский м-к; 13, 16 - Рождественский м-к, погр. 77, междумогильное пространство; 14 - Рождественское городище; 15 - Телячий Брод м-к, погр. 86; 17 - Анюшкар.

1. Древнерусская и поволжско-прибалтийско-финская материальная культура на памятниках Среднего Предуралья

В Пермском Предуралье в настоящее время известно 37 пунктов обнаружения

древнерусских вещей и 40 местонахождений поволжско-прибалтийско-финских предметов XI-XV вв. Ареалы их распространения в значительной мере совпадают, охватывая преимущественно север современной Пермской области, а также бассейны р. Иньвы (Белавин, Оборин, 1986, с. 63-75).

Большая часть древнерусских вещей, однако, попала в Верхнее Прикамье посредством торговли и лишь с XIV в. проникно-

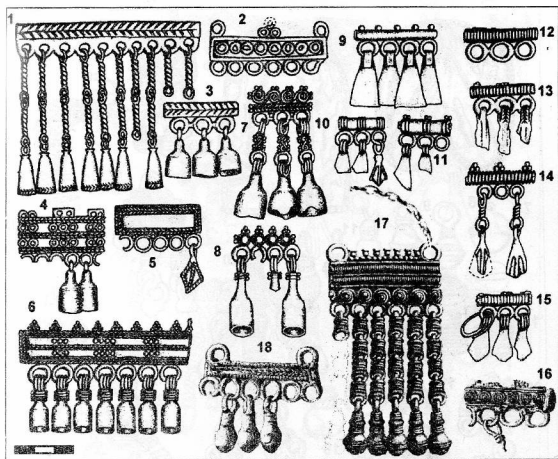

Рис. 79. Шумящие подвески с планчатой, трубчатой и прямоугольной основой из памятников Пермского Предуралья. 1, 2- Мало-Аниковский м-к; 3, 4, 8, 9 - Редикарский м-к, погр. 15, 18; 5, 11 - Плесинский м-к, погр. 7; 6- Аверинский м-к, погр. 394; 7- Уринский м-к, погр. 5; 10- Уринский м-к, погр. 29; 12, 15 - Аверинский м-к, погр. 230, 363; 13- Шукинский м-к, погр. 20; 14- Шукинский м-к, погр. 68; 16- 18- д. Михалева; 17- д. Мысы.

влением сюда каких-либо древнерусских поселенцев.

Из вещей поволжско-прибалтийско-финского круга XI-XIII вв. в Пермском Предуралье известны в основном разнообразные амулеты, подвески и пронизки (рис. 74):

- муромские пластинчатые подвески с прямоугольной основой или основой-трубчатой, двухголовая филигранная подвеска X-XI вв. из д. Модороб и д. Елева (рис. 74 ф. 16), одноглавая коньковая наборная подвеска этого же времени из д. Чазево (рис. 74, ф. 15);

- западно-финские плоские подвески-уточки X-XII вв. (д. Данилова, Рождественское городище и могильник - рис. 74, ф. 3-5), подвески в виде петушка (Рождественское гор., Вакинское селище - рис. 74, ф. 6, 7), подвеска-баранчик XI-XII вв. (Чашкинское 2-е селище, Рождественский могильник), игольник с арочным щитком XII-XIII вв. (д. Кипрушева), имеющие аналогии в памят-

никах веси;

- плоские птицевидные подвески (Чердын, Мазунина) из Костромского Поволжья (рис. 74, ф. 2);

- Ф-видные пронизки с шумящими привесками, известные у корелы (Антыбарский, Телячий Брод, Степановский могильники, Вакинское селище и другие памятники).

Принадлежащими к древностям мери, муромы, мешеры, мари, мордвы являются украшения, выполненные в наборной технике с использованием гладкой проволоки и "косоплетки" (рис. 75, 76, 77, 79). Это пряжки с круглым ажурным щитком и шумящими привесками из Мало-Аниковского, Редикарского и Рождественского могильников (погр. № 109), д. Пятигорье и д. Старца, схематизированные изображения коньков (рис. 75, 77) (Рождественский и Мало-Аниковский могильники, д. Пятигорье и д. Елева), прямоугольные пряжки из косоплетки с шумящими привесками (Гордь-

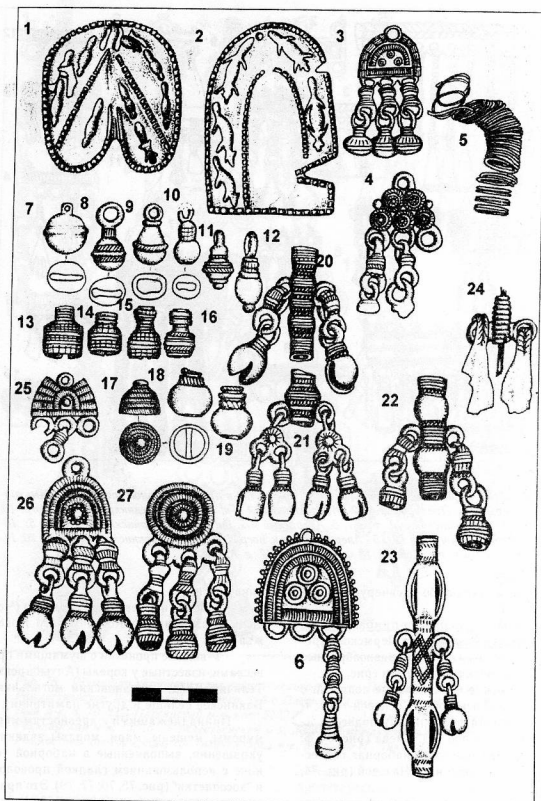

Рис. 80. Вычегодские и западно-финские вещи из памятников Пермского Предуралья. 1,2 - Степановский (Пожвинский) м-к; 3- д.Антыбары; 4,6- Чердын; 5- Огрудинский м-к; 7-16- Телячий Брод м-к; 17-19 - Рождественский м-к, погр. 112; 20, 21, 26 - Антыбарский м-к, погр. 62; 22 - Антыбарский м-к, погр. 18; 23 - д.Дерпуршакова Соликамского р-на; 24- Шукинский м-к, погр. 20; 25- Рождественский м-к, погр. 85; 27- Антыбарский м-к, погр. 28 и 62.

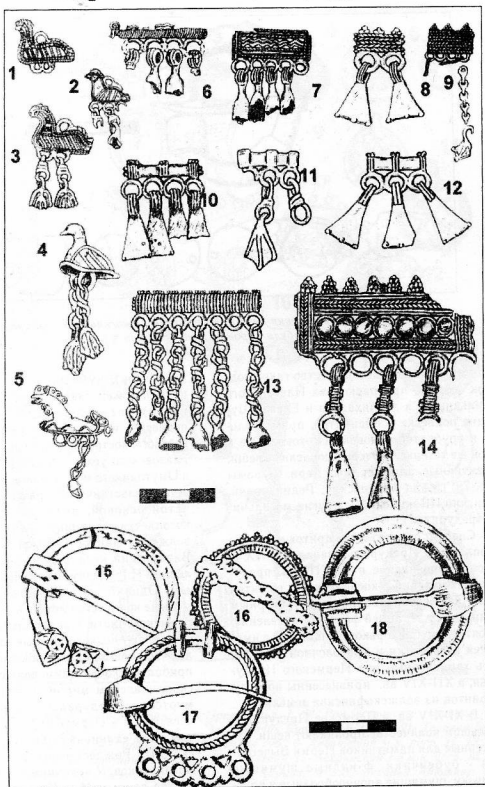

Рис. 81. Волжско-западно-финские вещи из Удмуртского Предуралья (по А.Г. Иванову). 1, 2, 5, -быв. Глазовский уезд; 3- д. Хутор; 4- Кузьминский м-к; 6, 7, 9- Адамский м-к; 8, 11 - Поломский 2-й м-к; 10, 14 - коллекция Н.Г. Первухина; 12- Поломский 1-й м-к; 13- Варнинский м-к; 15- Весьякарский м-к; 16- Квалярский м-к; 17, 18 - Кузьминский м-к.

Кушетъ и Харина) (рис. 75, ф.6,8), треугольные шумящие подвески со сложнорукотворенным щитком (рис. 78) из причудливо

переплетенных волот и умбонов (Плесинский, Уринский, Рождественский могильники, городища Аноушкар, Рождественское

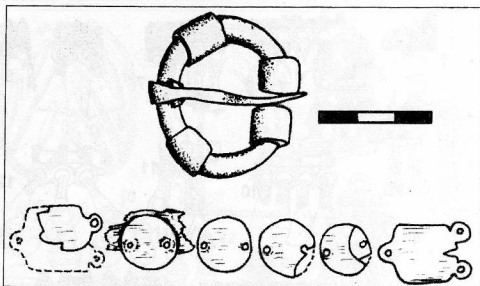

Рис. 82. Комплекс погребения №36 Рождественского могильника с фибулой.
Фибула - бронза, пояс - серебро.

и другие). Наибольшее количество таких подвесок собрано при раскопках Плесинского могильника и в д. Михалева и Елева. Шумящие подвески с планчатой, прямоугольной и трубчатой основой, изготовленные в такой же технике, что и вышеописанные вещи, характерные для мордвы, мери, муромы (рис. 79) (Мало-Аниковский, Редикарский, Уринский, Шукинский и другие могильники Предуралья).

Следует отметить, что приток вещей из косоплетки в Предуралье начался в IX в. Вероятно, появление в XI-XIII вв. предуральских изделий с косоплеткой и её литой имитацией связаны с этим этнокультурным влиянием и миграцией финского населения. Вероятно, что биякорьковые подвески с имитацией косоплетки и проволоочной техники, столь характерные для Пермского Предуралья, в XII-XIV вв. привнесены потоком мигрантов из волжскофинских земель.

В XI-XIV вв. в Пермское Предуралье в большом количестве проникают вещи, характерные для памятников Перми Вычегодской - бубенчики, ф-видные шумящие пронизки, шумящие арочнообразные и круглощитковые подвески, бляхи-календары (рис. 80). На наш взгляд, все это свидетельствует о том, что коми-население осваивает Пермское Предуралье незадолго до начала проникновения сюда древнерусского населения и одновременно с ним.

В удмуртской части Предуралья так же встречены вещи волжско-западно-финского типов (рис. 81): полые уточки, подвеска-конек "мерянского" типа (Веселовский

могильник); шумящие подвески с зооморфной основой (Весякарский м-к, городище Ид-накар); птицевидные плоские шумящие подвески и объемные шумящие пронизки водского, костромского, муромского типов из Глазовского уезда, д. Хутор, Кузьминского и Омутницкого могильников; шумящие подвески с пластинчатой, прямоугольной и трубчатой основой, выполненные в технике косоплетки и типичные для древностей поволжских финнов (Адамский, Поломский, Варнинский могильники и находки из коллекции Н.Г. Первухина из Глазовского уезда). Однако их количество значительно меньше количества аналогичных находок из пермской части Предуралья. Исключение составляют подковообразные застежки-фибулы, чье происхождение обычно связывают с прибалтийско-финским, волжско-финским и скандинавским миром. Таких фибул в Удмуртском Предуралье найдено несколько десятков, а в Пермском Предуралье известны лишь единичные находки из Агафоновского II, Рождественского и Огрудинского могильников. У чепецких племен эти фибулы, по данным М.Г. Ивановой, чаще всего использовались в мужском костюме и пик их распространение приходится на XII-XIII вв. По оценке А.Г. Иванова, эти фибулы находят параллели в памятниках смешанного славяно-финского расселения (Иванов А.Г., 1998, с.161, рис. 60) и могут рассматриваться как показатель продвижения смешанного славяно-финского населения Северо-Запада Восточной Европы на восток.

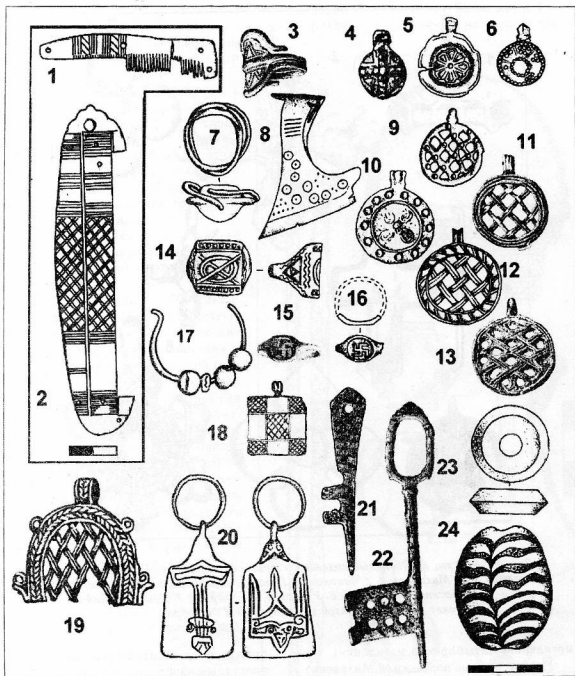

Рис. 83. Древнерусские вещи из Пермского Предуралья. 1, 22 - Рождественское городище; 2 - Анушкар; 3 - д. Старца; 4, 11 - д. Михалева; 5, 18 - Телячий Брод м-к; 6, 10, 16, 21 - Телячий Брод селище; 7 - Рождественский м-к, погр. 118; 8 - Пермская губ.; 9 - Аверинский м-к, погр. 12; 12 - д. Елева; 13 - д. Модороб; 14 - Плотниковский м-к; 15 - д. Златина; 17 - Аверинский 1-й м-к, погр. 13; 19 - д. Кипрушева; 20 - Рождественский м-к, погр. 37; 22 - д. Харина; 24 - яйцо-писанка, Анушкар.

Собственно древнерусский импорт более разнообразен, хотя и среди него преобладают украшения. Височные украшения древнерусского облика представлены:

- трехбусинным кольцом с ложнозернеными бусинами середины XII в. и пятибусинным кольцом с гладкими бусинами из Аверинского могильника;
- зерновой круторогой лунницей XI-XII

вв., найденной на р. Косыл (хотя, возможно, это болгарская вещь);

- луннищеподобной антропоморфной основой шумящей подвески (?), с глазчатым орнаментом (рис.85, ф. 8).

Из шейных украшений найдены:

- крестопорезные бубенчики (Городищенское, Семинское, Искарское, Рождественское городища, Телячий Брод селище

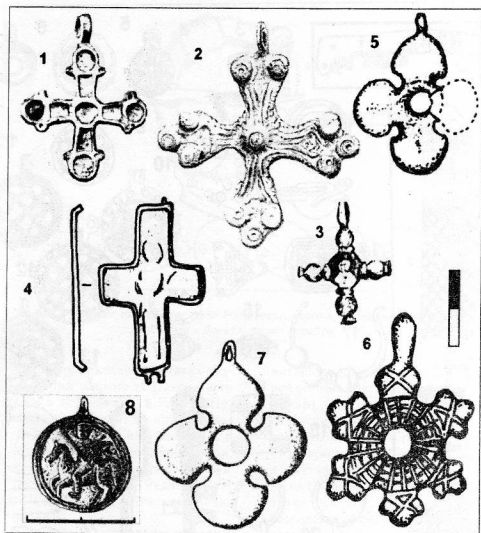

Рис. 84. Кресты, крестовидные подвески и привеска-иконка из Пермского Предуралья. 1- д. Михалева; 2- д. Старица; 3- Городищенское городище; 4- д. Пятигорье; 5- Редикарский м-к, погр. 25; 6- Уринский м-к, погр. 29; 7- Деменковский м-к, погр. 71; 8- Искар. №1 с выемчатой эмалью, №4 и 8 - серебро.

и могильник, Антыбарский могильник).

• монетовидные подвески (д. Михалева) с вписанным в окружность ложнозерновым крестом, близкие новгородским XII-XIII вв.

• косорешетчатые подвески (д. Михалева, д. Модороб, Чердынь).

Интерес представляют крестовидные подвески с выемчатой эмалью XI - нач. XIII вв. киевского типа (4 экз.) и "скандинавского" типа X -XII вв. (2 экз.), найденные на Вакинском селище, в д. Старица, Михалевском и Елевском могильниках (рис. 84, ф. 1, 2). Такие подвески служили, скорее, не столько христианским символом, сколько украшением в составе ожерелий. Центр их производства пока не выявлен, хотя некоторые из них считаются вещами норманского круга и встречены в районе Киева и на Белозере. К находкам крестовидных подвесок

примыкает и находка крестика-тельника с погрудным изображением святого (из Городищенского городища), имеющего аналогию в Киеве и Новгороде (рис. 84, ф. 3). В д. Пятигорье найдена половинка от серебряного креста-энколпиона XIV-XV вв. (рис. 84, ф. 4)

Разнообразен набор перстней:

• щитковосрединные с овальным щитком и заходящими концами, аналогичный древнерусским изделиям XI-XII вв.;

• серебряные замкнутые с прямоугольным щитком: один перстень - с плетеным орнаментом и чернью, второй - с узором из перекрещивающихся линий с насечками из Романовского клада XIII в. (Генинг, 1956, рис. 50);

• овалощитковые - с изображением свастики (поч. Златина, Гайнская вол., могильник Телячий Брод - рис. 82, ф. 15, 16) (Теп-

доуховы, с.596), с розеткой в обрамлении резных линий (д. Елева), характерные для Руси XIII-XIV вв. (Седова, 1981), перстни со свастикой имеют многочисленные аналогии в Новгороде, в ювелирной мастерской 80-90х г. XIVв;

• бронзовые в два оборота с овальным щитком (д. Старица Гайнская вол. и другие) (Теплоуховы, д.2, с.602);

• серебряные с круглыми щитками, украшенными ложносканной лентой и треугольниками ложной зерни XIII-XIV вв. (Рождественское городище, Редикарское городище).

Интересна находка стеклянного браслета бледно-голубого цвета (в обломках) на Кудымкарском городище.

В с. Редикар (ОАК, 1909-1910 г. с. 229) и в Чердыни (м.б., в с. Пянтег?) обнаружены одинаковые языческие подвески в виде фигурки человека в кольчуге, с ромбовидной головой (выделен шлем?), которые В.А. Обориным считаются языческими славянскими изображениями Перуна (рис.86). Аналогии им имеются в материалах Новгорода и из святилища на о. Вайгач XII-XIII вв. (Овсянников, 1997, табл. VI, ф.8), из Вятки и в Кинтусовском могильнике. Л.Д. Макаров относит их предметам новгородского происхождения (Макаров, 1997, с.44), хотя есть мнение (Г.А. Бординских) и о их местном происхождении (Войпель). На наш взгляд эти фигурки не могут быть изображениями славянского Перуна, т.к. славянское язычество имеет несколько иную традицию изображения богов в металле. Скорее всего это действительно Войпель или иной бог или герой финно-угорского населения Севера и Предуралья, одинаково понятный по обе стороны Урала. На не славянское происхождение этих фигурок указывает и география их распространения. Скорее всего прав П.М. Алешковский, который считал, что новгородская находка попала туда вместе с другими прикамскими вещами XII в. Таким образом, наличие её среди новгородских древностей скорее свидетельствует о визитах жителей Предуралья в столицу Северной Руси, нежели наоборот.

Особый интерес представляет найденная на Рождественском могильнике в погребении №37 серебряная

трапецевидная привеска, несущая на лицевой стороне тамгу Владимира I-го (характерный трезубец), а на обороте тамгу —

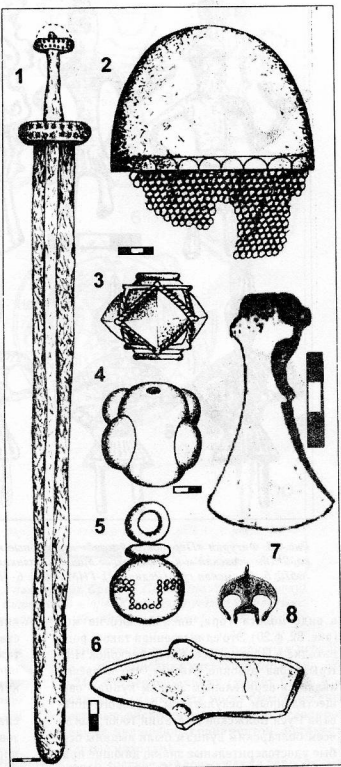

Рис. 85. Древнерусские находки из Пермского Предуралья. 1- меч типа «Е», д. Гаврикова; 2- шлем, Велсовский завод; 3- бронзовая булава киевского типа, д. Модо-роб; 4- булава медная, д. Новосела, р. Велва; 5- кистень, медь, инкрустация серебром, р. Лолог; 6- гривна монет-ная черниговского (?) типа, с. Чигироб; 7- топор, Искар; 8- подвеска (пряжка) медная, д. Логинова.

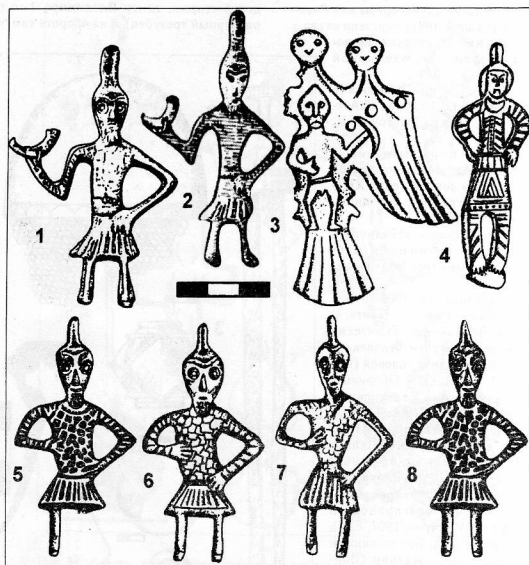

Рис. 86. Фигурки «Перунов-Войчепей» и подобные изображения или прототипы. 1- Вятка, 2-Кинтусовский м-к, 3- с.Верхнее Мошево Соликамского р-а; 4- Пермская губ., Aspelin, №570; 5- Пермская губ. (Редикар?), ГИМ №985; 6- Чердынь; 7- Новгород; 8- о-в Вайгач.

в виде молота Тора, насаженного на меч (рис. 82, ф.20). Это единственная такого рода находка в Предуралье. Автор раскопок Н.Б. Крыласова резонно считает, что подвеска является верительным знаком купца - овеществленным результатом торгового договора Руси Волжской Болгарии 1006г., когда всем болгарским купцам были выданы особые удостоверительные знаки, дающие право на торговлю на Руси (Крыласова, 1995). Такие "печати для ношения" придавали их владельцу большую значимость в глазах соплеменников. Им стремились подражать. Примером такого завистливого подражания является создание грубого подобия тамги Владимира на костяном одностороннем трапезиевидном гребне из городища Инднакар на Чепце (Амелькин, 1987, с.107-113). Та-

ким образом, это подражание свидетельствует не о прямых чепецко-русских контактах, как думает публикатор гребня, а о популярности в Приуральском обществе купцов и людей, обслуживающих торговлю.

Из предметов вооружения(рис.85) и снаряжения верхового коня отметим бронзовую булаву с шипами XII-XIII вв. из д.Модороб киевского типа — такие предметы получили распространение в Болгарии в X-XII вв. (Измайлов, 1986, с. 123-139); бронзовую булаву из д. Новосело с р.Велва (эрмитажная коллекция Строгановых) (Aspelin, №627) и бронзовую гирику от кистеня с р.Полог (Теплоуховы, с.545), меч каролингского типа (тип Е по А.Н. Кирпичникову) из д.Гаврикова (рис.85, ф.1) и перекрестье от такого же меча из д. Мо-

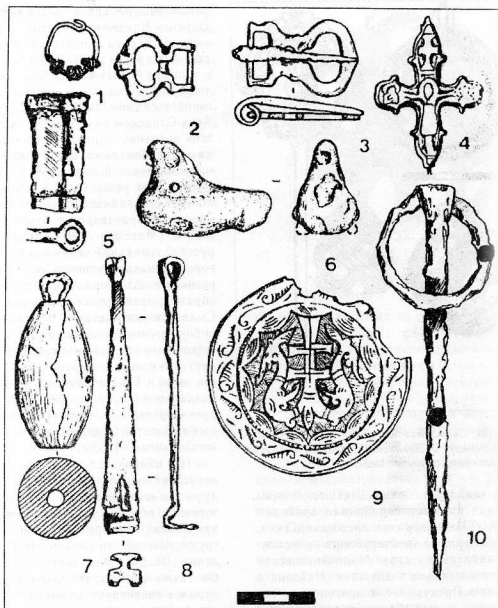

Рис. 87. Древнерусские вещи на памятниках Средней Сялвы (по Л.Д. Макарову). 1, 2 - Селянино озеро м-к; 3, 9, 10 - Кишертский м-к; 4 - Кунгурский уезд; 5, 8 - Бартымс-кое 1 селище; 6, 7 - Верх-Сайнское городище. (9 - серебро, позолота).

доровой (Модороб ?), ледоходные шипы и конские подковы. Мечи каролингского типа имели распространение и в Болгарии в X-XI вв.; И.Л. Измайлов связывает их появление там с русским или западным влиянием (Измайлов, 1997).

На городищах Анюшкар, Саломатово, Рождественское, Кудмарское и на других поселениях найдено 19 шиферных розовых пряслица из южно-русского Овруча (рис. 82, ф.23). В.Л. Янин рассматривает шиферные пряслица как своеобразный эквивалент денег, применявшийся на значительной территории. На месте разрушенного Кыласовского могильника в районе городища Анюшкар (Кыласово) найдена

единственная в Прикамье поливная игрушка — яйцо-писанка киевского типа (рис. 82, ф.24). К древнерусскому (может быть, и к болгарскому) импорту могут быть отнесены костяные расчески в тщательно отполированных, украшенных орнаментом, футлярах (частые находки).

В составе кладов оседали серебряные монетные гривны новгородского, киевского и черниговского типов. Так в состав Чигиробского клада, по описанию В.П. Даркевича, входят помимо ромбической гривны черниговско-киевского типа (рис.85, ф.6) еще и серебряные сосуд с куфической надписью и серебряный китайский ямб XI-XII вв.. Три монетные гривны киевского типа входили в

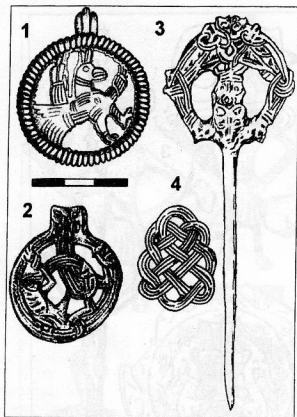

Рис. 88. Скандинавские вещи из Предуралья.
1- Кудымкар, 2- Вакинское селище, 3- Иднакар,
4- Маловенижское городище.

состав клада у д.Малый Шакшер. В этом же кладе имеются серебряная арабская чаша XI-XII вв. и гривны глазовского типа. Монетные гривны древнерусского происхождения найдены в составе Мало-Аниковской находки и находки в д.Вотьяки. Найдена в Пермском Предуралье и драгоценная византийская посуда (блюда со славянскими надписями из деревень Мальцево и Сальниково, рельефная чаша с изображением Федора Стратилата из д. Пеняхино). Древнерусскими можно считать некоторые виды бус, особенно в погребениях XIII-XIV вв. на могильниках Плотниковский, Антыбарский и Телячий Брод, где наряду с синими шаровидными стеклянными бусами представлены некоторые виды новгородских железных кресал, обувные фибулки из оловянистого сплава (имеющиеся и в родановских памятниках Афанасьевского района Кировской области), подвеска в виде магического квадрата из того же сплава, имеющая аналогии в Новгороде.

В бассейне р.Сыла найдены отдельные предметы древнерусского происхождения (рис.87). На могильниках Селянино Озеро и Кишертский обнаружены: трехбусинное височное кольцо с узелковыми буси-

нами XI-XII вв.; серебряный с позолотой медальон оплечья, сделанный в княжеских мастерских Владимира, второй половины XII - начала XIII вв., попавший сюда в результате болгарских торговых операций; остря с кольцом X-XIII вв.; на Бартымском I селище найдены ключ и обломок замка новгородского типа "В" XIII - сер. XV вв., а на Верх-Саинском I городище - костяной кистень овальной формы с железным сердечником и глиняная свистулька-птичка с пятнами зеленой поливы XVв. В 1903 г. в Кунгурском уезде была найдена лицевая створка энколпиона, аналогичная кресту киевского производства первой половины XIII в. (Макаров, 1997). Некоторые типы русской гончарной керамики позволяют говорить о начале древнерусского заселения региона в золотоордынский период. Таким образом, древнерусские находки с берегов Сылвы свидетельствуют не только о каких-либо торгово-обменных связях, в результате которых стало возможным появление у местного населения древнерусских предметов, но и о проникновении сюда во второй половине XIII-XV вв. небольшой группы древнерусского населения, возможно, беглых из Золотой Орды (Макаров, Пастушенко, Салангин, 1995,с.5-18).

По мнению В.А. Оборина, часть древнерусских вещей попала в Пермское Предуралье в результате опосредованного торгового обмена (через Болгарию и вымские земли) или при миграции небольших групп смешанного славяно-финского населения (Оборин, Мельничук, 1989, с. 79-80). Он также считает, что проникавшее в Предуралье древнерусское население первоначально селилось на местных городищах, там же, где расселялось и двигавшееся вместе с ними в Прикамье вымское население. Основанием этому утверждению, по его мнению, могут служить находки на одних и тех же пермских памятниках древнерусских и вымских изделий и керамики. Однако, учитывая ареальные совпадения находок вещей поволжско-прибалтийско-финского, вымского и древнерусского типов резонно предполагать, что этот импорт попал в пермские земли в результате процесса переселения сюда коми населения, которому сопутствовали выходцы из финно-язычных регионов русского Севера. Как уже указывалось выше, с XII-XIII вв. восточные источники отмечают определенную смену населения в Пермском Предуралье (народ Вису на народ Чулман). К XV в. на Верхнее Прикамье окончательно распространяется термин Пермь, означавший границу поволжско-при-

балтийско-финской экспансии в Предуралье. Большая часть предшествующего угорского (угорско-финского) населения была, вероятно, ассимилирована этими переселенцами; часть покинув Предуралье сдвинулась в Приобье и в Волжскую Болгарию. Древнерусские переселенцы, как и в Северном Предуралье, шли вслед за поволжско-прибалтийско-финскими мигрантами и стали осваивать Пермские земли в конце XIV-начале XV вв. Тогда же термин "пермяк" из внешнего этнонима (экзоэтнонима) стал самоназванием части народа коми, может быть, заменив более древний термин Гамаль: народ. Этот термин встречается в ряде источников (например в "Житии Стефана Пермского" знаменитое выражение "Пермь Великая, Гамаль, Чусова" было превратно истолковано в свое время А.А. Дмитриевым и с его легкой руки в неверном прочтении распространенное в литературе).

В бассейн Чепцы Удмуртского Предуралья древнерусские вещи начинают проникать с X-XI вв. Основная масса их, однако, встречена в слоях XII-XIV вв. на городище Иднакар и в погребениях Кузьминского могильника XII-XIII вв. В их числе - шиферное пряслице, складные расчески и двусторонние гребни из кости, боевые и универсальные топоры XI-XII вв., кистени и острие с кольцом X-XIII вв., замки и ключи, зооморфные подвески - плоские птицевидные типа V, по Е.А. Рябинину, пластинчатый конек из ареала проживания смоленско-полоцких кривичей (найден на Иднакаре), полый конек XII-XIV вв. новгородского происхождения; различного типа бусы: винтообразные, кольцевидные и зонные из полупрозрачного стекла, желтые шарообразные, синие битрапециодные, гладкие с пластичной инкрустацией. Интерес представляют такие единичные находки, как: крестовключенные подвески из погребений № 16 и 26 могильника Чиргино (Иванова 1992, рис.32), обувные фибулки из оловянистого сплава; височные кольца - рубчатые, простые провололочные, однобусинные (1 экз.) из Кузьминского могильника, трехбусинные узелковые; рубчатый перстень (Макаров, 1997, рис. 4-13), плетеный браслет из городища Иднакар, серебряные монетные слитки новгородского типа (один из них с надписью "Иван"). Со скандинаво-славянским миром связаны подковообразные фибулы из Кузьминского и Маловенижского могильников.

Однако вряд ли можно согласиться с утверждениями Л.Д. Макарова о том, что древнерусский импорт в Удмуртское Пре-

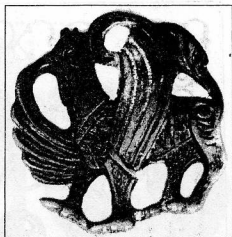

Рис. 89. Грифон из д. Антыбары. Бронза, позолота. Н.В.

дуралье превосходит по объемам болгарский (Макаров, 1997, с.42). Объемы болгарского и древнерусского импорта на Чепцу несопоставимы прежде всего по той причине, что если болгарские товары поступали сюда напрямую, в результате торговой деятельности болгарских купцов, то часть (и, возможно, большая) древнерусского импорта поступала сюда при посредничестве тех же болгарских торговцев и должна рассматриваться (так же как и в Пермском Предуралье) как болгарский (трансболгарский) импорт.

Однако поскольку в древностях Чепцы поволжско-прибалтийско-финский импорт, по сравнению с импортом в Пермское Предуралье, представлен менее значительно, можно считать появление части древнерусских предметов результатом прямого обмена древнерусских купцов с чепецкими племенами. Вероятно, что такие прямые связи могли быть у торговцев Вятской земли, тесно связанной с Новгородом и находящейся в непосредственной близости от чепецких племен. Может быть, по этой причине среди древнерусских предметов из чепецких памятников явно преобладают новгородские аналоги.

О возможном проживании в этом регионе выходцев с территории Руси, по мнению Л.Д. Макарова, свидетельствуют находки прикладной печати в виде шахматной фигуры с буквой "М" с городища Иднакар, иконка начала XII в. и змеевик XIV в. из сборов Н.Г. Первухина.

Наряду с предметами древнерусского производства в Предуралье отмечено некоторое количество предметов западно-европейского и скандинавского происхождения.

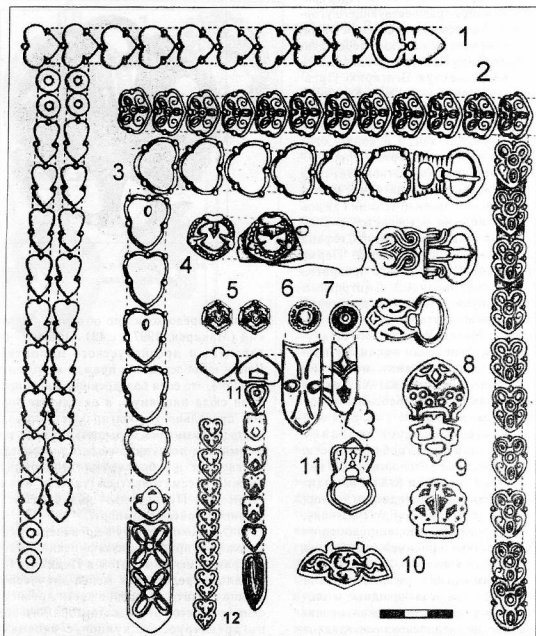

Рис. 90. Венгерские наборные пояса из Пермского Предуралья. Рождественский м-к: 1 - погр. 92; 2 - погр. 114; 3 - погр. 100; 7 - погр. 67; 11 - погр. 28; 12 - погр. 85. Огурдинский м-к: 4 - погр. 106, 6 - междумогильное пр-во. Степановский м-к: 5. д.Пятигорье - 10. Вазгорский м-к: 8, 9 - погр. 7. Материал: бронза с позолотой - 4-12, остальное белый сплав (серебро?).

Так, в X-XI вв. в Предуралье поступает западно-европейская монета. Особенно много таких монет (несколько десятков) собрано в Северном Предуралье.

Возможно, через новгородские и вятские земли в Удмуртское и Пермское Предуралье проникли скандинавская кольцевидная позолоченная фибула X в. с длинной иглой, оформленная звериным мотивом в сочетании с плетенкой (стиль Борре) из городища Инднакар (рис.88, ф.3); круглая бронзовая подвеска в стиле Борре,

найденная на Вакинском селище, имеющая аналогии в Старой Ладоге и в Гнездовском кладе (рис.88 ф.2); круглая бронзовая подвеска с берега р. Кува в Кудымкаре с изображением птички в стиле, близком стилю Борре (рис.88, ф.1); массивная бронзовая с позолотой двусторонняя привеска в виде грифона, имеющего аналогии в искусстве Византии, из д. Антыбары (рис.89); статуэтка всадника из белого металла, найденная у д. Горбунова в Чердынском районе (Прокошев, 1946 с.86). Впрочем, А.Г. Ива-

нов считает, что фибула из Иднакара попала на Чепцу, скорее всего, через Волжскую Болгарию, где известны находки фибул и иных скандинавских предметов (Иванов, 1998, с.139). Это же можно сказать и о находках европейских монет в Удмуртском и Пермском Предуралье, аналогии которым известны в материалах Болгарии, и о находках упомянутых скандинавских подвесок. Эти подвески и фибула из Иднакара являются одними из самых восточных находок предметов в стиле Борре.

Из прочих вещей западно-европейского типа обращают на себя внимание находки накладок, пряжек, наконечников ремней и целых наборных поясов венгерского типа из позолоченной бронзы или серебра (рис.90). Они найдены в основном при раскопках Рождественского, Огурдинского и Степановского (Пожвинского) могильников в Пермском Предуралье. На территорию Прикамья эти предметы попадали, вероятно, через территорию Волжской Болгарии, где имеются аналогичные находки. Однако отдельные

находки венгерских накладок имеются и на территории Руси, через которую осуществлялась транзитная дальняя торговля ими из Паннонии. К венгерскому импорту принадлежит находка серебряной чаши с изображением льва из д. Кудессево Чердынского уезда и блюдо с фигурой сокольника из починка Утемильский Вятской губернии (Даркевич В.П., 1976, с.170-171). В.П. Даркевич указывает на

Рис. 91. Предметы европейской торветики из Предуралья. 1-Кудессево, 2- Утемильский, 3-Клепикино.

проникновение венгерской торветики в Предуралье через Русь и Болгарию. К более раннему времени (IXв.) принадлежит находка великоморавской кружки из с. Клепикино Чердынского уезда (рис.91, ф.3).

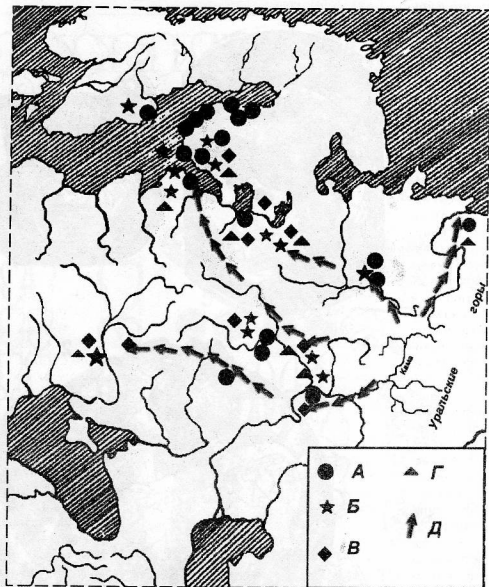

Рис. 92. Материальная культура Предуралья в Европе. А- поясные накладки неволинского типа (по Р.Д. Голдиной), Б- тордированные гривны глазвского типа, В- биконьковые подвески «прикамского» типа, Г- огнива с бронзовой фигурной ручкой, Д - примерные направления распространения.

2. Предуральская материальная культура в Европе

Рассмотрение западных связей Предуралья невозможно без представления о распространении предметов приуральского происхождения на территории Европы, за пределами его ближайшего делового партнера - Волжской Болгарии.

По мнению Р.Д. Голдиной, одним из ярчайших (и весьма ранних) показателей

торгового взаимодействия Предуралья с европейским Севером и Скандинавией является распространение на этих территориях находок частей так называемых «неволинских» поясов (Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997, с.5-23). Это своеобразные наборные пояса с привесками-ремнями, имевшие вид короткой юбочки, украшенные характерными накладками - тройчатками. Около 40 находок таких поясов сделано в могильниках неволинской культуры на р.Сылва, кроме того, на разных неволинских памятниках собраны десятки накладок от них. Два десятка таких поясов и десятки их частей известны на памятниках ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье, куда они

попали с Сыльвы через население р. Чусовой (могильник Телячий Брод), а также 7 "неволинских" поясов найдено на памятниках поломской культуры на Чепце. Известны находки неволинских накладок и в Северном Предуралье, на р. Вычегда (Тохтинское поселение, Усогоorsk 3), и в болышеземельской тундре (Хэйбидя-Пэдар). По неволинским материалам эти пояса и накладки датируются в основном VIII в.

Через территорию европейского Северо-Востока и верховья Оки (Хотимль, Муром) такие пояса проникли на берега Ладоги (Седов, 1982, табл. XXI Рис.39), а оттуда - на берега Балтики. Здесь на нескольких памятниках (Каавонтенкя, Питкямяки и другие) найдено 19 "неволинских" поясов в составе инвентаря мужских могил. Аналогичный пояс найден в королевском кургане в Уппсале в Швеции (Мейнандер, 1979, с.355-400).

В более позднее время теми же путями проникают на берега Ладоги и Белозера, а далее на берега Балтики тордированные гривны глазовского типа. В 1974 г. такая гривна, переделанная в браслет на 4 оборота, найдена в составе клада из 2 тысяч восточных монет конца IX - начала X вв. в Ральсике на о.Рюген (Херман, 1978, с.193). "Глазовские" гривны найдены неподалеку от Менцилина у Шверинсбурга на южном берегу Балтийского моря, в Таллине, а также в виде серебряного лома в других точках балтийского побережья (Zak, 1967). Известны находки в Финляндии (13 находок - Kivikoski, 1951, s.6), на Аландских островах (6 экз.), о-ве Готланд (здесь 3 гривны, свернутые в браслеты, входили в состав монетного клада из 1162 дирхемов), в Дании, Швеции и Норвегии.

Встречены находки глазовских гривен и в древностях северян, вятичей, радимичей на территории Древней Руси и на границе славянского и финно-угорского миров. Так, гривна глазовского типа, свернутая в браслет, так же как на Рюгене, найдена в составе денежно-вещного клада на городище Супруты в Тульской области (Изюмова, 1972, рис. 22, 23). Гривна обнаружена в составе инвентаря кургана № 53 Кветунского могильника под Трубчевском Брянской области (Падин, 1976, рис.1), в составе погребения в Тарасовке в низовьях р. Сула, левого притока р. Днепр (Шинаков, 1980, с.116-122). В землях радимичей "глазовские" гривны встречены в кургане конца X в. Веточка IV (Соловьев, 1965, рис.32) и в раскопах П.М. Еременко в бывших Новозыбковском и Сужожемском уездах Брянской губернии. Глазов-

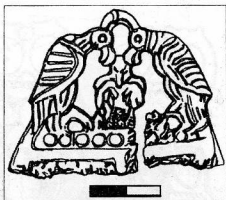

Рис. 93. Биметаллическое кресало из Киева. (По А.П. Моця)

ские гривны представлены в памятниках мери и муромы (Хотимльский и Сарский могильники) (Финно-угры и балты... табл.XVIII, 11), в рязано-окских могильниках, на берегах Чудского озера (2 находки) и в юго-восточном Приладожье (22 экз. в 7 пунктах) (Кочкуркина, 1989, с.262) в землях ижоры, води, корелы (Куриёки Лооти), псковских кривичей. Такие гривны известны в памятниках X-XI вв. древней мордвы (Журавкинский, Старокадомский, Старобадиковский, Чулковский и другие могильники - всего 91 экземпляр) (Гришаков, 1988, с.73), на памятниках древних марийцев (Веселовский и другие могильники), в Вятско-Ветлужском междуречье где найдено более 40 гривен (Зеленцова, 1992, с.119-128). Вообще распределение тордированных гривен весьма интересно: судя по всему, на их "исторической родине" в окрестностях г. Глазова, "глазовских" гривен найдено меньше всего. На территории Восточной и Северной Европы находки глазовских гривен, как правило, сочетаются с находками восточного (вещного и монетного) серебра на Волжско-Балтийском торговом пути и его ответвлениях.

Еще одной категорией предуральских(?) вещей, широко распространенных за пределами Предуралья, являются биметаллические огнива (рис.93). Их распространение в Европе за пределами Предуралья по состоянию на начало 1960-х гг. проанализировано Л.А. Голубевой (Голубева, 1964, с.115-132). Огнива были в X-XI вв. предметом международной торговли, и их находки далеко отстоят от места предполагаемого изготовления. В массовом количестве они найдены в Новгородской, Псковской земле, в Приладожье. На Верхней Волге их нет только в отдельных могильниках. Огнива рас-

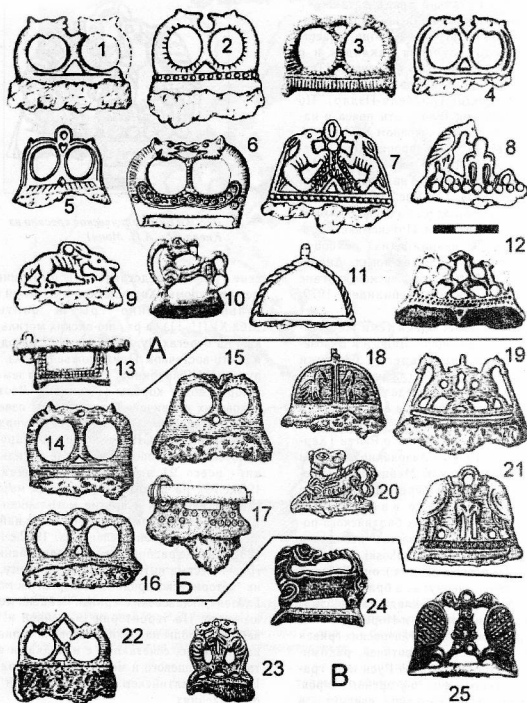

Рис. 94. Огнива с бронзовыми фигурными рукоятками. А-Пермское Предуралье (Рождественский м-к: 1- погр. 23; 2- погр.100; 5, 9- междумог. пр-во; 7- погр.102; 8- погр. 120. Огурдинский м-к: 4- погр. 100, 11- погр. 72; Загарье: 3,13; Харино: 10; Кудымкар: 12), Б- марийские могильники X-XI вв., В- Западная Сибирь.

пространялись не только в финно-угорском мире; образцы таких огнив известны в Киеве (рис.93), на территории Финляндии, Швеции и Норвегии. На финно-угорских территориях за пределами Предуралья наибольшее количество таких огнив собрано на памятниках древних марийцев, известных с Хв. под названием "черемис", на волжском

правобережье и левобережье в бассейне нижней Суры, Ветлуги и Пижмы. А.Х. Халиков в свое время, вероятно, достаточно резонно высказывал мысль о возможном проживании древних марийцев в бассейне Верхней и Средней Вятки до вытеснения их оттуда пермскими финнами. Может быть, этим, а также территориальной близостью

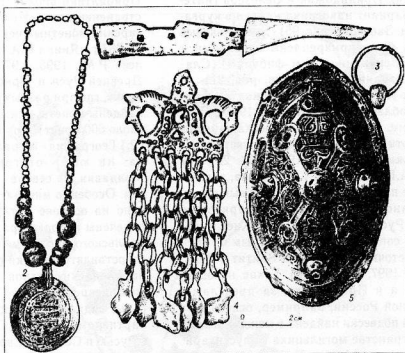

Рис. 95. Материалы погребения VIII кургана № 6. Заозерье. Юго-Восточное Приладожье. (по В.В. Седову)

к Пермскому Предуралью объясняется большое количество находок биметаллических огнив в древнемарийских могильниках.

К огнивам 1-й группы из марийских древностей относятся огнива, рукоять которых изображает одно животное или схематизированный его образ. Огнива 2-й группы имеют стилизованные изображения двух противостоящих звериных голов с длинными шеями и раскрытыми пастьми. На рукояти огнива 3-й группы изображен человек между двумя птицами (рис. 94, ф. 21). Сюжет рукояти огнива истолковывался различно. Л. А. Голубевой он объяснен как сцена вознесения на небо Александра Македонского двумя грифами (Голубева, 1964, с. 129). Г.Ф. Корзухина увидела в этой композиции иллюстрацию к тексту "Младшей Эдды" о боге Одине и ручных воронах, сидящих у него на плечах (Корзухина, 1979, с. 156-162). Гипотеза эта весьма интересна, но, к сожалению, ни одного огнива с этим сюжетом в Скандинавии или Финляндии не найдено. В Прикамье известно девять таких огнив, и одно найдено в дружинном кургане X в. в Киеве. Параллели этому сюжету можно видеть в огниве с изображением двух хищных птиц (рис. 94, ф. 25) из Сайгатинского могильника в Западной Сибири. 4-я группа огнив - с изображением двух всадников, едущих в разные стороны. Многочисленные огнива данной группы из Среднего

Поволжья и Прикамья представляют собой, за редким исключением, искаженные отливки, почти утратившие сходство с оригиналом. Самые четкие изображения всадников на огнивах из Финляндии, Норвегии, Швеции. Находки огнив 4-й группы из этих стран и количественно преобладают. Огнива из могильника Луистари (Западная Финляндия) оказались и самыми ранними — начало X в. (Лехтосало Хиландер, 1979, с. 88). Огнива этой группы, вероятно, первоначально производились в Финляндии. Их изготовление в Прикамье по привозным образцам относится к X - первой половине XI вв.

Среди марийских древностей имеется еще один новый тип огнив представленный находкой 1981 г. в Дубовском могильнике. В качестве рукояти огнива использована бронзовая коньковая подвеска из Прикамья (Архипов, 1984, рис. 27), что указывает на заимствование всех биметаллических огнив из Предуралья. Но данный экземпляр выполнен местными мастерами, творчески переосмыслившими идею этого предмета.

Коньковые, а в XII-XIII вв. якорьковые приуральско-прикамские шумящие подвески также представлены за пределами региона - в Северной и Восточной Европе. Они имеются в древностях поволжских финнов - древней мордвы и древних марийцев (например, в материалах Веселовского могильника и "Черемисского кладбища"), в

древностях Приладожья и Белозера (интересный вариант наконсника найден в кургане №6 у д. Заозерье (рис. 95) - две коньковые подвески были прикреплены цепочками к овальным скандинавским фибулам) (Славяне и скандинавы, 1986, цв. рис. 21), в курганах Костромского Поволжья и Калининской области (Седов, 1982, с. 192), в Старой Ладоге. Биконьковая подвеска найдена на Животинном городище в окрестностях г. Воронежа (Винников, 1995, рис. 22). По мнению А.П. Моця и А.Х. Халикова, данное городище представляло собой первый крупный остановочный пункт на территории Древней Руси на дороге Булгар-Киев и может быть сопоставлено с известным по восточным источникам городом Вантит (Моця, Халиков, 1997, с. 134-136). Такие находки известны и в Прибалтике, за пределами современной России, например, основа биконьковой подвески найдена в междумогильном пространстве могильника Вилусенхари в Финляндии (Jerni Nallinmaa-Luet, t.XXIII, 13). Полностью соответствует схеме биконьковых предуральских подвесок обоймища стремени из погребения №1 могильника Ирзекапинис (Самбия) (Кулаков, 1995, с.71). Всего за пределами Приуральского края коньковые и биякорьковые подвески, по данным Л.А. Голубевой и В.А. Оборина, найдены в более чем 20 пунктах.

Широкие и устойчивые связи Предуралья с Европейским Севером и Прибалтикой обусловили появление у финнов именования купцов-коробейников "перми" или "берми", в котором многие исследователи (например Мейнандер) усматривают свидетельства о сопоставлении летописной Перми Биармии скандинавских источников, или доказательство непосредственных поездок предуральских купцов в страны Балтики. В этой связи уместно вспомнить о подвеске из погребения № 37 Рождественского могильника с особым знаком в виде меча с молотом Тора. Эта тамга, возможно, имела значение, сходное с тамгой Рюриковичей и могла служить особым верительным знаком, дающим право приуральскому купцу на торговлю в Скандинавии. Интересны и замечания Питера Клавдия и Улофа Дамана о том, что часть жителей Перми бежала от русских в Норвегию, где охотно была принята тамошним королем (Берх, 1821, с.68). С учетом существовавших много веков устойчивых связей с Севером такое предположение не кажется излишне странным.

Распространение вещей приуральского типа на территории Руси и в странах

Прибалтики вполне сопоставимо с распространением здесь же болгарских монет. Болгарский монетный чекан продолжался с 902 по 987 г. (Янина С.А., 1962а, с.179-205; Валеев Р.М., 1995, с.97-98). На территории Древней Руси и Прибалтики известен 101 пункт, где при разных обстоятельствах были найдены монеты Волжской Болгарии (всего около 600 монет) (Кропоткин В.В. 1986, с.38-62.) География их распространения широка: на юге - от городища Алчедар в Молдавии, на севере - до Холтана в Норвегии. Особенно много болгарских монет найдено на острове Готланд (33 пункта), где отмечены находки разных предметов приуральского типа (см. выше). Можно четко сопоставлять находки предуральских вещей на Аландских островах с находками здесь же болгарских монет. Таким образом, болгары, видимо, были основными торговыми партнерами жителей Предуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансевропейского Волжского торгового пути.

ГЛАВА 6. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАУРАЛЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ

Ближайшими и древнейшими партнерами жителей Предуралья были угорские племена, обитавшие на Урале и в Зауралье (Приобье и Прииртыше). Экономические, культурные и этнические связи Предуралья с Зауральем стали формироваться еще с эпохи бронзы. Так, исследователи этого периода отмечают, что первые медные орудия Предуралья были представлены образцами, изготовленными из сульфидных руд Горного Урала и Среднего Зауралья. В пользу зауральского происхождения первых медных и бронзовых изделий в Предуралье говорит и их орнаментация, совпадающая с орнаментацией зауральской керамики того же времени (Бадер, Оборин, 1958, с.63-64). Дополнительным доказательством связей жи-

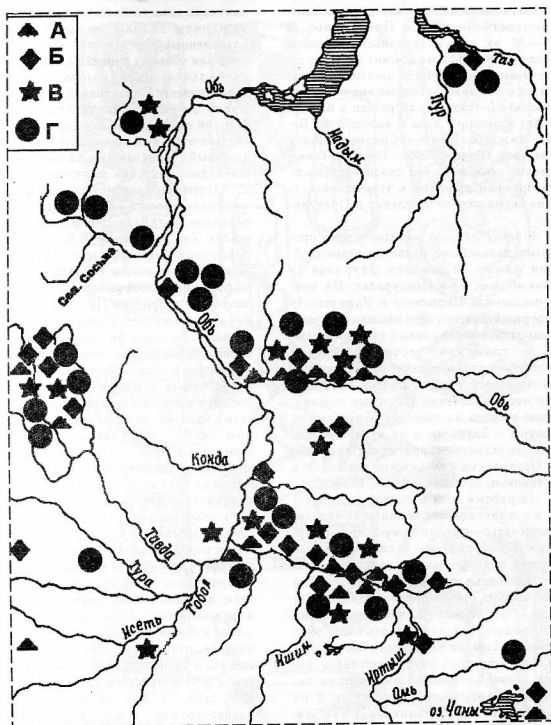

Рис. 96. Находки шумящих подвесок «прикамского» типа (А), прочих вещей предуральского типа (Б), болгарских (В), древнерусских и западно-финских (Г) предметов к востоку от Урала. (По В.А. Могильникову с дополнениями)

телей Предуралья со своими ближайшими соседями являются частые находки зауральской тальковой керамики и крупных кристаллов дымчатого горного хрусталя на памятниках турбинского времени в Пермском Предуралье. Только на поселении Бор I было найдено около 100 фрагментов зауральских талькированных сосудов, украшенных тонким, сложным орнаментом. Племена

Зауралья и Юго-Западной Сибири были торговыми посредниками приуральско-прикамских племен в обмене товарами с южно-сибирскими степными племенами. Через Зауралье и Западную Сибирь в Предуралье попадали ткани из шерсти тонкорунных овец, металлические изделия с Алтая и даже из Северного Китая. Эквивалент обмена со стороны населения Предуралья пока не по-

няты исследователями; вероятно, что у зауральского населения был определенный экономический интерес в Предуралье. В XIV-XII вв. до н.э. зауральские племена федоровской и черкаскульских культур, совместными или этнически чистыми коллективами, совершают определенные миграции в южный Предуральский регион в бассейны Ая, Юрюзани, Уфы с выходом на Белую, Нижнюю Каму и Среднюю Волгу (Обыденов, Шорин, 1995, с.108-111). Таким образом, экономические связи послужили своеобразным прологом к этнической миграции зауральского населения в Предуралье.

В эпоху раннего железного века происходит дальнейшее развитие взаимодействия между населением Зауралья (в широком смысле) и Предуралья. На многих поселениях Пермского и Удмуртского Предуралья фиксируются находки фрагментов зауральской керамики с тальком и слюдой в глиняном тесте, кулайские наконечники стрел, изделия западносибирской бронзовой художественной пластики, в том числе кулайские культовые поделки. В свою очередь на поселениях иткульской культуры в Зауралье и на кулайских памятниках встречены фрагменты типичной для Предуралья ананьинской керамики с ворончиком, бронзовые бляхи, кельты.

На рубеже эр и в первой половине I тыс. н.э. в зауральских комплексах начинают встречаться изделия Удмуртского и Пермского Предуралья - эполетообразные застегки, прямоугольные и круглые нашивные бляхи, полые зооморфные пронизки. Они выполнены из бронзы, после отливки тщательно обрабатывались, внешняя сторона полировалась. Так, на расположенном в окрестностях Тюмени Козловском могильнике IV-VI вв. встречена литая пустотелая фигурка медведя, имеющая аналогии на памятниках бахмутинской культуры, а на Перейминском могильнике VII-VIII вв. встречена литая коньковая подвеска (Чернецов, 1957) имеющая аналогии на ранне-ломоватовских памятниках Пермского Предуралья. По мнению исследователей Зауралья, появление там предуральских бронзовых изделий произвело незабываемое впечатление (Угорское наследие. 1994, с.38). Под влиянием вывезенных из Предуралья предметов стал меняться внешний облик продукции зауральского и западносибирского бронзового литья. Стали появляться серии подражаний, которые вскоре уже воспринимались как традиционные для коренного населения - например, в результате

такого заимствования появляется устойчивая серия эполетообразных застегек с изображением головы медведя. Наконец накопленные в результате такого взаимодействия новации привели к изменению региональной концепции бронзовой художественной пластики. По обе стороны Урала на несколько столетий возникает близкий по сюжетике и восприятию, но несколько отличный по исполнению угорский звериный стиль (так называемые пермский и западно-сибирский звериные стили).

Интересно рассмотреть вопрос о возникновении целого ряда сюжетов, общих в пермском и западносибирском звериных стилях. Так, по мнению В.А. Обороина, харинско-ломоватовские изделия, а именно зооморфные пронизки, оказали воздействие на сложение особой сюжетной линии звериного стиля в Среднем Приобье - изображение орла, клюющего голову лоса; пронизки с головой филина и фигуркой медведя и т.п. Однако сцены борьбы зверей и использование фигурных пронизок в качестве украшений костюма имеют в Приобье гораздо большую древность и восходят к усть-полуйскому времени. По справедливому замечанию В.А. Могильникова наличие зооморфных пронизок в раннеломоватовских и харинских памятниках Пермского Предуралья связано с присутствием в прикамском населении этого времени крупного угорского массива (Могильников, 1991, с.60). Безусловно, с зауральскими угорскими корнями связаны бляхи с изображением фигуры идущего медведя; накладки с изображением одной, трех, шести голов медведя; пряжки с изображением медведя в жертвенной позе; бронзовые рукоятки кинжалов и ножей с навершием в виде фигуры медведя, птицы или иного животного. Эти сюжеты в бронзовом литье Зауралья известны с усть-полуйского времени (Молодин, 1980, табл. XX, XXI, XXII) и были широко распространены в раннем средневековье (Могильников, Коников, 1983, рис.6, рис.9). Это же относится и к шумящим подвескам с изображением парных головок коней, которые в литературе устойчиво именуются "прикамскими", или "приуральскими". В сибирском угорском мире такой сюжет имеет устойчивое бытование еще с рубежа эр в таштыкской культуре (Кызласов, 1960, рис.31,32.). Этот сюжет вполне мог быть воспринят уграми юга лесной полосы Западной Сибири и вместе с миграцией угорских саргатских и иных племен в эпоху Великого переселения народов достиг Предуралья. Недаром, по мнению Л.Голубевой,

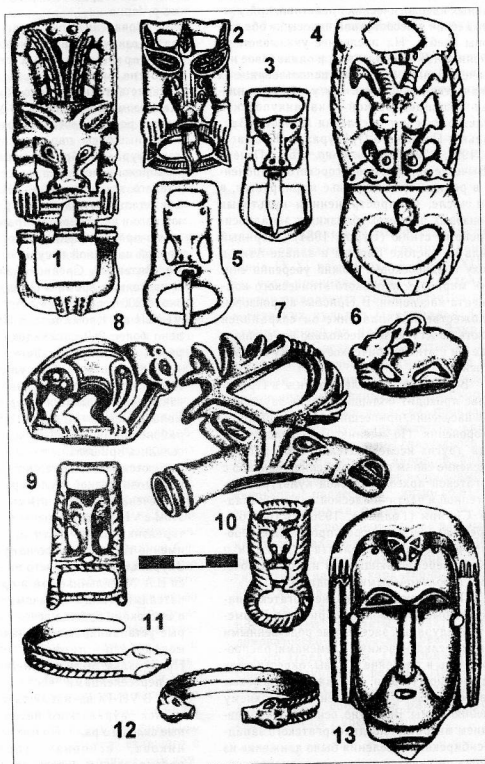

Рис. 97. Некоторые предметы «зауральского» типа из памятников Пермского Предуралья.

1 - Редикарский м-к; 2, 6, 8 - Огурдинский м-к, погр. 63; 3, 5 - Рождественский м-к; 4 - Огурдинский м-к, погр. 48; 7 - Редикарский м-к, погр. 47; 9, 10 - Степановский (Пожвинский) м-к; 11, 12 - Агафоновский м-к, погр. 81, 271; 13 - Городищенское городище.

распространение биконьковых подвесок отражает проникновение в Прикамье угорского компонента в харинское время (Голубева, 1966, с.83). Характерно и то, что

в IV-VI вв. и в Предуралье, и в Зауралье прототипы таких подвесок встречаются в единичных экземплярах, а массовое распространение их в указанных регионах в более

позднее время связано со складыванием единых идеологических представлений у угров лесной и лесостепной полосы по обе стороны хребта. На последнее указывает, по мнению Н.Б. Крыласовой, и одинаковое назначение таких подвесок - использование их в качестве наконечников как у угорских племен кушаренковской и караякуповской культур, так и у населения Приобья, Зауралья и Пермского Предуралья (Крыласова, 1997, с.361). Характерно, что на Печере и Вычегде присутствие угорского компонента в раннем средневековье маркируется, в том числе, распространением культовых бронзовых плакеток, близких к западно-сибирскому стилю (Буров, 1984). Зверинный стиль на востоке Европы и западе Азии в эпоху средневековья можно уверенно считать маркером угорского этнического компонента населения. В Приобье в бронзовой художественной пластике он сохранился вплоть до XIV в., а в несколько измененном виде - и в этнографическое время у хантэ и манси.

В конце IV- начале V вв. н.э. в Предуралье приходит большой массив зауральского населения, принесший курганный обряд захоронения. По мнению Р.Д. Голдиной и ряда других исследователей, это пришлое население своим происхождением связано с саргатской археологической культурой лесостепной и частично лесной полосы Западной Сибири (Голдина, 1996, с. 160-162). Перемещение этих угров произошло, вероятно, вследствие конфликта с гуннами и иными, перемещающимися на запад кочевыми и полукочевыми народами.

Переселяющееся позднесаргатское население быстро освоило территории Пермского Предуралья, заселенные родственными по языку гляденовскими племенами, распространяясь в бассейне Сылвы, окрестностях современной Перми, а также на камском правобережье в направлении к верхнему течению Камы. Вероятно, основным направлением миграции позднесаргатского западно-сибирского населения было движение из района расселения западного варианта саргатской культуры через Уральский хребет от левобережных притоков р.Тобол - Исеть, Пышма в сторону Кунгурской лесостепи. Первоначально переселенцы перемещались вдоль лесостепных "языков", однако уже в середине V в. быстро сливающиеся с постгляденовским предуральским угорским населением группы переселенцев осваивают север Пермского Предуралья, появляются в Северном Предуралье - на берегах Вычегды и её притоков (Васкул, 1987), а так-

же и в Удмуртском Предуралье - в бассейне р.Чепца.

Появление нового населения в Предуралье означало начало нового этапа развития торговых и иных связей. Вполне вероятно, что именно позднесаргатское население активизировало обмен с Востоком, Кавказом, Прикаспием. В VI-VII вв. начинается рост южного импорта: стеклянные и каменные бусы, парадное оружие, поясная гарнитура, серебряные украшения причерноморского, переднеазиатского, среднеазиатского происхождения. Наиболее ярким свидетельством активно развивающегося южного и восточного направления торговли стало проникновение в Предуралье драгоценной парадной посуды из Ирана, Хорезма, Византии, Средней Азии, Закавказья. В настоящее время в Предуралье известно около 200 серебряных и бронзовых сосудов VI-XIII вв. Кроме того, в Предуралье найдено более 250 сасанидских драхм. Интересно, что основная часть из этих находок — 118 монет — обнаружена на берегах Камы между устьем Обвы и Чусовой, а также на р. Сылва и в окрестностях современной Перми (Морозов, 1996, с. 150), т.е. в районе примерно той зоны, где активно расселялись пришельцы из-за Урала и где формируются основные территории неволинской и ломоватовской культур. Часть сосудов встречена вместе с этими монетами. При этом в VI-VII вв. основными поставщиками торевтики были Иран и Средняя Азия - именно такое основное направление связей Зауралья более раннего периода отмечается В.А. Могильниковым и другими исследователями. Таким образом, активные связи с Востоком (прежде всего с Ираном), которые устанавливаются в начале раннесредневекового периода у населения Предуралья, были привнесены зауральскими переселенцами.

В VII-IX вв. наблюдается дальнейший приток зауральского населения на западные склоны Урала. По мнению В.А. Могильникова, основная граница между предуральским населением и уграми Зауралья проходила в это время по левому берегу Камы, Печоре и средней Вычегде (Могильников, 1991, с.61). Такое предположение основано на достаточно массовых находках зауральской керамики на ряде поселений Предуралья этого времени. Так, керамика оронтурского типа в Верхнем Прикамье найдена на поселении Чирва II на р.Вишерка, на Саломатовском городище на р. Усьва, на городище Аноушкар на Каме, на селище и городище Володин Ка-

мень, на Сметанинских селищах на р. Яйва и др. Показательны находки оронтурской посуды в пещерах Чаньвенской - на р. Яйве, Канинской - в верховьях р. Печоры (Канивец, 1964, рис.44,45), а также - на поселениях Средней Вычегды - Шойнаты III и др. (Мурыгин, Королев, 1979, с.95-97). Обратного движения предуральских, поволжских и вообще западных импортов в это время в Зауралье почти не фиксируется.

В более позднее время находками керамики кинтусовского типа встречены на некоторых памятниках родановской культуры Пермского Предуралья - на Рождественском, Саломатовском, Кыласовском, Редикарском, Кудымкарском, Искарском городищах. На Родановом и Кыласовом городищах обнаружены глиняные антропоморфные изображения, характерные для угров Зауралья. На некоторых вымских памятниках Северного Предуралья встречены украшения западносибирских типов - это крупные подвески "утиные лапки", найденные на Кокпомьягском могильнике, а также крестовидные бляшки из погребений Жигановского, Ыджыдельского и Ошмесского некрополей (Савельева, 1987, рис.35). Находки их немногочисленны; и они, подобно кинтусовской керамике с родановских городищ, могут рассматриваться как свидетельство межэтнических контактов.

В конце I - начале II тысячелетия взаимосвязи населения Предуралья и Западной Сибири коренным образом меняются. На памятниках Зауралья и Западной Сибири IX-XIV вв. появляется сравнительно большое количество вещей приуральского происхождения, в то же время количество угорских элементов в культурах Предуралья уменьшается лишь к концу данного периода, сменяясь западно- и поволжско-финским и древнерусским влиянием, что было связано с постепенной миграцией угорского приуральского населения за пределы ареала коренного расселения и инфильтрацией в Предуралье финского (финно-пермского) населения, ставшего в конце XII-XIV вв. основным этническим компонентом в Предуралье.

По своему происхождению восточно-европейские вещи на западно-сибирских памятниках могут быть разделены на три группы:

1 - предметы предуральских - родановской и вымской культур, среди которых представлены вещи, специфичные как для родановской, так и для вымской культуры, а также предметы, одинаково характерные для той и другой культур,

2 - предметы болгарского и восточного импорта,

3 - предметы славянского происхождения.

К этим группам примыкают местные подражания привозным вещам (в том числе вещам приуральского происхождения).

1. Предуральский импорт в Зауралье

Предуральский импорт в Зауралье можно разделить на две группы: ранний - конца IX-XI вв. и поздний, конца XII-XIV вв., что в принципе соответствует традиционному выделению этапов развития археологических культур Предуралья. Среди ранних вещей на памятниках Зауралья, Нижнего и Среднего Обь-Иртышья представлены различные предметы быта и украшения - шумящие подвески - коньковые, умбововидные, арочные, подвески-коробочки, флаконовидные подвески, пронизки со вздутиями без шумящих подвесок, кресала биметаллические, гривны глазовского типа, привески типа утиных лапок. К поздним вещам относятся шумящие якорьковые и биякорьковые подвески, пронизки со вздутиями с шумящими подвесками, вымские биконические подвески. Весьма важным показателем является наличие на ряде памятников Зауралья керамики приуральского типа; такое явление характерно для периода XI-XIII вв.

Среди ранних вещей конца IX-XI вв. преобладают предметы, характерные для ломоватовско-родановских древностей Пермского Предуралья. Они обнаружены в Среднем Зауралье, Среднем и Нижнем Прииртышье и в Среднем Приобье, где их особенно много собрано в районе Сургута (например на Барсовой горе).

1.1. Предуральские украшения в Зауралье

Основная часть предуральских вещей с памятников Зауралья IX-XIV вв. представлена украшениями разных типов. К числу наиболее массовых, но в то же время спорных, находок относятся биконьковые шумящие подвески, которые, по определению В.А.Оборина, являются наиболее характер-

ным этноопределяющим женским украшением населения родановской культуры на раннем этапе (Оборин, 1970, с.15-18) и распространенными в древностях Пермского, Удмуртского и Южного Предуралья VIII-XII вв.. На памятниках Зауралья и Западной Сибири, судя по публикациям, биконьковые подвески предуральского типа (рис.98, ф. 2-5) обнаружены в 13 пунктах: могильники Чулым-2, Усть-Ишим (2 экз.), Барсов Городок (2 экз.), Сайгатинский III (2 экз.) и IV, городище Искер, у с. Никито-Ивдель (Берс 1948, рис.1), д. Кузина на р. Лозьве, оз. Иртыш, бывший Тарский округ и бывшая Тобольская губерния (без более точного указания места находки) (Могильников, 1991, с.65-67), Лаксейская пещера, а также в погребении 19 Пылаевского могильника на р. Пышме (Кутаков, Страков, 1997, рис.4). Большинство подвесок (Пылаевский могильник, Барсов Городок, Искер, Усть-Ишим) относятся к третьему типу коньковых подвесок, по классификации В.А. Оборина, которые характеризуются прорезью основы в виде овала, соединенного с треугольником ("замочная скважина"), и датируются в Предуралье X в. В Зауралье, возможно, было налажено собственное производство таких подвесок, они функционировали здесь и в то время, когда в Предуралье уже вышли из употребления. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, находка двух таких подвесок в жертвенном комплексе I Усть-Ишимского кургана №13 (Коников, 1984, рис.4), в состав которого, помимо прочего, входили бронзовые шаровидные бубенчики со щелевидной прорезью, бронзовое навершие с головой лошади от рукояти плети, болгарская серебряная серьга с зернью, которые датируют этот комплекс XII-XIII вв.; XIII-XIV вв. датируются находки коньковых подвесок, в том числе с прорезью в виде "замочной скважины", из Сайгатинских могильников (Угорское наследие. №294-296).

В целом коньковые подвески Зауралья аналогичны предуральским, и, возможно, большинство из них представляют собой продукцию предуральских мастеров, попавшую в Зауралье и Западную Сибирь в результате деятельности "купцов чулымских". Основным районом распространения таких подвесок в Предуралье VII-XI вв. по праву считается Пермское Предуралье, где они встречены в 52 могильниках, поселениях,кладах и местонахождениях. Однако следует отметить, что коньковые (биконьковые) подвески на основе современных данных не могут считаться

основным этномаркирующим элементом костюма средневекового населения Пермского Предуралья, как это считал В.А. Оборин. Такие подвески в Прикамье встречены, по данным Н.Б. Крыласовой всего лишь в 8% погребений, а если брать в расчет только женские, то в 16,4%. Отметим, что статистические показатели находок коньковых подвесок на могильниках Прикамья и Зауралья примерно одинаковые (по соотношению находок подвесок к числу исследованных женских погребений). Достаточно часто коньковые подвески встречаются на памятниках Южного Предуралья, большое их число собрано на памятниках Волжской Болгарии, где они интерпретируются как угорские. Кроме того, пока нет ясности с местом производства таких подвесок.

В XI в., по мнению В.А. Оборина, в Прикамье коньковые подвески постепенно трансформируются сначала в одноякорьковые, а затем и в биякорьковые, которые датируются XII-XIV вв.. При этом в XI в. встречаются только одноякорьковые подвески. В Зауралье ареал распространения якорьковых подвесок более узок, чем ареал коньковых подвесок. Они встречены в Среднем Зауралье - в Ликинском могильнике, Нижнем Обь-Иртыше и в Сургутском Приобье - на городищах Рачево II (Терехова, 1983, рис.3), Искер, в могильнике Уна-Пай, в кладе на Барсовой Горе (Федорова, 1981, рис.2). Одноякорьковые обнаружены в Ликинском могильнике и на городище Рачево II. Здесь они сопутствуют биякорьковым. В остальных пунктах - подвески биякорьковые. Якорьковые подвески, по мнению В.А. Оборина, также являются характерным этномаркирующим украшением родановской культуры Верхнего Прикамья, и находки их в других районах обычно рассматриваются как импорт. В то же время есть основания считать якорьковые и биякорьковые подвески элементом, характерным для вымско-вычегодских племен, на что указывает использование в их декоре ложножгутовых элементов. Такой стиль в целом характерен для украшений волжско-финских (восточно-финских) племен начиная с рубежа тысячелетий. В Предуралье якорьковые и биякорьковые подвески проникают вместе со многими иными элементами материальной культуры восточных финнов незадолго до их массовой миграции и с самими мигрантами. Предуральские биякорьковые подвески имеют, как правило, привески в виде бубенчиков вымского типа. Распространение якорьковых и биякорьковых подвесок в Зауралье, таким образом, связано также с

миграцией сюда отдельных групп восточных финнов (рис. 98, ф.7).

В двух экземплярах представлены флаконовидные подвески, характерные для пермских древностей VIII-XI вв.: в погребении №20 Пылаевского могильника на р.Пышма (Кутаков, Старков, 1997, рис.15) и среди находок у бывших Карагайских юрт на Среднем Иртыше (Финно-угры... табл.LXXXIII, рис.37).

Характерным украшением VIII-X вв. в Пермском Предуралье являются шумящие подвески-коробочки или медальоны. Их находки за пределами Верхнего Прикамья ранее не были известны. Единственный экземпляр такой подвески обнаружен в погребении 4, кургана 17 могильника Чулым-2 в Барабинской лесостепи (рис.98, ф.1). Подвеска служила, очевидно, украшением одежды (Елагин, Соболев, Сидоров, 1988, рис.15). Подвеска имеет 7 колец с прикрепленными на цепочках колокольчиками и перепончатыми гусиными лапками, типичными для Верхнего Прикамья.

Арочные шумящие подвески, имеющие в древностях Пермского Предуралья столь же широкое распространение, что и биконьковые, представлены в лесном Обь-Иртыше в 8 пунктах - в могильниках Ликинском, Сайгатинском IV, Аргаиз, Кип, Ленг-Понк, Кинтусово, Уна-Пай и в Сургутском кладе. Преобладают характерные для поздних памятных подвески с не прорезной основой, с одним или тремя выступами в центре, украшенные по периметру имитацией насечки. Часть таких подвесок изготовлена по импортным образцам местными зауральскими литейщиками. На это указывает находка бракованной, недолитой основы арочной подвески в Тазовской бронзолитейной мастерской (Хлобыстин, Овсянников, 1973, рис.3).

Представлены также распространенные в XI-XIII вв. на памятниках Пермского и Удмуртского Предуралья арочные подвески с прямоугольными гнездами для вставок из камня или стекла, сделанные в технике, заимствованной от болгарских ювелиров. Примечательно в этой связи, что две арочные подвески с шатоном со вставками входили в состав Сургутского клада вместе с другими украшениями, височными подвесками, цепью, браслетами болгарского производства, ближневосточными чашей и подносом, попавшими в Приобье через болгарских купцов. В могильнике Ленг-Понк обнаружены 7 литых арочных подвесок и 2 подвески с гнездами для вставок (Чернецов, 1957, табл. XXVIII, XXX), в Ликинском 4

литых подвески с 3 спиралями в центре основы и одна - с гнездом для камня.

Найденная в погребении того же памятника подвеска с основой в виде костылька, к которому на цепочке и ремешках, украшенных пронизками со вздутиями, прикреплены крупные колокольчиковидные привески, напоминает подвески, крепившиеся на костыльках и заканчивавшиеся привесками в виде колокольчиков конической формы. Такие подвески распространены во многих средневековых археологических культурах Предуралья.

В лесном Обь-Иртыше встречено также ряд вещей, характерных как для Пермского, так и для Северного Предуралья. К ним относятся бронзовые пронизки со вздутиями (непрорезные и прорезные), обнаруженные в могильниках Зауралья X-XIV вв. (Сайгатинские, Аргаиз, Усть-Ишим, Малая Бича, Ликино, Барсов Городок, Кинтусово и другие), а также на ряде поселений.

Цилиндрические литые пронизки появляются впервые в памятниках лесной полосы Западной Сибири в древностях кулайской и усть-полуйской культур, датированных последними веками I тыс. до н.э. - началом I тыс. н.э. (Могильников, 1991). В то же время в Пермском Предуралье бронзовые литые пронизки со вздутиями входили в наборы украшений с ломоватовского времени и использовались вплоть до XIII-XIV вв. Эти обстоятельства позволяют считать, что литые пронизки из Предуралья генетически связаны с зауральскими.

Пронизки с прорезными вздутиями и шумящими подвесками, аналогичные прикамским и вычегодским, также обнаружены на многих памятниках Зауралья. В некоторых могильниках (например Ликинский, Сайгатинский) встречены подвески того и другого типов, что указывает на их частичную синхронность. Хотя прототипы таких подвесок имели прикамское, а возможно, и вычегодское происхождение, западносибирское население осваивает их литье, на что указывает экземпляр бракованной пронизки с прорезными вздутиями, встреченный в числе прочих находок в упомянутой Тазовской литейной мастерской.

В родановских и вымских памятниках имеют аналоги подвески в виде уточки или глухаря, к основанию которой припаяны кольца для шумящих подвесок. Подобные подвески обнаружены в могильниках Ликино, Барсов Городок (Агее, 1935, fig. 41), городище Рачево.

К основам шумящих подвесок на цепочках крепились привески в виде колоколь-

чиков, распространенные в памятниках Северного Предуралья, а также привески в виде утиных лапок. Привески такой формы встречены на памятниках Зауралья. Очевидно, в подражание привозным с XI-XII вв. население лесного Зауралья и нижнего Обь-Иртышья стало отливать привески в виде утиных лапок собственного производства. Они отличались от привозных более крупными размерами, подтреугольной формой и ornamentацией, в которой преобладали насечки и мелкий точечный узор, что характерно для Приобья этого времени. Отдельные утиные лапки имеют узор из треугольников ложной зерни, копирующей украшение зерну предметов болгарского производства.

1.2. Кресала с бронзовыми ажурными рукоятками

Интересными и массовыми находками на обширной территории Зауралья представлены кресала с бронзовыми рукоятками. Центром производства таких кресал, по мнению Л.А. Голубевой и ряда других специалистов, было Пермское Предуралье в конце IX - первой половине XI в., хотя ареал распространения таких предметов широк и занимает обширную область лесной Северной Евразии. Такие кресала обнаружены, в том числе, на 12 памятниках Зауралья и Обь-Иртышья: на памятниках кинтусовского типа, в материалах усть-ишимской, юдинской и других культур, всего в количестве более 20 экземпляров.

В лесном Зауралье встречены кресала I-III групп (по Л.А. Голубевой). Угорское население Западной Сибири восприняло эту категорию вещей и наладило их собственное производство (Могильников, 1991). Об этом свидетельствует разнообразие украшений рукоятей кресал, сюжеты и стиль оформления, не встречающихся в Предуральских находках. Примечательно, что огнива с бронзовыми рукоятками, по наблюдениям В.А. Могильникова, найдены в Сургутском Приобье, но отсутствуют в соседнем Нарымском Приобье, населенном самодийцами. Это подтверждает мнение Л.А. Голубевой, что эти вещи были преимущественно распространены у финно-угорского населения, на наш взгляд свидетельствует об особой их популярности у угров, позволяет считать такие огнива своеобразным маркером угорских компонентов населения Северной Евразии.

К кресалам I-й группы, с изображением на рукояти фигуры животного, относятся кресало из погребения №69 могильника Барсов Городок с изображением барса и огниво с Ирбитского городища со своеобразной реалистичной фигурой лося с двумя личинами на боку. Специфичное изображение барса и лося, не свойственное по стилю искусству Предуралья, дает основание рассматривать эти кресала как изделия зауральских мастеров, изготовленные по привозным образцам, с фигурой коня (?) на рукояти.

К рукояткам кресал этой группы, по мнению В.А. Могильникова, можно отнести бронзовые фигурки зайца (Шайтанская пещера, могильники Ликинский, Ново-Никольский) или коня (некрополи Ликинский, Ново-Никольский, Сайгатинский), выполненные весьма реалистично. Зауральские огнива этой группы датируются в пределах X - начала XI вв. Интересны полностью аналогичные находки (с зайцами) в Предуралье, сделанные на Рождественском и Огурдинском могильниках.

Ко 2-й группе огнив с изображением на рукоятках фигур животных в геральдической позе или композицией в виде борьбы зверей относятся 9 кресал. Некоторые из них сделаны, по-видимому, местными мастерами. Это кресало из могильника Малая Бича в Омском Прииртышье и кресало из погребения 29 могильника Барсов Городок, опубликованное Л.А. Голубевой. Кресало из некрополя Малая Бича интересно изображением на его рукояти сцены борьбы трех животных. В шею среднего, наиболее крупного зверя (волка?), присевшего на задние лапы и повернувшего назад голову, вцепился хищник, нападающий зверей, изображенных на кресале из Барсова Городка (соболь?), а сзади его клюет гусь (Финноугры... табл. LXXXI, рис.3). На рукояти кресала из Барсова Городка Л.А. Голубева усматривает фигуры двух медведей в геральдической позе. По мнению В.А. Могильникова, слегка дуговидные пропорции фигур и сравнительно длинные "пушистые" хвосты говорят о том, что здесь изображены скорее не медведи, а звери типа соболя (Могильников, 1991, с.63). Кроме того, по его мнению, изображения сопоставленных фигур медведя в искусстве населения Западной Сибири отсутствуют, вероятно, вследствие особого отношения к этому зверю. Исходя из ареала данного сюжета В.А. Могильников предполагает, что описываемое кресало из Барсова Городка изготовлено в лесном Обь-Иртышье. Утверждению

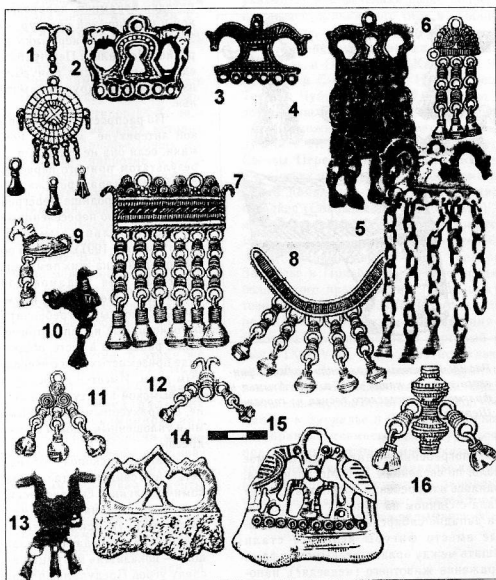

Рис. 98. Некоторые предуральские и западно-волжско-финские предметы из памятников средневекового Зауралья. 1 - Чулым; 2 - Усть-Ишим; 3, 4, 10, 13 - Сайгатино; 5 - Барсов городок; 6 - 9, 11, 12, 16 - Ликино; 14 - Малая Бича; 15 - Окунево VI.

В.А. Могильников об отсутствии в искусстве Западной Сибири сопоставленных фигур медведя противоречит находка рукояти огнива с фигурами медведей в геральдической позе на Сайгатинском I могильнике (Угорское наследие. рис. 100). Местными мастерами изготовлено и кресало из Сайгатинского I могильника с изображением двух сидящих хищных птиц.

Огнива с изображением сопоставленных конских голов с раскрытой пастью из могильников усть-ишимской культуры (Финно-угры... табл. LXXXI, рис. 4) аналогичны кресалу из Солдырьского могильника на р. Чепце и отнесены Л.А. Голубевой к наиболее позднему во второй группе второму

варианту пятого типа, датированному второй половиной X - началом XI вв.. Аналогичные кресала найдены на святилище Кучуминского V городища и в Сайгатинском I и IV могильнике и хранятся в ЛАИ Уральского университета.

В одиночном погребении Окунево на р. Таре найдено кресало с изображением схематичной фигуры человека до пояса между двумя орлиноголовыми грифами, которое почти идентично кресалу из Мало-Аниковского могильника в Верхнем Прикамье. Возможно, что в Омское Прииртышье оно попало из Верхнего Прикамья. По наблюдению Л.А. Голубевой, такие огнива (с Одним) происходят из богатых во-

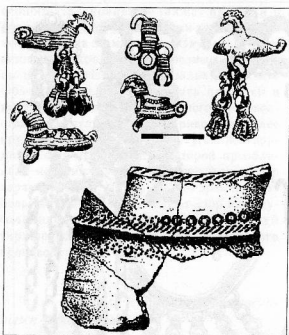

Рис. 99. Бронзовые украшения волжско-финского типа из клада XIII в. с р. Атымья и фрагмент вычегодского сосуда из городища Шеркалы I.

инских погребений. Однако описываемое кресало, по сведениям В.А. Могильникова, находилось в погребении подростка. Сюжет кресала с Одним на рукояти был переработан западно-сибирскими мастерами, которые вместо фигуры человека стали помещать между орлиноголовыми грифами изображение животного (медведя?), напоминающее изображения зооморфных фигур на некоторых пряжках обского типа.

1.3. Бытовые предметы предуральских типов в Зауралье

На многих памятниках Зауралья и Обь-Иртышья встречены железные ножи с двумя уступами: при переходе от лезвия к черешку и при переходе спинки в черешок. Такие ножи ("коленчатые") характерны для памятников Пермского Предуралья в X-XIV вв.

В.А. Могильников считает предуральскими и медно-бронзовые котелки, весьма распространенные в Зауралье. Возможно, что какая-то часть таких котелков производилась в Предуралье, хотя предуральские находки чаще имеют аналоги в Болгарии.

Наиболее важным показателем связей Предуралья с Зауральем можно считать

находки керамики, характерной для вымской и родановской культур, на памятниках Зауралья. Такая керамика получена с городищ Шеркалы и Перегребное-I X-XIII вв., единичные находки приуральской посуды известны и на других памятниках Зауралья.

По распространенному в археологической литературе мнению, появление керамики, если она не тарная, принято считать результатом прямого переселения её носителей. В литературе уже высказывалось мнение, что городище Перегребное-I и Шеркалы оставлено переселенцами из Северного Предуралья (вымская культура) (Пархимович, 1991). Однако облик керамики, собранной на этих памятниках, более характерен для родановской культуры Пермского Предуралья: кружковый, розеточный, ямочный и гребенчатый орнамент, пуговковидные наледи, примесь мелкотолченой раковины в тесте, общие очертания в виде приземистых чаш с несколько уплощенным дном. Имеется и посуда, характерная для вымской культуры, на её позднем этапе, с характерными баночными очертаниями и уплощенным дном и с примесью в тесте дресвы.

Авторы раскопок городищ склонны видеть в них свидетельство миграций за Урал коми-населения. Однако, если считать родановские племена угорскими, или преимущественно угорскими, то скорее всего родановская посуда на указанных городищах — показатель миграций в родственную среду угров Предуралья в период их активного вытеснения коми-пришельцами с более северо-западных территорий. Кроме того, в материалах указанных городищ представлены болгарские серебряные и прочие изделия, характерные для торговых взаимоотношений предуральских Вису и волжских болгар. Возможно также, что указанные городища являются торговыми факториями так называемых "купцов чулымских", т.е. торговцев из Предуралья, о чем в свое время, как уже упоминалось, писал ал-Омари: "...купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера". Интересно, что если отказаться от попыток трактовать названия урочища Шаркалы (Шеркалы), где расположено одно из указанных городищ, с использованием коми-языка и попробовать сделать это с помощью тюркских языков, то данное название можно перевести как "крепость согласия", "Крепость, где договариваются" - от Шарт (Шерт) - "договор", "клятва", "согласие", "ус-

ловие" и Кала - "крепость". Здесь мы имеем определенное совпадение с названием известного городка и торговой фактории болгар в Предуралье - касабы Афула - "Поворотная крепость".

Интересно, что в памятниках Среднего Прииртышья, вверх от устья Тобола, больше вещей предуральских типов IX-XI вв. - коньковые подвески, утиные лапки, которых меньше в Сургутском Приобье. Вещи поздних типов XI-XIV вв., напротив, в большем количестве представлены в Нижнем Прииртышье и Сургутском Приобье, а такие поздние украшения, как биякорьковые подвески и арочные подвески с шатонами в Среднем Прииртышье пока вообще не обнаружены. По мнению В.А. Могильникова это обстоятельство можно объяснить некоторым смещением активности приуральского населения в XI-XIV вв. к северу в связи с возрастающим влиянием тюрок на население южной части лесной полосы Прииртышья в начале II тысячелетия. К этому же времени относится и возникновение в Нижнем Приобье факторий "купцов чулымских". Отливка ряда предуральских украшений в почти неизменном или трансформированном виде обскими мастерами указывает, что пришельцы смешивались с местным населением и ассимилировались им, передавая элементы своей культуры.

Проникновение населения из Предуралья за Урал шло, видимо, двумя путями. "Купцы чулымские" проникали на восток, вероятно, по Вишере, откуда выходили на верховья рек бассейнов Тавды, спускаясь по которой достигали Тобола, или, продолжая движение на восток, достигали Конды и притоков Северной Сосьвы. В 1472 году через Вишеру, на Урал и далее на Лозьву "ходили походом" против пельмских вогул воеводы московского великого князя Федор Курбский и Иван Салтыков. Этим же путем производили набеги на Пермь в XVI в. пельмцы и сибирские татары, а в 1590 г., после присоединения Сибири к России, на этом пути был построен Лозьвинский городок и через него некоторое время осуществлялись все официальные сношения Москвы с Сибирью.

Другим путем "купцов чулымских" была дорога по р. Чусовой с выходом в верховья притоков Туры и Исети, а оттуда — в Прииртышье и в Среднее Приобье. Свидетельством проникновения на восток этим путем является уже упоминавшееся Вашкурское погребение XI в. на р. Чусовой (Прокошев, 1937). В какой-то мере на это

указывает и отмеченная выше концентрация вещей прикамского типа в Ликинском могильнике. Этим путем позже пользовались Казанские татары для сношения с Тюменью, в 1572 г. через Казань по Чусовой шел в Сибирь посол Ивана Грозного Третьяк Чубуков, а в 1582 г. именно этой дорогой ушли в свой набег казаки Ермака.

Возможным был и еще один путь, ведущий с Печоры на верховья Северной Сосьвы. Переселение коми-зырян на Северную Сосьву происходило в новое время, обусловив появление здесь коми-зырянских поселков (Соколова, 1975, с. 190-195), этот же путь, возможно, использовался и русскими ушуйниками в эпоху средневековья.

По первым двум дорогам попадали в Зауралье и Приобье различные предметы болгарского производства, продукция восточного ремесла, Византии, Западной Европы и предуральские подражания им. Волжско-Камский великий торговый путь был в IX-XIV вв. главной магистралью, по которой за Урал проникала продукция городского ремесла Европы и Азии. Специалисты единодушно отмечают, что болгарский импорт в Зауралье и Сибири встречается, как правило, совместно с предуральскими предметами, что напрямую указывает не только на Пермское Предуралье как на основного торгового посредника зауральских угров, но и на особую роль в такой торговле предуральских "купцов чулымских".

2. Болгарский и восточный импорт в Зауралье

Ярчайшей частью болгарского и вообще восточного импорта в западную Сибирь были серебряные сосуды из стран Востока, хронология, пути проникновения, местонахождение и назначение которых подробно рассмотрены в работах В.Н. Чернецова, В.Ю. Лещенко, В.П. Даркевича, Н.В. Федоровой и других авторов. Безусловно, предметы восточной торевтики представляют собой не только прекрасные образцы средневекового искусства, но ценнейший исторический источник. На территории Сургутского Приобья в настоящее время, например, известны находки более двух десятков драгоценных серебряных сосудов X-XIV вв. Однако в настоящей работе не имеет смысла рассматривать эти памятники ис-

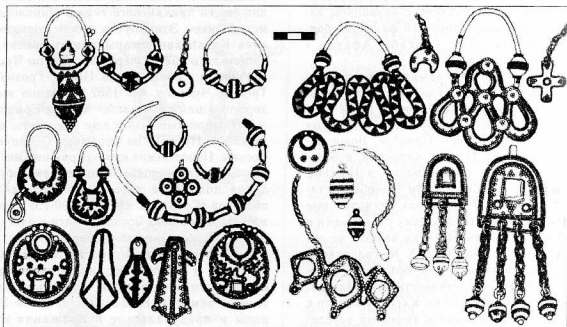

Рис. 100. Болгарские ювелирные изделия из серебра и золота в Зауралье.
(По материалам Н.В. Федоровой.)

кусства, в силу их отменной изученности.

Для настоящего исследования больший интерес представляют болгарские украшения, бытовые и иные предметы, собранные на памятниках Зауралья, лесного Прииртышья, Нижнего и Среднего Приобья.

2.1. Болгарские украшения в Зауралье

Большинство болгарских украшений - серьги, очелья, височные кольца, лунницы, браслеты, подвески, поясная гарнитура, бусы, гривны, найденные в Зауралье, сделаны из серебра и богато декорированы зернью, сканью, шатонами, украшены чернью и золочением (рис. 100).

Одно-, трех-, пятибусинные височные кольца XI - нач. XIV вв. встречены в могильниках Ликино, Кип, Аксенове, Ленк-Понк, Кинтусовском, на Сайгатинских могильниках, в материалах Барсова городка. Всего в Зауралье найдено около 50 бусинных серебряных височных колец болгарского производства (Федорова, 1990, с. 132). По технике изготовления и оформлению они аналогичны описанным ранее бусинным кольцам из Предуралья. Как правило, бусины состоят из двух половинок, соединенных гладким или скано-зерневым пояском, их по-

верхность украшена пирамидками зерни. На дроте-основе бусины закреплялись сканой проволокой. Многие бусины имеют золочение. Безусловно, что они принадлежат к продукции центральных (царских) ювелирных мастерских Волжской Болгарии.

А.А. Спицын описывает два золотых кольца с уточкой и желудеобразными бусинами, найденные у с. Никитского Верхотурского уезда, абсолютно аналогичных известной Майкарской находке (Спицын, 1906, с. 270). Вероятно, речь идет о золотых височных кольцах с уточкой, имеющих важное ритуально-сакральное значение для болгар (см. выше). Они не могли быть предметом обмена, и их находка свидетельствует о пребывании в верховьях р. Тура знатной болгарки в XII-XIII вв.

Хорошо представлены и височные подвески с грушевидным (булавообразным) окончанием, так же абсолютно аналогичные предуральским - на Сайгатинском I могильнике их встречено 3 экземпляра. Две из них принадлежат ко второму подтипу, а одно, имеющее на кольце-основе две дополнительные зернено-сканные бусины (УАЭ, № 182) - к третьему подтипу и аналогичны находкам в Вашкурском погребении на р. Чусовая. По материалам погребений эти подвески датируются в Приобье XI-XII вв..

Серебряные калачевидные серьги представлены 12 экземплярами, найденны в могильниках Ильчебага, Усть-Ишим, Ликинский, Кинтусовский, Барсов Городок,

Сайгатинском I, Ионинском II; на полуострове Ямал, Сайгатинском святилище. Такие серги, по данным Н.В. Федоровой, встречены в Зауралье в комплексах XI-XIV вв. Калачевидная лопасть серег, как правило, украшена двойным кантом из скани, пирамидками мелкой и средней зерни, весьма часто позолочена или проложена тонко расплюснутыми листами золота. Иногда серги имели дырочки по нижнему краю лопасти. Известна находка серги с привешенными к лопасти калачевидными привесками (Федорова, 1990, рис.2). В Ликинском могильнике найден образец более сложно украшенных серег - с напускными бусинами в местах крепления дрота к лопасти и шатоном для вставки в верхней части калачика. Возможно, болгарскими являются близкие по форме к вышеописанным гладкие серебряные калачевидные серги - серга такого типа встречена, например, в могильнике Барсов Городок. Медные подражания калачевидным сергам, которые изготавливались местными мастерами, также известны в Приобье.

Помимо калачевидных серег с Сайгатинского III могильника происходят две серги с ромбическим щитком, украшенным позолотой и чеканным черным орнаментом из плетенки и волютообразных фигур (Угорское наследие. №270).

Арочные подвески (6 экз.) встречены в комплексах XIII-XIV вв. Позолоченный, украшенный сканью и зернью щиток, с квадратным шатоном, снабжен с оборотной стороны крючком для подвешивания. Щиток у некоторых экземпляров позолочен. Внизу - три или четыре отверстия, обведенные сканями колечками, в которые продевались цепочки, сплетенные из восьмеркообразных звеньев, а на концах цепочек - бусины-подвески. Такие подвески использовались как наконечники, так же, как и их аналоги в Пермском Предуралье.

Лопастные подвески, их еще иногда именуют петлеобразными. По форме щитка разделены Н.В. Федоровой на три разновидности (Федорова, 1990).

Первая - подвески с волнообразно изогнутым щитком, встречены в количестве шести экземпляров в комплексах начала XII-XIV вв. Основная часть подвески - позолоченная серебряная лента, изогнутая тремя или четырьмя волнами и украшенная вдоль края сканью, а также иногда пирамидками зерни или умбонами, изготавливалась расковкой дрота. Иногда место перехода от дрота к ленте закрыто напускными бусинами.

Вторая разновидность - подвеска с трехлопастным щитком, составленным из трех ромбов с петлями внизу. Происходит из комплекса Сайгатинского святилища датируется XIII-XIV вв. Основа подвески была вырезана из такого тонкого листа серебра, что после наложения сканого декора на обороте пришлось поставить заплатки. Дрот, витой до середины, напавался с оборота расплюснутыми концами. Декор подвески состоит из поясков скани и крупной зерни вдоль края (сверху поясок зерни двойной) и выложенных сканью кружков в центре ромбов-лопастей. Позолота на щиток накладывалась в последнюю очередь.

К третьей разновидности относится фрагмент подвески с трапециевидным щитком, так же из комплекса Сайгатинского святилища, датируется XIII-XIV вв. Щиток подвески имеет форму трапеции, нижняя сторона которой оформлена тремя дугами с петлями для подвешивания каких-то дополнительных украшений. Щиток позолочен, декорирован сканью по краю и крупной зернью, выложенной, вероятно, сначала пирамидками, но впоследствии раскатившейся беспорядочно.

Происходящая из Барсова Городка аналогичной формы подвеска из бронзы, украшенная характерным для металлической пластики лесного Приобья жемчужным орнаментом, изготовлена, очевидно, местными мастерами.

Сомкнутые лунницы с отверстием (4 экз.) встречены в комплексах XIV в. Их чаще всего относят к типу круглых блях с отверстием (Н.В. Федорова). Щиток позолочен, по краю и вокруг отверстия проложена скань, поле щитка украшено зернью в виде розеток. На луннице с р. М. Сосьва все поле щитка заполнено беспорядочно скрученными отрезками скани. Над отверстием напаяно по два-три или больше крупных шарика зерни. У двух блях внизу расположен прямоугольный шатон. Лунница с р. М. Сосьва имеет по краю отверстия, по-видимому, для подвешивания дополнительных украшений. Лунницы из Зауралья имеют многочисленные аналогии в Пермском Предуралье, что указывает на пути их проникновения в Приобье.

Крестовидные бляхи (4 экз.) датируются XIV в. В Зауралье найдены мелкие бляхи такого типа, в Пермском Предуралье в XI-XIII вв. распространены более крупные образцы. Основа вырезана из тонкого листа серебра, по краям напаяны четыре двойных кольца скани, в центре их - крупный шарик зерни, обведенный также колечком

скани. В центре бляхи - круглый умбон, по углам от него - крупная зернь, более мелкая обводит умбон по кругу. На обороте припаян крючок.

Лапчатые подвески, всего их найдено 22 экземпляра. Время их бытования - XIV в. По форме напоминают лапку водоплавающей птицы. Подвески подобной формы, но бронзовые, литые, с имитацией зерни и скани известны в зауральских комплексах с ХП в. Драгоценная поздняя разновидность явно произведена ювелирами Болгарии по местным образцам. Таким образом, болгарские ювелиры и в ордынское время сохранили традицию изготавливать на продажу украшения, имманентные территориям-потребителям. Все сканные лапчатые подвески имеют позолоченный щиток, вдоль краев обведенный двумя нитками скани. Различаются они по сканому декору внутри щитка и способу крепления: одни подвешивались с помощью обычного крючка, припаянного с оборота, другие сверху имеют круглое отверстие, обведенное колечком скани. Один раз зафиксирована штриховка щитка перед наложением позолоты. Четыре лапчатые подвески украшены сверху тисненым круглым умбоном, еще четыре имеют по бокам рогообразные выступы, а внизу колечки, в которые продевались цепочки с шумящими подвесками.

Мелкие украшения: бусы, бусины-подвески, каплевидные подвески, бубенчики употреблялись самостоятельно или служили частью составных украшений, например, шумящих подвесок, встречаются в комплексах начиная с XI и до середины XV вв.

Наиболее массовой категорией (более 50 экз.) были бусы и бусины-подвески. Боченковидные и желудеобразные серебряные бусы XI-XIII вв., украшенные поясками скани и зернью, обнаружены в могильниках Ирча, Ликино, Кинтусово, Сайгатинских могильниках, на городище Искер, на Шайтанском мысу у г.Березова (ТМ, № 1063). Исполнены они в той же технике, что и напусковые бусы височных колец. Бусины-подвески крепились к одежде или составному украшению с помощью дужки, сделанной из серебряной пластинки, согнутой петлей, концы которой пропускались в отверстие в верхней полусфере подвески. На нижнюю полусферу напаявался крупный шарик зерни. Часто использовались половинки бусин (скано-зерновые колпачки, некоторые с круглым шатоном), напаянные в виде умбонов или прикрепленные петлей к основе. Таким образом, например, декорировано очелье Эсского могильника. Еще одно очелье, ук-

рашенное 4 скано-зерновыми колпачками и чеканным черным орнаментом из плетенки и волютообразных фигур по золотому фону найдено в Сайгатинском III могильнике (Угорское наследие. №274,275).

Каплевидных подвесок известно 14 экземпляров. Из листа серебра вырезался щиток каплевидной или округлой формы, золотился, по краю прокладывались две нитки скани, отверстие сверху обрамлялось сканым колечком, такое же колечко украшало центр подвески. Через отверстие пропусклась цепочка из восьмеркообразных звеньев, с помощью которой подвеска крепилась к какому-либо украшению (например, к калачевидной подвеске). Серебряных со сканью бубенчиков немного - всего 5 экземпляров. Кроме того, в качестве деталей составных украшений использовались подвески-лунницы и крестообразные подвески, изготовленные из серебра по традиционным местным бронзовым образцам. Их встречено по 2 экземпляра в комплексах XIV-XV вв. Щиток подвесок позолочен, по краю проложена нитка скани, сквозь сканую петлю продета цепочка из восьмеркообразных звеньев.

Хорошо представлены в Приобье и находки болгарских драгоценных браслетов XI-XIV вв.:

- плетеный браслет, концы которого украшены шатонами с эмалевыми вставками, из кладки на р. Сыня,

- обломок серебряного пластинчатого браслета с шатоном на расширенном округлом конце из городища Шеркалы, имеющий аналогии в материалах ряда Прикамских кладов XI-XIII вв.,

- два образца двусторчатых браслетов, украшенных катушечной филигранью и зернью, с Сайгатинского III могильника, их створки, разделенные нитками катушечной филигранны на два плоских лотка, украшены двучастной плетенькой, выполненной точечным чеканом на черном фоне и позолочены. Браслеты аналогичны браслету найденному в Прикамье у д. Сартаково. По Сайгатинским материалам браслеты датированы XIII в. (Угорское наследие. № 274, 275).

Своеобразным украшением рук, судя по материалам богатого женского погребения XV в. Эсского могильника, были овальные пластины-щитки с первоначальным назначением для защиты руки от удара тети. Однако в этом погребении щитки, вместе с дровяными браслетами, служили украшениями рук.

Один из великолепных образцов бол-

гарского черногого дела представлен щитком, найденном на Сайгатинском святилище. Щиток имеет овальную форму, слегка согнут по длинной оси. Щиток украшен чеканными черными плетенками, растительным орнаментом, в центральном овале - парное изображение фантастических животных с закрученными хвостами, под брюхом животных имеются изображения стилизованных птиц. Черные орнаменты позолочены по контуру. На обороте имеется граффити, нанесенное местным художником. Щиток датируется XII-XIII вв.

Еще один образец из Сайгатинского IV могильника украшен черной, позолотой, гравированным орнаментом из двух перекрещенных полос со шнуровидным орнаментом, нанесенным точечным чеканом. Фон заполнен чешуйчатым орнаментом. По мнению публикаторов щиток имеет западно-европейское происхождение и датируется XII-XIII вв. (Угорское наследие. № 273).

Два серебряных щитка из Эсского могильника (Югорск. 1997.с.53) имеют орнаменты с крестообразными мотивами, один из щитков украшен овалом из валют, второй - ромбовидной плетенкой.

К редким видам украшений относятся болгарские серебряные цепи-гривны сложного переплетения, обнаруженные в могильнике Ленк-Понк и в Сургутском кладе, а также серебряная трапецевидная пластина с шатоном, орнаментированная зернью, из клада на р.Сыня в Нижнем Приобье, датируемые XI-XII вв. по аналогиям в Волжской Болгарии. Подобные цепь и подвеска встречены в синхронном Кичильковский I могильнике вымской культуры. На Барсовой горе найдена витая серебряная гривна глазовского типа IXв.

Поясная гарнитура болгарского и прикамско-болгарского происхождения представлена бронзовыми (из белой бронзы) и серебряными наборами накладок. На накладках имеется бабочковидный, растительный орнамент, интересные накладки с изображением львов, фантастических зверей. Серебряные накладки украшены черной, позолотой и имеют широкие аналогии в материалах Волжской Болгарии и Предуралья IX-XIVвв.

На городище Лорвож на Нижней Оби и у д. Савиной под Тобольском найдены

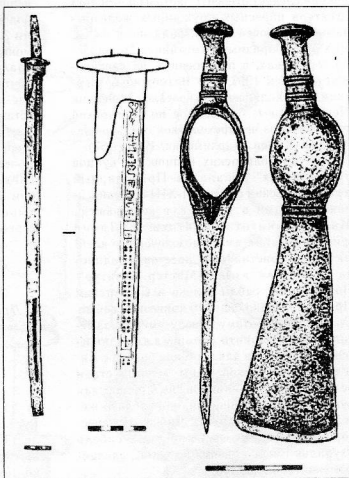

Рис. 101. Сабля с армянской надписью с верховьев р. Ляпин и боевой топор болгарского типа из городища Высокая Гора. (По А.П. Зыкову и В.М. Морозову).

серебряные нашивные пластины, аналогичные найденным в Вильгортском кладе в бассейне р.Вишера, выполненные в технике чеканки и датирующиеся, вероятно, второй половиной XIIв.

Особый интерес представляет находка на Сайгатинском IV могильнике серебряной бляхи с сокольничим, аналогичной вышеописанным бляхам Предуралья. По материалам могильника бляха датируется XIII-XIV вв. Обломки такой бляхи найдены также и на Ликинском могильнике.

2.2. Бытовые и иные предметы болгарского производства в Зауралье

Бытовые болгарские вещи встречаются в Западной Сибири в единичных экземплярах. На городище Искер близ Тобольска найден болгарский бронзовый замок XII-XIV вв. в виде лошадки (Пигнатти, 1915,табл IV). К числу болгарской ремесленной про-

дукции следует относить часть из почти двух десятков навесных пружинных железных замков и ключей к ним, найденных на самых разнообразных памятниках Приобья - на городищах, в погребениях, на святилищах (Югорск. 1997, с.19). Возможно, болгарским было калачевидное кресало с городища Перегребное-1, откованное по болгарской технологии из четырехслойной стальной заготовки (Зыков, Пархимович, 1988, с.157).

Через болгарских купцов и "купцов чулымских" попала на Приполярный Урал армянская сабля XII-XIII вв., найденная геологами в 1960-е г. в верховьях р. Малая Тынагота, притока р. Ляпин (рис.101). Сабля имеет позолоченные клейма в виде христианских крестов и надписи на армянском языке "Мастер Хачатур". Помимо этой сабли только в Сургутском Приобье найдено более 10 привозных сабель IX-XIII вв. По этому поводу уместно заметить, что ал-Гарнати упоминал как один из основных товаров для торговли болгар с жителями Зауральской Иуры "мечи из стран ислама... в виде клинков, не приделывая рукоят и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня...". Интересно, что большинство импортных сабель Зауралья имеет рукоят и ножи, сделанные местными мастерами.

Детали шкатулок в виде накладных чеканных серебряных пластин обнаружены в культовом месте на городище Лорвож на Нижней Оби.

В отличие от Пермского и Удмуртского Предуралья, где **болгарская керамика** обнаружена на большом числе памятников, в Зауралье находки ее единичны. Несколько фрагментов болгарской красноглиняной керамики найдено на городище Шеркалы. Обломки ручек и стенок болгарских гончарных кувшинов и корчаг XI-XIII вв. встречены на Старо-Лыбаевском городище на р.Тобол (Овчинникова, 1988, с.149). На городище Искер найдены фрагменты светлоржавного гончарного кувшина. Ручка с двумя профилированными желобками от кружковидного сосуда джукетауского типа светло-серого цвета, из глины с небольшой примесью мелкотолченой раковины найдена на городище кинтусовского этапа Уки II на Нижнем Иртыше.

В погребении 31 Сайгатинского III могильника был найден фрагмент шерстяного ковра восточного происхождения.

Важным показателем развития экономических связей считаются **монеты**. Однако письменные источники (арабская географическая литература XII-XV вв.) рисуют со-

вершенно своеобразный характер торговли болгар и "купцов чулымских" с народами Зауралья (см. выше). Поэтому находки монет конца I - начала II тысячелетия в Зауралье, Нижнем и Среднем Обь-Иртыше почти отсутствуют. Исключение составляют две находки - одна серебряная стертая, с остатками надписи западно-европейская монета IX-X вв. обнаружена в Шайтанской пещере у г.Издея, и 20 золотоордынских монет 1313-1362 г. входили в состав клада, найденного у д.Тереховой на р.Оше в Омском Прииртышье. Клад включал также четыре серебряных сосуда и два слитка серебра (Талицкая, 1953, с.272).

3. Древнерусский импорт в Зауралье и роль Предуралья в его распространении

Проблема взаимоотношений Древней Руси, Предуралья и Иуры (Югры) представляет особый интерес, поскольку она не только характеризует торгово-обменные контакты на северо-востоке огромного региона, но и позволяет ставить вопрос о времени проникновения русских в Сибирь, появления там их первых поселений, налаживания хозяйства, втягивания народов Сибири в орбиту русской государственности. Особенно актуальной эта тема стала в 1990-е годы, когда из чисто научной она неожиданно превратилась в этнополитическую.

Появление первых русских вещей в Зауралье относится, как и в Предуралье, к XI в., а наибольшее их распространение приходится на XII-XIV вв. (Могильников, 1991). Древнерусский импорт, по данным В.А. Могильникова, в Западной Сибири встречен на 30 городищах, поселениях, могильниках и местонахождениях иного рода (рис. 102).

Предметы древнерусского производства и изготовленные местными мастерами их подобию в Обь-Иртышье представлены следующими категориями материальной культуры: орудиями труда, принадлежностями быта, предметами вооружения; украшениями - различными подвесками, лунницами, височными кольцами, бусами, браслетами, перстнями. На трех памятниках встречена древнерусская керамика.

3.1. Древнерусские украшения в Зауралье

Украшения, как и предуральский и болгарский импорт, составляют большую часть коллекции древнерусской материальной культуры из памятников Зауралья. Среди них - перстни, браслеты, височные кольца, лунницы, кольцевидные фибулы, грушевидные и шаровидные бубенчики, бусы.

Перстни древнерусского происхождения и похожие на них перстни местного производства обнаружены в Ликинском могильнике - 5 экз. в пяти погребениях (Викторова, 1973, с.163), на городище Перегребное 1 - 3 экз. (Морозов, Пархимович, 1985, с.94, рис.3.13). Три перстня из Ликинского могильника и два перстня с городища Перегребное 1 относятся к типу пластинчатых широко-срединных замкнутых, датируемых на Руси от середины XI до начала XIV вв. Аналогичные перстни известны на памятниках Предуралья и Волжской Булгарии и, видимо, составляли часть трансбалтского импорта. К тому же времени могут быть отнесены бронзовые рубчатый и витой перстни с шестигранным щитком с городища Перегребное 1, украшенные растительными и геометрическими узорами и ложной зернью (Морозов, Пархимович, 1985, с.94).

Браслеты обнаружены в Ликинском могильнике - 4 экз., на городище Перегребное 1 - 1 экз. (плетеные - 3 экз. и пластинчатые - 2 экз.). Плетеные браслеты - медные, провололочные с обрубленными и петлевидными концами — найдены в Ликинском могильнике и по новгородским аналогиям датируются XI-XIII вв. (Викторова, 1973, с.163). Однако эти витые браслеты могли быть и болгарской продукцией. В Ликинском могильнике встречен медный пластинчатый тупоконечный браслет с сужающимися концами и орнаментом в виде двух поясков чеканных треугольников с кружочками и косыми крестами. Подобные

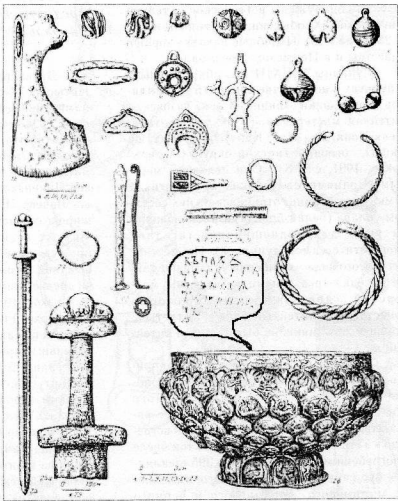

Рис. 102. Древнерусские вези из Зауралья
(по В.А. Могильникову).

браслеты в Новгороде относятся преимуще-
ственно к X-XI вв.

Вероятно, привозные (болгарские и древнерусские) пластинчатые браслеты явились оригиналом, на основе которого литейщики Прибоя стали отливать широкие браслеты обского типа с изображениями головы и лап медведя на концах, распространенные в XI-XIII вв. и считающиеся одним из этномаркеров обских угов.

Древнерусские височные кольца обнаружены на городищах Рачево II, Уки II и Ликинском могильнике. Относится они к типам бусинных и круглопроволочных с отогнутыми концами. В Ликинском могильнике найдена пара бронзовых колец с тремя напусковыми бусинками из переплетенных сканых проволочек, аналогии которым представлены в Рязанской земле, где датируются XI-XIII вв. Подобное кольцо встречено в Новгороде в слое второй половины XI в. (Седова, 1981, с. 14).

Мелкая кольчатая фибула из оловяни-

стого сплава, подобная новгородским XII-XIV вв. обнаружены в Тазовской литейной мастерской (Хлобыстин, Овсянников, 1973, С.255, Рис.2,16). Подобные находки хорошо известны и в Пермском Предуралье.

Лунницы XII-XIII вв., обнаружены в 8 пунктах в количестве свыше 15 экземпляров (могильники Ликино -3 экз., Тазовская литейная мастерская - 3 экз., Сайгатино, Ленк-Понк, Уна-Пай, Кинтусово, городище Уки II, бывший Тарский округ) (Могильников, 1991, с.82-83). Они являются местными копиями славянских круторогих и замкнутых лунниц, отличаясь от них составом сплава (белая бронза) и расположением ушка для подвешивания (в одной плоскости с самой лунницей). На местные литые этого вида украшений указывают также находки трех лунниц в Тазовской мастерской, два экземпляра которых представляли литейный брак, а у третьей, удавшейся отливки, не был зачищен литейный шов.

Стеклянные бусы древнерусского производства обнаружены на многих некрополях и в ряде поселений лесного Обь-Иртышья XI-XIV вв. Наибольшее количество бус - около 430 экземпляров - встречено в Усть-Ишимских курганах, в том числе в погребении кургана 13 было 395 стеклянных бус синего, зеленого, белого, лимонного, малинового, коричневого и черного цветов, а также синие бусы в виде когтя и лапы медведя (Конилов, 1984, рис.3,5,6). Обычно же количество бус на памятниках невелико.

Отдельные вещи древнерусского происхождения представлены на памятниках Обь-Иртышья единичными экземплярами. К ним относится антропоморфная бронзовая фигурка с рогом из Кинтусовского могильника (Чернецов, 1957, табл.XL,11), близкая по стилю подвеске из слоя середины XII в. в Новгороде и из святилища на ове Вайгач. М.В.Седова интерпретирует последнюю как изображение Перуна, а В.А. Оборин находки аналогичных фигурок в Прикамье и Вятском крае расценивает, вслед за Б.А.Рыбаковым, как свидетельство пребывания новгородцев в Предуралье. Однако, как уже указывалось выше, это скорее всего фигурка какого-либо финно-угорского божества.

3.2. Древнерусские бытовые вещи и предметы вооружения на памятниках Зауралья

Древнерусские топоры в лесном Обь-Иртышья XI-XIII вв. представлены на пяти памятниках (4 экз. - Ликинский могильник, погр.5,6,9,18; по 1 экз. - из Кинтусовского и Сайгатинского I могильников, а также - с городищ Рачево II и Тан-Варуп-Эква. По мнению А.П. Зыкова, топоры из могильников Ликинского, Сайгатинского I и городища Рачево II относятся к одному типу - с широко опущенным лезвием с выемкой. При этом все ликинские экземпляры, имеющие прямую верхнюю грань и пару боковых щекавиц в нижней части обуха, очень близки древнейшим новгородским топорам X-XII вв. (Зыков, 1987). Сайгатинский топор также с верхней плоской гранью, но без выступающих щекавиц, а рачевский - имеет более массивные пропорции и приподнятую верхнюю грань. Топор с симметричным лезвием из Кинтусовского некрополя подобен новгородским топорам второй половины XIII - начала XV вв.

Металлографический анализ топора с городища Рачево II показал, что топор откован из многослойной пакетной полосы по архаичной технологии не характерной для новгородских мастеров и, возможно, в подражание привозным древнерусским образцам сделан местными зауральскими кузнецами (Зыков 1986,с.129).

Железные кресала с памятников лесного Обь-Иртышья малочисленны, представлены: калачевидными, и двулезвийными овальными. Два калачевидных кресала с загнутыми наружу концами и намеченным подтреугольным выступом, датируемые по новгородским параллелям X-XII вв., обнаружены в могильниках Ликино и Барсов Городок. Кресала подобной формы у населения Сибири бытовали длительное время, вплоть до XVIIв..

Двулезвийное овальное кресало, подобное новгородским XII-XIII вв., найдено на Аксеновском могильнике в Прииртышье (Финно-угры... 1987,табл.LXXXI,5) На городище Перегребное I встречено короткое овальное кресало, тип которых бытовал с начала XIII в..

Вероятно, с древнерусским импортом связана находка западно-европейского меча XII-XIII вв. у д.Преображенка на р.Оми (Зыков 1987,с.144). По мнению А.П.Зыкова, ввоз этого оружия из Восточной Европы был, видимо, небольшим; и пользовались им, оче-

видно, знатные воины.

Возможно, при посредничестве болгарских и предуральских торговцев попала в Нижнее Приобье найденная около г.Березова серебряная позолоченная византийская чаша с древнерусской надписью XII в. "ВЪ ПОЛЬ ЧЕТВЪРШ ДЕСАТЕ ГРИВЪНЪ", поступившая в 1867г. в Эрмитаж (рис. 102, ф.26). Однако так как она была перекуплена у переселенца из Нижнего Новгорода, то сам факт её находки в Западной Сибири вызывает сомнение (Малоземова, 1997, с.81).

Большая часть древнерусских, западноевропейских и византийских предметов, найденных в Зауралье, имеют аналогии в материалах Предуралья. Такое совпадение, а также взаимовстречаемость болгарского, приуральского и древнерусского импорта на памятниках Предуралья наглядно демонстрируют роль торгового посредника, которую играло Предуралье по отношению к Обь-Иртышскому бассейну. Болгарские, предуральские и древнерусские изделия встречены на Ликинском, Сайгатинских, Усть-Ишимском, Ленк-Понк, Кинтусовском и других могильниках Зауралья, на городищах Рачево II, Уки II, Перегребное и других городищах и святилищах. На части этих памятников встречены предметы западно-волжско-балтийско-финского типов: Ф-видные шумящие пронизки характерные для корелы найдены на Ликинском и Кинтусовском могильниках и среди находок из бывших Карагайских юрт; в Кинтусовском могильнике найдена шумящая подвеска с арочно-решетчатой основой (Финно-угры... табл. ХС1,8), аналогичная мерянско-муромским украшениям; коньковая полая шумящая пронизка с основанием орнаментированным зигзагом, происходит из Сайгатинского IV могильника и аналогична водским и карельским пронизкам. Из района обитания веси поступили в Арганз,

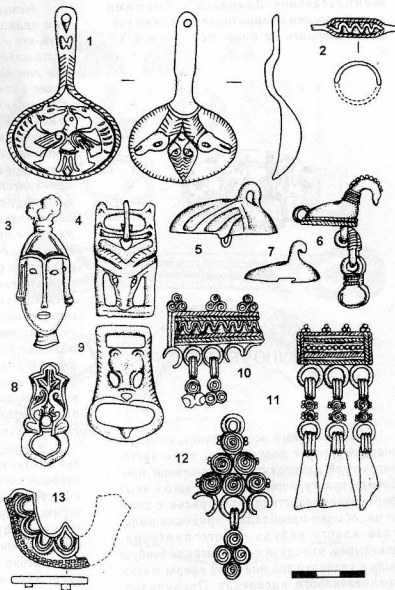

Рис. 103. Комплекс импортных предметов из Степановского (Пожвинского) могильника. Сборы А.В. Данича. ПОКМ.

Сайгатинский III и Ликинский могильник полые шумящие пронизки-уточки и баянчики; а из Костромского Поволжья - плоские привески-петушки. Все эти предметы встречены также и в Предуралье, что указывает на единый поток западно-волжско-балтийско-финского и древнерусского импорта в Зауралье через Пермское и Северное Предуралье. Сравнение болгарского и древнерусского импорта демонстрирует многократное преобладание первого над вторым. Это убеждает в том, что вплоть до окончательного ослабления Орды определяющими для населения лесного и лесостепного Зауралья были связи с Поволжьем, с её наиболее развитой территорией — Волжской Болгарией. Об установлении прямого экономического

взаимодействия Зауралья с бывшими древнерусскими территориями можно уверенно говорить не ранее чем с конца XV в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, в первую очередь следует подчеркнуть, что в археологической литературе, посвященной проблеме культурного, экономического и иных форм взаимодействия Предуралья с соседями, обычно преобладает традиция выделять какого-нибудь одного партнера, доказывая, что связи с ним сыграли особую роль в развитии той или иной сферы жизни средневекового населения Предуралья. Обычно пальму первенства пытаются разделить между Болгарией и Русью; анализ связей Предуралья сводится к выяснению того, какое же из указанных государств сыграло в большей степени роль культурно-экономического донора. Вероятно, такой подход не соответствует подлинным задачам исторического исследования и значительно примитивизирует понимание социально-экономических процессов в средневековом Предуралье, искажает линию исторического развития предуральских народов.

При наиболее продуктивном подходе необходимо, анализируя взаимодействие Предуралья с соседними народами и государствами, пытаться выделить определенные этапы в развитии этих связей, оценить роль той или иной территории в этом взаимодействии в определенный исторический период, не отрывая это направление взаимодействия от всех иных.

Исходя из такой посылки, на основании приведенных материалов, легко заметить, что в период средневековья достаточно долго определяющей для народов Предуралья линией взаимодействия было направление связей - вдоль Камского торгового пути с нижекамскими-средневожскими землями и далее на юго-запад. С IX в.н.э. на этой линии связей возникает мощное феодальное государство - Волжская Болгария, которая на несколько столетий стала доминантой не только в этнокультурном взаимодействии предуральских народов с их окружением, но и определила в целом исторические пути развития огромного региона - от берегов Оби до Верхней Волги. Параллельно с этим взаимодействием народы Предуралья в той или иной степени оказались втянутыми и в объективный процесс соперничества между двумя типами феодальных государств и в итоге находились под воздействием обеих моделей развития феодализма.

На основании изложенного материала можно выделить определенные периоды в развитии взаимодействия средневекового Предуралья со своим окружением.

В период VII-IX вв. народы Предуралья восстанавливают разрушенную Великим переселением народов систему своих связей с Востоком. В обмен на пушнину на территорию Предуралья устремляется поток восточного, прежде всего иранского и византийского, художественного серебра. В этом потоке восточных импортов в Предуралье идут и разнообразные наборы поясной гарнитуры, модные в то время в стели, украшения, оружие как с далекого жаркого Востока, так с достаточно близких территорий салтовских племен. Продолжают сохраняться и традиционные связи с родственным населением Зауралья и Сибири. Вполне вероятно, что активизация связей Предуралья с Востоком была обусловлена появлением в Предуралье в IV-VI вв. угров - пришельцев из зауральских лесостепей и степей, которые выступили своеобразным катализатором в реанимировании торговых связей Предуралья к VII в.

Наиболее показательны для определения активизации приуральской торговли монетные и монетно-вещевые клады и находки монет в могильниках и на поселениях Предуралья и прилегающих территорий. Признавая, вслед за В.Ю. Лещенко, В.П.Даркевичем, А.Е. Леонтьевым и другими исследователями, что основная часть сасанидских, среднеазиатских и византийских изделий поступила в Предуралье в VIII-

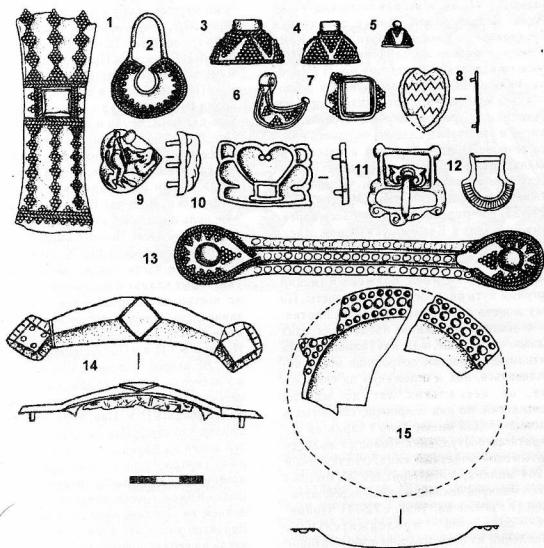

Рис. 104. Комплекс привозных предметов из Степановского (Пожвинского) могильника. Сборы А.В. Данича. ПОКМ.

XII вв., можно относить начало этих связей и первые поступления серебра к VI-VII вв. Не противоречит такой дате ряд наиболее ранних кладов. Так, В.Ю. Лещенко датировал Вереинский клад 1872г. с монетами Хосрова II (591-628 г.), серебряным браслетом, рубчатыми серебряными и золотыми кольцами - концом VII-началом VIII вв. (Лещенко, 1971а, с.31-32). Шестаковский клад 1851г., содержащий наиболее поздние монеты Хормизда IV (579-590г.) и Варахрана VI (590-591г.), а также шумящие арочные подвески, гривну-цепь, золотые и серебряные перстни, каменные бусы уверенно может быть датирован серединой - второй половиной VIIв., а не VIII-IXвв., как это предлагал В.Ю. Лещенко. Сокрытие Бартымского клада 1950г. из серебряной чаши с гексаграммами Ираклия (610-641г.) прак-

тически не имеющих следов использования или долговременного хранения (Бадер, Смирнов, 1954) имеет резон объединять с событиями второй половины VIIв., с которыми связаны гибель Бартымского поселения, расположенного на этом месте. По мнению исследователей Бартымского поселения его гибель произошла в середине или, что более вероятно во второй половине VIIв. (судя по составу вещевого материала поселения и коллективных захоронений на его площадке) в результате какого-либо вооруженного столкновения (Голдина, Водолаго, 1990, с.46). В.Ю. Морозов, предлагающий разделить Бартымский клад на вещевые и монетный, считает, что его также можно датировать серединой-второй половиной VIIв. (Морозов, 1996, с.157).

Ю.В. Морозов выделяет две волны про-

никновения сасанидской драхмы в Предуралье: VI-VII вв. и вторая половина VIII - IX вв. Вероятно, что драхма попадала в Предуралье по Камскому пути, так на Каме и Волге в районе их слияния отмечено 11 пунктов находок сасанидских монет (Морозов, 1996, с.149). Конечным пунктом долгого пути монеты Морозов считает отрезок Камы между устьями Обвы и Чусовой. Вероятно в этот район следует включать нижнее течение Обвы и Чусовой и бассейнов р. Сылва, хотя на Сылву часть монет могла поступать и степным путем, через степи Южного Урала и Казахстана (Массон, 1971, с.227-234). Интересно и то, что бассейн рек, примыкающих к Каме на указанном отрезке является основным районом размещения харинских курганов IV-VI вв. Однако основное значение имел Волжско-Камский торговый путь распространения монеты. По нему монета поступала крупными партиями и оседала в кладах, представляющих родовое сокровище, или накапливались на святилищах. Родовые сокровища могли накапливаться, как и отложения на святилищах, от нескольких лет до многих десятилетий, но ряд сокровищ, сокрытых в родовых кладах имеют явный характер однократного поступления. Таковым являлся Бартынский монетный клад, составленный из 264 миллиарсиев Ираклия из которых 59 экземпляров чеканены одной парой штемпелей (Казаманова, 1957, с.72-74). Примером сокровищ продолжительного накопления из относительно новых находок в данном районе (нижнее течение Чусовой) может служить клад (или комплекс святилища), найденный при исследовании ананьинского Усть-Сылвенского городища. Этот клад включал в себя 7 гексаграм Иркалия и Константина 610-641г., драхму Хосрова I (531-579г.), драхму Хормизда IV (579-590г.), монету безымянного хорезмийского царя I-й четверти VIIв., монету Бравика VIIв., 200 каменных и стеклянных бус, фрагмент серебряного с золотым шатоном перстня, аметистовую вставку, серебряную шумящую арочную подвеску, бронзовую бляшку с изображением ящера в Пермском зверином стиле и три монетные серебряные гривны (одна целая и два обломка) весом в 66, 42 и 31 г.

Из этого района монеты, как и вещевое серебро следовали вверх по Чусовой (Верейский II клад - в том числе 3 монеты) и Сылве за Урал, по Каме и далее по Вишеру (Веслянский могильник) и Печору (Хэйбидя-Педарское святилище), или через верховья Камы на р.Чепцу. Движе-

ние вверх по Каме и далее по её притокам маркируется, например, Ташкинским кладом 1892г. в верховьях р. Коса (Кочевский р-н), где найдено 12 монет Хосрова II (590-628г.). В Пермском Предуралье, кроме упомянутых монетно-вещевых кладов, монеты V-VIII вв. найдены в составе Патравского клада (медный сосуд с монетами), Ковинского клада (2 сосуда и 11 монет), Редикарского II клада, Чердынского клада 1846г. (чаша и 11 сасанидских монет), Вишерского клада 1893г. (помимо вещей 12 монет VI-IXвв. в том числе арабские дирхемы и 2 сасанидские монеты). Вероятно, определенную роль в возрождении Камского торгового пути, как части Волго-Камского Великого торгового пути, сыграла Хазария. Во всяком случае часть драхм (византийских) в указанных кладах и местонахождениях могла поступить в Предуралье как торговый эквивалент хазар, которые получили драхмы в уплату за участие в войне Византии с Ираном в VII в. (Пастушенко, 1997, с. 36).

Во второй половине VIII-IX вв. драхма поступает в Предуралье вместе с куфическими дирхемами. Примесь хорезмийских монет конца VII-VIII вв. убедительно доказывает, что связи Предуралья с Востоком в это время не прекращались и не ослабевали не смотря на постоянные военные столкновения ранних болгар, переселявшихся в Волго-Камье, с именьковским и иным населением на Средней Волге и Нижней Каме. Вероятно уже в это время именно болгары взяли на себя основную роль торговых партнеров, во всяком случае о том, что торговые операции в это время не прекращались свидетельствуют находки драхм этого времени на Волге и Нижней Каме (например Благодать I); две такие находки сопровождаются археологическим материалом (Морозов, 1996, с.149).

Уже в середине IX в. население Предуралья приобрело нового торгового партнера - болгарские племена Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, вытеснившие отсюда протомадьяр и племена именьковской культуры. Болгария достаточно быстро перехватила роль торгового посредника у Хазарии, что сыграло свою роль в гибели каганата. Предуральские племена (поломские, неволинские и ломоватовские) оказались втянутыми не только в экономические, но и в политические (возможно и военно-политические) контакты с формирующимся населением Волжской Болгарии. Возможно, что одной из причин быстрого налаживания тесных отношений между Болгарией и Предуральем стало и то, что бол-

гарские племена, переселявшиеся на Волгу и Каму, были уже на протяжении нескольких столетий известны предуральцам как торговые партнеры.

Все периоды поступления дирхема в Европу оставили свои следы на предуральских землях. Особенно показательны в этом отношении третий и четвертый периоды обращения дирхема (по В.Л. Янину). Именно в эти 100 лет (X в.) была сокрыта

Рис. 105. Меновая торговля. С гравюры XVI в.

большая часть кладов в Волжской Болгарии и в Предуралье. Если в первый период обращения дирхема Волжско-Камский торговый путь попадания этой монеты в Предуралье маркирует только один клад (Элмед), то на третий период приходится 9 кладов, а на четвертый - 7 (по В.Л. Янину).

Собственно в Предуралье (в соответствии с имеющейся литературой) кладов куфических монет не так уж много. К периоду первого и второго обращения дирхема относятся три клада в Удмуртском Предуралье: Глазовский клад 1850г. (мл. монета - 784г.), Ягошурский клад 1867г. (мл. монета - 843/4г.), Лесогуртский клад 1961г. (мл. монета - 841/2г.). Наиболее крупным является Ягошурский монетно-вещевой клад - 1500 монет, серебряный слиток, серебряный кувшин (Кропоткин, 1978, с.114-115). Лесогуртский клад помимо монет включал в себя серебряную шкатулку, 23 медные пластины, 2 гривны глазовского типа (Иванов, 1998, с.111).

Однако в Пермском Предуралье, помимо хорошо известного в литературе Аниковского клада 1860г. из Чердынского уезда (50 монет начала X в.) (Янин, 1956), имеется еще ряд не учтенных в нумизматической литературе кладов дирхема. Так, в сводке монет из Спицынских "корочек" учтены: клад из Чердынского уезда 1860г. из 6000 арабских монет, Чердынский клад из 49 монет 895-908 г. (Спицын архив, д. 362, л.128, 135), клад из с. Макар (Майкар?) более 1000 дирхемов (Спицын архив, д.366). Теплоуховы в своем "Дневнике" сообщают о монетно-вещевом кладе в д. Коча Губинской волости, где найдены складные весы и не-

сколько десятков монет, целых и обломанных (Теплоуховы, с.572). Клад в 217 арабских монет IX-X вв. найден в 1949г. у д. Горбуново, неподалеку от Редикарского городища (ЧКМ №244,245).

Таким образом по количеству кладов и монет в них Пермское Предуралье выделяется в Волго-Уральском регионе. К сожалению основная масса этих кладов не стала частью каких-либо музейных собраний. Такая судьба была, видимо, у подавляющей части монетных и вещевых кладов из драгоценных металлов, найденных в Пермской губернии. А.Е. Теплоухов дал интересное пояснение судьбе таких находок: "Находимые в Пермской губернии серебряные вещи привозили в Вятку, где, как сказал И.Кривошеков, братья Агафоновы в иной год перерабатывали до 30 пудов серебра и 20 пудов золота на разные образки и прочие вещи. По их словам серебряные вещи, находимые в земле из хорошего серебра, лучше чем наше, оно лучше плавится и меньше чернеет на воздухе. Поэтому находчики серебряных вещей и перекупщики везут его в Вятку" (Теплоуховы, с.194). В руки собирателей древностей и ученых попадали только вещи и монеты от особенно преданных или хорошо им знакомых находчиков. Интересно, что традиция переплавлять и переделывать вещи из драгоценных металлов на свои нужды зафиксирована у крестьян Пермского Предуралья еще в XVIII в. капитаном Рычковым и существовала очень долго. Уже в 1895г. были переделаны в брошь и серьги, для одной из дочерей графа Строганова, редчайшие золотые кольца с уткой, найденные в Майкаре. К сожалению в кон-

це XX в. монетные и вещевые клады также большей частью проходят мимо рук исследователей и являются предметом активной антикварной торговли.

Еще более показательны данные об отдельных находках монет на поселениях и могильниках. На Чепце в Удмуртском Предуралье монетные находки VII-XI вв. представлены на могильниках Варнинском, Мыдланшай, Поломском I, Качкашурском (6 серебряных дирхемов и 5 медных фельсов), Омутницком (5 дирхемов), Солдырском Чемшае (несколько экз.), Тылыском; на городищах Иднакар (5 монет), Дондыкар (6 монет) и у д. Укан (5 монет) - всего, вместе с кладами на Чепце, учтено, по данным М.Г. Ивановой, более 2 тысяч восточных монет VII-XI вв. (Спицян, 1893, с. 80; Янина, 1962; Семенов, 1980; Иванова, 1994, с. 155; Иванов, 1998, с. 11-112, 128-129). В Пермском Предуралье восточные монеты VII-XI вв. найдены при раскопках городищ Роданово (3 монеты IX-X вв.), Саломатовское (1 целый и 1 обломок дирхема), Аношкар, Редикар, Рождественское (5 куфических дирхемов 913-974 г. и 1 медный фельс); на селищах Вакинском (около десятка), Телячий Брод (1 целый и 1 обломок), Рассолы; на могильниках Деменковском (погребения 8,63,64) Невольнском (погребения 1,19) Носковском, Телячий Брод (3 монеты VII-X вв.), Аверинском (5 дирхемов VIII-X вв.), Рождественском (23 дирхема), Огурдинском, Степановском. Всего вместе с кладами более 8 тысяч монет.

Саманидские дирхемы найдены и на ряде вымских памятников в Северном Предуралье, что, по мнению Э.А. Савельевой, связано с торговой деятельностью болгарских купцов, тем более, что на Кичилькосьском могильнике дирхемы найдены вместе со складными весами (Савельева, 1987, с. 167; Савельева, 1971, с. 194).

Среди арабских монет, найденных в Предуралье, в целом преобладают саманидские дирхемы. Обращают на себя внимание и находки медных монет, саманидского времени, которые шли в общем потоке и, вероятно служили прообразом для бронзовых монетовидных привесок. На распространение арабских монет через болгарских торговцев указывают находки вместе с монетами складных весов, аналогичных найденным в Болгарии, и монеты болгарского чекана вместе с арабскими монетами.

Максимальный приток арабской монеты в Предуралье приходится на X-XI вв.

Наряду с восточными монетами в тот же период в Предуралье поступает запад-

но-европейская монета. Особенно много таких монет собрано в Северном Предуралье, где их известно несколько десятков. Лишь в погребениях Кичилькосьского могильника их собрано более 50 экз. (Савельева Э.А., 1987, с. 167). В Пермском Предуралье таких находок около полутора десятков: англосаксонские монеты найдены в 1851 г. в окрестностях Чердыни, в Чаньвенской пещере, английский денарий 1042-1066 г. найден в погребении 267 Агафоновского II могильника, денарий Этельреда найден в погребении 103 Рождественского могильника. В Удмуртском Предуралье найдено 6 западноевропейских монет: в могильниках Чемшай и в Качкашурском, по две монеты в Весьякарском Бигершае и в Кабаковском. Такая раскладка западно-европейских монет наглядно демонстрирует их основной путь проникновения в Прикамье - через земли Новгорода, хотя находки таких монет известны и в Волжской Болгарии.

Монеты были лишь частью потока восточного и болгарского серебра в Предуралье, наряду с металлической и глиняной посудой, восточным и европейским оружием, бронзовыми и драгоценными украшениями, стеклянными и каменными бусами, тканями, напитками. В безмонетный период вместо монет в Предуралье поступают серебряные и золотые слитки небольших размеров - балыши и бурты. Ответный эквивалент из Предуралья был представлен невольниками, солью, мехами, слитками бронзы и, вероятно, различными продуктами питания (мед, отборное зерно, ценные сорта рыбы).

Второй период развития взаимодействия средневекового Предуралья со своим окружением приходится на X-XIII вв. Пермское Предуралье становится основным торговым партнером Волжской Болгарии, а с XI в., вероятно, начинает рассматриваться болгарами как часть этого государства. Во всяком случае, народы Ару, Вису и Чулыман платят царю Волжской Болгарии джизью и харадж - налоги, собираемые с жителей мусульманской страны, но не с мусульман. В XIII-XIV вв. группы болгар переселяются в Предуралье, спасаясь от монгольского разорения. Наиболее ярким подтверждением такого рода переселений служит надмогильная плита из д. Гордино Удмуртии и наименование одного из сел Пермского района - Болгары. В XII-XIII вв. вслед за переселением в Пермское Предуралье предков коми, что маркируется приходом вешей поволжско-прибалтийско-финского типа, в

Предуралье появлялись изделия северного древнерусского ремесла, преимущественно новгородского происхождения. Часть более ранних древнерусских предметов из южных центров поникает в Предуралье через посредничество болгарских купцов.

XII в. ознаменовался целым рядом болгаро-русских конфликтов, ареной которых становится Предуралье, а целью - борьба за экономическое и политическое влияние здесь и за контроль над Камским торговым путем. Следует, однако, заметить, что болгары стремились к развитию и укреплению организованной системы торгового взаимодействия с населением Предуралья, а основной целью Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества был дележ территорий для их ограбления. Закрепившись к XII-XIII вв. в Северном Предуралье, новгородцы и суздальцы считали Предуралье и Зауралье прекрасной ареной для грабительских походов за "данью" - т.е. за военной однократной добычей. О напряженной грабительской деятельности древнерусских ушкуйников красноречиво свидетельствует простое перечисление походов "за данью" в Предуралье: 1157, 1174, 1177 г., 1187г., 1193-94 г.; вероятно, что военными мероприятиями было ознаменовано строительство городка Устьяга в 1212 г. (так же как строительство Гляден в 1173г., за которым последовал поход 1174г. на Каму, Вятку и Чепцу); 1220г., когда на Капе "взяста много градков чудских". Лишь только первый поход новгородцев — 1092г. — был торговый. Вероятно это была разведка перед многовековым боем за "серебро закаменское" или "закамское". Нашествие на Болгарию и Русь монгол на время приостановило военно-грабительскую экспансию древнерусских центров. Но уже в начале XIV в. земли Предуралья и Зауралья стали рассматриваться как источник выплат в Орду; их ограбление и борьба за них между отдельными древнерусскими центрами разгорелась с новой силой: 1323г. - поход новгородцев на Югру, 1329 г. - еще один поход новгородцев (оба раза новгородцев затем "избиша" устюжские князья), 1324г. - Юрий Данилович "... шел на Пермь Великую и поиде по Капе реке", 1328г. - на Печору отправлены ватаги Ивана Калиты, 1333 г. - передача прав на ограбление Северного Предуралья от Новгорода Москве ("на черный бор ... взимать дани с пермские люди"), 1357г. - поход Самсона Колыванова "с други", 1364 г. - поход Степана Ляпы, в тот же год московский князь Дмитрий Иванович окончательно переводит устюжские земли под власть

Москвы, а в 1367г. приводит Северное Предуралье к присяге "люди пермские за князя же Дмитрея крест целовали, а новгородцам не норовили" (ВВЛ, с.257). Характерно, что основная цель походов XIV в. — Зауралье, т.е. арена наиболее активной деятельности болгар и "купцов чулымских" этого времени.

Такая активность древнерусских дружин, однако, не свидетельствует о раннем (XI-XIII вв.) появлении древнерусского населения в Предуралье. Исключением из этого стали земли Повычегодья, где опорные пункты Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества появились уже в XII в.; а также Вятская земля. В Пермском Предуралье выходы из Руси стали селиться не ранее XIV в. Это были небольшие группы беглецов из Орды, одно время жившие в бассейне Сылвы, и население Анфалова городка, возникшего в Верхнем Прикамье в самом конце XIV в.

Лишь после распада Орды Предуралье становится частью территорий, активно осваивавшихся переселенцами из Северо-Восточной Руси. Болгары в составе Орды, а затем казанцы сохраняли устойчивые экономические и политические связи с Предуральем и Зауральем вплоть до XV столетия. При этом в качестве основной магистрали по-прежнему использовался Камский торговый путь. Однако для русской колонизации Предуралья вплоть до середины XVI в. большую роль играли северные пути, только после падения Казанского ханства Кама и Волга стали служить дорогами для больших масс русского, тюркского и волжско-финского населения, устремившегося на освоение Предуралья и Зауралья.

ноябрь 1998-май 1999г.
Пермь-Снежинск

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Arne T.J. 1935. Barsoff Gorodok. Stockholm.
2. Aspelin J.R. 1877-1883. Antiquites du Nord finno-ougrien. Helsingfors.
3. Cilinska Z. 1975. Frautnschmuck aus dem 7-8. Jahrhundert im Karate becken.-Slovenska Archeologia. T. 23.
4. Jakimowicz R. 1933. O pochodzeniu ozdob srebrnych znadowanych w skarbach wesenohistorycznych.-Wiadomosci Archeologiczne. T. 12.
5. Jerni Nallinmaa-Luet. 1978.Jampere-Vilusenharju.// Karhunhammas 3.University of Turku. Turku.
6. Kivikoski. E. 1951. Die Eisenzeit Finnlands. T.2. Helsinki.
7. Nosov E.N., Jvsjannikov O.V.; Potin V.M. 1992.The Archangelsk Hoard // Fennoscandia archaeologica. IX. Helsinki.
8. Szafranski W. 1963. Jeszcze w sprawie pochodzenia wzenopolskiej biuterii srebrnej.- SA. T.10.
9. Zak J. 1967. "Importy" skandynawskie na ziemiach zachodnios' owianskich od IX do XI wieku. Poznan.
10. Агеева Р.А. 1990. Страны и народы: происхождение названий. М. 189 с.
11. Алисов Б.П. 1936. Географические типы климатов // Метеорология и гидрология. №6.
12. Амелькин А.О. 1987. Знак на грёбе с городища Иднакар (к вопросу о начальном этапе русско-удмуртских контактов)//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: Изд-во УдГУ. С.107-113.
13. Археологические памятники...1996. Археологические памятники Башкортостана. История культуры Башкортостана. Вып.6. Уфа. 250 с.
14. Археология СССР.1984. Палеолит СССР./Под ред. П.И. Борисковского. М., 300 с.
15. Археология Украинской ССР. 1986, т. 3. Киев.
16. Архипов Г.А. 1984. Дубовской могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола. С.113-159
17. Архипов Г.А. 1986. Марийцы XII-XIII вв. Йошкар-Ола. 190 с.
18. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.. 1998. Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. Самара. 200 с.
19. Бадер О.Н., Оборин В.А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь. 230 с.
20. Бадер О.Н., Смирнов А.П. 1954. "Серебро Закамское" первых веков н.э. // Тр. ГИМ. Вып. 13. М. 26 с.
21. Белавин А.М. 1986. Городищенское городище на р. Усолка// Приуралье в древности и средние века. Ижевск. С.87-96.
22. Белавин А.М. 1987. Производственные поселки финно-угров Приуралья (по данным Березниковского археологического микрорайона). /Социально-экономические процессы у финно-угров Поволжья: Межв. сб. Морд.ГУ. Саранск. С. 87-99.
23. Белавин А.М. 1990.О раннем этапе болгаро-пермских контактов.// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань. С.125-130.
24. Белавин А.М. 1992.О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии в X-XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Материалы XI Уральского археологического совещания. Сыктывкар.
25. Белавин А.М. 1997.О локализации страны Вису в пермском Приуралье // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы международной научно-практической конференции.

- кой конференции. Кудымкар. С.87-96.
26. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 1996. Еще раз о локализации "стран и народов" средневековых арабских источников в Приуралье. // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях. Сарапул. С.40-44.
27. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 1997. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы международной научно-практической конференции. Кудымкар.
28. Белавин А.М., Мельничук А.Ф. 1986. Археологические памятники окрестностей г.Березники. Березники. 46 с.
29. Белавин А.М., Носкова Е.Н. 1989. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод // СА, № 2. С.253-256.
30. Белавин А.М., Оборин В.А. 1986. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X-XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. Казань. С.63-76.
31. Берс Е.М. 1948. Никито-Ивдельские находки. // Труды I Уральского археологического совещания. Пермь.
32. Берх В.Н. 1821. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.
33. Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М. 246 с.
34. Брашинский И.Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н.э. М.
35. Бубрих Д.В. 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.
36. Буров Г.М. 1984. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском Северо-Востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
37. Валеева Д.К. 1983. Искусство волжских болгар. Казань. 196 с.
38. Валеев Р.М. 1995. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX- начала XIII вв. Казань. 158 с.
39. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. 1987. Древнее искусство Татари. Казань, 230 с.
40. Васильева И.Н. 1993. Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. Екатеринбург. 180 с.
41. Васкул И.О. 1987. Курганное погребение эпохи переселения народов у с. Иб в Коми АССР. // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.
42. ВВЛ. 1958. Вычегодско-Вымская летопись. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар. Вып. 4.
43. Викторова В.Д. 1973. Ликийский могильник X-XIII вв. // ВАУ, вып. 12. Свердловск. С.137-174.
44. Винников А.З. 1995. Славяне лесостепей Дона в раннем средневековье. VIII-XI вв. Воронеж.
45. Генинг В.Ф. 1955. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья // КСИИМК. Вып. 57, М.
46. Генинг В.Ф. 1956. Романовский клад // КСИИМК. М. Вып.62.
47. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге. М. 220 с.
48. Голдина Р.Д., Голдина Е.В. 1997. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север. Киров. С. 5-23.
49. Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во ИрГУ. 280 с.
50. Голдина Р.Д. 1996. Силуэты растаявших веков. Ижевск.
51. Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск. 216 с.
52. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры. Иркутск: Изд-во ИрГУ. 167с.
53. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. 1988. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника // Погребальные памятники Удмуртии. Ижевск. С.39-61.
54. Голубева Л.А. 1964. Огнива с бронзовыми рукоятками. // СА. №3. С.115-132.
55. Голубева Л.А. 1966. Коньковые под-

- вески Верхнего Прикамья // СА. №3. С.80-98.
56. Город Болгар. 1987. Очерки истории и культуры./ Отв. ред. Г.А. Федоров Давыдов. М.
57. Город Болгар. 1988. Очерки истории и культуры./ Отв. ред. Г.А. Федоров Давыдов. М.
58. Город Болгар. 1996. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков./ Отв. ред. Г.А. Федоров Давыдов. Казань.
59. Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. 1948. Булгарское государство в домонгольское время. // Материалы из истории Татарии. Вып. 1. Казань.
60. Гришаков В.В. 1988. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце 1 тыс. н.э. // Материалы по археологии Мордовии. Саранск. С.71-103.
61. Гришкина М.В. 1994. Удмурты. Этюды из истории IX-XIX вв. Ижевск. 166 с.
62. Гумилев Л.Н. 1989. Древняя Русь и Великая степь. М.: Экспрос. 764 с.
63. Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. 1987. О первоначальном заселении Северо-Востока Европы (новые данные). Сыктывкар. 24 с. (Сер. препринтов "Науч. Доклады" /АН СССР, Коми фил.; Вып. 172).
64. Давлетшин Г. 1981. О географических и исторических знаниях волжских булгар. // Из истории ранних булгар. Казань.
65. Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М., 200с.
66. Жанполадян Р.М., Кирпичников А.Н. 1972. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // ЭВ. Т. XXI. С.23-29.
67. Древняя Русь. 1985. Город, замок, село. М.
68. Елагин В.С., Соболев В.И., Сидоров Е.А. 1988. Могильник Чулым-2. // Бараба в тюркское время. Новосибирск.
69. Записка о находке близ с. Кудымкарского у д. Пешнигорта серебряных вещей. 1901.- ЗРАО, н.с., XII, 1-2.
70. Заходер Б.Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М.
71. Зеленцова О.В. 1992. Шейные гривны средневековой мордовы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск.
72. Зыков А.П. 1987. Вооружение обских угров в XI-XIII вв. // Ранний железный век и средневековые Урал-Иртышского междуречья. Челябинск.
73. Зыков А.П. 1986. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса. // Проблемы урало-сибирской археологии. ВАУ. Вып. 18. Свердловск. С. 129.
74. Зыков А.П., Пархимович С.Г. 1988. Изделия из железа и стали городища Перегребное-1 // Материалы культуры древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 19. Екатеринбург. С. 157.
75. Иванов А.Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 308 с.
76. Иванов В.А. 1994. Откуда ты, мой предок. СПб. 180 с.
77. Иванова М.Г. 1985. Чепецкие древности. Устинов. 116 с.
78. Иванова М.Г. 1989. Основные этапы этнической истории северных удмуртов. // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
79. Иванова М.Г. 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск. 184 с.
80. Иванова М.Г. 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск. 192 с.
81. Иванова М.Г. 1995. Городище Иднакар IX-XIII вв.: материалы исследований территории между валами. // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск. С.4-55.
82. Измайлов И.Л. 1986. О русско-булгарских связях в области техники и военного дела. // Волжская Булгария и Русь. Казань. С.123-139.
83. Измайлов И.Л. 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X- начала XIII вв. Казань-Магадан. 260 с.
84. Изюмова С.А. 1972. Отчет об архе-

- ологических исследованиях в Тульской области в 1972г. // РуА ИА РАН, ф.Р-1, д.4941.
85. Ильин А.А. 1921 Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 62 с.
 86. Иностранцев К. 1908. К вопросу о "басме".// ЗВРОАО, т.XVIII, вып IV, Сп-б.
 87. История Коми АССР. 1981. Сыктывкар. 460 с.
 88. Казаков Е.П. 1991.Булгарское село -X-XIII вв. низовий Камы. Казань. 186 с.
 89. Казаков Е.П. 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. (этапы этнокультурной истории). Казань.270 с.
 90. Казаманова Л.Н. 1957. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Тр. ГИМ . М. Вып. 26. С.70-76.
 91. Канивец В.И. 1964. Канинская пещера. М.
 92. Кленов М.В. 1995. Ыджидьельское поселение.// Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар. С.82-91.
 93. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1994. Степные империи Евразии. СПб. 165 с.
 94. Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. Харьков, 347 с.
 95. Кокорина Н.А. 1983. Гончарные горны Билярского городища// Средневековые археологические памятники Татарии. Казань. С.64-83.
 96. Кокорина Н.А. 1995. Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974-1992 г.) // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск. С.56-71.
 97. Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей.// Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
 98. Конилов Б.А. 1984.Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья.// Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
 99. Корзухина Г.Ф. 1979. Об Одинах и кресалах Прикамья. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
 100. Кочуркина С.И. 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск. 348 с.
 101. Крopotкин В.В. 1986. Болгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Болгария и Русь. Казань. С.38-62
 102. Крыласова Н.Б. 1995. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника.// РА. №2. С.192-197.
 103. Крыласова Н.Б. 1997. Материалы по истории костюма коми, как источник по истории этнических процессов в Верхнем Прикамье. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар.
 104. Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочаров Е.О. 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. вып.1.
 105. Кулаков В.И. 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V-XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып.2. СПб.
 106. Культура Биляра. 1985. Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв./ Отв. ред. А.Х.Халиков М. 216 с.
 107. Кутаков Ю.М., Старков А.В. 1997. Пылаевский могильник.// Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург.
 108. Кызласов Л.Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
 109. Леонтьев А.Е. 1986. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. //КСИА. Вып. 183. С.3-9.
 110. Лесман Ю.М. 1994. Кашинские бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород.

- С.187-193.
111. Лехтосало Хиландер П.-Л. 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов. // Финно-угры и славяне. Л. С.81-92.
 112. Лешенко В.Ю. 1970. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья.// СА. № 3.
 113. Лешенко В.Ю. 1971. Восточные клады на Урале в VII-XIII вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук, Л.
 114. Лешенко В.Ю. 1971а. Восточные клады на Урале в VII-XIII вв.(По находкам художественной утвари). Диссертация ... к.и.н. Л. / / РуА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 2-д, № 110,111,112.
 115. Лыткин В.И. 1953. Из истории словарного состава пермских языков. // Вопросы языкознания. № 5.
 116. Макаров Л.Д. 1985. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
 117. Макаров Л.Д. 1997. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I - начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и русский север. Киров. С. 39-57.
 118. Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. 1995. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь. С.5-18.
 119. Макарова В.А., Халиков А.Х. 1986. Поливная или глазурованная керамика биллярского производства // Посуда Билляра. Казань. С.53-60.
 120. Макарова Т.И. 1986.Черневое дело Древней Руси. М. 200 с.
 121. Марков В.Н. 1994. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи её решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.
 122. Малоземова О.В. 1997. Торговля Руси с "Югрой и самоядью": Исторические мифы и археологическая реальность// Россия и Восток: археология и этническая история. Омск. С.80-83.
 123. Массон М.Е. 1971. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории Советских республик Средней Азии // История Иранского государства и культуры. М.
 124. Матвеев А.К. 1980. Географические названия Урала. Свердловск. 130 с.
 125. Медведев А.В. 1966. Ручное метательное оружие.// САИ. Вып. Е1 -36.
 126. Мейнандер К.Ф. 1979. Биармы.// Финно-угры и славяне. Л. С.35-45.
 127. Могильников В.А. 1991. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I - начале 2 тыс.н.э. // Проблемы археологии Евразии.М.
 128. Могильников В.А., Конников Б.А. 1983. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье. // СА. №3.
 129. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. 1980. Айдашкинская пещера. Новосибирск.
 130. Молчанов А.А. 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские JARTEGNER. // Всесоюзная конференция по изучению экономики, истории, языка и культуры скандинавских стран и Финляндии: тезисы, часть I. М.
 131. Морозов В.Ю. 1996. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1996. С. 148-164.
 132. Моця А.П., Халиков А.Х. 1997. Булгар-Киев. Пути-связи-судьбы. Киев.
 133. Мурыгин А.М., Королев К.С. 1979. Западносибирский этнический компонент на Печере и Выгегде в эпоху раннего железа и средневековья.// Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.

134. Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 163 с.
135. Недашковский Л.Ф. 1995. Некоторые виды бронзовых украшений с золотоордынского Увекского городища. // Из истории татарского народного искусства. Казань.
136. Недошивина Н.Г. 1974. Погребальный обряд вятичей XI-XIII вв. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 26 с.
137. НЛСМИ/ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.:Л., 1950.
138. Оборин В.А. 1957. Коми-пермяки в IX-XIV вв.(родановская культура). Дис. ...канд.ист.н. М.// РуА ИА РАН. №1403.
139. Оборин В.А. 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья.// ВАУ. Вып.9. Свердловск.
140. Оборин В.А., Балашенко Л.А. 1968. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации.// Уч. зап. ПГУ, №91, Пермь.
141. Оборин В.А., Мельничук А.Ф. 1989. Связи финно-угорских племен Прикамья со славянами в XI-XV вв.// Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. I.М..
142. Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь. 183 с.
143. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черккульская и межовская культуры). Екатеринбург.
144. Овсянников О.В. 1997. Русский Север: культуры и традиции северной тайги и тундры в позднем железном веке. // Шведы и русский север. Киров. С.23-39.
145. Овчинникова Б.Б. 1988. Старо-Лыбаевское поселение.// Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. /ВАУ. Вып.19. Екатеринбург.
146. Павлов П.Ю., Денисов В.П., Мельничук А.Ф. 1995. Палеолитические местонахождения с кварцитовым инвентарем в Верхнем Прикамье.//Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 13. Сыктывкар.
147. Падин В.А. 1976. Кветунский древнерусский могильник // СА. № 1.
148. Памятники истории и культуры Пермской области. Археология. Том I. Пермь, 1996.
149. Пархимович С.Г. 1991. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тыс.н.э. //ВАУ. Вып.20. Екатеринбург.
150. Пастушенко И.Ю. 1995.История населения бассейна р. Сылвы в первой половине второго тысячелетия н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 24 с.
151. Пастушенко И.Ю. 1997. Волго-Камский торговый путь в I тыс. н.э. // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции. Березники.
152. Пермский край. 1895. Пермь, вып. III.
153. Пигнатти В.Н. 1915. Искер (Кучумово городище)// Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. Вып. 25.
154. Посуда Биляра. Казань. 1986.
155. Похлебкин В.В. 1989. Международная символика и эмблематика. М., 186 с.
156. Прокошев Н.А. 1946. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев // КСИИМК. Вып.XII.
157. Прокошев Н.А. 1937. Погребение на р. Чусовой. // СА. Т.III. М.,
158. Путешествие Гарнати. 1971. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153)/ Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М.

159. Рычков Н.П. 1772. Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. С-Пб.
160. Савельева Э.А. 1971. Пермь Вычегодская. М. 222 с.
161. Савельева Э.А. 1985. Медальоны с восточными мотивами на Европейском северо-востоке. // Материалы к этнической истории Европейского северо-востока. Сыктывкар.
162. Савельева Э.А. 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л., 200 с.
163. Савельева Э.А. 1991. Роль Волжской Болгарии в развитии культуры Перми Вычегодской. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.95-110.
164. Савельева Э.А. 1995. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность. // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар.
165. Савельева Э.А. 1996. Европейский Северо-Восток накануне христианизации. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т.1. Сыктывкар.
166. Салангин Д.А. 1995. К вопросу о проблеме происхождения славяноидной керамики. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность. Глазов. С.14-15.
167. Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М. 327 с.
168. Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XIV вв.) М. 196 с.
169. Семенов В.А. 1981. Варнинский могильник // Новый памятник поморской культуры. Ижевск. С.5-135.
170. Славяне и скандинавы. М. 1986, 240 с.
171. Смирнов А.П. 1951. Волжские булгары. // Труды ГИМ, вып. 19, 277 с.
172. Смирнов А.П. 1964. К вопросу о месте производства шаманских привесок. // КСИА. Вып. 99.
173. Смирнов Я.И. 1909. Восточное серебро. СПб, 19 с., СХХХ табл.
174. Соколова З.П. 1975. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров. // Этногенез и этническая история народов Севера. М.
175. Соловьева Г.Ф. 1965. Отчет о работе Радимического отряда Приднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1965г. // РуА ИА РАН. Ф. Р-1, д. 2824.
176. Спицын А.А. 1893. Предуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып.1.
177. Спицын А.А. 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб, 109 с.
178. Спицын А.А. 1909. Татарские байсы. // ИАК, вып. 29, СПб.
179. Спицын А.А. 1918. Подготовительные материалы ко второму (не опубликованному) выпуску "Древностей Оки и Камы" // РуА ИИМК РАН, рег. III
180. Спицын А.А. 1906. Из коллекции Императорского Эрмитажа. / ЗОРСА. СПб. Т.VIII, вып. 1. С.270.
181. Старков А.В. 1990. Вооружение древних коми-пермяков X-XIV вв. // Проблемы регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период. Екатеринбург. С.46-58.
182. Стоколос В.С. 1978. Средневековое погребение на оз. Чойнавы // МАЕСВ. Сыктывкар. Вып.7.
183. Страницы истории Земли Пермской. 1996. / Под редакцией А.М. Белавина. Пермь, 196 с.
184. Талицкая И.А. 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. // МИА. № 35. М..С.272.
185. Талицкий М.В. 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. МИА, № 22, М. С. 33-96.
186. Тарakanов И.В. 1982. Об ис-

- торических связях удмуртов с другими народами по данным языка. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
187. Татищев В.Н. 1965. История Российской. М.:Л. Т.III.
 188. Теплоухов Ф.А. 1894. Древности Пермской чуди из серебра и золота и её торговые пути // Пермский край. Т. III.
 189. Теплоуховы. Археологический дневник А.Е. и Ф.А. Теплоуховых / / РуА ИИМК. Ф.48, д. 1,2.
 190. Терехова Л.М. 1983. Рачевский археологический комплекс// Проблемы урало-сибирской археологии. ВАУ. Вып.18. Екатеринбург.
 191. Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т.1.
 192. Тизенгаузен В.Г. 1947. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л. Т. 2.
 193. Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.140 с.
 194. Угорское наследие. 1994. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург.
 195. Фахрутдинов Р.Г. 1975. Археологические памятники Волжской Болгарии и ее территория. Казань. 219 с.
 196. Фахрутдинов Р.Г. 1984. Очерки по истории Волжской Болгарии. М.240 с.
 197. Федорова Н.В. 1991. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Л. С.5-9.
 198. Федорова Н.В. 1990. Булгарские сканные украшения Зауралья. / Ранние булгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
 199. Федорова Н.В. 1981. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы.// Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
 200. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. М., 510 с.
 201. Халиков А.Х. 1994. Монго-
 - лы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань. 163 с.
 202. Халиков А.Х. 1981. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах. // Из истории ранних булгар. Казань.
 203. Халиков А.Х. 1986.Сферокоинические сосуды// Посуда Биляра, Казань.
 204. Халиков А.Х. 1989.Татарский народ и его предки. Казань, 190 с.
 205. Халикова Е.А. 1976. Больше-Тиганский могильник // СА, № 2. С.120-140.
 206. Харитонов Д.Е. 1965. Булгарское медное блюдо из Чердынского района. // СА. № 1. С.303-306.
 207. Хвольсон Д.А. 1869. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеды бен Омар Ибн Даста. СПб., 199 с.
 208. Хеннинг Р.. 1961. Неведомые земли. М., том 2.
 209. Херрман И. 1978. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле. // Древняя Русь и славяне. М. С. 191-196.
 210. Хлебникова Т.А. 1962. Гончарное производство волжских булгар X - начала XIII вв.// МИА. № 111.
 211. Хлебникова Т.А. 1963. Еще одна находка булгарских ювелирных изделий. // СА. № 1.С.133-135.
 212. Хлебникова Т.А. 1984.Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М. 240 с.
 213. Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. 1973.Древняя "ювелирная" мастерская в Западносибирском Заполярье.// Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
 214. Хузин Ф.Ш. 1986. Лепная керамика.// Посуда Биляра. Казань. С.4-24.
 215. Хузин Ф.Ш. 1995. Великий город на Черемшане. Казань. 160 с.
 216. Чернецов В.Н. 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. №58. М.
 217. Чернецов В.Н. 1953. Бронза

усть-полуйского времени. // МИА.
№35. М.,

218. Шинаков Е.А. 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец. // СА. №3.
219. Шпилевский С.М. 1877. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань.
220. Югорск. 1997. От легенды до точки на карте. Екатеринбург. 180 с.
221. Янин В.Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М. 180 с.
222. Янина С.А. 1962. Куфические монеты из могильника Мыдланьшый // ВАУ. Вып.3. Свердловск. С. 129-139.
223. Янина С.А. 1962а. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // МИА СССР. № 111. С. 179-205.
224. Ястребов Е.В. 1970. Сведения о Приуралье и Уральских горах в описаниях арабских путешественников и географов X-XIV вв. // Уч. Зап. ПГУ. № 230. Пермь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГИАЗ - Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник

БКМ - Березниковский краеведческий музей

ГМТР - Государственный музей республики Татарстан

гор. - городище

ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Русского археологического обще-

ства

ИА - Институт археологии

ИАК - Известия Императорской археологической комиссии

ИИМК - Институт истории материальной культуры

КА - Кабинет археологии

КАЭ - Камская археологическая экспедиция ПГУ

КАЭЭ - Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГПУ

КГУ - Казанский государственный университет

КС ИА - Краткие сообщения ИА

КС ИИМК - Краткие сообщения ИИМК

ЛАИ - Лаборатория археологических исследований

ЛО ИА - Ленинградское отделение ИА

МАВГР - Материалы по археологии восточных губерний России

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

м-к - могильник

ПГПУ - Пермский государственный педагогический университет

ПГУ - Пермский государственный университет

ПОКМ - Пермский областной краеведческий музей

РА - Российская археология (журнал)

РАН - Российская Академия наук

РуА - Рукописный архив

СА - Советская археология (журнал)

САИ - Свод археологических источников

СКМ - Соликамский краеведческий музей

ТИЭ - Труды института этнографии

ТМ - Тобольский музей-заповедник

УАЭ - Уральская археологическая экспедиция УрГУ

УрГУ - Уральский государственный университет

УрО РАН - Уральское отделение РАН

ЧКМ - Чердынский краеведческий музей

ЭВ - Эпиграфика Востока

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Белавин Андрей Михайлович родился в семье российских интеллигентов, потомков двух провинциальных дворянских родов, 5 июля 1958г. в г. Перми. В 1959г. его семья переезжает в г. Свердловск (ныне Екатеринбург), а в 1960г. - в г. Челябинск-70 (ныне РФЯЦ г.Снежинск). Там, в этом «ядерном» городе, где 7/10 населения составляли ученые, он закончил школу № 125 и в 1975г. поступил на исторический факультет Пермского государственного университета, а в 1977 г. принял участие в своей первой археологической экспедиции. Это были раскопки в Соликамске и на родановском городище Острая Грива под руководством профессора В.А. Оборина. Судьба распорядилась так, что эти работы, в особенности исследования средневекового городища, по сути определили исследовательский выбор А.М. Белавина. Материалы раскопок Соликамска и других русских городов Прикамья были использованы А.М. Белавиным в выпускной дипломной работе, посвященной изразцовому делу Прикамья. В октябре 1979г., почти за год до окончания ПГУ, он поступил на работу в Пермский городской Дворец пионеров (ныне ПГДТЮ) в качестве руководителя Школы юных археологов формирующегося Научного общества учащихся. Первые занятия в ШЮА начались в середине ноября 1979г. По сей день А.М. Белавин руководит ШЮА, среди её выпускников археологи, историки и этнографы: к.и.н. Ю.Цыганов - научный сотрудник КНЦ УрО РАН, Е.Лычагина - педагог ПГДТЮ, к.и.н. И. Трушкова (Сереброва) - научный сотрудник Кировского музея, Э.Макаров - ст.научный сотрудник Коми-Пермяцкого краеведческого музея, Е. Бочарова (Комарова) - зав. кабинетом истории УрГПУ и многие другие работники вузов, школ, музеев, учреждений РАН.

В 1983г. А.М. Белавин был избран по конкурсу на преподавательскую работу на исторический факультет Пермского государственного педагогического института (с 1995г. педагогический университет) и прошел там все ступени преподавательской карьеры от ассистента до доцента (1992г.) и заместителя декана. В 1999г. кафедра Отечественной истории рекомендовала его к избранию на должность профессора кафедры. С этого же года А.М. Белавин руководит аспирантурой.

В 1985г. А.М. Белавин поступил в заочную аспирантуру при отделе археологии Казанского научного центра АН СССР. Его руководителем стал видный отечественный археолог, ученый поистине энциклопедических знаний и интересов, д.и.н., профессор А.Х. Халиков. Под его влиянием у А.М. Белавина сформировались многие творческие черты ученого. Законченную в 1988 г. кандидатскую диссертацию «Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв.», из-за реорганизаций научных учреждений, удалось выставить на защиту в ЛОИА РАН (ныне Санкт-Петербургский ИИМК) только в феврале 1992г.

С 1980 г. А.М. Белавин ведет самостоятельные археологические исследования в Пермской области. В 1981г. им была создана Пермская археологическая экспедиция ВООПИК, преобразованная в 1984г. в Камскую археолого-этнографическую экспедицию ПГПУ.

Главный итог научных исследований А.М. Белавина - выделение своеобразной юго-восточной территории ломоватовско-родановской общности в бассейне р. Чусовой и детальный анализ торгово-экономических и этнокультурных связей Пермского Предуралья эпохи средневековья. Через научное творчество А.М. Белавина проходит несколько интереснейших и важных тем: этногенез финно-угорских народов Предуралья, археология, история и этнография Прикамья с древнейшей поры и по XX век. Его смело можно назвать не только археологом, но и весьма разносторонним историком-регионоведом. Среди множества интересующих его проблем в последние годы наиболее актуальной является исследование вопроса об этнической принадлежности «пермских» древностей эпохи средневековья. Здесь в полной мере сказывается стиль научного мышления воспринятый им от А.Х. Халикова - сочетание автохтонизма и миграционизма и отставание того или иного начала в зависимости от конкретного археологического или исторического контекста. Привычка повергать сомнению казалось бы устоявшиеся взгляды заставила его пересматривать весьма далекие друг от друга проблемы: о появлении в Предуралье предков коми-пермяков, этапы вхождения Прикамья в состав Русского государства, о возникновении города Перми.

Перу А.М. Белавина принадлежит 71 научная работа, в том числе два учебных пособия по археологии и истории Пермского края «Страницы истории Земли Пермской», изданных тиражом в 110 тыс. экз. Поскольку учебники сопровождаются рабочими тетрадями и методическими разработками - эти издания представляют собой первый в Уральском регионе учебно-методический историко-краеведческий комплект для школы.

Н.Б. Крыласова

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРЕДУРАЛЬЯ	12
1. Изучение проблем взаимодействия народов Предуралья с соседями в XVIII- первой четверти ХХв.	12
2. Изучение взаимодействия племен Предуралья с соседями во второй трети- середине ХХ в.	16
3. Изучение проблемы связей населения Предуралья во второй половине ХХв.	19
ГЛАВА 2. ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И ПРЕДУРАЛЬЕ	25
1. Роль и значение Волжской Болгарии в средневековой истории Волго-Камья	25
2. "Страны и народы" Предуралья и Зауралья в арабской географии Волжской Болгарии	31
3. Ранний этап болгаро-предуральских контактов	35
ГЛАВА 3. БОЛГАРСКАЯ И ДРЕВНЕРУССКАЯ КЕРАМИКА НА ПАМЯТНИКАХ ПРЕДУРАЛЬЯ	43
1. Болгарская глиняная посуда на памятниках Предуралья	45
2. Древнерусская керамика в Предуралье	68
ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ И ВОСТОЧНЫЕ ИМПОРТЫ В ПРЕДУРАЛЬЕ	71
1. Болгарские украшения и подражания им	71
2. Вооружение, бытовые предметы и иные болгарские вещи	111
3. Орда и Предуралье	135
ГЛАВА 5. ЗАПАДНЫЕ СВЯЗИ ПРЕДУРАЛЬЯ	137
1. Древнерусская и поволжско-прибалтийско-финская материальная культура на памятниках Среднего Предуралья	144
2. Предуральская материальная культура в Европе	158
ГЛАВА 6. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАУРАЛЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ	162
1. Предуральский импорт в Зауралье	167
2. Болгарский и восточный импорт в Зауралье	173
3. Древнерусский импорт в Зауралье и роль Предуралья в его распространении	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	188
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	196

ББК 63.3 (2)

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Пермского государственного педагогического университета.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Иванов В.А. (Стерлитамакский госпедуниверситет); отдел археологии ЧНЦ УрО РАН

БЕЛАВИН А. М.

КАМСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: из-во Перм. гос. пед. ун-та. 2000.- 200 с.: с илл.

В монографии на материалах археологических, письменных и фольклорных источников реконструируются экономические и этнокультурные связи крупного региона России - Предуралья в IX-XIV вв. н.э.. Огромную роль в развитии этих связей сыграл Камский торговый путь- своеобразное продолжение Великого Волжского пути, способствовавший включению Предуралья в международную систему торговли эпохи средневековья.

Книга рассчитана на специалистов, студентов исторических факультетов, учителей, краеведов и всех, интересующихся прошлым Предуралья.

Научное издание

На обложке миниатюра XIII в.

ISBN 5-85218-067-X

© Белавин А.М., 2000.

© Крыласова Н.Б., иллюстрации, 2000.

© Пермский государственный педагогический университет, 2000.